

ЧЕЛОВЕК В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Самара
2018

ЧЕЛОВЕК В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Сборник научных трудов

Самара

Самарский государственный технический университет
2018

Печатается по решению ученого совета СамГТУ (протокол № 9 от 31.03.2017 г.).

ББК Ю6: Ю9 я4
УДК 159.9(06)
Ч-39

Ч-39 **Человек в условиях неопределенности:** сборник научных трудов в 2-х т. / Под общей и научной редакцией д.ф.н. *Е.В. Бакиутовой*, д.п.н. *О.В. Юсуповой*, к.пс.н. *Е.Ю. Двойниковой*. – Т. 2. – Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2018. – 247 с.

ISBN 978-5-7964-2090-4
ISBN 978-5-7964-2095-9

Сборник научных трудов посвящен описанию, анализу, эмпирическому и экспериментальному изучению актуализировавшихся во втором десятилетии XXI века концептов/феноменов «неопределенность», «жизнестойкость», «жизнеспособность» с философской, культурологической, психологической и педагогической позиций. В сборнике использованы материалы научно-практической конференции с международным участием «Человек в условиях неопределенности», 19-20 апреля, Самара, апрель 2018 г.

Статьи печатаются в авторской редакции.

ББК Ю6: Ю9 я4
УДК 159.9(06)
Ч-39

Рецензенты:

Ситников Валерий Леонидович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой возрастной психологии и педагогики семьи Института Детства ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»,

Разинов Юрий Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева»

ISBN 978-5-7964-2090-4
ISBN 978-5-7964-2095-9

© Авторы, 2018
© Самарский государственный
технический университет, 2018
© Ромаданова С.В., обложка, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 4. ФИЛОСОФСКИЕ, КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНА НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Вересов Н.Н.

Неопределенность и человеческая действительность: метафизические метафоры и метафорическая метафизика 6

Гарифуллин Р.Р.

Феномен неопределенности в Википедии и его роль в образовательной системе 12

Гефеле О.Ф.

Тревога как экзистенциально эмоциональная реакция на ситуацию опасности техногенного характера 18

Демин И.В.

Ю.М. Лотман о семиотике интеллигентского дискурса: методологический аспект 20

Дудина М.Н.

Феномен неопределенности: психолого-педагогический аспект 23

Кочеврова О.А.

Преодоление неопределенности внешнего и внутреннего миров человека 30

Красинская Л.Ф.

Преподаватель высшей школы в условиях конкуренции и профессиональной нестабильности 33

Лагунова Е.Н.

«Человеческий гуманизм» Анри Лефевра как преобразование повседневности 37

Ладыженец Н.С., Санникова О.В.

Фактор неопределенности в образовательной миграции современных абитуриентов 39

Лысикова Н.П.

Риски возрастания неопределенности в условиях виртуального общения 46

Марченко Ф.О., Маховская О.И.

Соотношение агрессии и нарциссизма в сетевых молодежных группах: на примере кибербуллинга (cyberbullying) 50

Нестик Т.А.

Коллективные страхи и проспективная рефлексия в условиях неопределенности 55

Пецева О.С., Самыкина Н.Ю.

Возрастные особенности толерантности к неопределенности 62

Пианицына О.А., Мурзина Н.П.

Традиционный и современный урок в начальной школе: проблемы и подходы к их разрешению 66

Рулина Т.К., Бакшутова Е.В.

За гранью социальности, но в плену интеракции 69

Сапогова Е.Е.

Случайность в автобиографических нарративах 72

Смирнова Ю.С.

Информационная неопределенность в условиях конфликта 77

Соколова И.С.

Человек и естественнонаучная информация: система научно-популярных книг как средство снятия неопределенности 83

Сухарев А.В.

Методология анализа ментальности в условиях кризиса культуры 86

Тимофеев Д.И.	
Динамические способности и неопределенность	90
Усова В.В.	
Связь эмоционального интеллекта и межличностной интолерантности к неопределенности	93
Фофанова Г.А., Бутыко А.Г.	
Толерантность к неопределенности у программистов	98
Харитонов М.В.	
Текущая неопределенность человека как состояние человеческого бытия	104

**РАЗДЕЛ 5. ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА В КОНСТРУИРОВАНИИ
ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ ПРОФЕССИОНАЛА В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ**

Баканов А.С.	
Принятие коллективных решений в условиях неопределенности	107
Бейлина Н.С.	
Деятельность куратора как фактор эффективной адаптации студентов младших курсов	110
Васильева С.Н.	
Профессиональная жизнеспособность государственного гражданского служащего в условиях неопределенности	114
Воронин А.Д.	
Проблема неопределенности в формировании и развитии спортивных качеств у борцов в учебно-тренировочном процессе (на примере формирования и развития познавательной активности)	118
Дорошко Г.П.	
Семантическая измеримость намерения специалиста разрешать неопределенности выбора	122
Климова А.С.	
Тенденции проектирования индивидуальных образовательных траекторий аспирантами вуза: результаты исследования	128
Ксенда О.Г.	
Подготовка специалистов в высшем образовании в условиях неопределенности	131
Лотарева Т.Ю.	
Концепция жизнеспособности в практике социально-психологического сопровождения замещающих семей	134
Марченкова Л.А.	
Применение активных методов обучения при проведении занятий в техническом вузе	140
Мельник Н.М.	
Формирование толерантности к неопределенности в процессе эволюционно-деятельностного образования	143
Михелькевич В.Н., Кравцов П.Г.	
Выбор тематики, структуры и содержания выпускной квалификационной работы в условиях неопределенности	147
Михелькевич В.Н., Радомский В.М.	
Холистический подход к поиску типовых эвристических подходов	150
Нестеренко В.М.	
Дидактика управления субъектом неопределенностью при организации деятельности	152
Рубцова Н.Е., Михалева Е.В.	
Психология конкурентоспособности специалиста по информационным системам в условиях цифровой экономики	157

Рябов В.Б.	
Субъективное качество жизни и психологическая жизнеспособность человека	159
Соловьева Е.А.	
Особенности решения профессионально-этических конфликтов студентами-архитекторами	165
Тарасова Е.В.	
Жизнестойкость, антихрупкость и жизнеспособность в профессии психолога-консультанта	170
Филатова Л.Э., Гализин Д.А.	
Мотивационные факторы трудовой деятельности педагогов в условиях модернизации системы образования в России	176
Чеканушкина Е.Д., Давликамова Э.И.	
Ценностные ориентации студентов технического вуза	179
Ярушкин Н.Н., Сатонина Н.Н.	
Условия надежности человеческого звена в системах «человек – машина»	183

**РАЗДЕЛ 6. СИСТЕМА «ЧЕЛОВЕК – ЧЕЛОВЕК» VS СИСТЕМА «ЧЕЛОВЕК – МАШИНА»:
ПОИСК ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ТЕХНОКРАТИЧЕСКОМ МИРЕ**

Айсина Р.М.	
Компьютерная диагностика и кибертерапия: новое пространство возможностей?	187
Астрейко Н.С.	
Изучение стиля вождения автомобиля в современном технократическом обществе	192
Жихарева А.А.	
Занятия с использованием информационно-коммуникационных технологий	194
Киселева Т.Г.	
Психологический анализ интернет-аддикции в подростковой и молодежной среде	199
Кислякова О.П., Афанасьев И.Ф.	
Психологическая характеристика лётного экипажа как системы «человек – человек»	209
Мельникова Д.А., Меркушев А.Д.	
Недостаток человеческого внимания в условиях технократического мира	212
Мельникова Д.А., Муллин А.А.	
Социальные сети – часть интернета, оказывающая влияние на развитие человека	216
Одинцова А.А., Сизова Н.А., Кленовцев В.А.	
Система «Человек – машина». Проблема распределения функций	218
Рябинова Е.Н., Дири М.И.	
Реализация организационно-методического сопровождения процесса формирования информационной культуры педагогов	220
Сусарев С.В., Сарбитова Ю.В., Герасименко А.А.	
Стремительная роботизация и автоматизация: дорога к полной независимости или технологическому рабству?	226
Улендеева Н.И.	
Особенности работы сотрудников – операторов пенитенциарной системы с техническими средствами контроля и надзора	228
Цурикова О.И.	
Взаимодействие профессионально-деятельностных сфер «человек – человек» и «человек – машина»	233
НАШИ АВТОРЫ	
	237

РАЗДЕЛ 4. ФИЛОСОФСКИЕ, КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНА НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

УДК 159.99

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ: МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ И МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МЕТАФИЗИКА

H.N. Вересов

Университет Монаш, Мельбурн, Австралия

На материале физики, лингвистики, физиологии, психологии и философии в статье рассматривается проблема неопределенности как фундаментального и необходимого условия свободного человеческого действия.

Ключевые слова: неопределенность, свобода, сингularity, Multiverse

UNCERTAINTY AND HUMAN REALITY: МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ И МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МЕТАФИЗИКА

N.N. Veresov

Monash University, Melbourne Australia

Drawing on physics, linguistics, physiology, psychology and philosophy, the paper explores the problem of uncertainty as fundamental and necessary condition of free human action.

Keywords: uncertainty, freedom, singularity, Multiverse.

**Мы знаем действия многих причин,
но мы не знаем причин многих действий.**

Ч.К. Колтун

Когда говорим или размышляем о неопределенности, то первое что приходит в голову, особенно если человек испорчен некоторым высшим образованием, это принцип неопределенности Гейзенберга. Давайте с него и начнём. Здесь для нас интересен не сам принцип, как фундаментальная характеристика физической реальности, но история появления этого принципа.

История эта началась, как известно, с кризиса в физике, который лучше бы назвать паникой в умах физиков под лозунгом «материя исчезла». А почему, собственно, материя исчезла? Просто в поле зрения учёных появились физические тела, которые не подчинялись законам классической механики, да так, что оказалось невозможным точно определить, каким законам они подчиняются, или вообще никаким не подчиняются. Если прочесть переписку великих физиков и другие доступные материалы на эту тему, а они опубликованы, то состояние умов физиков, царившее в то время можно выразить одной фразой из «Дневника писателя» Достоевского, сказанных, конечно, по совсем другому поводу: «Разум оказался несостоятельным перед действительностью» [3, с. 426]. Материя, конечно, никуда не исчезла, однако исчезновение всеобщей определенности, зависимости от определенных же законов, лежащих в основе материи, было воспринято как исчезновение самой материи.

Но, как известно, в конце концов, всё встало на свои места, когда появился принцип неопределенности Гейзенберга, а точнее, принцип соотношения неопределенностей. Мы, например, можем точно определить либо скорость (то есть, импульс), либо положение частицы, но никогда и то и другое одновременно с одинаковой точностью. Разум, что называется, восстановил свои права и свою состоятельность. И, как сказал другой хороший писатель, и

тоже совсем по другому поводу, «жизнь стала казаться более осмысленной и логичной. Ведь кошмар и безнадежность – еще не самое плохое. Самое ужасное – хаос» [2, с. 123]. Урок состоял в том, что пришлось признать, что неопределенность (неопределенность) какого-то одного физического параметра является условием, при котором только становится возможным определить какой-то иной физический параметр. И, что вообще еще более интересно, нам пришлось признать, что неопределенность проявляется лишь тогда, когда мы начинаем пытаться что-то определить.

Но не всем это пришлось по душе. Я позволю себе в этой связи вспомнить одно из высказываний Стивена Хокинга:

«Сам Эйнштейн не смог принять квантовую механику из-за связанного с ней элемента случайности и неопределенности. Он сказал: Бог не играет в кости. Похоже, что Эйнштейн ошибся дважды. Квантовый эффект черной дыры позволяет предположить, что Бог не только играет в кости, но и иногда бросает их туда, где их нельзя увидеть» [9, с. 118].

На это один мой знакомый астрофизик сказал не без иронии: конечно, он не играет в кости... Потому что он играет в покер.

Эта история поучительна тем, что мы порой приписываем реальности некоторые характеристики и через них определяем саму эту реальность и если что-то идет не так, и наши определители перестают работать, то для нас это выглядит как потеря, утрата самой реальности, что вызывает умственную панику и не только умственную. В этом смысле это пример сингулярности, то есть такого состояния, когда быстрые изменения приводят к тому, что старые объяснительные схемы-определители просто перестают работать. К сингулярности мы еще вернемся, а пока перейду ко второй метафоре.

Моя вторая метафорическая история связана с известной китайской пословицей «Не дай вам Бог жить в эпоху перемен», которую приписывают Конфуцию, но на самом деле это такое изысканное ругательное пожелание – «Чтоб ты жил в эпоху перемен!». Но вот знаменитый буддийский исследователь Пема Чодрон показал в своей книге, что на самом деле в этом «приятном» пожелании говорится не столько об эпохе перемен, сколько об эпохе неопределенности [10]. Перемены происходят постоянно и даже порой перемены к лучшему, и этим китайца не напугать, но перемены и неопределенность – это, как говорят в Одессе – две большие разницы. Неопределенность невыносима и потому заставляет определять жизнь заново и заново самоопределяться и потому пугает, даже еще не наступив.

Язык – хранитель метафор, а сильные метафоры порой могут сказать нам много больше, чем научные определения и концепты. Самая знаменитая метафора – это, конечно, платоновская пещера с тенями – в ней вся понятийная сторона его философии выражена в сжатой образной метафорической образно-языковой форме. Но я буду говорить не о философско-метафизических метафорах, а скорее, о грамматически-смысловых.

В английском языке есть два слова, означающие неопределенность – *indefinite* и *uncertainty*.

Слово *indefinite* знают практически все – *theresent indefiniteness* настоящее неопределенное время есть грамматическая форма. И вот уже здесь мы имеем пример метафоры: время – настоящее, то есть не будущее и не прошедшее, а значит довольно точно определенное, но и одновременно и неопределенное. То есть оно отделено от прошедшего и будущего, но и не определено. Забавно, что с некоторых пор его называют *simple present* – простое настоящее. Но на самом деле грамматически оно совсем не простое, а вполне себе определенное грамматически как настоящее неопределенное время. Или, если сказать по-английски, – *definite indefinite* – определенное неопределенное.

Русским аналогом здесь выступает слово «дефиниция» (*indefinite* – неопределенное, *definite* – определенное) – дефиниция, то есть, по-русски говоря, определение.

В этом смысле определение означает выделение чего-то, установление предела (о—предел—ение), то есть установление или выявление границы, отделяющей одно от другого. То есть, иначе говоря, определение места, где кончается нечто одно и начинается нечто другое, в самом прямом топологическом смысле. Это как границы между странами, что выражено в устойчивых словосочетаниях – «за пределами нашей Родины», например. Самое интересное здесь в том, что, определяя, мы определяем лишь границу, предел. Сам язык говорит нам метафорическим, но весьма строгим, образом, что, определяя нечто, мы лишь определяем границу, разделяющую, отделяющую нечто одно неопределенное от чего-то другого неопределенного. Как Present indefinite tense – настоящее неопределенное время – отделяется от past indefinite tense – прошедшего неопределенного и от future indefinite – будущего неопределенного. И больше ничего мы здесь о—пределить не можем, и уж точно не можем выяснить, чем одно отличается от другого. Действительно, исследуя и определяя (о—предЕливая) границы какой-то страны, мы вряд ли сможем выяснить, чем эта страна отличается от других, имеющих с ней общие границы.

Я использовал слово «выяснить» и потому самое время обратиться ко второму слову, означающему неопределенность в английском языке. Это uncertainty как противоположность certainty, в смысле «неясность – ясность, четкость».

Это как очки, как фокус фотокамеры. Нечто попадает в объектив, в рамку видоискателя, опредЕливаясь, то есть отделяясь от всего остального, но обязательно нужны некоторые дополнительные действия по доведению того, что попало в объектив до четкости, ясности. Да и сам язык указывает на это, ведь слово «четко» есть почти синоним слову «ясно».

Значит, для выхода из неопределенности нужно сделать как минимум два шага. Первый – определение (о—предЕливание), и второй – прояснение. И вот когда мы мысленно пытаемся что-то определить, то первый шаг мы делаем довольно легко, а вот второй для многих просто не очевиден. Здесь Present indefinite хотя и определяется как present, но остается неопределенным, то есть indefinite.

Ну а поскольку речь пошла о мышлении, то я позволю себе здесь обратиться к психологии, а именно к психологии мышления. Мышление, как мы все знаем – это не то, что приходит в голову в виде якобы мыслей, а усилие по доведению их до ясности. По этому поводу один мой знакомый философ заметил следующее: мышление начинается не тогда, когда что-то приходит к вам в голову, оно может начаться или не начаться тогда, когда что-то приходит в вашу жизнь. То есть, мышление становится возможным и даже иногда (хотя и очень редко) случается, когда начинаешь мыслить о собственном мышлении, и делаешь его предметом мысли. Пятигорский и Мамардашвили до этого додумались или вместе, или по отдельности, но одновременно, и реализовали блистательно каждый на своем материале. Отсылаю пытливого читателя к Мерабу и его статье о «превращённых формах» [6] и к книге Пятигорского «Мышление и наблюдение» [7].

Так вот, порой разум играет с нами хитрую штуку и выдаёт определенность (о—предЕленность) за ясность, которая возможна только на втором шаге в пределах этой о—предЕленности. Это именно пример того, что Гегель называл хитростью разума. А если это же рассмотреть по Канту, то это можно было бы вслед за ним назвать феноменологических обобщением. Ну а если совсем просто, по Василию Давыдову – то это пример эмпирического обобщения, которым обладают дети старшего дошкольного возраста, когда они, например, объединяют предметы и геометрические фигуры по внешней форме (скажем, колесо и круг), по контуру, по внешним границам. Но дети вырастают, по счастью: беда, когда эмпирические обобщения (определения) становятся единственными о—пределителями у взрослых... И вот когда эти определители не срабатывают, а второй шаг (прояснение) не делается, то и возникает ощущение страха перед неопределенностью, который тот же Давыдов назы-

вал «выученной беспомощностью». Причина, потому, не в неопределенности как таковой, а в ощущении полной беспомощности, по причине того, что не сделан второй шаг.

Я позволю себе назвать это первым условием самоопределения перед лицом неопределенности – и первым уроком, который мы можем извлечь, или, лучше сказать, первым правилом, правилом двух шагов.

Вторая линия моих размышлений на заданную тему касается понимания определенности и неопределенности в рамках принципа классического и неклассического детерминизма. Определенность здесь выступает как аспект, или момент, причинности. То есть, определенность понимается как «предопределенность» следствия причиной. А значит зависимость следствия от причины. А не–зависимость, то есть не–предопределенность есть, между прочим, одно из проявлений свободы. Неопределенность как не–предопределенность, потому, есть условие свободы.

Между прочим, в психологии это понятие было осмыслено в рамках исследований по развитию произвольных действий (внешних предметных действий, и внутренних умственных действий и процессов) таких как произвольное внимание, произвольное запоминание и т.д. Отсюда и гениальная идея Выготского о двух линиях развития – природной, натуральной, целиком детерминированной биологическими и физиологическими законами и линии культурной, никакими биологическими законами не детерминированной, не предопределенной, а связанной с овладением человеком собственными реакциями, собственным поведением, и формированием собственных произвольных действий, то есть действий, не зависящих от внешних стимулов. Здесь я адресую вас к целой серии блистательных публикаций Екатерины Завершневой о дневниках Выготского под названием «Путь к свободе» [4].

Кстати, по-английски «произвольное действие» – voluntary action. И это очень напоминает русское слово «волюнтаризм», имеющее в русском языке некоторую негативную коннотацию. Но, на самом деле, произвольность – это не преодоление предопределенности (зависимости), как это часто понимают, а именно *преодоление неопределенности*, это выбор, обретение новых возможностей и способов действия, то есть шаг к свободе. Это реакции, которые не предопределены ничем, кроме самого человека. И поэтому реакции становятся действиями. А человеческие действия создают ту реальность, которую мы называем словом «человеческая действительность».

И здесь читатель может, конечно, сказать, что это идеализм, метафизика. Но то, что я говорю, имеет вполне материалистические основания. Мы имеем колоссальное наследие в работах великого российского физиолога Николая Александровича Бернштейна, в которых блистательно показывается, что человеческое материальное действие, то есть живое движение возможно только при наличии избыточных степеней свободы. На огромном экспериментальном материале Бернштейн показал, что уникальность каждого такого действия есть результат преодоления объективно существующих избыточных степеней свободы. Значит даже на уровне физиологии, свободного действия просто нет без избыточности, разнообразия.

Ребенок в младенческом возрасте начинает выделять лицо матери среди цветовых и световых пятен остального мира. Это, как всем известно, происходит в результате перцептивных действий. С другой стороны, мы воспринимаем предметы окружающего мира именно как отдельные предметы, строго говоря, только в силу того, что наши органы чувств способны воспринимать физический мир в некотором очень ограниченном волновом диапазоне. Рамка нашего видоискателя уже изначально природно настроена. А свойства этого физического мира мы выясняем лишь по мере наших действий в этом мире. И только тогда он становится реальной действительностью, то есть действительность становится человеческой действительностью именно в силу человеческого действия. И думаю, что нет необходимости

уточнять, что об этом одинаково убедительно писали и Мерло-Понти [11], о чём знают все, и Запорожец вместе с Зинченко [5], о чём мало кто помнит.

Сейчас я попробую обобщить: и физиология и психология пришли к тому пониманию, что свободное самоопределение человека возможно только в условиях неопределенности. А в свободном самоопределении, в само-стоянии человека залог величия его, как сказал поэт.

А сейчас я вернусь к сингулярности. Мы живём в ситуации сингулярности, и не говорите, что сингулярность наступает, приходит – она уже наступила, пришла. И это, как всегда бывает в истории, вызывает страх и ужас в некоторых умах. Паника, связанная с вопросом «Как жить в условиях неопределенности?», овладевшая сознанием, вызывает ностальгию о прошлых временах, когда всё было ясно и определено. И это особенно заметно по социологии, и, кстати сказать, не только в России. Теряя чувство определенности, упорядоченности, люди теряют надежду.

Но надежда есть, ведь лучшие умы человечества и в физике, и в философии, и в физиологии, и в психологии (ограничусь только этим, потому что я сегодня только об этом говорю), дали некоторые ответы и могут нас научить кое-чему. Психология, к примеру, перестаёт быть наукой о теле, обладающем разумом, и становится наукой о разуме, обладающим (овладевшим) телом (действующим телом) и через это превращающимся в самоопределяющийся разум, самоопределяющийся в рамках той действительности, которую он сам и творит своими действиями. Неопределенность – это огромное благо, это абсолютно необходимое условие для появления свободы, потому что свободное действие и свободная мысль становятся возможными только в условиях неопределенности, хотя никаких гарантий, конечно, нет. А вот сделать эту возможность действительностью сама по себе неопределенность не может, ибо, как я уже сказал, человеческая действительность есть результат человеческих действий.

Вспомним в этой связи слова Ильи Пригожина, сказанные много лет назад по отношению к физике, но вполне относимые к миру человеческой действительности. «Мы больше не очарованы рациональностью. Будущее больше не пред–задано, оно не вытекает из настоящего. Это означает конец классического идеала всеведения. Мир процессов, в которых мы живем и которые являются частью нас, уже не могут быть отвергнуты как проявления или иллюзии, определяемые нашим способом наблюдения» [12, с. 78].

Но это касается времени в сингулярности. Но есть и другой взгляд на эту же проблему: я хочу вам напомнить о том, что в работе «Время и рассказ» Поль Рикер обнаружил у святого Августина понимание времени, то есть протяженности времени как расширения души (он даже использовал слово «растяженность души», если быть совсем точным) [8].

А что касается пространства сингулярности, то здесь просто невозможно не обратиться к ещё одному понятию, или как сейчас модно говорить, концепту – а именно к понятию Multiverse (множественные вселенные). И обойти его никак нельзя не только потому, что оно, как известно, просто прямо вытекает из принципа сингулярности, но ещё и потому, что оно оформляет онтологический статус неопределенности в рамках человеческой действительности. Строго говоря, мы живем **не** во вселенной человеческой действительности, мы живем во **вселенных, не в Universe, но в Multiverse**, которые сами же создаём и сами же разрушаем. И признание этого делает ещё более сложными, и даже почти невозможными и задачу самоопределения, и работу по самоопределению.

Но пока человек ещё не может стоять самостоятельно (простите за тавтологию), самоопределившись, он, как и всегда в таких случаях, нуждается в подпорках. Но, дабы это не выглядело обидным, давайте скажем иначе – он нуждается в опорах. Но что может стать такой опорой? Он сам пока не может этой опорой стать для самого себя и даже законы – социальные, экономические и прочие – считавшиеся вечными и незыблемыми, определяющими

всё, что происходит в Universe, то есть универсальными, теперь уже таковыми не являются. Иначе говоря, нужны опоры не универсальные, а *мультиверсальные*.

Как сказал когда-то Дмитрий Сергеевич Лихачёв, от человеческих обществ в истории остаются лишь произведения искусства. А один мой знакомый археолог добавил: да, произведения искусства и ещё мусор, которые сейчас находятся на соседних полках в исторических музеях, где черепки некогда разбитой и выброшенной на помойку древней амфоры соседствуют с греческой скульптурой.

Но ведь искусство это и есть отражение в особых формах Multiverse, причём задолго до того, как мы обнаружили Multiverse в человеческой действительности. Вспомните в этой связи хотя бы Бахтина и его идею о полифонии. Искусство в этом смысле может быть понято как исторический опыт отыскания, создания, опробования и отбора мультиверсальных опор для самоопределения. Но как обнаружить эти опоры и как они работают?

Для ответа на этот вопрос я хотел бы обратиться к одному явлению в психологии развития человека, которое было обнаружено и осмыслено много лет назад в теории великого Льва Выготского. Это явление он назвал взаимодействием идеальных и наличных форм. Суть его в том, что развитие человека происходит в процессе взаимодействия этих идеальных и наличных форм. Классический пример – развитие речи в первые три года жизни. Развитая речь появляется у ребенка примерно к трем годам. Но с первого момента жизни мать (а порой и отец) разговаривают с ребенком, используя развитую речь. Эту речь Выготский называл «идеальной формой», не в смысле того, что она самая лучшая, а в смысле того, что это то, что должно появиться у ребенка в конце цикла развития. А вот неразвитую речь ребенка он назвал «наличной формой». Получается, что в ходе развития, идеальные формы взаимодействуют с наличными формами, влияют на них [1]. И так, как это ни покажется странным, решается парадокс Пригожина – будущее время в виде идеальной формы (развитой речи взрослого) присутствует в настоящем, потому что взаимодействие идеальных и наличных форм происходит здесь и сейчас, то есть в настоящем. В этом смысле открытие Выготского ближе к Августину и Рикеру, чем к Пригожину. И это даёт надежду. Ведь когда человек вырастает, то есть проходит первые шаги самоопределения через взаимодействие с заданным им культурой идеальными формами, наступает следующий этап – он может начать сам выбирать те идеальные формы, с которыми он будет взаимодействовать. И если в его окружении нет культурных идеальных форм, а наоборот есть только примеры диких форм из телевизора, то он может искать и найти культурные формы **вне** этого ближайшего окружения, то есть иначе говоря, выйти из Universe в Multiverse.

Где же их искать? В явлениях культуры, в искусстве, в Культуре в широком смысле слова. Ведь мультиверсальные опоры находятся именно там. Так, открытие Выготского обретает особую ценность в условиях сингулярности, как преодоление навязываемых стереотипных идеальных форм, как возможность выхода в мир избыточных степеней свободы и преодоление их в свободном произвольном действии, которое в этом смысле и есть наличные формы, свободные в том смысле, что они не предопределены идеальными формами, а свободно взаимодействуют с ними.

Теперь попробую сформулировать некоторые выводы. В условиях сингулярности и множественных вселенных человеческой действительности, нужно научиться (и научить) по крайней мере, двум важнейшим вещам. Первая: нужно научиться различать определенность как о-пределенность и как прояснение. Это минимальное условие, без которого невозможно самоопределение, самостояние человека. Вторая: нужно научиться (и научить) искать и находить идеальные культурные формы, взаимодействуя с которыми только и можно найти мультиверсальные опоры для собственного человеческого развития. Спасибо за внимание.

Библиографический список

1. Выготский Л.С. Лекции по педологии. Ижевск, 2001.
2. Довлатов С. Заповедник. М.: Азбука-классика, 2006.
3. Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях. Собрание Сочинений в пятнадцати томах, Том 4. Л.: Наука, 1989.
4. Завершнева Е. Путь к свободе (к публикации материалов из семейного архива Л.С. Выготского) // Новое литературное обозрение, 2007. № 85. С. 67-90.
5. Запорожец А., Венгер Л., Зинченко В., Рузская А. Восприятие и действие. М.: Просвещение, 1967.
6. Мамардашвили М.К. Формы и содержание мышления. СПб.: Азбука-Аттикус, 2011.
7. Пятигорский А.М. Мысление и наблюдение: четыре лекции по обсервационной философии. М.: Азбука-классика, 2016.
8. Рикер П. Время и рассказ. М. – СПб., 2000.
9. Хокинг С. Краткая история времени от большого взрыва до черных дыр. М.: АСТ, 2018.
10. Чодрон П. Искусство жить в эпоху неопределенности и перемен. М.: Ганга, 2016.
11. Merleau-Ponty M. Phenomenology of perception. Routledge, 1962.
12. Prigogine I. Probing into time. In M. Balaban (Ed.), Biological foundations and human nature. N.Y.: Academic Press, 1983. PP. 47-80.

УДК 159.9.07

ФЕНОМЕН НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ В ВИКИПЕДИИ И ЕГО РОЛЬ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

R.R. Гарифуллин

Казанский федеральный университет

В статье дан анализ Википедии, как одной из составляющих проблем национальной информационной безопасности различных стран, вызванной неопределенностью и непредсказуемостью контента, формируемого долгосрочными обсуждениями авторов и администраторов этой энциклопедии. Рассмотрены все составляющие этой проблемы. Предложены пути разрешения этой проблемы. Википедия должна быть политически индифферентна и касаться в большей части доказанных фактов, чтобы избежать фактора неопределенности. Истинная энциклопедия это энциклопедия вневременных и вечных знаний, а настоящее еще неэнциклопедично и спорно. Нечто становящееся не должно быть основанием для контента Википедии (политические темы и т. п.). Как сделать так, чтобы Википедия была просто сбором истин, а не площадкой конфликтов и споров, в частности межнациональных конфликтов?

Ключевые слова: кибербезопасность, виртуальная война, информационная война, свободная энциклопедия, Интернет-влияние на образовательную систему.

THE PHENOMENON OF UNCERTAINTY IN WIKIPEDIA AND ITS ROLE IN THE EDUCATIONAL SYSTEM

R.R. Garifullin

Kazan Federal University

The paper analyzes the Wikipedia as one of the components of the Russian information security problems. We consider all the components of the problem. The ways of solving this problem are proposed. Wikipedia has to be politically indifferent. A true encyclopedia is an encyclopedia of timeless and eternal knowledge, and the present is not yet encyclopedic and controversial. Something that is becoming should not be the basis for Wikipedia content (political issues, etc.). How to make it so that Wikipedia is just a collection of truths, rather than a site of conflicts and disputes, in particular inter-ethnic conflict?

Keywords: cybersecurity, virtual war, information war, the free encyclopedia, Internet-influence.

Необходимо признать, что в настоящее время Интернет стал для образовательной системы основным источником информации. Оно и понятно, ведь поиск нужной информации в Сети занимает значительно меньше времени. Поэтому, с одной стороны, среди учащейся молодежи, сформировалось мнение о полезности Интернета, а с другой, все чаще приходится слышать о том, что не все информационные ресурсы настолько хороши и полезны, с точки зрения развития уровня знаний и мировоззрения подрастающего поколения. Одним из таких спорных и проблемных информационных ресурсов является свободная Интернет-энциклопедия «Википедия», которая занимает лидирующее место в различных поисковых системах. Именно этот информационный ресурс появляется в первую очередь, когда учащиеся занимаются поиском новых и полезных знаний. Поэтому в данной статье, мы, на основании анализа этого лидирующего информационного ресурса, попытаемся показать, что Википедия, несмотря на свою популярность, стала одной из проблем информационной национальной безопасности. Кроме того, в данной статье, мы попытаемся выявить составляющие этой проблемы, с точки зрения влияния на российскую учащуюся молодёжь. Одна из этих проблем – это неопределенность и непредсказуемость некоторых контентов Википедии.

Появлению Википедии философ Ницше [1, с. 292] был бы рад. Он сильно переживал из-за того, что беды человечества связаны с тем, что многое меняется, о люди, паразитируя на аристотелевском принципе тождества ($A=A$), этого не учитывают. Аристотелева логика [2, с. 15] не позволяет вырваться из старых текстов, из бумажной и статичной энциклопедии мира. Благодаря Интернету, мечты Ницше наконец-то сбылись, и появилась живая система знаний человечества – Wikipedia! Философ, Жиль Делёз, сказал, что энциклопедия мира закончилась и началась педагогика перцепции, то есть воспитание восприятия через видеотексты. Традиционные тексты ещё не умерли, несмотря на то, что наши школьники практически ничего не читают! Благодаря сайту «Wikipedia», энциклопедия мира продолжается, только теперь она стала живой энциклопедией живого мира. Вроде бы, мы должны радоваться!? Претворилась в жизнь мечта-забава Джимми Уэлса – основателя свободной энциклопедии – Wikipedia. Сегодня люди, умеющие формировать и выражать различные знания о мире, казалось бы, могут участвовать в формировании этой живой и свободной энциклопедии живого мира [6, с. 117]. Так ли это? Насколько эта свобода ущемлена для талантливых авторов, которые способны формировать и выражать истинные знания о мире? Может быть, свободная Wikipedia неосуществима уже изначально, так как у неё есть свой хозяин, подчиняющийся той стране, в которой живёт? И вообще, ключи от Интернета есть не у всех стран, то есть контроль отключения глобального информационного поля есть не у всех стран. Вот где лежат истоки проблемы национальной безопасности всех стран. Не создана ли Wikipedia для формирования нужной идеологии и мировоззрения? Может быть, Wikipedia – это всего лишь информационное вики-облако, искусственно поддерживаемое на высоте, благодаря каким-то скрытым прагматичным проектам? А может быть Wikipedia – это всего лишь форма пиара или пропаганды, замаскированной под справочные материалы?

Видимо, всё вышесказанное теперь делается с помощью Интернета, в частности, – с помощью «свободной» энциклопедии – Wikipedia, руководимой администраторами, создающими нужную политическую и экономическую правду? Не зря, по-видимому, некоторые страны хотят освободить Интернет от воздействия самого крупного в мире информационного краудсорсинга «Wikipedia», формирующего мировоззрение людей планеты.

В частности, накопилось достаточное число фактов, подтверждающих то, что русская Википедия формируется не только россиянами-авторами [4, с. 29]. Приведу лишь выдержки из этих исследований: «Вирджил Гриффит (Virgil Griffith), исследователь Калифорнийского технологического института (California Institute of Technology), создал утилиту Wikipedia Scanner, для идентификации пользователей, занимающихся редактированием материалов в Wikipedia. Результаты исследования с помощью данной программы показали, что статьи ре-

дактировались с компьютеров ЦРУ, ФБР, правительственные и образовательные учреждения США, частных компаний, информагентств и политических партий. Количество недовольства жёсткой цензурой в англоязычной Wikipedia растет. Всем известно, что на исторические и политические статьи поставлен замок и поставлены автоматически следящие за любыми изменениями «боты». Это видно, если почитать хотя бы статьи о русской истории, об истории Великой Отечественной войны и др.

Интерес спецслужб к корректировке содержимого русской Википедии никого не удивляет. Но вот масштаб коррекций и эффективность западного влияния на русскую Википедию ошеломляет. Например, все знают знаменитый девиз «энциклопедию может редактировать любой» [8, с. 17]. Однако каждый, кто захочет что-то поправить или добавить, должен понравиться администратору, курирующему данную тематику. А большинство администраторов – не граждане России, и хуже того, «парочка из них в американском фонде Википедия на зарплате» (участник Википедии golosptic 23rd-Nov-2010 04:53 am (UTC)). Не в этих ли выше-приведённых механизмах заложены главные причины неопределённости и противоречивости Википедии.

Хорошо, что благодаря Wikipedia пропагандируется Свобода и Правда, но этот целительный соус, полезный для всего мира, заправляется американской идеологией. Если не американская идеология, то используется идеология другой страны, которая тоже порой преступна. Как же быть? Как сформировать Wikipedia, не подчиняющуюся ни американской, ни российской идеологии, а подчиняющуюся только Истине [7, с. 2117]. Запретить и закрыть Wikipedia на основании идеологии бесполезно, а вот на основании клеветы, разжигания межнациональной розни, пропаганде и пиара – это возможно! Wikipedia бывает покладистой, когда появляется опасность её блокировки и закрытия на основании не соблюдения законодательства тех стран, на которых она оказывает влияние своим контентом. Вопреки всему сказанному, Википедия, так хитро себя позиционирует, что до сих пор не несёт никакой правовой ответственности. Являясь анонимной, эта энциклопедия очень виртуозно снимает ответственность за свой контент. Так, например, участники всех уровней маскируются под разными никами и стали отдельной секретной службой, а сам Джимми Уэллс тоже ни за что не отвечает, так как продал Википедию другой фирме, с которой тоже трудно связаться. Также, нельзя игнорировать, так называемых кукол, благодаря которым какой-то один субъект или организация, пишут статьи под множеством ников, образуя иллюзию интернет-социума или, наоборот, большое число участников сидит на одном нике, социум или даже небольшая страна. «Тем более, это касается интернет-ресурса, представляющего себя как энциклопедия. Перекладывание ответственности на каких-то свободных участников Wikipedia не должно снимать правовой ответственности перед администрацией этого интернет-ресурса.

Таким образом, есть основания предполагать, что Wikipedia является не только главным источником первичных знаний, но и средством идеологии, которая последовательно превращается в фактор национальной безопасности для многих стран мира. Сегодня, по-видимому, не существует более сильного инструмента для мониторинга России и других стран, чем Wikipedia. Эта энциклопедия, позиционирует себя, якобы как просветительский проект, а не исследовательский. Поэтому, есть основания предполагать, что Wikipedia под маской формирования своих текстов и их обсуждений, бесплатно извлекает ценную и секретную информацию для развития проектов. Имеются примеры того, как российские учёные, в том числе те, кто проработал в различных секретных и стратегических областях, при обсуждении важности своей персоны для Wikipedia, через посредников-участников, выкладывают актуальные направления не только прошлых своих исследований, но и настоящих [9, с.70]. Таким образом, возникает вопрос: «Не превращается ли политика Wikipedia в зеркало традиционной, экспансионистской, внешней политики некоторых стран?».

Чтобы ответить на вышеупомянутые вопросы, нужно провести контент-анализ не только текстов статей Wikipedia, но и текстов диалогов и переписки участников этого информационного ресурса. Более того, необходимо провести компартиативный анализ того, что поступило для публикации и того, что осталось или удалилось. Особое внимание при исследовании вышеупомянутых проблем, нужно уделить определению истинной мотивации участников Wikipedia. Что движет участников к написанию статей для Wikipedia: радость творчества, своей полезности и тщеславия? Молодёжь вносит вклад в формирование «Мирового Разума Библии-Википедии», в формирование списка «Богов» и т. д. Взгляните на сайт «Викиреальность» – информационный ресурс, где участники и админы могут удовлетворять своё тщеславие. Ведь в Википедии про них ничего не написано. Это особая мания величия – викимания, обусловленная работой в Википедии. Участники через свои ники удовлетворяют своё тщеславие. О них пишут и их имена реально знают. Через «Викиреальность» можно узнать об этих скрытых участниках Wikipedia. Викиреальность сформирована не только теми, кого выгнали из Wikipedia, но и самими участниками, чтобы хоть как-то представить себя интернет-сообществу. В Викиреальности много правды, так как правда истина о мире не в Wikipedia, а в околовикипедийном пространстве и обсуждении статей, которые проходят внутри неё. На этом ресурсе есть категория обиженных и отторженных Википедией участников, которые в своих статьях достаточно объективно раскрывают негативные стороны проекта «Wikipedia». Именно поэтому, многие выводы, которые нам удалось сделать в данной работе, сделаны на основании контент-анализа «Викиреальности».

Некоторыми участниками движут комплексы. Так, например, один не состоявшийся писатель, отрабатывает свои нереализовавшиеся комплексы несостоявшегося успешного литератора, при этом отрабатывает на известных писателях, унижая их. Это непорядочно. Это преступление, узаконенное интернетом, часто подпадает под ненаказанную клевету. Аналогичное случается с несостоявшимися учёными, а таких в России, в силу раз渲ла российской науки, большое множество. Это как раз на руку американским руководителям Русской Википедии, целью которой является создание таких условий, при которых бы российская наука никогда не поднялась бы с колен. Именно поэтому, согласно контент-анализу, удалённых материалов о развитии науки в России можно сделать вывод, что Wikipedia, в лице многих её участников и большинства администраторов Википедии, занимается подрывной и уничижающей деятельностью против развития российской науки. Так, например, статьи о многих успешных деятелях науки нашей страны переработаны и представлены в Wikipedia всего лишь как статьи об участниках Великой Отечественной войны, а их научные заслуги и работы удалены из статей [6, с. 2117]. Или другой пример, удалены актуальные и стимулирующие учёных статьи (огласка о достижениях и наградах учёных должна быть!) о списках заслуженных деятелях науки России. В целом, в Русской Википедии очень медленно идёт процесс наполнения научными статьями, в отличии, например, от английской Wikipedia. В лучшем случае, наши отечественные вики-участники, поступая не патриотично, копируют и переводят статьи из английской Wikipedia, поднимая престиж и имидж американской науки. В то же время контент-анализ английской Wikipedia показывает, что эта энциклопедия является образцом американского патриотизма в сфере своих научных достижений. Пугает то хладнокровие и педантичность, с которой русскоязычные авторы вымывают из Википедии все прошлые достижения, а также реальные ростки, желающей подняться российской науки.

С большим трудом пробиваются статьи о развитии культуры и искусства в регионах России. Пишется много статей, но большинство из них удаляется. Эти выводы, нами были сделаны, на примере статей, направляемых участниками Википедии из Татарстана. При этом нельзя забывать, что Россия будет подниматься только тогда, когда будут подниматься регионы.

В целом, можно отметить, что немалое количество статей о развитии науки, культуры и искусства в России, написанные для русской Википедии, были удалены, но при этом эти же статьи, переведённые на английский язык, оказались прекрасно принятыми и опубликованными в английской Wikipedia.

Проведённый нами контент-анализ показал, что немалая часть талантливых авторов, которые желают написать и пишут в Википедию, уже урезана администраторами и участниками разного уровня. Уже это позволяет нам утверждать, что Википедия уже давно – не свободная энциклопедия. Она пропагандирует идею свободы знания, но она ограничена проплаченными админами и участниками. Самая большая угроза для самой Википедии не её цензура, а угасание её сообщества и авторов, которые её делают. При этом, не в коем случае не стоит думать, что Википедия должна быть неким шизофреническим монстром, в «мозгу» которого хаотически и свободно должны «разгуливать и проходить» различные информации. Некая направленность и установка в Википедии должна быть и она должна быть связана со стремлением к независимой и объективной информации, а не с финансово-прагматичной субъективностью участников, подводящих итоги и администраторами, удаляющих статью, в силу отсутствия финансовой стимуляции со стороны участников Википедии или внешних заказчиков. Тем более эта субъективность не должна основываться на политике администраторов Wikipedia. Но, увы, в Интернете, уже представлено множество материалов, которые говорят о значительном разрастании этой субъективности.

Было бы наивно полагать, что администрации различных стран мира никак не влияют на администрацию Википедии. Википедия, по-видимому, является одним из инструментов внешней политики уже многих стран. По-видимому, эти страны хотят сделать из всего мира некую «свободную Википедию», чтобы весь мир мог якобы свободно заниматься своим мироустройством. Но эта «свобода» будет опять-таки диктоваться администраторами, курирующими Википедию. Таким образом, Википедия, в настоящее время претендует на роль информационного каркаса в проекте по внедрению «свободного» мироустройства, диктуемого лидерами некоторых стран мира. Не зря же Википедия искусственно поддерживается на первых местах во всех поисковых системах Интернета и спонсируется различными государственными и бизнес-структурами. Поэтому возникает вопрос: не является ли Википедия, в действительности крупным богатым монстром, который лишь маскируется под бедного, честного и свободного бомжа-попрошайку, которому исповедуется весь мир?

Википедию боятся многие субъекты в т.ч. международные (личности, известные мировые СМИ, представители законодательной и исполнительной власти, и даже представители спецслужб и т. п.) и этот страх обусловлен возможностью лишиться размещения статьи о себе или получить имиджевые и материальные потери, вызванные содержанием статьи о себе. Поэтому Википедия, с этой точки зрения, является прекрасным манипулятором между различными субъектами мира. Это, по-видимому, создаёт условия для различных финансовых и коррупционных методов урегулирования, возникающих разногласий и недовольства различных сторон.

Ложь в форме информационного проброса, которая часто практикуется в Википедии, и затем дальнейшая коррекция наносит моральный ущерб. Это хулиганский виртуальный мир. США проделывают эти информационные пробросы, как основание для мониторинга и поиска истины. Администраторы Википедии умышленно не удаляют эти информационные пробросы, под предлогом, того, что, дескать, простите, не углядели, но в следующий раз будем внимательнее. Хотя некоторые статьи удаляются мгновенно. Википедия является инструментом для распространения слухов, которые обузданы потом сложнее.

То, что в Интернете существует тысячи сомнительных сайтов, претендующих на роль СМИ, не вызывает сомнения. Большинство их посетителей читают их с достаточным уровнем критики. Эти сайты, в силу своей сравнительно небольшой посещаемости, не являются основанием для формирования первичных знаний и мировоззрения сотен миллионов посетителей и поэтому не представляют собой проблему национальной безопасности. Чего нельзя сказать о сайте Википедия, который фактически превратился в крупнейшее и влиятельное мировое СМИ, при этом, не несущее никакой ответственности перед сотнями миллионов жителей планеты. Эта энциклопедия сама признаётся на своей главной странице, что не несёт никакой ответственности за свой контент, например, клевету, ложь, провокационные материалы и т.п.

Китай, видя в Википедии проблему своей национальной безопасности, оперативно за небольшой промежуток времени организовал свою доморощенную независимую от Википедии, интернет-энциклопедию «Худун» (Hudong) и увёл значительную часть читателей, тем самым победив информационную американскую вики-экспансию. Худун является крупнейшей онлайн-энциклопедией в Китае и в мире, основанной в 2005 году. В настоящий момент по числу статей Худун превосходит три крупнейшие Википедии вместе взятые (английскую, нидерландскую и немецкую).

Таким образом, Китай блокировал временно некоторые статьи и всю Википедию и за это время успел поднять «Худун»! И поэтому, китайцы в настоящее время, Wikipediaоценивают скорее всего нейтрально или негативно, чем позитивно.

Из всего вышеизложенного напрашивается только один вывод: «Википедия в каждой стране должна быть самодостаточной, независимой и доморощенной!» [10, с. 70]. Есть проект, согласно которому, русскую Википедию нужно разделить на две части. В одной из них будут статьи со сравнительно меньшим оспариванием и политическим влиянием (естественные науки и т. п.) Видимо эта часть Википедии, постепенно превратиться в престижную энциклопедию, на которую можно будет без стыда ссылаться при цитировании в научных и иных изданиях. В другой части, наоборот, будут собраны статьи с высокой долей сомнительности и спорности.

Таким образом, Википедия должна быть политически индифферентна. Истинная энциклопедия это энциклопедия вневременных и вечных знаний, а настоящее ещё неэнциклопедично и спорно. Ничто становящееся не должно быть основанием для контента Википедии (политические темы и т. п.). Как сделать так, чтобы Википедия была просто сбором истин, а не площадкой конфликтов и споров, в частности межнациональных конфликтов? По-видимому, на некоторых статьях Википедии должны быть пометки: «Данная статья может быть опасной». Пока Википедия об этом написала только в своей «шапке», которую, практически никто не читает.

Выходы:

1. В статье дан анализ Википедии, как одной из составляющих проблем национальной информационной безопасности различных стран, вызванной неопределенностью и непредсказуемостью контента, формируемого долгосрочными обсуждениями авторов и администраторов этой энциклопедии. Рассмотрены все составляющие этой проблемы. Предложены пути разрешения этой проблемы.

2. Википедия должна быть политически индифферентна и касаться в большей части доказанных фактов, чтобы избежать фактора неопределенности. Истинная энциклопедия – это энциклопедия вневременных и вечных знаний, а настоящее ещё неэнциклопедично и спорно. Ничто становящееся не должно быть основанием для контента Википедии (политические темы и т.п.). Как сделать так, чтобы Википедия была просто сбором истин, а не площадкой конфликтов и споров, в частности межнациональных конфликтов?

Библиографический список

1. Современная западная философия.– Москва, 1998. – 542 с.
2. Краткий философский словарь.– Москва: Эксмо. – 480 с.
3. <http://www.telecomru.ru/article/?id=6183> (дата обращения: 11.10.2014).
4. Русская Википедия и спецслужбы // http://traditio-ru.org/wiki/Русская_Википедия_и_спецслужбы (дата обращения: 16.11.2014).
5. Bridgewater, M. History Writing and Wikipedia, 2017. Computers and Composition 45, с. 36-50, 2017
6. Teplitskiy, M., Lu, G., Duede, E. Amplifying the impact of open access: Wikipedia and the diffusion of science, Journal of the Association for Information Science and Technology, 2017, 68(9), с. 2116-2127
7. Kousha, K., Thelwall, M. News stories as evidence for research? BBC citations from articles, Books, and Wikipedia, 2017, Journal of the Association for Information Science and Technology, 68(8), с. 2017-2028.
8. Pooladian, A., Borrego, Á. Methodological issues in measuring citations in Wikipedia: a case study in Library and Information Science, 2017, с. 1-10.

9. Harinarayana, N.S., Meenakshi, S., VasanthaRaju, N. Are wikipedia citations important evidence of the impact of scholarly articles and books?, Annals of Library and Information Studies 2017 64(1), c. 69-75.
10. Olvera-Lobo, M.-D., Gutiérrez-Artacho, J., Valdivieso, M.A. Wikipedia as a source of monolingual and multilingual information about the Spanish heritage. 2017. Transinformacao. 29(1), c. 5-13.

УДК 159.95:614.8

ТРЕВОГА КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ НА СИТУАЦИЮ ОПАСНОСТИ ТЕХНОГЕННОГО ХАРАКТЕРА

O.Ф. Гефеле
ФГБОУ ВО «ТвГТУ»

В статье рассматривается феномен неопределенности с точки зрения психологии риска как опасность. Делается акцент на опасности техногенного характера, приводящей к появлению и развитию тревоги как экзистенциально эмоциональной реакции на ситуацию опасности техногенного характера. Анализируется трансформация тревоги в различные эмоциональные состояния.

Ключевые слова: неопределенность, опасность, ситуации техногенного характера, тревога.

ALERT AS EXISTENTIALLY EMOTIONAL REACTION TO THE SITUATION OF THE HAZARD OF THE TECHNOGENIC CHARACTER

O.F. Gefele
Tver State Technical University

The article considers the phenomenon of uncertainty from the point of view of the psychology of risk as a danger. An emphasis is placed on the dangers of anthropogenic nature, which leads to the emergence and development of anxiety as an existential emotional reaction to a situation of a technogenic hazard. The transformation of anxiety into different emotional states is analyzed.

Keywords: uncertainty, danger, situations of anthropogenic nature, anxiety.

В современном обществе человек постоянно сталкивается с ситуациями неопределенности в любой сфере жизнедеятельности. Поэтому источниками неопределенности в окружающей среде могут быть разные ситуации, проявляющиеся в своем многообразии. Причем ситуации неопределенности могут быть как природного, так и социального или техногенного характера. В общем виде ситуации неопределенности можно выделить:

– по признаку случайности и стихийности протекания процессов окружающей действительности. Такая неопределенность имеет спонтанный характер и примерами неопределенности являются стихийные бедствия, катастрофы различного генеза;

– по признаку конфронтации между людьми, имеющими противоположные интересы, заинтересованные в своих целях, не принимающие внимание мнение других. Примерами такой неопределенности могут быть различные ситуации социально-экономической, политической и духовной жизни, где могут проявиться случайность и стихийность.

Действия людей могут быть продуктом как сознательных, преднамеренных, так и бессознательных, непреднамеренных мотивов хозяйственной деятельности, которая может стать источником неопределенности.

В социальной сфере неопределенность возникает чаще всего «из-за наличия в общественной жизни противоборствующих тенденций социального развития, столкновения противоречивых интересов действующих субъектов, несовпадения их целей, неготовностью ситуации к предлагаемому развитию событий» [цит. см. 1, с. 82].

В психологии риска опасность рассматривается как специфическая неопределенность. Поэтому в психологических исследованиях очень часто ситуацию неопределенности связывают с ситуацией опасности, когда результат действия человека определяется принятым им решением и организацией неадаптивной деятельности. Выбор решения полностью зависит от личности, от ее индивидуально-психологических характеристик, от социального опыта, от степени тяжести ситуации неопределенности или ситуации опасности. В данном случае ситуация опасности может превратиться в ситуацию риска.

Особого внимания заслуживают ситуации техногенного характера, источником которых могут быть различные транспортные аварии, пожары, взрывы, особенно связанные с выбросом ядовитых веществ. Неопределенность таких ситуаций связана с отсутствием прогнозирования исхода ситуации. Поэтому возникновение и развитие таких ситуаций приводят к различным проявлениям психической деятельности человека.

В подобных ситуациях неопределенности или риска, вызванные техногенными факторами, психическая деятельность людей может проявиться по-разному. Так первоначально возможно проявление деятельности витальной направленности, которую можно охарактеризовать как инстинкт самосохранения. В дальнейшем поведение людей в ситуации опасности может кардинально измениться от панических, бессмысленных не свойственных для них до сознательных, целенаправленных.

Чаще всего у человека в ситуации неопределенности развивается тревога как центральное экзистенциальное, психологическое состояние и эмоциональная реакция. Тревога как эмоциональная реакция вызывает чаще всего дезориентацию во времени и в пространстве, что может привести к развитию к несоответствующим реакциям обычного поведения человека различной интенсивности. Степень проявления эмоциональных переживаний прямо пропорционально самооценке и уровню притязаний, а также проявлению копинг стратегий в ситуации неопределенности.

Если степень неопределенности не высокая и преодолимая, то переживание тревоги, как правило, исчезают моментально.

Если же ситуация неопределенности человеком воспринимается как особо опасная, которая может принести неизгладимый вред, то можно наблюдать развитие страха, причем разной степени выраженности и возможны проявление других отрицательных или негативных эмоциональных проявлений. Как правило, эти проявления могут быть активными, например агрессивное состояние или бегство с места происшествия. Реже у некоторых людей, в зависимости от их типа высшей нервной деятельности могут развиться пассивно-оборонительные и активно-оборонительные реакции, т.е. от ступорозного состояния до истерического состояния.

При этом в ситуации неопределенности чаще всего тревога ослабевает в том случае, если человек оказывается непосредственно перед самой опасностью.

Резюмируя выше описанные проявления тревоги как экзистенциально эмоциональную реакцию на ситуацию неопределенности, можно прийти к выводу, что тревога в ситуации опасности или неопределенности может трансформироваться в любое эмоциональное состояние, имеющее критическую модальность на пространственно-временном континууме от страха, паники до апатии, депрессии.

Библиографический список

1. Гефеле О.Ф. Личность в ситуации риска (социально-философский анализ): Дис. ... канд. философ. наук: 09.00.11. Московский государственный технологический университет «Станкин». Москва, 2004. 151 с.

**Ю.М. ЛОТМАН О СЕМИОТИКЕ ИНТЕЛЛИГЕНТСКОГО ДИСКУРСА:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹**

I.V. Дёмин
ФГАОУ ВО «Самарский университет»

В статье рассматривается предложенный Ю.М. Лотманом дискурсивный подход к анализу феномена русской интеллигенции. Выявляются методологические предпосылки семиотического изучения интеллигентского дискурса.

Ключевые слова: русская интеллигенция, дискурс, Ю.М. Лотман, семиотика, семиотика культуры.

**LOTMAN'S SEMIOTICS OF INTELLECTUAL DISCOURSE:
METHODOLOGICAL ASPECT**

I.V. Demin
Samara University

The article consideres the Lotman's discursive approach to the analysis of the phenomenon of the Russian intelligentsia. The article reveals the methodological foundations of the semiotic study of the intellectual discourse.

Keywords: Russian intelligentsia, discourse, Yu.M. Lotman, semiotics, semiotics of culture.

Споры о русской интеллигенции, её исторической роли, взаимоотношениях с народом и государством – один из лейтмотивов русской общественной мысли последних полутора веков. Мировоззренческая и идеологическая значимость этих споров не вызывает сомнений, однако их научная продуктивность близка к нулю. Русская интеллигенция как исторический, социологический, психологический феномен упорно сопротивляется попыткам научного описания и изучения. Главная причина этого заключается даже не в размытости и неопределенности понятия «интеллигенция», но в отсутствии необходимых концептуальных средств и неадекватности используемых методологических стратегий.

Принципиально новые возможности в исследовании феномена русской интеллигенции открылись с возникновением семиотики культуры и лингвокультурологии. Рождение этих дисциплин следует рассматривать в контексте лингвистического и семиотического поворотов [3, с. 5-17], с которыми были связаны наиболее значимые концептуальные сдвиги в социально-гуманитарном познании второй половины XX века.

В отечественной литературе семиотический подход к изучению русской культуры и интеллигенции впервые был применён Юрием Михайловичем Лотманом. В статье «Интеллигенция и свобода (к анализу интеллигентского дискурса)», впервые опубликованной в 1999 году [2], не только даётся целостная трактовка феномена русской интеллигенции с позиций семиотики и теории дискурса, но и содержатся важные замечания относительно методологии дискурсивного анализа культуры.

Исходная презумпция, на которой строится семиотический анализ русской интеллигенции у Ю.М. Лотмана, заключается в том, что интеллигенция не является одной из социальных групп наряду с другими, она представляет собой по преимуществу *дискурсивный* феномен. Данная презумпция определяет как общую направленность культурно-семиотического подхода, так и

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-13-63001 «Философские основания семиотики истории» (Региональный конкурс «Волжские земли в истории и культуре России» 2017 года).

выбор материала исследования. Так, предметом интереса Ю.М. Лотмана становится не социальное положение русской интеллигенции в различные периоды отечественной истории, не её взаимоотношения с государством и даже не её общественно-политические и философские взгляды, но особый «интеллигентский дискурс», проявляющийся во множестве самых различных текстов культуры (художественных, публицистических, научных, философских). Главную свою задачу Лотман формулирует так: «выявление основных внутренних параметров интеллигентского мировосприятия и интеллигентской авторефлексии, выражаемых в ее же собственных терминах, на ее собственном языке» [2, с. 122].

Лотман показывает, что зачастую и апологеты русской интеллигенции, и её критики принадлежат к одному и тому же «дискурсивному универсуму», который «оказывает значительное воздействие на всех говорящих и пишущих на эти темы, в том числе и на авторов, к самой интеллигенции не относящихся» [2, с. 123]. Так, критикующий интеллигенцию (и даже противопоставляющий себя ей) русский интеллектуал сам может быть всецело захвачен интеллигентским дискурсом. Критики интеллигенции и её апологеты зачастую говорят на одном и том же языке, отличаясь друг от друга лишь оценками. Типичный пример такого рода – знаменитый сборник «Вехи», авторы которого были типичными представителями русской интеллигенции. Критика интеллигенции в этом случае оказывается *интеллигентской самокритикой*. «Подавляющее большинство антиинтеллигентских высказываний, – пишет Лотман, – принадлежит самим же интеллигентам, а многие антиинтеллигентские выпады переживаются интеллигенцией с удовольствием, родственным мазохистскому» [2, с. 125].

Главный недостаток большинства традиционных определений интеллигенции Лотман усматривает в их упрощённости, прямолинейности и излишнем схематизме. Интеллигенции приписывается целый ряд признаков, социальных, социально-психологических и мировоззренческих характеристик, каждая из которых, взятая в отдельности, сомнений не вызывает, однако, их соединение даёт картину не просто эклектичную, но внутреннее противоречивую [2, с. 123].

Причиной неудач определения объёма и содержания понятия «русская интеллигенция» является присущий традиционным подходам методологический изъян, который можно обозначить как «наивный объективизм».

«Интеллигенция, – пишет Лотман, – рассматривается как обычный внеположенный исследователю объект» [2, с. 123]. Однако, будучи феноменом по преимуществу дискурсивным, интеллигенция не может иметь тот же эпистемологический статус, что и такие социальные группы, как дворянство, крестьянство, купечество. И дело здесь не столько в том, что в отношении к интеллигенции исследователю сложнее занять «беспристрастную» и безоценочную точку зрения, сколько в том, что всякий говорящий и пишущий на эту тему в той или иной степени оказывается «захвачен» интеллигентским дискурсом. Лотман поясняет это следующим образом: «если разговоры о крестьянстве, дворянстве или купечестве совершенно не обязательно сами являются крестьянскими, дворянскими и т.д. разговорами, то любые сколько-нибудь квалифицированные разговоры об интеллигенции совершенно естественным и органическим образом входят в пространство интеллигентского дискурса» [2, с. 124]. В данном фрагменте содержится оригинальная точка зрения на проблему «ангажированности» и идеологической «нагруженности» социального знания. Суть её в том, что степень «вовлечённости» исследователя в изучаемый предмет может быть различной, и определяется она не столько социально-политическими, сколько культурно-языковыми (дискурсивными) факторами.

Отказавшись от задачи сформулировать априорное формально-логическое определение интеллигенции, Лотман стремится очертить то дискурсивное пространство, «внутри которого происходит (само)определение русской интеллигенции» [2, с. 126].

Лотман отмечает, что базовые структуры и категории интеллигентского дискурса, выявляемые в ходе семиотического анализа, по большей части не осознаются самими носите-

лями дискурса. Примечательна в этой связи проводимая Лотманом аналогия между категориями дискурса и грамматическими правилами языка, которые «как бы вообще не важны ни для говорящего, ни для слушающего, но “вырваться” из них невозможно» [2, с. 126].

Трактовка структур как преимущественно *бессознательных* сближает семиотику Лотмана с классическим структурализмом. Однако полного сходства методологии здесь нет. Не случайно, что анализируя феномен русской интеллигенции, Лотман обращается к понятию «дискурс», выходя тем самым за пределы восходящей к Фердинанду де Соссюру и базовой для структурализма оппозиции «язык – речь». Дистанцируясь от схематизма и аисторизма классического структурализма, Лотман в то же время далёк от постмодернистского релятивизма, устранившего саму возможность научного познания общества и культуры.

Лотман отмечает сходство своей методологии с «археологией знания» Мишеля Фуко, в которой внимание исследователя переносится с самого объекта на окружающее объект дискурсивное пространство.

Понятие дискурса Лотман детально не анализирует, однако, из контекста его рассуждений можно заключить, что дискурс трактуется не как сугубо *лингвистический* феномен, но как феномен *культурно-коммуникативный*.

Для понимания специфики предложенного Лотманом дискурсивного анализа феномена русской интеллигенции представляется важным провести различия между категорией дискурса и такими понятиями, как «миропонимание», «менталитет», «язык».

Понятие дискурса в контексте семиотики культуры не может быть сведено к мировоззрению (миропониманию), присущему социальной группе, поскольку дискурс не столько «отражает» реальность, сколько формирует определённый образ реальности.

Дискурс нельзя свести и к менталитету, поскольку дискурс не является просто одной из характеристик сообщества, скорее, он *формирует* сообщество. Сообщество, конституируемое посредством дискурса, может быть названо *дискурсивным* или *языковым*. Именно таким сообществом, согласно Лотману, является русская интеллигенция.

Наконец, нельзя свести дискурс и к языку (даже понимаемому в широком семиотическом смысле), поскольку носители разных дискурсов могут говорить на одном и том же языке. Дискурс – это не столько язык, сколько особый *способ использования языка*.

Те трудности и противоречия, с которыми сталкивается традиционный объективистский анализ интеллигенции, оказываются разрешимыми в контексте культурно-семиотического подхода и дискурсивного анализа. Если мы берём интеллигенцию как «реальный объект», социальную общность, члены которой обладают определёнными социально-психологическими характеристиками, то, очевидно, что мы не можем приписывать ей взаимоисключающие признаки (например, «фанатизм» и склонность к «самокопанию»). Однако если интеллигенция рассматривается как *дискурсивный феномен*, то в этом случае логически взаимоисключающие характеристики вполне могут уживаться друг с другом, ведь «дискурсивные формации могут вовсе не подчиняться таким законам логики, как принцип противоречия, исключения третьего» [2, с. 126].

Дискурсивная природа феномена русской интеллигенции демонстрируется Лотманом в ходе рассмотрения вопроса о критериях принадлежности человека к этой общности.

Лотман отмечает, что в рамках интеллигентского дискурса всегда нарочито подчёркивается тот факт, что принадлежность человека к интеллигенции не определяется ни происхождением, ни умом, ни уровнем образования. Критерии интеллигентности концентрируются по большей части «в сферах этики (интеллигент не может быть непорядочным человеком) и идеологии (интеллигент не может быть реакционером)». К интеллигенции может быть причислен полуграмотный крестьянин, но в звании «интеллигента» может быть отказано, например, университетскому профессору. При этом вопрос о том, кто вправе судить о принадлежности человека к интеллигенции, в рамках интеллигентского дискурса не только не решается, но даже и не может быть поставлен.

Помимо весьма зыбких и расплывчатых этических и идеологических критериев «интеллигентности» интеллигентский дискурс не знает других более или менее «объективных» основа-

ний. Решающим «критерием» становится сам факт *признания*: «быть интеллигентом значит быть признанным в качестве интеллигента» [2, с. 135]. Однако признан в качестве интеллигента может быть лишь тот, кто разделяет интеллигентский дискурс, определяет себя через этот дискурс, тот, для кого «язык» интеллигенции является *своим, родным языком*. Поскольку решающим для интеллигентского сознания и самосознания оказывается самоопределение *через язык*, поскольку русская интеллигенция представляет собой общность не столько *социального*, сколько *национального* типа (типологически она ближе к народу, нежели к классу).

В контексте разработанного Лотманом культурно-семиотического подхода «интеллигент» – это не столько представитель определённой социальной группы, сколько носитель, выразитель и в то же время продукт специфического интеллигентского дискурса. Интеллигентский дискурс, таким образом, оказывается первичным по отношению к интеллигенции как социальной группе.

Лотман показывает, что хронологические и семантические границы дискурса, в рамках которого происходит самоидентификация интеллигенции, аморфны и неопределенны, но помехой для семиотического изучения феномена русской интеллигенции это не является. Внешняя неопределенность границ компенсируется чрезвычайной устойчивостью внутренней структуры самого дискурса, ключевые категории и оппозиции которого на протяжении полутора веков оставались практически неизменными.

Библиографический список

1. Кнабе Г.С. Знак. Истина. Круг (Ю.М. Лотман и проблема постмодерна) // Лотмановский сборник. Т. 1. М.: «ИЦ – Гарант», 1995. С. 266-278.
2. Лотман Ю.М. Интеллигенция и свобода (к анализу интеллигентского дискурса) // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология: материалы Международной конференции (Неаполь, май 1997 г.). М.: О. Г. И., 1999. С. 122-149.
3. Семиотический поворот в социально-гуманитарном познании: истоки, предпосылки, культурный контекст: коллективная монография / отв. ред. И. В. Дёмин. Самара: Самар. гуманит. акад., 2018. 270 с.

УДК: 37; 37.01

ФЕНОМЕН НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ: ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

М.Н. Дудина

ФГАОУ ВПО «УрФУ»

В статье актуализирована мало исследованная в психологии и педагогике проблема развития личности в контексте неопределенности, нарастания потенциала и рисков развития. Стремительное распространение информационных технологий, радикально меняющих жизненное и образовательное пространство, увеличивает масштаб и глубину неопределенности настоящего и будущего. Неразрывная связь со средой влияет на динамику и характер единства и целостности, устойчивость системы и возможность развития. Изменяющиеся реалии детерминируют развитие личности, требуют постоянного личностного и профессионального роста, приобретения уверенности в себе, ориентируют на развитие рефлексии на основе критически-рефлексивного мышления для достижения целей успешной адаптации и идентификации. Сравниваются традиционная и инновационная образовательные модели, обосновывается необходимость использования инновационных дидактических технологий как средства развития ассертивных свойств личности на всех этапах обучения и во всех его видах. Это предполагает отказ от использования основ нормативно-регулятивной этики, предполагающей «субъектно-объектные» отношения «учитель-ученик», «преподаватель-студент», манипулятивные средства для достижения целей, процесса и намеченного результата, «привитие норм и ценностей», дидактическим путем «передачи знаний» в готовом виде, господства объяснительно-

илюстративного и репродуктивного методов обучения, порождающих репродуктивное сознание и в целом личность репродуктивного типа. В таких условиях определенности ассертивная личность может развиваться «вопреки», а не благодаря педагогическому сотрудничеству, целенаправленной психолого-педагогической поддержке (фасилитации) каждого обучаемого, веры в его потенциал развития. Принципы сотрудничества и поддержки строятся на понимании сущности среды не как условия, но источника психического развития с ранних лет. Это обуславливает необходимость анализа социально-культурных и образовательных условий, которые детерминируют развитие высших психических функций, влияют на выбор норм и ценностей, поведенческие паттерны личности.

Ключевые слова: феномен неопределенности, личность, среда как источник развития, асвертность, традиционные и инновационные образовательные технологии.

THE PHENOMENON OF UNCERTAINTY: PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ASPECTS

M.N. Dudina

Ural Federal University

The problem of personality development in psychology and pedagogy is studying in the context of uncertainty, the modern environment, that characterizes by the growth of both opportunities for personality development and risks. The rapid spread of information technologies that are radically changing life and educational space, has increased the scale and depth of the uncertainty at the present moment and in future. The inseparable bond between personality and the environment influences the dynamics and character of unity and integrity, the resilience, and the development possibility. Present-day realities determine the personality development, require constant personal and professional growth, the acquisition of self-confidence, focus on the reflection development based on critical reflective cognition for achieving goals, successful adaptation, and identification. There the traditional and innovative educational models are compared, then the necessity of innovative educational technologies is justified. They are considered as means of developing assertive personality at all stages of the education process and in all its forms. Further, it implies abandoning the foundations of normative and regulative ethics, which comprise the "subject-object" relations of "teacher-student", manipulative resources for achieving goals, processes and intended results, "inculcation norms and values, "Transferring knowledge" didactically off the shelf, the dominance of explanatory-illustrative and uncreative educational methods, generating template thinking and, on the whole, the uncreative personality. In such conditions of certainty, person, that demonstrates assertiveness, can develop in spite of, and not because of the educational cooperation, the targeted psychological and educational facilitation of each trainee, the belief in his or her development potential. The principles of cooperation and support base on understanding the essence of the environment not as a condition, but as a source of mental development from an early age. Thus it is necessary to analyze the socio-cultural and educational conditions that determine the development of higher mental functions, influence the acceptance of norms and values, and the behavioral patterns of the individual.

Keywords: phenomenon of uncertainty, personality, environment as a source of development, assertiveness, traditional and innovative educational technologies.

*Главная жизненная задача человека –
дать жизнь самому себе, стать тем, чем он
является потенциально. Самый важный плод его
усилий – его собственная личность.
Э. Фромм*

Актуальная проблема исследования феномена неопределенности пока мало разработана в методологии, теории и практике отечественной психологии и педагогики. В то же время нарастание требований к системе образования, компетентности учителей и преподавателей высшей школы в целом бросают вызов учебным заведениям и послевузовскому образованию. В последнее время стали активнее обсуждать проблемы образования в контексте Четвертой промышленной революции – Industrie 4.0. Термин, предложенный на Ганноверской ярмарке (2011) стал пониматься как комплекс мер, направленных на создание «умного про-

изводства» (smartfactory). Характерным признаком является пребывание отдельного человека и социума в состоянии возрастающей внешней и внутренней неопределенности [8, 9]. Понятие «неопределенность» стало употребляться в обыденной и научной речи, вступая в противоречие с реалиями сохранения традиционной модели в образовании, усиливая непредсказуемость развития социума и личности в разные возрастные периоды, преодоления возрастных кризисов. Стремительное распространение информационных технологий, коммуникации на базе Интернета и его сервисов даже трудно сопоставить с тем временем, когда не хватало книг и учебников. Единственным источником часто был учитель, «пред ним смиренно преклоняли колени». Но времена меняются, и люди тоже, поэтому радикально меняются жизненное и образовательное пространство, увеличивая масштаб и глубину неопределенности и непредсказуемости настоящего и будущего. Изменяющиеся реалии детерминируют развитие личности, требуют постоянного личностного и профессионального роста, приобретения свойств асертивности, ориентируют на развитие рефлексии для достижения целей успешной адаптации и идентификации. Социокультурные и образовательные условия внешней среды требуют корректировки целей и задач, содержания и технологий обучения, критериев достижаемых результатов. В научных исследованиях предлагались концепции различных подходов к реформированию образования в условиях постиндустриального общества (Д. Белл, Э. Тоффлер), гуманизации образования, ориентированного на «постматериальные» ценности (А. Печеи, Э. Фромм, Ф.Г. Кумбс). Идея непрерывного образования («через всю жизнь») актуализировала международную координацию и интеграцию (ЮНЕСКО, Римский клуб) образовательных систем на межгосударственном и государственном уровнях, а также междисциплинарный характер содержания образования. В отечественной системе реализуется идея вариативности образования, многоуровневости и преемственности педагогики, андррагогики и акмеологии в формальном и неформальном образовании.

Однако любая система стремится к сохранению своей целостности, поэтому сопротивляется инновациям. Так в практике образования пока еще преобладает традиционная парадигма, укоренившаяся в сознании учителя, преподавателя вуза и менеджеров образования от министерства до местных органов управления образованием. В документах о совершенствовании отечественной системы образования эксплицитно не назван феномен неопределенности, однако имплицитно речь идет о нем в связи с необходимостью изменения целеполагания и прогнозируемых результатов на всех уровнях образования. Это требует пересмотра целей, процесса и результата, связанных с «передачей знаний» в готовом виде, «привитием норм и ценностей», «передачей опыта старшего поколения», основанных на *нормативно-регулятивной этике*. Но учитель школы и преподаватель вуза продолжают использовать дидактические методы объяснительно-иллюстративного и репродуктивного обучения, порождающие репродуктивное сознание и в целом личность репродуктивного типа. На практике реально сохраняется консерватизм педагогической системы, построенной на классических принципах. Очевидным в воспитании и обучении остается использование понятийно-категориального аппарата, ориентированного на «передачу знаний» в готовом виде «из уст преподавателя в уши студентов» (согласно Ф. Ницше). Эта традиционная модель (акроаматическая – др. греч. akroamatikon – то, что может быть услышано, воспринято органом слуха) построена на изложении учебного материала учителем (преподавателем), который говорит, а ученики (студенты) слушают, записывают. Модель была надежной, воспроизводимой на разных уровнях образования и во всех видах. Обучаемые всех возрастов внимательно слушали, чтобы потом воспроизвести услышанное в том же виде.

Оправданная модель в ситуации определенности, когда едва ли не основным источником знаний был учитель, преподаватель. И был не только транслятором знаний, но единственным, кто оценивал обучаемых по известным ему критериям, считал себя правым. Доводы

в защиту акроаматической модели прости и убедительны: учитель – «кладезь знаний», основной источник информации, за это его ценили, любили, перед ним преклонялись. Справедливости ради скажем, что более ранней была сократическая модель, предполагавшая диалог учителя (философа) и ученика, полilog обучаемых. В ее основе лежит вопрошание, сопровождаемое умением слушать, задавать вопросы по существу и предлагать доказательную базу в защиту того или иного тезиса, своей позиции [2]. Тогда почему у акроаматической модели и сейчас много адептов, обучаемых и обучающихся? В настоящее время легкой доступности в любое время и в любом месте разнообразной информации она противоречит стремительно нарастающим, динамичным социокультурным трансформациям. И все же, согласно нашим исследованиям, предпочтение отдается учителю (преподавателю), который «хорошо знает свой предмет и излагает его ясно и понятно». На зачете (экзамене) спрашивает и оценивает то, что сам излагал. Эта ситуация определенности претерпевает существенные изменения, но стихийно, а надо бы в психолого-педагогической рефлексии профессионалов. Ситуация неопределенности меняет позиции «учитель–ученик», «преподаватель–студент», превращает из «субъектно-объектных» в «субъектно-субъектные». Инновационная модель предполагает, что учитель (преподаватель) ориентирует в проблемах учебного курса, мотивирует на самостоятельное добывание знаний и их творческое использование. Это обусловлено необходимостью движения в основных направлениях реформы образования, в частности реализации личностно-ориентированной модели, когда результат связан с овладением универсальными учебными действиями (УУД) в среднем образовании и компетенциями – общекультурными (ОК), общепрофессиональными (ОП) и профессиональными (ПК) в высшем образовании. Последнему способствует балльно-рейтинговая система оценивания. Поставленные цели достижимы на основе педагогических инноваций, если учителя и преподаватели вузов убеждены, что инновации эффективнее традиции, тогда критически-рефлексивно относятся к процессу, в котором обучались сами. Во времена социальной, культурной и образовательной определенности оправдана репродукция, «подражание» тому, кто обучает. Так исторически воспроизводилась воспитательная и дидактическая ситуация, детерминированная устоявшимся психолого-педагогическое сознание всех субъектов образования, включая родителей. Многие из них и сейчас остаются приверженными объяснительно-иллюстративным и репродуктивным методам обучения, консервации в положительном и отрицательном смысле того, что «дал учитель». И часто из опасений конъюнктурности «внедрения» непродуманных инноваций, некритического переноса в российские реалии «модных западных образцов».

Например, непринятие модели междисциплинарного, метапредметного, проблемного обучения, ориентированного на целостный подход, преодолевающий традиционное предметное обучение на обязательных уроках в школе и на лекциях, семинарах в вузе. Принципиальное отличие состоит в свободном посещении занятий в студиях, где путем нахождения общего понятия рассматриваются разные аспекты знаний, ориентирующих на всестороннее познание природы, общества и человека. В этом проблемном поле найдется место многоугранным явлениям окружающей среды (природной, социальной, культурной, образовательной) в целостности восприятия в историческом, реальном и будущем времени. Такой подход строится в дедуктивной логике, развивает понятийное мышление, ориентирует на поиск критериев (что есть добро и зло; что красиво и уродливо, что полезно и вредно, что справедливо и несправедливо) на основе креативности обучаемых, приобретающих умения анализировать, сравнивать, работая в парах и в команде, опровергать и защищать, приводить убедительные доводы по поводу той или иной позиции.

Не перечисляя конкретные инновационные дидактические технологии [3], назовем модель реверсивного обучения – «перевернутого класса» (Flipped Class). Широчайшие возмож-

ности самостоятельного приобщения к различным источникам познания (первоисточники, видеолекции, учебные тексты, рисунки, задания, тесты) коренным образом меняют дидактическую ситуацию, и это уже признается отечественными педагогами. Учитель, преподаватель вводит в проблемы изучаемой дисциплины, темы, формулирует основные вопросы, ориентирует в литературе и предлагает работать самостоятельно, индивидуально, в парах, в малых группах добывать соответствующую информацию, овладевать знаниями и применять их в решении творческих заданий. На зачете (экзамене) оценивает не только воспроизведение того, что сам излагал, но и самостоятельную работу студентов. Обучаемый уже не пассивный потребитель необходимой информации, суммы знаний, но добывающий и перерабатывающий ее. Принципиальное изменение отношений субъектно-субъектных вместо «субъектно-объектных» ориентирует обучаемого на активное участие в процессе от: формулировки целей и задач учебного курса, отбора содержания и выбора дидактических технологий (форм, методов, способов и средств обучения), наконец, самооценки студента и оценки преподавателя (по заранее совместно выявленным и обсужденным критериям). Обучаемый становится деятельным субъектом своего образования, так он делает вклад в себя как развивающуюся личность и, возможно, в будущую профессиональную деятельность.

Актуализированная нами тема обращает к рассмотрению системы «учитель-ученик», «преподаватель-студент» в условиях неопределенности. Как любая система, исследуемая нами предполагает совокупность взаимосвязанных структурных элементов в их целостности и устойчивости. Ее необходимые свойства – целостность взаимосвязанных частей; качественное определение каждой части; постоянное взаимодействие частей; развитие каждой части в соответствии с определенными закономерностями; потеря одной части ведет к исчезновению всей системы (Е.Б. Агошкова, 1998; Н.А. Барская, 2008; Л.А. Ларионова, Т.А. Жданко, 2014; О.А. Пустовая, Е.А. Пустовой, С.Ю. Чуйкова, 2014; В.В. Спивакова, 2008; Е.В. Хохлова, 2011; Е.А. Чиркина, С.Л. Копотев, 2012; А.П. Шмакова, 2005; М.Р. Юлдашева, 2012). Особенность системы «учитель-ученик»; «преподаватель-студент» как психолого-педагогической состоит в значимости влияния среды, включающей субъекты, процессы и действия, поведение каждого участника, влияния на всех и систему в целом. Неразрывная связь со средой определяет динамику и характер единства и целостности, ее устойчивость (стремление к самосохранению) на основе саморазвития. Поэтому динамика целей, сущности, содержания и технологий рассматриваемой нами системы неизбежно является откликом на социокультурные трансформации общества и личности в единстве преподавания и учения, их совокупности и способности к изменениям. В данном контексте встает *вопрос о гомеостазе* (др. греч. – одинаковый, неподвижный), когда в целях сохранения, достижения постоянства, динамического равновесия необходимо сохранять свойства стабильности, но прогнозировать результат функционирования, оценивать риски и потенциал функционирования системы. Значит, необходимо проектировать, моделировать дальнейшее развитие, предусматривать риски, предупреждать возможную стагнацию. Если система «учитель – ученик»; «преподаватель – студент» открыта к изменениям, то признает значимость динамического взаимодействия со средой и привлекает источники, в данном случае, тех, кто обучает и кого обучает, используя ресурсный потенциал, анализирует возможные риски, преобразуется и оказывает обратное благоприятное влияние на общество. В случае закрытости, игнорирования внешних воздействий меняющейся среды, сохраняет постоянство своего внутреннего состояния, непредсказуема по результатам, возможно, приходит к тому, чего не ожидали.

Постоянное пребывание в условиях неопределенности влияет на онтологические и гносеологические основы развития личности – жизнедеятельность и общение, сознание, познавательные способности, стремление постигать истину, что сопровождается пересмотром морально-этических основ, нравственных ориентиров. В такой ситуации традиционная образо-

вательная система, не ориентированная на развитие личности мобильной, креативной, готовой и способной успешно действовать в условиях неопределенности, не соответствует потребностям развивающейся среды и отдельной личности.

Обосновывая методологию развития личности в пространстве современной культуры, руководствуемся положением психолога С.Л. Рубинштейна: «Правильное решение вопроса о соотношении развития и обучения имеет центральное значение не только для психологии, но и для педагогики. Каждая концепция обучения, которую сформулирует педагог, включает в себя (сознает он это или нет) определенную концепцию развития. Точно так же концепция психического развития, которую сформулирует психолог (сознает он это или нет), заключает в себе и определенную теорию обучения» [10, с. 156]. Методологические основы находим в культурно-исторической теории развития высших психических функций Л.С. Выготского и его последователей в нашей стране и за рубежом. Решая поставленные проблемы, руководствуемся основополагающей идеей о том, что *окружающая среда является не условием, но источником психического развития личности*. Под ее влиянием в ситуации неопределенности формируется сознание и самосознание личности, которая присваивает и создает культурные ценности, придавая мыслям знаковую форму, выражая их в устной и письменной речи, закрепляя в поведенческих паттернах. «Человек, – писал А.Р. Лuria, есть существо социальное, и социально-культурные условия глубоко трансформируют его, развивая целый ряд новых форм и приемов его поведения. Внимательное изучение именно этих форм особенностей и составляет специфическую задачу психологической науки» [1, с. 204]. Сказанное ориентирует на исследование меняющейся личности в любом возрасте, любом возрастном кризисе в ситуации неопределенности социума, экономики, культуры и образования. Конкретно: особенности адаптации и идентификации личности и возможности ее поддержки, создавая благоприятные психолого-педагогические условия для развития критического мышления и речи обучающихся. Методологически важным является органическая связь мышления и речи, которая «занимает командные высоты..., обогащает и стимулирует мышление», в целом влияет на структуру личности [там же, с. 196].

Психолог А.Р. Лuria призывал к внимательному изучению особенностей, которые «составляет специфическую задачу психологической науки», рассматривающей «человека как существо социальное», на которое влияют социально-культурные условия, «глубоко трансформируют его, развивая целый ряд новых форм и приемов его поведения» [там же].

Актуализация феномена неопределенности в жизни, в обучении и воспитании требует выявления его преимуществ и психолого-педагогических рисков, открывающегося потенциала, но и рисков интериоризации современной культуры – клиповое (англ. clip) мышление. Расширяющийся объем информации при поверхностном понимании сути знаний затрудняет овладение понятиями, негативно отражается на развитии сознания, когнитивных и аффективных функций, деятельности, верbalного и невербального общения, в целом смысловой организации мира и рефлексии себя в нем. Однако же, есть и достоинства клипового мышления, понимаемого как фрагмент текста, часть из произведения любого жанра, которая воспринимается человеком в виде коротких, отрывочных, часто ярких образов, текстовых посланий, видеоклипов, сопровождаемых голосом диктора, музыкой. Все это усиливает восприятие, запоминание [11]. Тогда встают вопросы: кто и как воспринимает информацию, выбирает в ней необходимые знания, что из них запоминает? Какова роль педагога, его функции и результаты в совместно-разделенной деятельности главных субъектов образования? Отвечая на них, не будем впадать в крайность – «профессор умер». Это провозгласил философ Жан Франсуа Леотар, анализируя «состояние постдернизма», меняющего многое, если не все, в образовании. Его главный акцент – знание – не столько результат познавательной деятельности, сколько «форма информационного товара, необходимого для производитель-

ной мощи, оно является и будет являться важнейшей, может быть, самой значительной ставкой в мировом соперничестве за власть» [7, с. 20]. Согласно Леотару, «профессор умер», потому что изменилась роль знаний, их ценность: «Знание производится и будет производиться, для того, чтобы быть проданным, оно потребляется и будет потребляться, чтобы обрести стоимость в новом продукте, и в обоих случаях – чтобы быть обмененным. Оно перестает быть самоцелью, теряет свою «потребительскую стоимость» [там же, с. 18]. Заметим, что четверть из опрошенных нами аспирантов частично согласны с автором этого высказывания.

Завершая наш дискурс, понимая и принимая несостоительность акроаматической модели в современном высшем образовании, отражающем феномен неопределенности, соглашаемся с тезисом о необходимости изменения миссии образования, традиционно ориентированной на трансляцию знаний (знания, умения, навыки, ЗУНЫ). Неопределенность открывает широкие возможности развития мотивов, потребностей, действий и смыслов *ассертивной личности*, позиционирующей себя в асертивном поведении [4, 5, 6]. Оно имеет в основе убеждение личности в собственной самоценности, уважающей себя и других на основе понимания и ощущения собственной значимости, как и значимости других (соотнесем с эпиграфом нашей статьи). Асертивность проявляется в специфических психологических характеристиках, связанных со способностью и готовностью утверждать себя в деятельности и общении с другими, не нанося им вреда и в то же время противостоять деструктивным обстоятельствам жизни в динамичных социокультурных условиях. В структуре асертивности выделяем ценностно-смысловой, когнитивный, эмотивный, мотивационно-волевой, операционно-деятельностный, коммуникативный, нравственный и рефлексивный компоненты, являющиеся целью, участвующие в процессе и непосредственно сказывающиеся на результатах. При этом ведущую роль отводим ценностно-смысловому компоненту, смысловой саморегуляции, осознанно осуществляющей в своих отношениях с окружающим миром, включая неординарные, экстремальные условия жизни и деятельности. Это находит отражение в показателях оптимального соотношения между временными локусами жизни: прошлым, настоящим и будущим, а также внешним и внутренним локусом контроля во взаимодействии с меняющимися условиями жизни, приобретенным опытом в прошлом для возможности самоактуализации в настоящем и будущем. Во всех возрастных периодах важно нарастание доверия к себе; в самооценке важным критерием является ответственность в ситуации свободы выбора.

Библиографический список

1. Выготский Л.С., Лuria A.P. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 224 с.
2. Дудина М.Н. История педагогики: диалог парадигм. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. 196 с.
3. Дудина М.Н. Дидактика высшей школы: от традиций к инновациям: учеб.-метод. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та, 2015. 152 с.
4. Дудина М.Н. Асертивные свойства студентов: вопросы теории и практики исследования ценностно-смыслового аспекта / Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры, № 4 (144), 2015. С. 113–122.
5. Дудина М.Н. Компетенции как средство асертивного поведения студентов. Педагогический журнал Башкортостана, 2015, № 6 (61). С. 101–108.
6. Дудина М.Н. Уверенность в себе как психолого-педагогическая проблема // Педагогический журнал, № 6, 2016. С. 94-104.
7. Леотар Ж.-Ф. Состояние постмодернизма. СПб.: Алетейя, 1988. 159 с.
8. Пригожин И.Р. Конец определенности. 2001. 216 с.

9. Причинин А.Е. Инновационное образование: основание принципа неопределенности // Образование и наука. 2011. № 5 (84), с. 29-38.
10. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. Т. I. М. Педагогика 1989. 488 с.
11. Фрумкин К.Г. Клиповое мышление и судьба линейного текста // Топос: онтологические прогулки: литературно-философский интернет-журн. 23.09.2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.topos.ru/article/7371> (дата обращения: 10. 02. 2017).
12. Fromm E. The Anatomy of Human Destructiveness. New York: «An Owl Book», 1992. 499 p.

УДК 159.99

ПРЕОДОЛЕНИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ВНЕШНЕГО И ВНУТРЕННЕГО МИРОВ ЧЕЛОВЕКА

O.A. Kocheu洛va

ФГБОУ ВО «ОмГПУ»

В статье рассматривается неопределенность как характеристика внешнего (объективного) мира и внутреннего (субъективного) мира человека, усиливающая разрыв между ними. Рефлексия отражает значимость и ценность для человека социокультурного мира, где смысл возникает как мера утверждения и проявления в нем. Процесс рефлексивного сопряжения внутреннего и внешнего миров рождает смысл, как направленность на значимое для человека, нивелируя неопределенность обоих миров.

Ключевые слова: неопределенность, внутренний и внешний мир человека, рефлексия, смысл, преодоление неопределенности.

OVERCOMING UNCERTAINTIES IN THE EXTERNAL AND INTERNAL WORLDS OF THE PERSON

O.A. Kocheu洛va

Omsk State Pedagogical University

The article deals with uncertainty as a characteristic of the external (objective) world and the internal (subjective) world of the person strengthening a gap between them is considered. Reflection reflects the significance and value for a person of the socio-cultural world, where the meaning arises as a measure of affirmation and manifestation in it. The process of reflexive conjugation of the inner and outer worlds gives rise to meaning as a focus on the significant for man, leveling the uncertainty of both worlds.

Keywords: uncertainty, internal and external world, reflection, the sense, the overcoming of uncertainty.

Увеличение объема информации в социокультурном пространстве, не имеющей структурно-содержательной логической связи – одна из основных причин нарастающей неопределенности и сопровождающих ее инверсий. Современный человек подвержен прессингу потока информации, интенсивность которого дестабилизирует коммуникативные процессы, процессы принятия решения в ситуации выбора, сложившиеся представления о культурных и духовных ценностях.

Неопределенность понимается как: 1. состояние убеждения, когда человек не вполне убежден, когда он не уверен; 2. в теории информации – степень, в которой не накладывается никаких ограничений на возможные выборы, имеющиеся в распоряжении, или на возможные

последствия ситуации [6]. Контекст данной трактовки характеризуется для человека неоднозначностью, отсутствием конкретики при определении перспективы и результата развития ситуации вследствие выбора. Неоднозначность лишает человека уверенности, психологического равновесия, приводит к обострению противоречий во внутреннем мире, тревожности и импульсивности при осуществлении нового выбора.

В психологии неопределенность рассматривается с различных ракурсов: как открытость иерархий психологической регуляции выборов (Т.В. Корнилова); как кризис идентичности (Э. Эриксон, К. Хорни); как страх перед ничто, переживание в предельных ситуациях (Ф.Е. Василюк); как условие творчества (К. Роджерс, Н.Ю. Хрящева); как медиум смыслов (А.С. Шаров); как форма толерантной личности (А.Г. Асмолов).

Обращение к понятию субъективной неопределенности присутствует в работах В.П. Зинченко, О.К. Тихомирова. Согласно Зинченко В.П. неопределенность связывается «... с вариативностью и неповторяемостью как условий, так и самих актов выбора, действия, мышления; не повторяются не только движения, не повторяются одни и те же решения» [2, с. 12]. Неопределенность динамическая характеристика жизнедеятельности человека. Человек как субъект жизнедеятельности неизбежно сталкивается с новыми усложняющимися требованиями окружающего мира, с непредсказуемыми последствиями собственных действий, он активно осваивает и структурирует окружающий его мир, и особый, свой внутренний мир, выражая его через образ жизненного мира [4; с. 8]. Приведенное понимание неопределенности подчеркивает ее двойственный характер, выражающийся в сопряжении неопределенности внешнего (объективного) мира и внутреннего (субъективного) мира человека.

Неопределенность внешнего мира (экономическая, политическая, социальная) и внутреннего мира (ценностно-смысловая, мотивационно-потребностная, экзистенциальная) становится неизбежной характеристикой жизни и деятельности человека и требует внимательного изучения. Б.С. Алишев отмечает, что: «...обладающий сознанием человек сталкивается с неопределенностью не только внешнего, так называемого объективного мира, но и своего внутреннего, субъективного, и эта неопределенность тоже должна каким-то образом преодолеваться» [1, с. 4].

Феномен неопределенности, рассматриваемый на границе двух миров, становится современным, в связи с происходящими глобальными изменениями, нестабильностью в политике, экономике, экологии. Важной задачей психологии является выявление способов преодоления неопределенности и примирения внутреннего и внешнего миров человека. Неопределенностью характеризуются оба мира, что усиливает трудности жизнедеятельности человека в момент их неизбежного столкновения. Приобретает значение восприятие человеком неопределенности, рассогласования внутреннего и внешнего миров: насколько человек переживает происходящее с ним как ситуацию неопределенности. Неопределенность возникает в случае взаимодействия человека с новой неустойчивой ситуацией внешнего мира и снижается в результате поиска в ней смысла и ценности для внутреннего мира. Человек, чувствующий взаимосвязь внутреннего и внешнего миров, обретает целостность, обеспечивающую стабильность установок, убеждений, смыслов, жизненных целей, эмоций и восприятие неопределенности как ситуации личностного роста, развития, самосовершенствования.

Предположим, что подобная взаимосвязь достигается через рефлексию, понимаемую как психический процесс, обеспечивающий взаимодействие человека с окружающим (внешним) миром. Содержание рефлексии отражает значимость и ценность для человека окружающего мира (Н. Луман), индивидуального и динамичного, обладающего своими объектами и внутренними взаимосвязями между ними. В процессе рефлексии происходит ценностное объединение различных объектов и явлений внешнего мира, отражаемых психикой в не-

которое целое и дальнейшее различие этого целого на элементы, что приводит к определенности представлений, мыслей, чувств человека. Рефлексия позволяет сузить вариативность при осуществлении выбора, определить направление приложения усилий для созиания внешнего мира и развития внутреннего.

Согласно А.С. Шарову рефлексия как компонент в психологической структуре человека выполняет функцию развития и изменения человека. Он пишет: «способность к рефлексии выступает интегрирующим началом сопряжения внешнего и внутреннего миров человека и она же простирает как внутренний мир (мир мыслей, чувств, переживаний, представлений), так и внешний мир (деятельности, поступков, общения). В этом удвоении пространства жизни заключена важная идея сопряжения внешнего и внутреннего миров, которая объясняет не только эволюцию человека в мире, но и возможность человека жить в мире разных степеней реальности» [8, с. 33]. Процесс рефлексивного сопряжения внутреннего и внешнего миров дает новое качество – их единство, не противоречивость. В единстве миров возникает смысл, как направленность на нечто значимое, на предельные границы возможного взаимодействия, когда для человека есть вероятность воплощения его в жизнь, и обретения определенности в ситуации жизнедеятельности.

Смысл – это рефлексивный механизм вероятностного сопряжения внешнего и внутреннего миров. Д.А. Леонтьев отмечает: «...личностный смысл предстает перед нами как отношение, связывающее предметное содержание сознания с предметом деятельности, как пристрастное отношение... его сознания к его бытию» [5, с. 28]. Смысл несет в себе меру значимости и активности, внешней и внутренней, или усилий для достижения того, что имеет значение, это мера утверждения и проявления человеком себя в социокультурном мире. Выражая направленность интенциональной активности на нечто значимое для человека все явления, в свете этой направленности, обретают смысл, как то, что выражает момент движения в заданном направлении [7, с. 138].

Происходит осмысление, значимое для человека в процессах освоения (переживания, проигрывания, проживания) с целью сопряжения внешнего и внутреннего миров. В результате неоднозначность, неопределенность внешнего мира сокращается, минимизируется за счет рефлексивно-ценостного видения окружающего мира, так как определение смысла, значения фактически равносильно осмысленному принятию решения, осуществлению выбора, направления движения. Вследствие подобной осмысленности человек обретает определенность.

В.П. Зинченко отмечает: «...в реальной жизни постоянно происходит доопределение пусть и неосознанного, но ощущаемого, чувствуемого смысла в операциональных, предметных, перцептивных, эмоциональных, концептуальных и вербальных значениях, в поведении, в деятельности, т.е. в различных формах его «вторичного» воплощения. По последнему нам иногда удается судить об исходном, «первичном» смысле. Означение смысла – лишь половина дела, за которой необходима следующая фаза – рефлексивное осмысление полученного результата, т.е. осмысление значения. Вместе эти противоположно и, возможно, даже иногда одновременно совершающиеся акты составляют существо, ткань механизма понимания. Казалось бы, что понимание и есть достижение полной определенности» [3, с. 15].

Постоянное столкновение с неопределенностью и столь же постоянное стремление преодолеть ее составляет жизнь человека. В.П. Зинченко правомерно замечает: «...даже успешное преодоление порождает новые формы неопределенности» [3, с. 3]. Преодоление неопределенности внешнего и внутреннего миров возможно через их рефлексивное сопряжение, выделение личностного смысла в ситуации выбора.

Современный человек находится в развернутом социокультурном пространстве, обладая смыслом, становится более спокойными и уравновешенными, избавляется от неуверенности и страха неопределенности в процессе жизнедеятельности.

Библиографический список

1. Алишев Б.С. Психика и преодоление неопределенности / Б.С. Алишев // Психология: журнал Высшей школы экономики / Ред. Т.Н. Ушакова. – Москва: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2009. Т. 6, № 3. С. 3-26.
2. Зинченко В.П. Тolerантность к неопределенности: новость или психологическая традиция? / Человек в ситуации неопределенности / В.П. Зинченко, Н.В. Шалаев, В.А. Петровский, и др.; Гл. ред. А.К. Болотова. М.: ТЕИС, 2007 С. 9–33.
3. Зинченко В.П. Тolerантность к неопределенности: новость или психологическая традиция? // Вопросы психологии. 2007. № 6. С. 3-20.
4. Клочко В.Е. Становление многомерного мира человека как сущность онтогенеза // Сибирский психологический журнал. Томск, 1998. Вып. 8–9. С. 7–15.
5. Леонтьев Д.А. Структурная организация смысловой сферы личности: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1987.
6. Оксфордский толковый словарь по психологии / Под ред. А. Ребера. Москва: Наука, 2002. – 435 с.
7. Шаров А.С. Онтология смысла: сопряжение внешнего и внутреннего миров // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск: Изд-во МНКО, 2012, № 4 (35). С. 137-139.
8. Шаров А.С. Психология культуры, образования и развития человека: учебное пособие / А.С. Шаров. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2013. – 300 с.

УДК 378.02

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В УСЛОВИЯХ КОНКУРЕНЦИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

*Л.Ф. Красинская
ФГБОУ ВО «СамГУПС»*

В статье рассматриваются неблагоприятные тенденции, которые проявились в процессе реформирования системы образования: закрытие неэффективных вузов, их слияние, массовое сокращение кадров, бюрократизация и оптимизация деятельности высшей школы, новые механизмы внутривузовского управления трудовыми коллективами. Искусственное стимулирование конкуренции между вузами, а также издержки образовательной реформы порождают ситуацию нестабильности неопределенности в профессиональной среде, снижают трудовую мотивацию преподавателей и ухудшают психологический климат в педагогических коллективах.

Ключевые слова: высшая школа, конкуренция, оптимизация и бюрократизация деятельности, профессиональная нестабильность, эмоциональное самочувствие преподавателей.

THE TEACHER OF THE HIGHER SCHOOL IN THE CONDITIONS OF COMPETITION AND PROFESSIONAL INSTABILITY

*L.F. Krasinski
Samara State University of Transport*

The article discusses the trends that emerged in the process of reforming the education system: closing ineffective schools, they merge, the massive reduction of personnel, bureaucratization and optimization activities of higher education, and new mechanisms for internal management of labor collectives. Artificial stimulation of competition between universities, as well as the costs of education reform give rise to a situation of instability and uncertainty in the professional environment, reduce the work motivation of the teachers and affect the psychological climate in the teaching staff.

Keywords: high school, competition, optimization and bureaucratization of activities, professional instability, emotional well-being of teachers.

Одной из современных тенденций развития российского образования является усиление конкуренции между учебными заведениями, а также между работающими в них профессионалами. Конкуренция – это объективный процесс, связанный с развитием рыночной эко-

номики в стране. Система высшего образования в постперестроечные годы стала рассматриваться как одна из экономических подсистем государства, как важнейшая инфраструктура, инвестиции в которую должны приносить экономическую выгоду. От высших учебных заведений правительство ожидает коммерциализации их деятельности, расширения перечня платных образовательных услуг, создания малых предприятий, консультационных фирм, патентных бюро и т.п. В качестве одного из показателей эффективности работы учитывается получаемый вузом доход в расчете на каждого преподавателя.

Конкуренция вызвана не только внутренними процессами, происходящими в стране, но и геополитической, экономической ситуацией в мире. В настоящее время перед правительством стоит задача сохранить конкурентоспособность государства на мировой арене, в том числе усилить преимущества российской высшей школы, чтобы она могла достойно соперничать с национальными системами образования развитых стран. Конкуренция между престижными университетами в последние годы усилилась, о чем свидетельствует появление так называемого «транснационального образования», открытие в России большого количества представительств и филиалов западных вузов, появление обучающих онлайн-платформ, проведение различного рода рейтингов в образовательной сфере. Учитывая данное обстоятельство, правительство запустило проект «5-100», согласно которому не менее пяти российских вузов к 2020 году должны войти в сотню мировых лидеров.

Помимо объективных факторов, влияющих на усиление конкуренции в системе образования, нельзя не учитывать и конкретные политические решения. Разрабатывая образовательную политику в стране, Министерство образования и науки РФ (МОН РФ) рассматривает конкуренцию как важнейший механизм повышения качества подготовки будущих специалистов, которые должны быть востребованы на рынке труда [1]. Все меры, предпринятые в рамках реформирования высшего образования (выстраивание вузовской иерархии, появление отечественных университетов-лидеров, регулярные мониторинги деятельности и пр.), направлены на укрепление крупных престижных вузов, которым оказывается финансовая и материально-техническая поддержка.

Проведенные в «шоковом режиме» проверки Рособрнадзора позволили выявить и закрыть неэффективные вузы, прежде всего коммерческие, неспособные дать студентам качественное образование, а также привели к укрупнению ряда учебных заведений. Сокращение вузовской сети связано не только со стремлением повысить качество подготовки будущих специалистов, но и с демографической ситуацией в стране – уменьшением количества выпускников общеобразовательной школы, а также с необходимостью решить проблему соответствия структуры подготовки кадров потребностям рынка труда. Закрытие слабых вузов, слияние университетов в крупные образовательные комплексы происходило одновременно с увеличением учебной и методической нагрузки преподавателей. В совокупности это привело к высвобождению большого количества вузовских работников и породило в академической среде нестабильность и психологическое напряжение.

Российские преподаватели долгое время работали в достаточно консервативной, устойчивой профессиональной среде, в настоящее время дыхание конкуренции непосредственно коснулось и их. Многие оказались к этому не готовы, особенно ученые с солидным стажем работы, научными степенями и званиями. В самих учебных заведениях ситуация осложнилась тем, что кардинально изменился характер внутривузовского управления. На смену ректору, избираемому членами Ученого совета из числа авторитетных ученых, пришли ректоры-назначенцы, которые стали создавать команду так называемых «молодых эффективных менеджеров». Как правило, молодые менеджеры набираются из числа лиц, проявляющих не столько профессиональную активность, сколько лояльность к руководству и конформизм, что обеспечивает принятие самых непопулярных решений.

Как результат, в высшей школе, во-первых, появились привилегированные топ-менеджеры и научно-педагогические пролетарии, произошло сворачивание вузовского самоуправления, и профсоюзы все чаще стали поддерживать решения руководства, а не защищать интересы преподавателей. Следствием такого профессионального разделения трудовых коллективов на две «касты» стали непрекращающиеся конфликты администрации и рядовых сотрудников во многих вузах, инициативное движение преподавателей в защиту своих прав через создание независимых профсоюзов (например, «Свободный университет»), написание различных петиций, обращений в МОН РФ, развитие сетевых сообществ, критические публикации в СМИ, интернет-пространстве.

Во-вторых, постепенно стали формироваться две противоположные идеологии в понимании путей развития высшей школы и успешного ее функционирования. Вузовские топ-менеджеры быстро усвоили предпринимательский стиль отношений, поэтому охотно рассуждают об образовательном бизнесе, образовательном сервисе, ищут способы привлечения инвестиций, работают над созданием бренда учебного заведения, повышения его рейтинга и относятся к профессорско-преподавательскому составу как к наемной рабочей силе. В свою очередь, преподаватели, недовольные авторитарным стилем внутривузовского руководства, жестким контролем, бюрократизацией и стандартизацией научно-педагогической деятельности со стороны МОН РФ, считают, что проблема падения качества образования кроется именно в неэффективных механизмах управления высшей школой.

Как показали результаты опроса, проведенного в 2016 г. (в исследовании приняли участие более 500 человек – члены сетевых сообществ «Свободный университет», «Реформа образования», «Вести образования», «Современные методы обучения в школе и вузе»), преподаватели считают, что в целях повышения качества образования необходимо, прежде всего, предпринять следующие меры [2]:

- снизить учебную нагрузку, сократить количество отчетной документации (74,5 %);
- увеличить заработную плату профессорско-преподавательскому составу (62,4 %);
- отбирать абитуриентов в высшую школу по уровню интеллектуального развития (53,4 %);
- отказаться от авторитарно-бюрократических методов государственного управления высшей школой (53,1 %);
- усилить финансирование и материально-техническое оснащение высшей школы (51,1 %);
- возвратить преподавателям право самостоятельно избирать ректора, усилить механизмы внутривузовского самоуправления (42,3 %);
- совершенствовать содержание и технологии профессиональной подготовки студентов (41,6 %);
- усилить связи высшей школы с производством (36,2 %);
- искоренить коррупцию в системе высшего образования (30,2 %).

Помимо перечисленных выше, назывались и другие меры: разработка национальной стратегии развития высшего образования; отказ от бездумного копирования западных образцов, которые плохо приживаются в условиях российской реальности; уход от излишней коммерциализации деятельности; отказ от ЕГЭ и возвращение вступительных экзаменов в вуз; изменение модели аспирантуры, в которой на первом месте должна стоять наука, а не учеба аспирантов; совершенствование системы повышения квалификации преподавательских кадров; обеспечение их права и реальной возможности заниматься наукой, запрет на платные публикации и др.

Профессиональная нестабильность в преподавательской среде во многом порождена непоследовательностью и противоречивостью реформирования системы образования. Не смотря на то, что реформа проводится под привычным лозунгом повышения качества образования, ее «побочными продуктами» стали: уничтожение многих профессиональных и научных школ в ситуации насильтственного слияния вузов (часто разнопрофильных); массовое

сокращение кадров; резкое увеличение учебной нагрузки преподавателей; усиление бюрократизации деятельности, в том числе, рост отчетной документации; неэффективное внутривузовское управление; диспропорции в оплате труда администрации и рядовых исполнителей; разрушение традиционных академических ценностей; ухудшение психологического климата в трудовых коллективах.

В рамках исследования, на которое мы ссылались выше, преподавателям задавались вопросы, позволяющие лучше понять их эмоциональное самочувствие в ситуации профессиональной нестабильности. На вопрос: «Как вы оцениваете психологический климат в трудовом коллективе?», были получены следующие ответы: «некомфортный» – 25,7 %; «на кафедре – комфортный, в вузе – некомфортный» – 46,8 %. И только чуть больше четверти респондентов (27,5 %) посчитала психологический климат вполне благоприятным.

В ситуации ухудшения эмоционального самочувствия не могло ни измениться отношение преподавателей к работе, их удовлетворенность трудом. На вопрос анкеты: «Как вы оцениваете свою трудовую мотивацию?», были получены следующие результаты. У половины респондентов (49,1 %) мотивация снизилась, и основная причина этого ухудшение условий труда, невысокая заработная плата. У 46,3 % (большинство из них молодые преподаватели) мотивация осталась на прежнем уровне. В качестве стимулирующих факторов они называют соответствие работы своим способностям, возможности интеллектуального развития, интерес студентов к их предмету. У 4,6 % респондентов мотивация повысилась, что связано с новыми профессиональными целями (занятия научной деятельностью, карьерное продвижение).

В условиях массового снижения трудовой мотивации преподавателей и «внутреннего отхода» многих из них от активной включенности в дела трудового коллектива, ищутся новые механизмы управления работой подчиненных. Такими механизмами в настоящее время стали рейтинги профессорско-преподавательского состава и эффективный контракт. В самой идее эффективного контракта нет ничего плохого, так как стимулирующие надбавки к заработанной плате устанавливаются в соответствии с количеством и качеством труда. Но вот внедрение эффективного контракта во многих вузах усилило напряженность в трудовых коллективах и породило недовольство по поводу несправедливого распределения стимулирующих выплат.

Это происходит потому, что часто содержание эффективного контракта разрабатывается администрацией вуза при формальном обсуждении с трудовым коллективом, показатели оценки различных видов работы и начисляемые за них баллы периодически меняются (это делается в целях усиления отдельных видов деятельности вуза), отсутствует прозрачность в распределении финансовых средств, что открывает дорогу злоупотреблениям. Поэтому подчиненные воспринимают эффективный контракт неоднозначно: в тех вузах, администрация которых руководствуется принципом справедливости, особых проблем не возникает; там, где руководители разработали контракт «под себя» и получают огромные зарплаты, степень напряжения и недовольства в трудовых коллективах огромная.

На вопрос: «Как вы относитесь к рейтингу и эффективному контракту?», были получены следующие ответы: 69,3 % – отрицательно, 9,6 % – неоднозначно, 21,1 % – положительно. Респонденты, которые негативно оценили внедрение эффективного контракта, аргументировали это тем, что оцениваются только количественные показатели работы, а не ее качество, поэтому возрастает процентомания, стремление преподавателей выполнять, прежде всего, те виды деятельности, которые вознаграждаются максимальным количеством баллов.

Таким образом, современный преподаватель оказался в условиях профессиональной нестабильности, неопределенности. От высшей школы требуется «рыночное поведение»: способность наращивать конкурентные преимущества, зарабатывать деньги, находить негосударственные источники финансирования, активно работать на свой бренд и в целях привлечения абитуриентов проводить рекламные компании. Деятельность преподавателей также стала оцениваться по критериям конкурентоспособности, когда учитывается индекс цитирования, количество публикаций, отраженных в престижных библиометрических базах данных

(например, индексируемых в Web of Science, Scopus), размер привлеченных грантов, дохода от научной деятельности и т.п. Однако работа на количественные показатели, так же как и работа для проверяющих органов, искаивает смысл научно-педагогического труда, снижает трудовую мотивацию преподавательских кадров.

Искусственное стимулирование конкуренции в вузах в рамках запланированных в ходе реформы мероприятий ухудшило и без того сложную ситуацию в системе высшего образования. Требование рыночной активности происходит на фоне ухудшающихся условий труда преподавателей, что во многом связано с противоречивостью и непоследовательностью проведения реформы, с необходимостью оптимизировать деятельность вузов в условиях кризисной ситуации в стране. Многие рядовые преподаватели оказались не готовы работать в ситуации рыночных отношений и профессиональной нестабильности. Их беспокоит не только вероятность сокращения, но и изменение положения в иерархической структуре вуза, отсутствие реальных возможностей отстаивать свои трудовые права, разрушение интеллектуальной атмосферы из-за отстранения профессионалов (профессоров, докторов наук) руководством учебным заведением и всевластия менеджеров-назначенцев.

Решение проблемы кроется в осознании преподавателями реальной ситуации в сфере образования, во многом связанной с характером государственного управления в стране, отказе от идеализаций, нереалистичных ожиданий, а также в консолидации совместных усилий и активном отстаивании своих трудовых прав.

Библиографический список

1. Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2016-2020 гг. URL [Электр. ресурс]: <http://www.edu.ru>
2. Красинская, Л.Ф. Модернизация, оптимизация, бюрократизация: что ожидает высшую школу завтра? // Высшее образование в России. 2016. № 3. С. 73-81.

УДК 141.82+165.74

«ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ГУМАНИЗМ» АНРИ ЛЕФЕВРА КАК ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

E.N. Лагунова
БГУИР

В статье рассматривается критическая теория современности Анри Лефевра в контексте концепта повседневности.

Ключевые слова: критика, современность, повседневность, функциональность, ирония, история, гуманизм.

«HUMAN HUMANISM» BY HENRI LEFEBVRE AS A TRANSFORMATION OF EVERYDAY LIFE

E.N. Lagunova
Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics

The article discusses the critical theory of modernity of Henri Lefebvre in the context of the concept of everyday life.

Keywords: criticism, modernity, everyday life, functionality, irony, history, humanism.

Человеческое существование не определено и этим, собственно, определяется. Что подчеркивается философской и научной мыслью XX века, на языке которой обнаруживается экзистенция, горизонт событий, бессознательное, воображаемое, принцип неопределенности, бифуркация...

Реальный (в смысле, наблюдаемый) и воображаемый порядок вещей устанавливается человеком как временный приют – обитаемый остров в непорядочном (непознанном и, одновременно, враждебном) мире) – через преобразовательную деятельность. Источником преобразований выступает проявленная природа человека, которую философы обнаруживают в «страхе», «желании», «бессознательном», «труде», «творчестве» и т.п. В марксистской традиции таким источником можно назвать философскую рефлексию особого рода – критику и практику как создание человеком наблюдаемого и воображаемого продукта. Именно человек здесь становится определяемым и определяющим.

Анри Лефевр, французский философ и социолог, который в XX веке настойчиво обращает внимание на гуманистический потенциал марксизма. Одной из главных проблем для Лефевра является «современность» – состояние общества после ряда революционных преобразований социальной, философской, научной сферы. Базовыми установками, приведшими к современности, Лефевр называет (к слову, не он один) неиссякаемый энтузиазм по поводу технического прогресса и чувство космического, дающие человеку сознание бесконечной власти над бесконечной природой. Особенностью же подхода французского исследователя является рассмотрение повседневности как производящей современность.

Ни «язык», ни «дискурс», но «повседневность» выступает концептом, который позволяет разоблачить современного человека и общество модерна. «Повседневное можно определить как набор функций, которые связывают и объединяют системы, кажущиеся различными» [1, с. 34], – пишет Лефевр. Это является, по его мнению, главным обстоятельством сегодняшнего «положения дел». Идеи и вещи, кроме внятного целевого назначения, всегда имеют символическое измерение и связываются с предельными ценностями. Так было до современности. Современность же само символическое рассматривает в качестве целевого. Тогда «многообразие» предстает как рационализация и промышленный способ производства символического. Таким образом, «повседневность задает платформу, на которой возводится бюрократическое общество контролируемого консьюмеризма» [1, с. 34].

Анри Лефевр «популяризирует» социально-критическую теорию, выходит за пределы «классового языка» марксизма, но и не универсализирует языковые игры постмодернизма. Тем самым, французский философ органично соединяет критическую теорию с практикой игры и иронии.

Прометеевские и фаустовские ценности осмыслены и оспорены «философами», но остаются ориентирами для «политиков». Власть же, понятно, не у первых: Шпенглер не остановил закат Европы, а Орtega-и-Гассет – восстание масс. Что же тогда остается философу, будь то русский интеллигент или европейский интеллектуал? Рефлексия и ирония, считает Анри Лефевр. Первая позволяет разоблачить, вторая – преобразовать повседневность, а, значит, современность.

Современность является результатом преобразований и рационализации неопределенности социального, т.е. исторически определенным типом общества, главной особенностью которого выступает повседневность. Современность сама является переходной эпохой. Вопрос, к чему? История (если это не «представление» истории) – это всегда новое. Ирония – способ помещения сознания в историю и временность, который называет и очерчивает возможные социальные преобразования. Таким образом, ирония позволяет примерить социальные изменения и примирить человека с этими изменениями. Анри Лефевр предполагает, что современность принадлежит эпохе иронии, следовательно, не «конец истории», за которым скрывается вполне прозрачная тактика и стратегия «либерального квазипотребительства», а ироническое преобразование повседневности является определением постсовременности.

Таким образом, Анри Лефевр смешает акцент с «rationaльного гуманизма», обернувшись парадоксом невероятного успеха научно-технического прогресса на фоне явного не-

успеха личностного и социального существования, на «гуманизм с человеческим лицом», который рассматривает человека не как объект власти и технологий, а как субъекта преобразования (с помощью иронии и рефлексии) повседневности, а, следовательно, власти.

Библиографический список

1. Лефевр А. Повседневное и повседневность// Социологическое обозрение, 2007. Том 6. № 3. С. 33-36.

УДК 316.4.06

ФАКТОР НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ АБИТУРИЕНТОВ

Н.С. Ладыжец, О.В. Санникова
ФГБОУ ВО «УдГУ»

В статье анализируются особенности образовательной миграции как рискового процесса, а также фактор неопределенности в образовательной миграции современных абитуриентов. Рассмотрена миграционная активность будущих студентов как субъективный фактор превращения учебной мобильности в некомпенсируемую образовательную миграцию. Выявлены характеристики образовательной миграции как самоорганизующегося процесса, воспроизводящего социальные и индивидуальные риски как свое собственное основание. Установлено, что для потенциальных образовательных мигрантов с территории Удмуртии риски адаптации к новым условиям самостоятельной жизни оказываются более значимы, чем образовательные риски.

Ключевые слова: неопределенность, образовательная миграция, образовательные риски, миграционные риски, абитуриенты, Ижевск, Удмуртская республика.

THE UNCERTAINTY FACTOR IN THE EDUCATIONAL MIGRATION OF MODERN ENTRANTS

N.S. Ladyzhets, O.V. Sannikova
Udmurt State University

The article analyzes educational migration as risk-generated process, as well as the uncertainty factor in the educational migration of modern entrants. The authors look into the migration activity of would-be-students as a factor of transformation of academic mobility into non-compensated educational migration. The focus is made on the traits of educational migration as a self-organized process that produces social and individual risks as such. It is stated that for potential educational migrants from Udmurt Republic adaptation risks to new independent life are more important than educational risks.

Keywords: uncertainty, educational migration, educational risks, migration risks, entrants, Izhevsk, Udmurt Republic.

Введение

Комплексное изучение и обсуждение феномена неопределенности является много- и междисциплинарным, с выделением, при необходимости, относительно самостоятельных направлений. В сфере социокультурного анализа они не только оказываются взаимно дополнительны, но и обнаруживают очевидные пересечения. Одним из таких дискурсивных «перекрестков» в современном мире оказывается сфера высшего образования, в частности, – университетского. Фактически университет оказался в зоне многомерной неопределенности, порождающей риски, негативные следствия, но также – и новые подходы к разрешению существующих проблем и переформатирование институционально-субъектного взаимодействия.

Формирование нового междисциплинарного направления

По существу, У. Бек, Г. Бехманн и Э. Гидденс [1; 2; 3] сформировали новую междисциплинарную парадигму современного социогуманитарного знания, получившую наименование общества риска. Основная идея этого нового способа видения и оценки мира состояла в том, что наука и технологии, ранее рассматривавшиеся основными гарантами и драйверами прогресса, привели к лавинообразно нарастающим рискам, порождающим новые опасности и неопределенности. Парадокс современности заключался здесь в том, что поиски их предотвращения и снижения рисков также должны искать наука и технологии, предлагая научно обоснованные управленческие решения, стратегии и тактики обеспечения безопасности, доверия, предсказуемости и определенности. В предельно образной форме еще в 1986 г. У. Бек сформулировал это так: «Мечтой старого общества является то, что каждый хочет и должен иметь долю пирога. Утопией общества риска является то, что каждый должен быть избавлен от отравления» [9]. Прежде всего, это также означает, что наука закрепляет для себя новую роль и зону ответственности: анализировать опасности, предвидеть риски и минимизировать сгущения неопределенности.

Современные университеты, реализующие три основных миссии – обучения, исследования и взаимодействия с социумом – оказались вовлечены в многомерные зоны рисков: геополитических, финансовых, демографических, технологических, социокультурных, репутационных, территориальных и ряда других. В случае региональных университетов ситуация также усугубляется усилением *нового качества – транзитивности*. Применительно к нашим университетам, его можно определить как функциональную деформацию в направлении зон транзита, временно используемых для получения образования и накопления социального опыта с целью последующей трудовой, либо образовательной миграции в мегаполисы и вузы более благополучных регионов России. Новые мобильности и миграционные потоки модифицируют устоявшиеся институциональные структуры, требуют новых подходов в принятии управленческих решений и сопряженного результативного взаимодействия всех ключевых региональных контрагентов.

Противоречия развития социальных трендов

Дихотомия глобальных процессов в начале XXI столетия предъявляет одновременность разнонаправленных социальных трендов. В частности, с одной стороны, – глобализация открывает доступ к образовательному пространству продвинутого уровня подготовки, формируемому ведущими университетами мира, а с другой, – доступность различных видов подготовки и нарастающая коммерциализация образовательных ресурсов массовизируют высшее образование, снижая его ценность. Конфликт глобального, национального и индивидуального уровней очевиден в университетской практике, когда наиболее успешные профессора и студенты могут выбирать лучшие условия, предпочитая в ряде случаев покинуть регион, где они получили стартовый «культурный» и «социальный» капиталы.

В современных условиях «человеческий капитал» становится фактором экономического развития, определяющего, в конечном счете, качество жизни региона. Систематический отток человеческого капитала приводит к снижению эффективности трудовой деятельности и ухудшению удовлетворения потребностей общества и его отдельных агентов. Современная глобалистика оказывается подвержена испытаниям возрастающей неопределенности в принятии управленческих решений. Глобальные процессы характеризуются также превращением знания в востребованный товар, переносом рыночных отношений в сферу образования. Многообразие формирующихся новых моделей университета привело к усилению неоднородности глобального образовательного пространства, конкуренции университетов за абитуриентов, ведущих преподавателей и финансовые ресурсы. Эта конкурентная среда стимулирует интенсивные потоки образовательной, академической и даже технологической мигра-

ции в направлении наиболее конкурентоспособных вузов. Характеристики конкурентоспособности университетов в свете глобализационных вызовов стали предметом специального анализа существующих моделей университета.

Новые форматы образовательной мобильности и миграции

Важнейшая проблема оказывается представлена новыми форматами образовательной мобильности и миграции, определяемых неравномерностью социально-экономического развития различных территорий Российской Федерации. Образовательная мобильность нередко превращается в трудовую миграцию, лишая региональные вузы подготовленных абитуриентов, регионы – квалифицированных кадров, создавая тем самым угрозы выживания не только городам, включая региональные столицы, но и самим регионам. Если образовательные мигранты не возвращаются на свою малую родину для завершения образования или трудоустройства, а стремятся сделать свое академическое географическое перемещение необратимым и невозвратным, то такая образовательная миграция становится некомпенсируемой. Некомпенсируемый характер образовательной миграции создается тем, что миграционная убыль населения страны или ее региона не восполняется притоком на эту территорию новых мигрантов, также имеющих образовательные намерения.

Для Самарской области эта проблема не является чрезмерно рискованной, поскольку Правительством РФ разрешено принять 3900 мигрантов в 2018 г., с предоставлением права временного проживания в стране, в то время как для Удмуртии эта квота составила лишь 200 человек [7]. На протяжении последних нескольких лет Удмуртия испытывает устойчивую миграционную убыль населения [4]. Приток молодежи с целью получения образования существует, но он не компенсирует отток населения в активном трудоспособном возрасте, в том числе – и с высшим образованием. Соответственно, снижаются образовательный и культурный уровни населения. Некомпенсируемая образовательная миграция молодежи наносит невосполнимый ущерб национальной культуре и языку, этничности в целом. Возникает угроза экономической безопасности региона, культурной и социальной стабильности.

В соответствии с теорией Э.Г. Равенштайна о причинах миграционного притяжения и отталкивания [10], регионы притяжения привлекают мигрантов экономической и политической стабильностью, перспективами трудоустройства, получения качественного образования, социального обеспечения и рядом других параметров. Регионы отталкивания характеризуются кризисным состоянием экономики, социальной и политической нестабильностью, более низким уровнем предоставления образования.

Помимо объективных факторов воздействия на образовательный миграционный отток с территории Удмуртии, значимыми оказываются и субъективные факторы образовательно-миграционной активности молодежи. Т.Н. Юдина [8] в качестве такого субъективного фактора предлагает рассматривать не столько персонализированные социопсихологические следствия миграционных перемещений, сколько индивидуальные предпосылки такого процесса в виде личностных предпочтений, ожиданий и установок.

Индивидуальная и социальная неопределенность образовательной миграции

Образовательная миграция оказывается противоречивым и неоднозначным явлением в силу индивидуальной и социальной неопределенности ее результатов. Она объединяет территориальную и образовательную виды мобильности, определяемые стремлением индивида к повышению своего социально-профессионального статуса. Географическое перемещение связано с оценкой ресурсного потенциала социального пространства для улучшения качества жизни и построения карьеры. Образовательная мобильность определяется действиями индивида, реализующего возможности получения образования и использования этих возможностей в качестве социального лифта.

Парадокс заключается в том, что вместо взаимной дополнительности эти два типа мобильности, соединенные в образовательную миграцию, противоречат друг другу, генерируя неопределенность и неоднозначность этого процесса. Образовательная направленность территориального перемещения активной молодежи в трудоспособном возрасте не оказывает серьезного влияния на рынок труда и не способствует встраиванию подрабатывающих студентов в устойчивую профессиональную структуру принимающей территории. В результате образовательный характер миграции девальвирует ее потенциал как ресурса стабилизации и совершенствования социально-профессиональной структуры территории-реципиента.

Стремление иногородних студентов, ставших выпускниками, закрепиться на рынке труда принимающей территории, сталкивается с высокой конкуренцией таких же молодых «своих» выпускников, зачастую не имеющих опыта работы по специальности. В этом случае решающим «аргументом» в конкурентной борьбе на рынке труда оказывается не столько качество полученного образования, сколько диплом престижного вуза. Тем самым дискредитируется и девальвируется образовательный смысл миграционных перемещений студентов, которые уезжают из дома не столько за выдающимися знаниями, сколько за престижным дипломом.

Это означает то, что миграционные ожидания подтверждаются далеко не всегда. Возникающие разрывы создают для субъекта ситуацию риска, поскольку, в связи с ускорением социальных изменений, результаты миграционных перемещений становятся все более не-предсказуемы и неопределенны. В случае образовательной миграции, риски, связанные со сменой социокультурной среды и проблемами социально-психологической адаптации к новым условиям жизни, соединяются с образовательными рисками, из-за которых образовательные результаты становятся неопределенными и негарантированными. Эти две группы рисков усиливают друг друга, создавая образовательно-миграционный тип риска, повышающий рискогенность ситуации, в которой оказывается образовательный мигрант.

Авторы многочисленных работ, посвященных образовательным рискам, – Ю.А. Зубок и В.И. Чупров предложили деление этих рисков на средовые и деятельностные [6]. Средовые – характеризуют условия жизнедеятельности в ситуации неопределенности последствий социальных изменений, а деятельностные – связаны с возможностью субъективного выбора, неопределенностью его результатов и ответственностью субъекта за эти результаты. В случае образовательной миграции средовые риски возникают в связи с дисфункцией социальных институтов, включая образовательные, которые могли бы способствовать успешной адаптации образовательного мигранта, как к новым условиям проживания, так и к новым условиям получения образования. Деятельностные же риски, вызванные собственной активностью индивида, исследователи связывают с возможностями его социального продвижения и саморазвития – с неопределенностью последствий индивидуального образовательного выбора.

Такие риски становятся источником активности молодежи, выбирающей свою образовательную траекторию. Таким образом, молодежь, в стремлении избежать одних образовательных рисков, генерирует другие риски [6]. Желание минимизировать риски получения некачественного образования, а впоследствии – непрестижного и низкооплачиваемого трудуустройства, можно считать причиной, побуждающей выпускников средних учебных заведений покидать свой регион для продолжения обучения без намерений возвращения. Преимущественно, они руководствуются тем, что образовательная миграция должна облегчить доступ к такому содержанию образования, которое позволит обеспечить конкурентоспособность на высококвалифицированном рынке труда. Этот необходимый результат должен, в свою очередь, компенсировать и средовые, и деятельностные образовательные риски, связанные с обучением вдали от постоянного места проживания. Но в этом случае образовательный мигрант встречается с риском как с угрозой неполучения желаемого качества профессиональной подготовки, в связи с тем, что ее содержание в условиях быстрой смены технологий утрачивает свою определенность.

Влияние субъективного фактора на превращение учебной мобильности в некомпенсируемую образовательную миграцию можно рассматривать в контексте активности субъекта, вызванной существенной неопределенностью результатов этой миграции. Способность существовать в ситуации постоянных социальных изменений с неопределенными результатами проявляется в активности, вызванной встречей с этой неопределенностью. Субъект образования, заинтересованный в качестве своей профессиональной подготовки, оказывается, вынужден самостоятельно преодолевать возникшие риски, связанные с неопределенностью требований к содержанию образования, и самостоятельно осуществлять его конструктивное проектирование.

Неопределенность расширяет возможности выбора, становится тем объективным фактором, который может стимулировать субъективную активность и творчество образовательного мигранта по отношению к процессу и результату своего образования. Во-первых, – это неопределенность «социального заказа» со стороны рынка труда на специалистов и направления, выбранные образовательными мигрантами для обучения в иногородних вузах. Очевидно, что потребность в специалистах выбранного профиля за 4-6 лет обучения может существенно измениться. И тогда материальные, временные и интеллектуальные затраты студента, обучающегося вдали от родного дома, окажутся недостаточно оправданы. Во-вторых, – неопределенность положения региональных вузов, подвергающихся череде реформирований и реорганизаций. В-третьих, – неопределенность содержания образования, которое, в соответствии с двухуровневой системой подготовки и ФГОС ВО третьего поколения, формируется самими вузами и затрудняет межрегиональную мобильность студентов.

Такая неопределенность создает для абитуриентов значительные средовые риски, снижает привлекательность получения образования в региональном вузе. В этой связи выпускники предпочтут воздействие миграционных рисков, – как средовых, так и деятельностных. Отток молодежи из региона усиливается, что приведет к неблагоприятным следствиям в экономике и социальной сфере.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что некомпенсируемая образовательная миграция порождается неопределенностью результатов кризисных социально-экономических изменений в регионе. При этом такая миграция сама превращается в фактор риска, закрепляющий и усиливающий неблагоприятные изменения в обществе с угрожающей нестабильностью. Поэтому некомпенсируемая образовательная миграция может быть охарактеризована как самоподдерживающийся процесс, воспроизводящий состояние неопределенности, социальные и индивидуальные риски.

Эмпирический анализ ресурсов освоения неопределенности выпускниками школ

Для конструктивного освоения этих рисков образовательному мигранту необходимо обладать некоторыми ресурсами. Для выявления ресурсов освоения неопределенности у выпускников школ, в связи с их намерением обучаться в иногороднем вузе, в 2016 г. был проведен анкетный опрос будущих абитуриентов. В стратификационную выборку вошли 150 учеников выпускных классов школ г. Ижевска ($n=150$), осуществляющих профильное обучение или обучение повышенного уровня. Предполагалось, что стремление обучаться в вузе за пределами Удмуртии связано у выпускников с потребностью в качественном образовании, полученном в престижном центральном вузе; что такое образование они намерены использовать для самосовершенствования, обеспечивая с его помощью благоприятные профессиональные и жизненные перспективы; а также, что от имеющихся у них ресурсов зависит отношение к неопределенности: адаптационное или активное, конструктивное, творческое.

Одним из таких ресурсов является готовность к изменениям и освоению нового. Современные выпускники имеют устойчивую установку на продолжение образования – получить высшее образование намерены 78 % опрошенных. Почти четверть (23 %) респондентов пред-

полагает совмещать работу и учебу. Почти половина опрошенных (52 %) решила, что образование, полученное в другом городе, обеспечит им расширенные перспективы. При этом учиться в учебных заведениях Удмуртии намерена почти третья часть респондентов (28 %). Пятая часть (20 %) с решением не определилась. Из числа имеющих возможность уехать в другой город для учебы постарались бы не возвращаться 19 %. Основными мотивами для возвращения после окончания учебы названы семейные (54 %) и личные (28 %) обстоятельства.

Другим ресурсом освоения неопределенности являются ценности и смыслы по отношению к перспективам своего будущего и к образованию как способу их реализации. Выпускники школ строят амбициозные жизненные планы. Практически все стремятся к независимости и самостоятельности (99 %), с жизненным благополучием связывают успешную карьеру 94 %, интересную работу – 92 % самореализацию – 92 %, материальное благополучие – 91 % респондентов. Ценности, связанные со способами достижения жизненного успеха, с необходимостью ради него прилагать собственные усилия, котируются среди школьной молодежи существенно ниже. Приобретение хорошего образования для жизненного успеха ценится 81 % респондентов, добиться уважения окружающих будут стремиться 76 % выпускников, а диплом престижного вуза, в который надо не только поступить, но и закончить, ценится 65 % опрошенных. Налицо разрыв между воспринятыми внешними декларациями жизненных целей и трудоемкими способами их достижения.

Еще один ресурс освоения неопределенности – жизненные выборы, касающиеся не только решений в прошлом, но и действий в будущем. Выпускники обосновывают выбор обучения в иногороднем вузе в большей мере актуальной для подростков задачей – освободиться от опеки и контроля родителей (52 %) и получить больше возможностей успешного трудоустройства, карьеры, заработка (52 %). Но надежды подростков на успешное трудоустройство, карьеру, заработок за пределами родного города эфемерны, поскольку слабо связаны в их представлениях с необходимостью прилагать собственные значительные усилия для того, ради чего они, собственно, покидают родной дом. Такие достижения предполагаются сами собой разумеющимися, когда оказывается достаточным уехать в другой город под предлогом обучения в вузе и освободиться от родительского контроля. Соответственно, возможности достижения жизненного успеха, имеющиеся в родном городе и республике, оцениваются привлекательными менее, чем для половины опрошенных.

Вернуться в родной город, республику по завершении учебы в иногороднем вузе готовы для: привлекательной зарплаты – 36 % респондентов, интересной работы – 28 %, гарантированного трудоустройства – 26 %, обеспеченности собственным жильем – 24 %, получения льгот и гарантий молодым специалистами – 10 % опрошенных.

Следующим ресурсом освоения неопределенности является принятая модель отношения к ней. Здесь возможны два основных варианта: приобрести в новых обстоятельствах дополнительные способности, развить имеющиеся, пополнить интеллектуальные ресурсы, обрести новый социальный опыт для конструктивного использования имеющихся и возникающих неопределенностей, либо приспособиться к существующим обстоятельствам, признавая первостепенными задачи, актуальные для данного момента, а не для перспективы развития.

Вчерашний школьник, поступивший в иногородний вуз, вынужденно привыкает к самостоятельной и ответственной жизни. Поэтому для будущих абитуриентов оказывается необходимым приобретение таких качеств, как умение принимать самостоятельные решения (91 %), распределять ограниченные финансовые ресурсы (56 %), отвечать за свои поступки (46 %), устанавливать коммуникации в новых жизненных обстоятельствах (40 %). Но при этом сохраняется существенная материальная зависимость от родителей в период иногороднего обучения. 70 % опрошенных считают, что возможность отъезда в другой город для обучения зависит от благосостояния семьи. Это сопоставимо с мнением 71 % опрошенных о том, что такие возможности обеспечены качественной подготовкой по школьным предметам, а также – собственными способностями (61 %).

Для современных абитуриентов характерно представление о том, что преодоление финансовых трудностей – прерогатива родителей и родственников. Только 29 % опрошенных считают, что студент должен разделить с ними экономическую ответственность за свое обучение в другом городе и самостоятельно зарабатывать себе на жизнь.

Таким образом, мотив получения качественного образования не является приоритетным для выпускников, выбирающих путь образовательного мигранта. Их больше привлекает приобретение самостоятельности вдали от родительского контроля. При этом материальную и финансовую ответственность за самостоятельность фактически взрослых детей несут по-прежнему родители. Для выпускников школ образовательная миграция в меньшей мере связана со стремлением получить качественное образование, обеспечивающее развитие способностей и достижение благоприятных социальных перспектив. Желание обнаружить за пределами родного города расширенные перспективы карьеры, трудоустройства, заработка не сопровождается приоритетными установками на применение собственных образовательных усилий для достижения желаемых благ. Очевидно такое отношение к неопределенности, связанной с образовательной миграцией, которое характеризуется как понижающая адаптация, «...где отсутствует перспектива роста, механизм постоянного повышения качества своих действий (именно в той мере, в какой они свои, а не заданы извне и не принятые поневоле)» [5].

Оценка индивидуальных оснований такой миграции показала, что социальные преимущества образовательные мигранты стремятся извлечь не столько из новых возможностей получения образования, сколько из самого факта невозвратного географического перемещения. Некомпенсируемая образовательная миграция не только лишает регионы – доноры экономических и социальных перспектив. Она не выполняет и функции обеспечения приоритета качественного образования в качестве индивидуальной цели миграционного поведения.

Основные выводы

Таким образом, по результатам исследования определен субъективный фактор превращения учебной мобильности в некомпенсируемую образовательную миграцию. Это – активность субъекта в рискованной ситуации неопределенности результатов этой миграции. Порождаемая неопределенностью результатов кризисных социально-экономических изменений в регионе, миграционная активность субъектов сама превращается в фактор риска. Образовательная миграция становится самоорганизующимся процессом, воспроизводящим социальные и индивидуальные риски как свое собственное основание.

По результатам эмпирического исследования индивидуальных ценностных оснований образовательной миграции установлено, что для выпускников школ Удмуртии более актуальны миграционные средовые риски, связанные с понижающей адаптацией к изменениям социально-экономических условий жизни, чем деятельностьные риски, связанные с трудностями в освоении содержания вузовского обучения. Трансформация учебной миграции в некомпенсируемую вызвана девальвацией ценности качественного образования в пользу ценности индивидуальной успешности, обеспеченной невозвратным географическим перемещением с территории Удмуртии.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований, проект № 18-013-00447-а «Транзитивный университет в условиях глобальных, национальных и региональных вызовов».

Библиографический список

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой; Послесл. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
2. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского, Г.В. Гороховой, Д.В. Ефременко, В.В. Каганчук, С.В. Месяц. – М.: Логос, 2010. – 248 с.

3. Гидденс Э. Последствия современности. Пер. с англ. Г.К. Ольховикова; Д.А. Кибальчича; вступ. Статья Т.А. Дмитриева. – М.: Изд. и консалт. группа «Праксис», 2011. – 352 с.
4. Демографическая ситуация в Удмуртской Республике по итогам 2017 года // <http://minsoc18.ru/family-and-children/information-materials/demographic-situation/ds-2017/>
5. Зоркая Н. Молодежь: типы адаптации, оценка перемен, установки на социальное достижение // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. Вып. 2 (52), март-апрель. – С. 23-30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/molodezh-tipy-adaptatsii-otsenka-peremen-ustanovki-na-sotsialnoe-dostizhenie>
6. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Риск в сфере образования молодежи: институциональные и саморегуляционные механизмы управления// Вопросы образования. 2008. № 4. С. 31-55.
7. Сацук Ю. Самарской области разрешили принять 3900 мигрантов в 2018 году // 63.ru. 24 ноября 2017. URL: <https://63.ru/text/gorod/368876148043776.html>
8. Юдина Т.Н. О социологическом анализе миграционных процессов // Социс. 2002. № 10. – С.102-109.
9. Curtis A. The vegetables of truth / Adam Curtis // BBC, Friday 10 October 2014. URL: <http://www.bbc.co.uk/blogs/adamcurtis/entries/a2094c9d-9864-348e-a241-7aa93adf0c09>
10. Grigg D.B.E.G. Ravenstein and the “laws of migration” // Journal of Historical Geography. Volume 3, Issue 1, January 1977, Pp. 41-54. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/0305748877901438>

УДК 141.15+004.94

РИСКИ ВОЗРАСТАНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ВИРТУАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Н.П. Лысикова

*ФГБОУ ВО «Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет» имени Н. Г. Чернышевского»*

В статье рассматриваются риски возрастания неопределенности в условиях виртуального общения, когда активно используются современные информационные технологии. Виртуальное общение обладает как положительными, так и негативными характеристиками. Как опосредованное общение оно сохраняет риск неточности и искажения интерпретации текста.

Ключевые слова: риск, неопределенность, общение, виртуальное общение

THE RISKS OF INCREASING UNCERTAINTY IN TERMS OF VIRTUAL COMMUNICATION

N.P. Lysikova

*IN FGBOU «Saratov national research state University
named after N. G. Chernyshhevsky»*

The article deals with the risks of increasing uncertainty in the conditions of virtual communication, when modern information technologies are actively used. Virtual communication has both positive and negative characteristics. As a mediated communication, it retains the risk of inaccuracy and misinterpretation of the text.

Keywords: risk, uncertainty, communication, virtual communication

Изменения, происходящие в современном обществе, качественно преобразуют разные социальные структуры, в том числе и коммуникативные процессы между различными субъектами. Не исключением является и социокультурная сфера, в которой с одной стороны, увеличивается скорость обмена информации независимо от времени и пространства, с другой стороны, повышается риск неопределенности в процессе общения опосредованных агентов. Можно даже кон-

статировать, что появляется новый тип неопределенности, связанный виртуализацией процесса коммуникации, когда размываются пространственно-временные границы, расширяются диапазон, способы и источники получения новых знаний и информации.

Следует согласиться, что возрастание неопределенности в процессе виртуального общения чревато увеличением количества рисков, носящих не только локальный, но и глобальный характер, при этом их производство «встроено» в принятие индустриальных, технологических, экономических, политических, социокультурных решений. Распространение естественных, социальных, технологических и культурных рисков любой природы непосредственно связано как со стремительной модернизацией реальности, так и с непредсказуемыми негативными ее последствиями. Основоположник теории общества риска У. Бек утверждает, что «риски появляются благодаря знанию и поэтому могут быть преуменьшены, преувеличены или просто вытеснены с поверхности сознания» [1, с. 92]. Отсюда следует, что особенно большое значение имеет способ или источник получения знания, в частности: обращение к науке, общепризнанным научным авторитетам, опора на общественный здравый смысл и традицию, использование интуиции, а в последнее время чаще всего к виртуальности. Подобная неопределенность, неочевидность как самих рисков, так и их последствий доминирует не только в обыденном, но и в научном сознании вследствие еще и недоступности скрытых знаний. Современные исследователи подчеркивают, что к основополагающим элементам риска «могут быть отнесены источники рисков, причины рисков, условия рисков, факторы рисков, виды рисков, субъекты и объекты рисков, уровень и степень рисков, стратегии управления рисками, рассматриваемые в рамках школы планирования или школы дизайна», которая «позволяет обратиться к рефлексивным коммуникациям» [2, с. 103].

Использование виртуального общения в качестве источника получения новых знаний приводит к непосредственной невидимости, латентности рисков, соответственно, повышающей уровень неопределенности ситуации, адекватности ее оценки и принятия правильного решения. Если индустриальное общество, по мнению У. Бека, отличается «культурной видимостью», то в современном обществе риска такие факторы стратификации, как: богатство, власть не являются очевидными. Он предвидел создание виртуальности в телевизионном тексте благодаря новым техникам, технологиям, методам журналистской работы, формирующими неопределенность и искаженное представление о реальных событиях. Современное телевидение обособляет и стандартизирует информацию, выдает «готовый продукт», освобождая потребителей от продолжительных диалогов и полиалогов, самостоятельного освоения нового для них жизненного опыта. Процессу индивидуализации, то есть «высвобождению из традиционных жизненных взаимосвязей», одновременно, сопутствуют унификация и стандартизация форм существования. Исследователь полагает, что даже «ученые-общественники, как и их коллеги в других областях знания, будут зависеть от контролируемого непрофессионалами «отсутствия опыта из вторых рук» – со всеми проблемами, которые будет порождать отсутствие профессиональной автономии» [1, с. 102].

Источником производства новых рисков, порождающих неопределенность, являются современные информационные технологии, широко востребованные практически во всех сферах жизнедеятельности общества и обеспечивающие эффективную работу систем связи и навигации, освоение космоса и прогнозирование погоды, функционирование банков, учреждений науки, культуры и образования, социальных коммуникаций благодаря использованию возможностей новейших компьютеров, локальных сетей, глобальной сети Интернет. Однако именно Интернет, без которого невозможно виртуальное общение, производит новые риски различной природы и разных уровней опасности, в том числе: «виртуальные атаки» на базы информации сетевых корпораций, государственных и коммерческих учреждений и организаций, продвижение заведомо опасной, далекой от действительности, искаженной информации, интернет-зависимость у пользователей сети.

Электронные средства коммуникации, несомненно, занимают важное место в структуре социальной коммуникации, и человек все чаще познает действительность опосредованно, с помощью виртуального общения, которое играют в настоящее время трансформирующую роль в концептуализации действительности. Многие исследователи сходятся во мнении о том, что результатом развития электронных средств является не только трансформация личности, но и приобретение индивидуализированного опыта асоциальной деятельности, потому что обучение, покупки, банковские операции, получение любой информации без использования непосредственных личностных контактов ведут к утрате личностного обмена опытом, впечатлений, человеческой близости, порождают неопределенность и неуверенность в последующем вербальном общении, нивелируют параметры, составляющие неотъемлемую часть личности: пол, раса, внешность, имя, язык, культура. Использование «ников» в качестве имен пользователей оказывает влияние на идентификацию и самоидентификацию личности в процессе виртуального общения и результатом становится псевдоидентификация, потому что в виртуальное общение вступает не реальная личность, а та, за которую в данный момент человек себя выдает. Когда отправитель информации одновременно конструирует личность собеседника и выбирает свою собственную идентичность, то возникает некая «виртуальная личность», которая в процессе виртуального общения либо будет приближаться к реальной, либо отдаляться от нее.

Профессор О.Б. Сиротинина высказывает опасение, что подрастающее поколение, являющееся активным пользователем сети Интернет, не усваивает литературный язык, в том числе и потому, что «СМИ оказывают пагубное влияние не столько на язык, сколько на речь и речевое поведение, бездумно тиражируя необоснованное снижение речи и подстраивая речевое поведение под чуждые русской культуре нормы (отказ от именования людей по имени и отчеству, свободное использование домашних имён и ты-общения в публичной и массовой коммуникации). Пагубным влиянием на язык можно считать то, что приводит к сужению возможностей языка в передаче смысла. В основном это пока ещё ошибки речи, не затрагивающие язык, но в случае их тиражирования СМИ пострадает и язык» [3, с. 69].

Виртуальное общение нарушает традиционные нормы речевой культуры, используя новые формы выражения эмоций: заглавные буквы вместо ударения, смайлики, вербальное описание эмоциональных состояний. Даже в режиме онлайн его отличают высокая скорость, близкая к телеграфному варианту, синтаксис, отказ от заглавных букв, использование большого числа сокращений, формирование особого жаргонного языка. Об упрощении характера виртуального общения свидетельствует также активное использование разговорно-обычной лексики, в результате чего происходит стирание граней между личностно-ориентированным и статусно-ориентированным типами общения. При этом возрастают неопределенность и, соответственно, риски в процессе виртуального общения представителей разного культурного и профессионального уровня.

Отсюда следует, что виртуальный процесс или виртуальный объект заведомо обладают неполным, неочевидным существованием как пространственным, так и временным, при этом их «неполнота предполагает наличие двух групп свидетельств относительно гипотезы существования объекта, одна из которых подтверждает, а другая опровергает данную гипотезу. Следовательно, наиболее полно виртуальность объекта можно установить, учитывая всю совокупность свидетельств относительно его существования» [4, с. 1374].

Отметим, что зависимость от Интернета распространена среди разных слоев населения, однако чаще ей подвержена молодежь, и на это существуют как объективные, так и субъективные причины [5]. Предполагая активное виртуальное общение, интернет-зависимость конкретно реализуется в следующих проявлениях, каждое из которых связано с возрастанием риска неопределенности:

- во-первых, обсессивное пристрастие к работе с компьютером, в том числе к играм, программированию;
- во-вторых, безостановочная навигация по WWW;
- в-третьих, патологическая привязанность к интернет-играм, онлайновым аукционам или электронным покупкам;
- в-четвертых, зависимость от социальных применений Интернета, в том числе общения в чатах, форумах, участия в групповых играх, что приводит к замене реального общения виртуальным;
- в-пятых, зависимость от киберсекса.

Феномен зависимости от Интернета, несомненно, существует, однако современный человек зависит от Сети как от явления, которое значительно упрощает жизнь, делает ее более разнообразной, качественной, комфортной в связи с расширением информационного поля, быстрым многоцелевым и многоплановым общением, начиная от дружеского обучающего, профессионального до общения, связанного с финансовыми, торговыми и иными операциями, что значительно экономит временные, психологические и иные ресурсы человека. И все-таки риск пользования Интернетом обязательно присутствует также и в связи возможными сетевыми атаками, поломками компьютера, воздействием хакеров, а впоследствии к утрате или несанкционированному доступу к персональным данным пользователя.

Специфичность, упрощенность, многозначность, эмоциональная бедность языка сетевого общения, характерная для определенной части интернет-пространства, свидетельствует о наличии негативных тенденций в формировании языка виртуального общения и возрастании рисков неопределенности в интерпретации смыслов, принятии решений, оценке обсуждаемых ситуаций респондентом.

Вместе с тем процесс создания виртуальной реальности и машинного интеллекта остановить невозможно, потому что именно развитие высоких технологий дает одним странам и людям преимущества перед другими. Современное отечественное аудиовизуальное информационно-коммуникативное оборудование и технологии позволяют создавать виртуальную реальность (VR), которая может быть применена в домашних кинотеатрах, интерактивных досках для обучения, тренажерах-симуляторах, музеиных инсталляциях. Например, с помощью одного из главных технологических трендов VR 360* становится возможным совершить незабываемое путешествие по природным заповедникам и культурным центрам России и мира, используя очки виртуальной реальности и наушники.

Таким образом, риски возрастания неопределенности в условиях виртуального общения, по нашему мнению, имеют в настоящее время, в основном, технологическую природу, хотя нельзя полностью игнорировать и человеческий фактор. Интернет-пространство можно рассматривать как уникальную лабораторию для изучения проблем общения в современном обществе риска, снижения неопределенности, формирования уникального языка сетевого общения.

Библиографический список

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой; Послесл. А. Филиппова. М: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
2. Федорова А.В., Хорольцева Е.Б. Риски рефлексивных коммуникаций в условиях кризиса // Вестник Поволжского института управления, 2016. № 3 (54). С. 102-109.
3. Сиротинина О.Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2013. 116 с.
4. Леушкин Р.В. Виртуальная социальная коммуникация: онтологический ракурс исследования // Философские науки, 2014. № 9. С. 1374-1377.
5. Войскунский А.Е. Актуальные проблемы зависимости от Интернета // Психологический журнал. 2004. № 1. С. 90-100.

СООТНОШЕНИЕ АГРЕССИИ И НАРЦИССИЗМА В СЕТЕВЫХ МОЛОДЕЖНЫХ ГРУППАХ: НА ПРИМЕРЕ КИБЕРБУЛЛИНГА (CYBERBULLYING)²

Ф.О. Марченко

Институт образования ВШЭ

О.И. Маховская

Институт психологии РАН

Статья посвящена анализу приемов, психологических механизмов воздействия, а также социальным и психологическим последствиям кибербуллинга. Сеть в силу высокой неопределенности рассматривается как проективная среда. Нарциссизм рассматривается как социальная эпидемия. Агрессия как способ социально-психологической и психологической защиты. Последствия публичного оскорбления могут быть описаны в терминах нарциссического расстройства. Указаны некоторые наиболее очевидные способы психологической защиты от публичных оскорблений.

Ключевые слова: кибербуллинг, нарциссизм, агрессия, травма, защитные механизмы, архетип

AGGRESSION AND NARCISSISM TO A NETWORK OF YOUTH GROUPS: THE CASE OF ONLINE BULLYING (CYBERBULLYING)

F.O. Marchenko

HSE University's Institute of Education

O.I. Makhovskaya

Institute of psychology RAS

This article includes analysis of social and psychological effects of cyberbullying, online insults. The network is considered as a projective medium due to high uncertainty. Narcissism is seen as a social epidemic. Aggression as a way of social-psychological and psychological protection. The depth of injury is greater than previously assumed in studies on destruction of important social relationships and the reputation of a person. The consequences of public insults can be described in terms of the narcissistic trauma of rejection. Some of the most obvious ways of psychological protection against public insults were described.

Keywords: cyberbullying, narcissism, aggression, trauma, defense mechanisms, archetypes.

Нарциссизм как социальная эпидемия

Развитие технологий ставит новые социальные, этические и психологические вопросы, сам Интернет с его высокой неопределенностью (анонимность, отсроченность последствий и ответов, возможность имитации, межкультурный характер и т.д.) представляет гигантскую проективную методику [5]. В условиях сетевой неопределенности и публичности некоторые формы поведения, которые описывались в терминах клинической психологии, быстро распространяются, нормализуются, и даже идеализируются. Цель этой статьи – на основании многолетнего опыта экспертизы сетевых проектов, анализа и включенного наблюдения, обозначить и соотнести главные характеристики сетевого поведения у молодых – нарциссизм и агрессивность.

Нарциссизм принял характер социальной эпидемии и стал важным образом жизни. Выросла и актуальность психологической защиты и предупреждения последствий сетевой агрессии [16; 8]. В отечественной психологии наиболее изучена проблема стресса, совладания, выгорания в критических условиях [4], предупреждения последствий деструктивных религиозных культов, или террористических угроз, однако сетевая агрессия остается малоизученной.

²Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-013-00754.

Нарциссизм с самого начала рассматривался как способ индивидуального формирования патологической личности даже Юнгом, автором теории коллективного бессознательного. Инструмент формирования нарциссизма – архетипы, точнее, скрытые коллективные сценарии, как уточнил Э. Берн, последователь Юнга, автор трансакционного анализа. Сценарии в отечественном литературоведении (Ю. Лотман) и психологии [2] рассматриваются как культурные инструменты, которые могут не только осознаваться, но и моделироваться, как индивидуально, так и извне. Многочисленные данные показывают, что с помощью СМИ моделируется много негативных эффектов среди детей и подростков из семей с низкими критичностью и ценностью образования и т.д. [2]. Формирование нарциссического расстройства личности может определяться сценариями разного уровня, снизу, со стороны коллективного бессознательного, и сверху, со стороны социальных представлений, стереотипов, идеологий, и совсем конкретно – через сценарии видеоигр, чатов, форумов, социальных сетей.

В силу своей неопределенности опосредованное дистантное общение является гигантской проективной методикой. Интернет создает такую систему зеркальных отражений, которая позволяет проникнуть в самые глубины человеческой психики, вплоть до архетипических сценариев, провоцирующих неудержимую агрессию участников любого публичного общения [2]. Агрессия пропорциональна глубине нарциссической травмы. Произошло радикальное изменение представлений об интимности, интимность стала публичной, а вместе с нею, процессы, которые протекали скрыто, за кадром, стоили большого напряжения, сдерживались стыдом и чувством вины, стали объектом групповой манипуляции и контроля [3].

Формы сетевой агрессии

Оптимистические взгляды на роль сетевого общения среди молодых, уверенность, что оно помогает справиться с одиночеством и является источником формирования новых положительных идентичностей сопровождается тревожными данными о росте сетевой агрессии, указывается, что девушки ведут себя даже агрессивней, быстрее распространяя компрометирующую информацию [5].

Онлайн-опрос, проведенный среди жителей США компанией VitalSmarts в 2013 году, показал, что 78 % респондентов старше 18 лет отметили «спад в уровне цивилизованности общения» и возрастающую грубость на таких сайтах, как Facebook и Twitter.

Осенью 2012 года разгорелся скандал вокруг социального новостного сайта Reddit, которой ежемесячно пользуется более 19 миллионов человек. Один из подфорумов с говорящим названием Creepshots был полностью посвящен размещению, распространению и обсуждению фотографий молодых женщин и несовершеннолетних девочек, опубликованных в Сети без их разрешения. Расследование, опубликованное Интернет-изданием Gawker, установило, что создателем подфорума являлся 49-летний программист. Публикация расследования имела серьезные реальные последствия для автора этих форумов. Он был уволен с работы и лишился средств для ухода за своей супругой-инвалидом³. В 2011 году в центре внимания общественности оказалась группа в социальной сети Facebook, созданная сотрудниками полиции Нью-Йорка для обсуждения их обязанностей во время ежегодного праздника WestIndian Day, который обычно отмечается жителями Бруклина. Группа была названа «No More WestIndian Day» и содержала непозволительные обращения к соответствующей этнической группе («дикари», «животные» и т.п.). Среди комментариев встречались и откровенно экстремистские призывы. Из 1 200 участников группы имена шестидесяти совпадали с именами действующих полицейских. Юристы успели сделать цифровую копию содержания группы. По итогам разразившегося скандала дисциплинарным мерам подверглись 17 сотрудников полиции⁴.

³<http://gawker.com/5950981/unmasking-reddits-violentacrez-the-biggest-troll-on-the-web>.

⁴<http://www.nytimes.com/2011/12/06/nyregion/on-facebook-nypd-officers-malign-west-indian-parade-goers.html>.

Унижения, преследования, агрессия в сети получили уже устойчивые названия – cyberbullying (в отношении детей и подростков) и cyberharassment (в отношении взрослых). Многие отрицательные феномены личного общения проявляются в Сети: с одной стороны, стремление выглядеть в лучшем свете (выстраивание флюидной или идеальной идентичности), нарциссизм, «поддакивание» и систематическое «лайкание» постов в референтной группе с подтверждением групповой идентичности, с другой стороны, агрессивность, попытки разрушать коммуникацию или манипулировать ее участниками, преследование и оскорбления в адрес «чужаков», прямые угрозы, демонстрация деструктивных или манипулятивных наклонностей, приемов, которые по праву относят к «кибербуллингу» [2; 19]. Амбивалентность сетевого поведения закономерно вытекает из амбивалентности личности.

Понятие кибербуллинга ввел норвежский психолог Ольвеус в 1993 году, определив как систематическое преследование, создающее неравенство власти и силы [17]. Кибербуллинг, под которым понимают совокупность способов разрушения коммуникации и оспаривание идентичностей других людей, а по форме – систематическую травлю, провоцирование и терроризирование, насчитывает более десятка форм – флейминг (оскорблений с переходом на личности), кибермоббинг (преследование, осуществляемое группой людей), троллинг (подстрекательство к агрессивному поведению), гриферство (помехи в видеоиграх), секстинг (публикация материалов интимного содержания) и т.д. [21]. Среди них video-recording of assaults/happy slapping and hopping – нападение группы подростков на сверстника, которого они выбрали в качестве жертвы, с последующим размещением записи в сети, чтобы усилить у жертвы чувство стыда и страх отвержения. Разновидностью кибербуллинга является outingandtrickery, под которым прежде понимали разоблачение гомосексуалистов, а потом – публикацию любой конфиденциальной информации. Еще один метод оскорблений в Сети носит название impersonalization, когда от имени участника распространяется информация, которая его компрометирует [1].

Психологические последствия кибербуллинга

В отличие от простого, в лицо, оскорблений, и даже в отличие от скандальных публикаций в традиционных СМИ, сетевая агрессия остается анонимной, неопределенной по намерениям, непредсказуемой по последствиям. При этом преследователь (агрессор) остается неуязвимым. Анонимность агрессора повышает тревожность жертвы кибербуллинга, но приводит к растормаживанию (disinhibition), когда он уже не может остановиться [13].

Цель кибербуллинга – провокация гипертрофированной реакции со стороны жертвы и ее референтной группы. Кибербуллинг эксплуатирует социальные страхи и потребность в привязанности. Исключение из значимой группы (exclusion/ostracism) может переживаться как социальная смерть и вызывать длительную депрессию у жертвы, и даже приводить к суицидам. Социальные сети позволяют моделировать как свой образ, так и образ социально-го окружения. Продуктивным кажется социологическое деление связей на «сильные» (любовь, дружба, ненависть, зависть, ревность) и «слабые» (френды, фолловеры, подписчики). Именно «слабые» связи интенсифицируются в сети. Нарочитое игнорирование и обрывание контактов переживается людьми так же, как изоляция в реальной жизни, и может снизить самооценку. Эксперименты показали, что исключение из сообщества (бан) не только снижает самооценку участника, делает более конформным в суждениях, но и толкает вступать в тематически связанные группы, чтобы реабилитироваться [9]. Умение совладать со стыдом и унижением приходит к нам в детстве по мере сепарации от матери. Совладав со стыдом, человек обретает чувство реальности и ограниченности своих возможностей [12]. И, напротив, отказавшись от стыда и переступив через унижение, человек подчиняется иллюзиям, в том числе иллюзии грандиозности, которые испытывают дети в результате гиперпроекции на родителя. Сеть с ее безграничными возможностями символически заменяет потакающую мать.

Общение в Сети может приводить к снижению критичности. Наиболее уязвимыми оказываются участники с нарциссическим расстройством или акцентуацией. Они активны в Сети, чаще всего и являются «звездами», и вместе с тем нетерпимы к критике. Они не просто агрессивно реагируют на критические оценки, а начинают преследовать своих обидчиков. Однако их месть носит упорядоченный целевой характер, чтобы не потерять поклонников, в которых так нуждаются [7].

В сети складывается психоаналитическая ситуация особого рода: в ответ на агрессию актуализируется не только индивидуальное бессознательное, мобилизуется не только сознательное и рациональное Я жертвы агрессии; сетевая агрессия провоцирует коллективные процессы, бурные обсуждения, похожие по своему накалу и иррациональности на всплески коллективного бессознательного, и все это вокруг одного сообщения или единственного персонажа, которого преследует рок, как в древнегреческой трагедии. Хор, сетевое многоголосье, усиливает героя, столкнувшегося с непреодолимым злом, и подталкивает к роковым поступкам.

Исторические аналогии, которые объясняют сценарии и последствия публичного истязания, можно обнаружить в истории публичных казней. Побиение камнями (лат. *lapidatio* – «забрасывание камнями, лапидация», от лат. *lapis, lapidis* – «камень») – вид смертной казни, применявшийся ещё древними иудеями и мусульманами. Психологический смысл публичной казни – в социальной смерти, приговору жить во враждебном окружении, где каждый тебе скажет «Нет!», то есть ежедневно наносится *травма отвержения*. Общение на ФБ включает сходные наказания: появление оскорбительного поста, под которым поставят сотни «лайков», подтверждающих справедливость наказания; «бан» – отказ даже видеть у себя в ленте; троллинг, откровенная дезинформация, за которую придется оправдываться.

Агрессивное действие в Сети вызывает сильную отрицательную, многократно, как эхо, повторенную реакцию. Сравнение «как эхо» заставляет вспомнить Нарцисса и его спутницу Эхо, которая не нашла другого способа быть рядом с возлюбленным, кроме как вторить ему. Сетевой агрессор, тролль (сленг), ненавидит и хотел бы устраниТЬ своего соперника, как Сальери Моцарта. Преследователь (агрессор) и жертва связаны завистью. Агрессор и жертва по-разному прошли развилку амбивалентной индивидуации, один идентифицировался с родительской агрессией, другой с родительской грандиозностью [11].

Способы психологической защиты

С психологической точки зрения жизнеспособность человека может определяться соотношением давления факторов риска и устойчивостью защитных механизмов [15]. По сути кибербуллинг, дискредитация – это нарушение, насилиственная, против воли человека, ломка психологических и социальных защит, к которым относится хорошая репутация и идеальное Я. Звезды шоу-бизнеса, а популярные молодые блоггеры сегодня к ним относятся, часто переживают *нарциссическое расщепление* – такое противопоставление идеального и реального Я, при котором все ресурсы телесного, земного Я подчинены грандиозному медиапроекту, демонстрации публике своих необычных способностей, красоты, сексуальности, креативности. При этом закулисная жизнь «звезды» может быть монотонной и скучной, и проходить в полном уединении и аскезе [18]. Производство звезд поставлено на поток, одна из них, Саша Спилберг, выступала даже в Государственной Думе.

Когда пытаются нанести урон репутации такого человека, он может испытать *нарциссический гнев*, и выбрать изоляцию в качестве образа жизни. При таком перераспределении физических и психологических ресурсов и возникает расщепление Я, или с последующими пресыщением удовольствиями и (или) отказом от потребностей физического Я, снижением чувствительности, *десенсибилизацией*. «Известно высказывание Фрейда: «Депрессия – это замороженный страх». Но точно такой же путь проходят подростки, стремясь «отморозиться»,

скрыть от других чувства, намерения и страхи. Не отреагированная через публичный гнев и возмущение эмоция остается травмой и содержит в себе судорожную готовность к действию, разрешение на которое отстрочено и ждет своего агрессивного продолжения.

В предельном выражении образ, маска отделяется от человека, превращается в отдельный, несовпадающий по характеристикам и даже биографии, персонаж – симулякр Теория симулякр-ров Бодрийяра напоминает нам, что для обывателя «звезды» на самом деле нечто вроде световых инсталляций, в их представлении они никогда не испытывают боли, унижения, как простые люди. Маска, сетевой образ, симулякр могут моделироваться СМИ вплоть до демонстрации противоположных свойств и даже предъявлении публике двойников. Таким образом, ложное нарциссическое Я становится объектом специального производства.[6]. Пользователи сами пытаются моделировать свое техно-Я (Technoself), занимаясь самопрезентацией, сохраняя, по возможности, анонимность, и используя несколько идентичностей [8; 14].

Выводы

Нарциссизм рассматривается нами как социальная эпидемия, заразительный, поощряемый в Сети образ демонстративного поведения. К анализу психологических последствий сетевой агрессии и нарциссизма применимы старые психоаналитические концепции и культурологические интерпретации.

Библиографический список

1. Бочавер А.А., Хломов К.Д., Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий, Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2014. Т. 11. № 3. С. 178–191.
2. Маховская О.И. Коммуникативный опыт личности / Москва: Издательство «ИП РАН», 2010, 249 с.
3. Маховская О.И., Марченко Ф.О. Влияние образовательных онлайн-ресурсов и телевидения на жизнеспособность детей из различных социальных групп // Жизнеспособность человека. Индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты. Монография, Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 228-243.
4. Стресс, выгорание, совладание в современном контексте // Монография, Москва: Изд-во "Институт психологии РАН", 2012, 720 с.
5. Barlett C.P., Gentile D.A, Nanyang Ch. Technological University, Predicting Cyberbullying From Anonymity. Psychology of Popular Media Culture, 2014, Vol. 5, No. 2, 171–180.
6. Baudrillard J. Simulacra and Simulation (The Body, In Theory: Histories of Cultural Materialism), University of Michigan Press; 14th Printing edition. 1994.
7. Bushman, B.J., & Baumeister, R.F. Threatened egotism, narcissism, self-esteem, and direct and displaced aggression: Does self-love or self-hate lead to violence? Journal of Personality and Social Psychology, 75, 1998, 219–229.
8. Dunn R.A. Identity theories and technology // Handbook of research on Technoself: Identity in a technological society / Ed. by R. Luppincini. Hershey, PA: IGI Global, 2013. Vol. 1. P. 26-44.
9. Filipkowski K.B., Smyth J.M. Plugged in but not connected: Individuals' views of and responses to online and in-person exclusion // Computers in Human Behavior. 2012. Vol. 28. P. 1241-1253.
10. Gray Nicola J. The Adolescence of the Web-From Turbulence to Enlightenment Journal of Adolescents health, February, 2011, Volume 48, Issue 2, Pages 117–118.
11. Hotchkiss, S. Why Is It Always About You? The Seven Deadly Sins of Narcissism, 2003.
12. Kernberg O. Borderline Conditions and Pathological Narcissism (The Master Work Series), 1995.
13. Kowalski R.M., Limber S.P., Agatston P.W. Cyberbullying: Bullying in the Digital Age/ Chichester: Willey-Blackwell, Edition 2, 2011.
14. Luppincini R. The Emerging field of Technoself studies (TSS) // Handbook of research on Technoself: Identity in a technological society / Ed. by R. Luppincini. Hershey, PA: IGI Global, 2013. Vol. 1. P. 1-25.
15. Masten A.S., Narayan A.J. Child development in the context of disaster, war and terrorism: Pathways of risk and resilience // Annual Review of Psychology. 2012. V. 63. P. 227–257.

16. McWilliams W. Christ and Narcissus: Prayer in a Self-Centered World, 1992.
17. Olweus D. Victimization by peers: Antecedents and long-term outcomes. Social Withdrawal, Inhibition, and Shyness in Childhood. New York, Psychology Press, 1993, pp. 315-341.
18. Scarborough J.K., Bailenson J.N. Avatar Psychology // The Oxford handbook of virtuality / Ed. by M. Grimshaw. New York, NY: Oxford Univ. Press, 2014. P. 129-144.
19. Solove D.J. The Future of reputation: Gossip, rumor and privacy on the Internet. New Haven, CT & London: Yale Univ. Press, 2007.
20. Twenge J.M. and Campbell W.K. The Narcissism Epidemic: Living in the Age of Entitlement, Personality Psychology: Understanding Yourself and Others, The Handbook of Narcissism and Narcissistic Personality Disorder: Theoretical Approaches, Empirical Findings, and Treatments, 2010.
21. Willard N. Cyber bullying and cyberthreats: Responding to a challenge of online social cruelty, threats, and distress. Champaign, Research Press, 2007.

УДК 316.6

КОЛЛЕКТИВНЫЕ СТРАХИ И ПРОСПЕКТИВНАЯ РЕФЛЕКСИЯ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ⁵

T.A. Nestik
ФГБУН «Институт психологии РАН»

В статье рассматриваются механизмы конструирования представлений о будущем в условиях неопределенности. Проводится анализ особенностей таких социально-психологических феноменов как коллективные страхи, коллективная тревога, групповой оптимизм и надежда, групповая проспективная рефлексия. Приводятся результаты эмпирического исследования влияния проспективной рефлексии на социально-психологические характеристики личности и отношение к будущему, которое проводилось среди участников форсайт-флота ($N = 146$) и в контрольной группе студентов московских вузов ($N = 77$). Были выявлены предикторы позитивной оценки краткосрочного, среднесрочного и долгосрочного будущего, среди которых наибольший вес имеют социальное доверие и групповая идентичность. Обнаружена обратная зависимость предсказуемости будущего от его позитивной оценки. Данные исследования показывают, что после обсуждения будущего в ходе форсайт-сессий оценка прогнозируемости долгосрочного будущего не повышается, однако возрастает протяженность индивидуальной перспективы, значимость для участников отдаленного будущего России, социальное доверие, готовность идентифицировать себя с человечеством.

Ключевые слова: неопределенность, коллективные страхи, коллективная тревога, групповой оптимизм и надежда, групповая проспективная рефлексия, социальное доверие, временная перспектива, форсайт-сессии.

COLLECTIVE FEARS AND PROSPECTIVE REFLEXIVITY UNDER UNCERTAINTY

T.A. Nestik
Institute of psychology RAS

Mechanisms of construing social representations about future under uncertainty are considered. The socio-psychological functions of collective fears, collective anxiety, group optimism and group prospective reflexion are analyzed. The foresight activities are interpreted as future oriented group reflexion. The results of an empirical study of attitudes toward future among participants of foresight sessions ($N = 146$) and in a control group of students ($N = 77$) are presented. The regression analysis revealed that ingroup and outgroup trust, civil and global identity are predictors of positive evaluations

⁵ Работа выполнена по Госзаданию ФАНО РФ 0159-2018-0008.

of nearest, mid-term and long-term future (in 1, 5 and 20 years). After foresight sessions the perceived predictability of future is negatively affected by its positive evaluation, that could be explained by growth of the tolerance to uncertainty. The comparison of experimental and control group showed that after foresight brainstorms the perceived predictability of long-term future remain unaffected, but significantly higher levels of time perspective extension, importance of long-distant collective future, social trust, and global identity were found. Perspectives of further research are proposed.

Keywords: uncertainty, collective fears, collective anxiety, group optimism, collective hope, group prospective reflexion, foresight, social trust, time perspective.

Коллективный образ будущего, то есть представления о будущих процессах и явлениях, разделяемые представителями социальной группы и конструируемые ими в межличностном общении, отражает степень жизнеспособности общества, готовность к совместной деятельности, направленной на защиту от коллективных угроз и использование возможностей для развития. Коллективный образ будущего выполняет несколько важных психологических функций. В условиях относительной стабильности и прогнозируемости условий общественной жизни он обеспечивает групповую идентификацию, регуляцию совместной деятельности, поддерживает адаптацию к изменениями и преемственность в развитии группы, легитимацию сложившихся групповых норм и планируемых изменений, а также историзацию повседневности – через включение личного бытия человека в групповой нарратив, метафору пути, эсхатологический контекст. В условиях неопределенности особое значение приобретают функции целеполагания, поддержки социального доверия, защиты позитивной оценки группы, а также преадаптации.

В содержании коллективного образа будущего можно выделить пять основных феноменов: во-первых, это коллективные цели и планы, объединяющие и координирующие усилия группы в ходе совместной деятельности; во-вторых, групповые ожидания, то есть представления о значимых событиях ближайшего будущего, которые члены группы не могут контролировать, но стремятся учесть в своих планах, в-третьих, коллективные надежды, то есть представления членов группы о вероятных положительном для них исходе уже наблюдаемых или ожидаемых событий ближайшего и среднесрочного будущего; в-четвертых, коллективные страхи, то есть разделяемые членами группы представления об угрозах для индивидуального и коллективного благополучия или даже для самого существования группы и организации; в-пятых, групповые мечты, то есть представления о желательных для группы изменениях в обществе, которые не предполагают немедленной и полной реализации в действительности; наконец, в-шестых, коллективные идеалы, то есть представления о принципиально недостижимой, но желательной для группы ситуации.

Близкими к коллективному образу будущего, но не тождественными ему, являются феномены оптимизма и пессимизма. В ситуации неопределенности формирование надежд затруднено отсутствием предмета – прогнозируемых конкретных событий, с которыми они могли бы быть связаны, поэтому место надежды занимает генерализованное чувство уверенности в благоприятном исходе, которое получило название диспозиционного или «большого» оптимизма [7]. В отличие от коллективного образа будущего, генерализованный оптимизм не связан с конкретными сценариями развития событий, не предполагает каких-либо картин будущего, может быть не определен в виде надежд, но способствует их формированию.

Общая позитивная установка в отношении будущего облегчает толерантность к неопределенности, позитивное переформулирование проблем, принятие ситуации и поиск ее положительных сторон. Оптимизм является одним из эволюционно обусловленных механизмов выживания человеческого сообщества в условиях изменений. В его основе лежат когнитивные искажения (позитивные иллюзии), поддерживаемые высокой самооценкой, позитив-

ной групповой идентичностью, уверенностью в наличии выбора и возможности коллектива влиять на свою судьбу. По-видимому, коллективный оптимизм, – как и коллективная выученная беспомощность, – может быть результатом научения [6]. Он может формироваться и поддерживаться целенаправленно через интерпретацию коллективных достижений как закономерных и постоянных, а неудачных совместных действий – как случайных, через предоставление членам группы возможности делать выбор, контролировать ситуацию, договариваться о желаемом будущем.

Оптимизм и пессимизм как групповые характеристики могут проявляться не только как мировоззренческие установки, но и как коллективные эмоциональные состояния. Так, наряду с различными надеждами на будущее, – которые, как правило, связаны с конкретными повседневными событиями и не сопровождаются глубокими переживаниями, – в группах людей можно наблюдать состояние первичной надежды, связанной с достижением коллективной цели. Такая надежда может быть выстраданной, личностно значимой для членов группы, какой была в нашей стране, например, надежда на победу в Великой Отечественной войне. Она больше, чем чувство возможного, но при этом остается генерализованным переживанием, то есть может менять свой объект. Такая деятельность надежда придает смысл уже прожитым и переживаемым испытаниям, служит защитой от фатализма и беспомощности. Надежда позволяет воспринимать критические ситуации как вызовы, а не как угрозы [3].

На первый взгляд, противоположным надежде феноменом, – а на самом деле часто сочетающимся с ней, – является коллективная генерализованная тревога по поводу будущего. В отличие от страхов, тревога не имеет конкретного объекта, при обсуждении происходящего в группах и сетевых сообществах она легко фокусируется на том или ином ожидаемом событии. В условиях неопределенности, когда неизвестно, какие именно новости рассматривать в качестве сигнала об опасности, тревога мобилизует внимание группы, сдвигает временнную ориентацию на ближайшее будущее, подсказывает, что впереди – что-то важное [2]. Тревога создает в группе напряжение, которое может разрешиться через регрессию, когнитивное упрощение воспринимаемых изменений и рост конформности, или через восхождение к сложности, повышение осознанности, рефлексию и выработку новых правил взаимодействия в нетипичной ситуации. При дефиците времени, низкой рефлексивности, низком внутригрупповом и межгрупповом доверии в группе возрастает приверженность ранее принятым решениям и готовность следовать за лидером, картина будущего упрощается, сокращается разнообразие источников информации, используемых для принятия решений.

У каждого из компонентов коллективного образа будущего есть свои психологические особенности и функции. Наши исследования показывают, что по сравнению с надеждами по поводу будущего своей организации или страны в целом, коллективные страхи в три раза менее разнообразны по содержанию и включают в себя наименее желательные сценарии развития событий. Для страхов по поводу коллективного будущего характерна амбивалентность: одни и те же люди опасаются и застоя, и революции. Иными словами, массовое сознание избегает крайностей. Надежды, напротив, более разнообразны, но при этом pragматичны.

Страхи выполняют функцию мобилизации коллективных ресурсов и адаптации к изменениям в условиях высокой неопределенности, тогда как надежды выполняют функцию сохранения позитивной идентичности и являются основой для планирования жизнедеятельности. Это положение подтверждается данными, полученными нами при исследовании представлений о будущем не только в больших группах, но и в трудовых коллективах: относимые к будущему организации позитивные события более разнообразны, чем негативные; а позитивная оценка будущего прямо связана с силой позитивной групповой идентичности [4].

В целом, анализ представлений об угрозах будущего показывает, что они глубоко социальны, связаны в основном с политической и экономической ситуацией в стране. Коллективные

страхи обладают большим потенциалом мобилизации и сплочения общества, что делает их привлекательным инструментом в руках корпоративных и политических лидеров, ориентированных на краткосрочные цели. В обществе риска политические элиты заинтересованы не столько в поддержке долгосрочно ориентированных национальных стратегических целей, сколько в формировании у граждан чувства безопасности, уверенности в защите при любом сценарии будущего. Управление тревогами по поводу ближайшего будущего и «штамповка» коллективных страхов выгоднее, чем трудоемкое выращивание коллективных мечтаний.

На групповом уровне формирование коллективного образа будущего в условиях неопределенности происходит посредством трех психологических механизмов: групповой идентификации на основе формируемого лидерами позитивного образа совместного будущего (лидерского видения); групповой рефлексии по поводу совместного будущего; а также коллективных тревожных состояний и защитных механизмов, запускаемых воспринимаемой угрозой существованию группы [4, 5].

Если групповая рефлексия повышает способность группы преобразовывать себя в меняющихся условиях (стратегическую гибкость, поисковую надсituативную активность), то групповая идентификация на основе лидерского видения будущего выполняет совсем другую функцию – повышает приверженность совместным целям, несмотря на меняющиеся условия совместной деятельности. Иными словами, сформированное лидерами видение мотивирует и сплачивает коллектив, одновременно ослепляя его, усиливая эффекты группового давления и сдвига к риску. Групповая рефлексивность, напротив, делает группу более чувствительной к информации, противоречащей коллективным базовым убеждениям. Несмотря на разнонаправленность этих процессов, они тесно связаны друг с другом: групповая рефлексия в отношении долгосрочного будущего возможна лишь при сохранении позитивной групповой идентичности [1, 4]. Рефлексия обеспечивает преадаптацию, помогает создать запас альтернативных путей развития, тогда как лидерское видение будущего – стабилизирует, задает границы, в которых будут осуществляться изменения. По существу, взаимодействие этих социально-психологических механизмов позволяет группе меняться, «не изменяя себе».

Панические и тревожные коллективные состояния, возникающие при дефиците информации и воспринимаемой угрозе существованию коллектива, также способны повышать ориентацию членов группы на будущее. Это один из видов групповых эмоциональных состояний, возникающих под влиянием групповой идентификации, обмена переживаниями в межличностной коммуникации, сравнения членами группы своих переживаний друг с другом, а также эмоционального заражения. Тревожные состояния выполняют мобилизующую функцию, обостряя внимание коллектива к «слабым сигналам» приближающихся перемен. Однако, при отсутствии групповой рефлексии и лидерского видения они запускают защитные механизмы, призванные сохранить позитивную идентичность: идентификация смещается на совместное прошлое, тогда как будущее оценивается негативно. Тревога по поводу будущего сужает внимание группы при принятии решений, снижает групповую креативность, одновременно повышая критичность членов группы по отношению друг к другу. Таким образом, нагнетание тревоги по поводу будущего препятствует формулированию отчетливых и долгосрочных целей совместной деятельности и снижает устойчивость организации к изменениям.

Наши исследования показывают, что фаталистическое и негативное отношение группы к совместному будущему приводит к росту ориентации группы на прошлое, снижению ценности времени как ресурса. Позитивные эмоциональные состояния (надежда, эмоциональный подъем) сильнее влияют на оценку коллективного будущего, тогда как негативные (паника, тревога, уныние) сильнее влияют на оценку прошлого. В целом вклад позитивных эмоциональных состояний в функционирование групповой временной перспективы значительно

выше, чем негативных. Коллективы с высокой протяженностью групповой временной проприетивы значимо реже переживают состояние паники, и значимо чаще – состояния надежды и подъема. Эти данные говорят о том, что в условиях неопределенности нагнетание тревоги по поводу будущего менее эффективны в управлении социальными системами, чем формирование позитивного образа совместного будущего.

Одной из форм «стратегического диалога» в сетевом обществе является форсайт-система мероприятий, организационных процессов, структур, норм и ценностей, поддерживающих способность сообщества предвидеть и опережать изменения, преобразуя свою деятельность на основании совместно выработанных сценариев будущего. Безусловно, конструирование образа будущего в ходе мозговых штурмов не защищено от многочисленных когнитивно-мотивационных искажений: сверхуверенности экспертов, эвристики доступности, недооценки возможности событий, отсутствующих в личном опыте и др. Тем не менее, главным результатом такой рефлексии является не сам образ вероятного будущего, а символические орудия для его непрерывного конструирования, в том числе групповые технологии проектирования будущего, доверие заинтересованных сторон друг к другу, готовность договариваться о будущем в меняющихся условиях.

Это подтверждается результатами исследования социально-психологических детерминант отношения личности к будущему, проведенного совместно с А.Л. Силингом среди участников инновационного сообщества региональных форсайт-флотов 2017 г. при организационной поддержке Агентства стратегических инициатив. Общая численность участников форсайт-навигации 2017 г., принявших участие в исследовании, составила 596 респондентов. Из них 146 человек составили экспериментальную группу, заполнившую анкету непосредственно до и сразу после участия в форсайт-навигации (мужчины – 50,3 %, женщины – 49,7 %, средний возраст – 37,9, от 15 до 68 лет). Контрольную группу составили студенты московских вузов, никогда не участвовавшие в форсайт-сессиях и мозговых штурмах о будущем ($N = 77$, мужчины – 29 %, женщины – 71 %, средний возраст – 21,7, от 18 до 35 лет) и заполнившие анкету дважды с интервалом в одну неделю, как и экспериментальная группа.

Для оценки социально-психологических характеристик были использованы шкалы генерализованного доверия, внутригруппового и межгруппового доверия из опросника WorldValuesSurvey (Crepazetal., 2014); шкалы объема социального капитала и радиуса влияния из Евробарометра (Вахштайн и др., 2017); шкалы глобальной и гражданской идентичности ($\alpha = 0,770$ и $\alpha = 0,877$). Для измерения характеристик временной перспективы были использованы сокращенная версия «Стенфордского опросника временной перспективы» Ф.Зимбардо в адаптации А. Сырцовой и О.В. Митиной (Fieulaineetal., 2010; Сырцова и др., 2007; $N = 6000$, α от 0,6 до 0,7); семантический дифференциал «Временные аттитюды» Ж. Нюттена в модификации Т.А. Нестика (Нестик, 2015; $\alpha > 0,8$), а также «Индекс протяженности временной перспективы» А. Блюдорна в адаптации Т.А. Нестика (Bluedorn, 2002; Нестик, 2015; $\alpha > 0,8$).

Были выявлены предикторы позитивной оценки краткосрочного, среднесрочного и долгосрочного будущего, среди которых наибольший вес имеют социальное доверие и групповая идентичность (см. табл. 1). При этом после участия в форсайте была выявлена обратная зависимость предсказуемости будущего от его позитивной оценки: эта связь была особенно сильной для горизонта 5 лет ($b = -0,813$ при $p < 0,001$; $R^2 = 0,683$; $F = 66,275$, $p < 0,001$) и несколько менее значимой – для горизонта 20 лет ($b = -0,889$ при $p = 0,074$; $R^2 = 0,731$; $F = 112,422$, $p < 0,001$).

Таблица 1

**Психологические предикторы положительной оценки будущего
(N=298, после участия в форсайте)**

Предикторы позитивной оценки будущего через 1 год*	Beta	P
Генерализованное доверие к людям – после форсайт-флота	,166	,048
Гражданская идентичность – после форсайт-флота	,233	,006
Протяженность временной ретроспектизы – после форсайт-флота	-,093	,023
* R ² = 0,142; F = 6,917, p < 0,001		
Предикторы позитивной оценки будущего через 5 лет**	Beta	P
Негативное прошлое (ZTPI) – после форсайт-флота	-0,143	0,089
Доверие к сообществу форсайт-флота – после форсайт-флота	0,162	0,055
Гражданская идентичность – после форсайт-флота	0,208	0,016
Протяженность временной ретроспектизы – после форсайт-флота	-0,186	0,026
**R ² = 0,166; F = 6,171, p < 0,001		
Предикторы позитивной оценки будущего через 20 лет***	Beta	P
Гедонистическое настоящее (ZTPI) – после форсайт-флота	0,237	0,004
Генерализованное доверие к людям – после форсайт-флота	0,178	0,026
Гражданская идентичность – после форсайт-флота	0,282	0,001
Обсуждая будущее на форсайт-флоте, участники уделяли больше внимания угрозам, а не возможностям	-0,205	0,011
***R ² = 0,245; F = 9,903, p < 0,001		

Вопреки ожиданиям, проспективная рефлексия *не повышает оценку предсказуемости долгосрочного будущего* (см. табл. 2). Исследование показало, что после участия в серии мозговых штурмов, по сравнению с контрольной группой, увеличивается оценка прогнозируемости только ближайшего и среднесрочного будущего, повышается протяженность индивидуальной перспектизы, значимость для участников отдаленного будущего России, социальное доверие, готовность идентифицировать себя с человечеством.

Таблица 2

**Изменения психологических характеристик участников форсайт-флота
и в контрольной группе**

Психологические характеристики	Участники форсайт-флота, N = 146		Контрольная группа, N = 77			
	Средние значения	Р по Крускаллу-Уоллесу	Средние значения	Р по Крускаллу-Уоллесу		
			До			
Внутригрупповое (толстое) доверие*	3,9	4,0	0,006	3,5	3,6	0,7
Аутгрупповое (тонкое) доверие*	3,1	3,2	0,02	2,7	2,7	0,556
Доверие к сообществу форсайт-флота*	3,8	4,1	< 0,001	-	-	-
Генерализованное доверие к людям*	3,2	3,2	0,889	2,4	2,2	0,21
Глобальная идентичность*	3,7	3,9	0,024	3,3	3,2	0,696
Гражданская идентичность*	4,5	4,5	0,559	3,4	3,3	0,252
Негативное прошлое (ZTPI)*	2,3	2,2	0,045	3,0	2,9	0,376
Гедонистическое настоящее (ZTPI)*	3,8	3,9	0,345	3,6	3,6	0,59
Будущее (ZTPI)*	4,0	4,1	0,097	3,7	3,6	0,106
Позитивное прошлое (ZTPI)*	4,0	4,1	0,494	4,0	4,0	0,354
Фаталистическое настоящее (ZTPI)*	2,0	2,1	0,175	2,3	2,4	0,161
Протяженность временной проспективы****	8,4	9,1	,002	7,2	6,9	0,014

Психологические характеристики	Участники форсайт-флота, N = 146			Контрольная группа, N = 77		
	Средние значения		Р по Крускаллу-Уоллесу	Средние значения		Р по Крускаллу-Уоллесу
	До	После		До	После	
Протяженность временной ретроспектизы****	9,2	9,2	,915	7,9	7,6	0,094
Протяженность временной перспективы при размышлениях о будущем России***	8,0	8,8	,001	7,7	7,4	0,254
Позитивная оценка будущего через 1 год**	5,1	5,3	,909	5,1	5,2	0,378
Позитивная оценка будущего через 5 лет**	5,3	5,4	,287	5,3	5,3	0,892
Позитивная оценка будущего через 20 лет**	5,3	5,4	,588	5,4	5,3	0,485
Оценка предсказуемости будущего через 1 год**	4,9	5,6	,030	2,9	2,8	0,126
Оценка предсказуемости будущего через 5 лет**	4,0	4,4	,047	2,8	2,8	0,749
Оценка предсказуемости будущего через 20 лет**	3,2	3,3	,375	2,6	2,8	0,471
Оценка способности влиять на будущее, отдаленное на 1 год**	5,3	5,4	,876	5,5	5,4	0,649
Оценка способности влиять на будущее, отдаленное на 5 лет**	5,2	5,3	,830	5,4	5,4	0,566
Оценка способности влиять на будущее, отдаленное на 20 лет**	4,8	5,0	,224	5,0	5,0	0,969

* 5-балльная шкала; ** – 7-балльная шкала; *** 14-балльная шкала; **** 15-балльная шкала.

Чем выше социальное доверие, тем выше оценка участниками своей способности влиять на будущее, но ниже оценка его предсказуемости. Эти данные указывают на то, что обсуждение сценариев развития социальной системы ее участниками, – при условии наличия внутригруппового и межгруппового доверия, – повышает *оптимизм и толерантность к неопределенности будущего*.

Форсайт является одной из форм групповой проспективной рефлексии – открытого обсуждения коллективного будущего, трансформирующего конкурирующие образы грядущего, позволяющего членам группы оспаривать и пересматривать базовые представления о прошлом и настоящем. Ключевой особенностью рефлексии является «отстранение», принятие точки зрения Другого. Групповая рефлексия, в отличие от индивидуальной, осуществляется через межличностное и внутригрупповое взаимодействие, участники которого оказываются по отношению друг к другу «зеркалами» самоанализа, выполняют роль «резонаторов», помогая друг другу увидеть себя с точки зрения своей роли в совместной жизнедеятельности. Содержанием групповой рефлексии оказывается образ «Мы» и коллективная судьба, то есть те характеристики группы и события, которые значимы для членов группы в силу их зависимости друг от друга в прошлом, настоящем или будущем (Журавлев, Нестик, 2012). Проспективная рефлексия является социально-психологическим механизмом преадаптации к изменениям, позволяет вырваться из диктата прошлого, экстраполированного в будущее, интерпретировать неопределенность будущего как возможность, а не угрозу.

Происходящая сегодня технологическая революция сильно отличается от индустриализации образца XX века: вместо вертикальных коммуникаций она требует прежде всего готовности

строить горизонтальные связи; вместо утвержденных сверху рабочих групп с четкими границами «свой» – «чужой» приходится управлять множеством сетей и сообществ в глобальных масштабах. Необходимость централизованных решений и политической воли остается, но образ будущего уже невозможно формировать в одностороннем порядке. А значит, чтобы получить дерево целей и управлять рисками, нужно опираться на социальный интеллект, увязывая друг с другом множество заинтересованных сторон. На смену проектному подходу приходит диалогический, востребованной оказывается способность лидеров поддерживать проспективную рефлексию в организациях и сообществах, задействовать многообразие и конкуренцию альтернативных образов будущего. Не алармистский подход, не нагнетание тревоги повышают жизнеспособность человечества, а повышение коллективной рефлексивности, постановка долгосрочных совместных целей, развитие институционального доверия.

Библиографический список

1. Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Групповая рефлексивность: основные подходы и перспективы исследований // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 4. С. 27-37.
2. Леонтьев Д.А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1110-leontiev40.html> (дата обращения: 3.08.2017).
3. Муздыбаев К. Феноменологии надежды (статья первая) // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3. С. 18-27.
4. Нестик Т.А. Социальная психология времени. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014а.
5. Нестик Т.А. Отношение к будущему в российских управлеченческих командах: лидерское видение и корпоративный форсайт / Экономические стратегии. 2014б. № 2. С. 134-141.
6. Селигман М. Как научиться оптимизму: измените взгляд на мир и свою жизнь. М.: Альпина Паблишер, 2013.
7. Peterson C. A primer in positive psychology. N.Y.: Oxford University Press, 2006.

УДК159.9.072.432

ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТОЛЕРАНТНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

O.S. Пецева, Н.Ю. Самыкина
Самарский Университет

В данной статье описано исследование различий толерантности к неопределенности у разных возрастных групп. Показано, что толерантность к неопределенности не имеет возрастных особенностей, однако, существенные различия были обнаружены в показателях интолерантности в межличностных отношениях.

Ключевые слова: толерантность к неопределенности, интолерантность, межличностная интолерантность к неопределенности.

AGE FEATURES OF TOLERANCE TO UNCERTAINTY

O.S. Petseva, N.Y. Samykina
Samara University

In this article the research of distinctions of tolerance to uncertainty at different age groups is described. It is shown that the tolerance to uncertainty has no age features, however, essential distinctions were found in intolerance indicators in the interpersonal relations.

Keywords: tolerance to uncertainty, intolerance, interpersonal intolerance to uncertainty.

В настоящее время мир находится в состоянии неравновесия, в связи с чем у людей теряется уверенность в будущем, и они находятся в постоянном напряжении, пытаясь обеспечить себе необходимое постоянство. Стабильность становится временной переменной и к тому же

очень затратной – в эмоциональном и в социальном планах. Современный человек живет в условиях постоянных изменений, постоянной неопределенности, постоянного появления чего-то нового, что влияет на все сферы его жизнедеятельности и качество жизни в целом.

В связи с этим представляется интересным изучать отношение к неопределенности, которая в современной литературе понимается как толерантность к неопределенности. Толерантность к неопределенности есть генерализованное личностное свойство, означающее стремление к изменениям, новизне и оригинальности, готовность идти непроторенными путями и предпочитать более сложные задачи, иметь возможность самостоятельности и выхода за рамки принятых ограничений [1].

Особый интерес представляет изучение данного свойства у разных возрастных групп, поскольку часто приходится слышать о том, что готовность к изменениям и конструктивное отношение к неопределенности больше свойственно молодому поколению, в то время как у более старших людей неопределенность вызывает негативные переживания и формирует основу возникновения хронического напряжения и стресса. В то же время реальных исследований, которые бы касались возрастных аспектов отношения к неопределенности, не существует.

Нами был проведен анализ периодизации развития личности, и мы отметили, что в настоящее время возрастные границы являются диффузными, что связано с различными социокультурными условиями у представителей одного возраста. В контексте отношения к неопределенности мы выделили пять возрастных групп.

Первая группа – 16-17 лет, ученики старшей школы. Ситуация неопределенности состоит в скорой смене учебного заведения или окончания обучения, большом количестве новых контактов (для тех кто продолжит обучение в вузе). Этот период часто называют периодом активного экспериментирования в различных сферах жизни, поиска новых возможностей, тестирования образов Я и расширения собственного поведенческого репертуара для возможного его применения в будущем [2]. При этом, помимо собственного непонимания будущего, старшеклассники слышат о значимости и неопределенности будущего от родителей и учителей, переживающих тревогу в связи с этой неопределенностью. Все это создает условия для формирования собственного отношения – от толерантности до интолерантности.

Вторая группа – 18-20 лет, студенты первого-второго курсов. Здесь ситуация неопределенности не так актуальна, поскольку важный выбор был сделан в пользу определенной профессиональной сферы, а до определения на рынке труда и в семейных отношениях есть временной период, транслируемый культурой и ближайшим окружением. В данном возрасте появляются новые проблемы и задачи (проблема поиска места в жизни, понимание и оценка перспектив и т.д.) [3]. Однако стоит отметить, что в данном возрасте скорее такие проблемы только обнаруживаются, но не решаются и можно говорить о ситуации неопределенности, когда есть проблема, но нет понимания, что с ней делать.

Третья группа – 21-22 года, студенты третьего-четвертого курсов. Здесь ситуация неопределенности связана с выпуском из университета и необходимостью дальнейшего определения себя в какую-либо деятельность (продолжение обучения, работа). Здесь продолжается активный этап решения задач взросления, поставленных ранее, в связи с чем может происходить увеличение степеней свободы и возможностей, принятие или непринятие новых образов поведения и контактов.

Четвертая группа – 23-30 лет, молодые люди, наиболее остро переживающие неопределенность. Обучение в университете завершено, наступает время активных действий. В данном возрасте максимальная степень свободы, поскольку обязательств пока может быть не так много, как в дальнейшем, и возможно начало обретения финансовой независимости от родителей. Однако, особенность современного мира состоит в том, что у человека слишком много возможностей вокруг, и он может «увязнуть» в выборе, не предпринимая в итоге ак-

тивных действий в одном направлении. Такое «застревание» в выборе также связано с неопределенностью и высокой тревогой в связи с возможным ошибочным решением и высокой ответственностью за него.

Пятая группа – 31-52 года. В данном возрасте люди «находят» себя, жизненный опыт позволяет им строить какие-либо ожидания от отношений с миром, профессиональная деятельность постепенно приносит ощущение стабильности, межличностные связи становятся стабильными и управляемыми, появляется избирательность в отношениях и принятие себя.

Вероятно, уровень толерантности к неопределенности – черта имеющая связь с возрастом, поскольку через решение различных задач, накопление опыта, толерантность может повышаться. Таким образом, возможно, будет наблюдаться более низкий уровень толерантности к неопределенности у подростков и более высокий у взрослых людей.

Для проведения исследования использовался «Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности». Он состоит из 33 утверждений, группируемых в 3 шкалы:

– фактор 1: Толерантность к неопределенности (ТН) – генерализованное личностного свойства, означающего стремление к изменениям, новизне и оригинальности, готовность идти непроторенными путями и предпочитать более сложные задачи, иметь возможность самостоятельности и выхода за рамки принятых ограничений;

– фактор 2: Интолерантность (ИТН) – стремление к ясности, упорядоченности во всем и неприятие неопределенности, предположение о главенствующей роли правил и принципов, дихотомическое разделение правильных и неправильных способов, мнений и ценностей;

– фактор 3: Межличностная интолерантность к неопределенности (МИТН) – стремление к ясности и контролю в межличностных отношениях, дискомфорт в случае неопределенности отношений с другими, что соответствует критериям неустойчивости, монологичности, статичности в отношениях с другими.

Ответы формируются по 7-балльной шкале Ликерта, большинство ответов учитывается в прямом значении [1].

В исследовании приняли участие 75 человек в возрасте от 16 до 52 лет. Испытуемые были разделены на 5 групп: 1 группа – 16-17 лет, 2 группа – 18-20 лет, 3 группа – 21-22 года, 4 группа – 23-30 лет, 5 группа – 31-52 года.

Анализ полученных данных производился с помощью однофакторного дисперсионного анализа с последующим попарным сравнением внутри групп по Тьюки. По фактору Толерантности к неопределенности значимых различий по группам обнаружено не было (p -уровень = 0,2316). По факторам Интолерантности и Межличностной интолерантности к неопределенности были обнаружены значимые различия между группами (p -уровень 0,0001 и 0,0009 соответственно). Наглядно результаты представлены на рис. 1 и рис. 2.

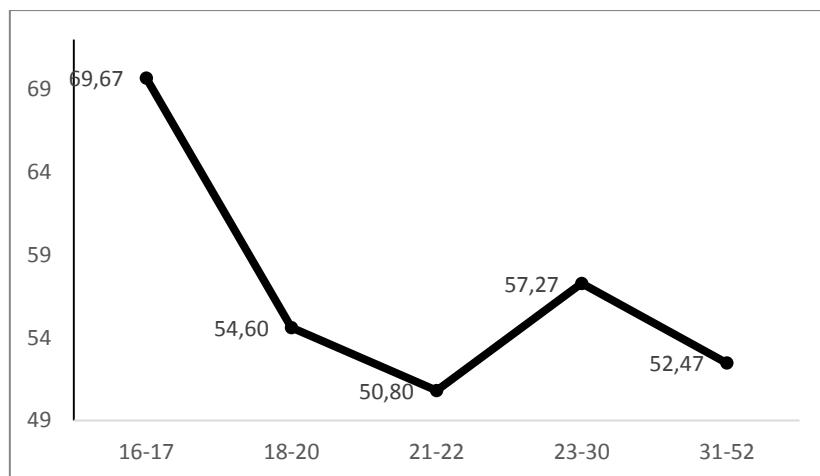

Рис. 1. Средние значения Интолерантности в разных возрастных группах

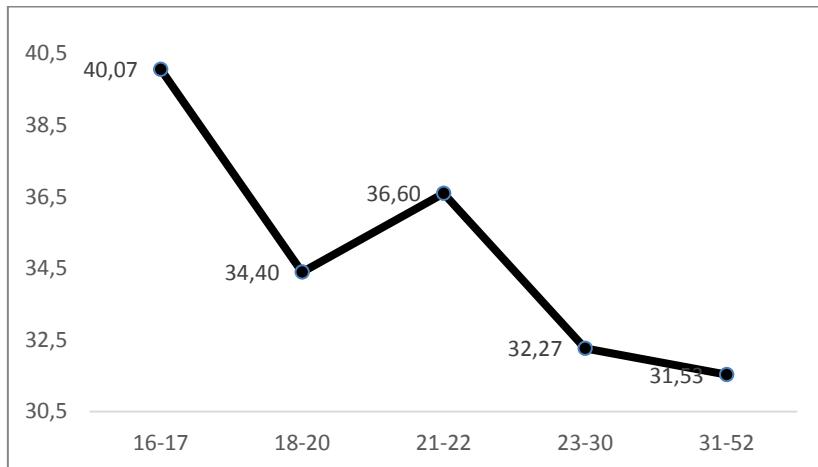

Рис. 2. Средние значения Межличностной интолерантности к неопределенности в разных возрастных группах

Далее в результате попарного сравнения значимые различия в факторе Интолерантности были обнаружены между первой группой и всеми остальными, показатели статистической значимости представлены в таблице.

Уровень статистической значимости при попарном сравнении первой группы (16-17 лет) с другими группами

	18-20	21-22	23-30	31-52
p-уровень	0.004	0.000	0.026	0.001

При попарном сравнении в факторе Межличностной интолерантности к неопределенности значимые различия обнаружены между первой и четвертой ($p\text{-уровень} = 0.004$) и первой и пятой группами ($p\text{-уровень} = 0.001$).

Таким образом, значимых различий в отношении к неопределенности в разных возрастных группах обнаружено не было. Однако интерес представляют другие значимые различия, проявившиеся при анализе данных.

Значимые различия обнаружены между первой группой и другими группами по фактору Интолерантности. Это означает, что люди в данной группе в среднем более стремятся к ясности и не готовы принимать неопределенность, им более важны правила и принципы. Можно предположить, что такой результат связан с актуальной социальной ситуацией представителей первой группы. Это учащиеся старших классов школы, которые почти ежедневно сталкиваются с определенными ожиданиями от них и определенным поведением сверстников, где редко случаются неожиданности. Здесь речь идет о том, что сейчас основные усилия их окружения направлены на успешную сдачу ЕГЭ и всевозможную работу для этого. В современных школах есть тенденция, когда администрация пытается сделать процедуру сдачи экзамена максимально понятной для учащихся, то есть сделать из ситуации неопределенности ситуацию абсолютно понятную и не скрывающей каких-либо неожиданностей, однако сам результат для старшеклассников остается непредсказуемым и в то же время значимым.

С другой стороны можно предположить, что недостаток жизненного опыта, ограниченный поведенческий репертуар не позволяет понять, что иногда неопределенность скрывает за собой возможный положительный опыт, которым они смогут пользоваться в дальнейшем при решении следующих жизненных задач. При этом они не владеют способами конструктивной переориентации в сложной ситуации.

Также следует поговорить о значимых различиях между первой и четвертой и пятой группами по фактору Межличностная интолерантность к неопределенности. Тут также можно предположить влияние недостаточности опыта и специфической среды. Последние 10-11 лет жизни достаточно много времени они проводили с одними и теми же людьми, за это время можно примерно понять, как другой себя ведет и что примерно от него можно ожидать во время общения. При этом контакт с другими старшеклассниками может быть ограничен, поскольку для многих референтной группой является школьный класс. Отсутствие значимых различий со второй (18-20) и третьей (21-22) группами возможно связано с тем, что вторая и третья группа – это студенты, то есть у них сходны условия среды (они также много времени проводят с одногруппниками, занимаются общей работой и т.д.).

В качестве возможного объяснения отсутствия значимых различий по группам по фактору Толерантности к неопределенности мы видим то, что в каждом возрастном периоде есть свои актуальные переживания, связанные с неопределенностью в будущем, но в среднем они примерно в равной мере влияют на людей разных возрастов.

Перспективой исследования является изучение отношения к неопределенности с помощью других методов (например, глубинного интервью), чтобы изучить качественные особенности представлений о неопределенности и личностные основания конструктивного поведения в ситуациях с различной степенью определенности и значимости.

Библиографический список

1. Корнилова Т.В. Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности // Психологический журнал, 2010, том 31, № 1, с. 74-86.
2. Ляшан Е.В., Самыкина Н.Ю. Особенности переживания задач взросления на разных возрастных этапах // Психологические исследования: Сборник научных трудов, 2009, выпуск 7, с. 136-140.
3. Самыкина Н.Ю., Ушмудина О.А. Предупреждение наркотической зависимости в студенческой среде. Самара: Изд-во «Универс групп», 2008.

УДК 373.31

ТРАДИЦИОННЫЙ И СОВРЕМЕННЫЙ УРОК В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПОДХОДЫ К ИХ РАЗРЕШЕНИЮ

*O.A. Пианицына
ФГБОУ ВО «ОмГПУ»
Н.П. Мурзина
ФГБОУ ВО «ОмГПУ»*

В статье рассматриваются основные проблемы в проектировании и реализации современного урока, его отличия от «традиционного». Проводится анализ предъявляемых требований к современному уроку с позиций сценарного и технологического подходов, рекомендации по разрешению затруднений в педагогической деятельности.

Ключевые слова: Урок, проектирование, сценарный подход, технологический подход, деятельностный подход затруднения в педагогической деятельности.

TRADITIONAL AND MODERN LESSON IN THE ELEMENTARY SCHOOL: PROBLEMS AND APPROACHES TO THEIR SOLUTION

*O.A. Pianitsyna
Omsk state pedagogical University
N.P. Murzina
Omsk state pedagogical University*

The article deals with the main problems in the design and implementation of the modern lesson, its difference from the "traditional" one. The analysis of the requirements for a modern lesson from the

standpoint of scenario and technological approaches, recommendations for solving difficulties in pedagogical activity is analyzed.

Keywords: Lesson, design, scenario approach, technological approach, activity approach difficulties in pedagogical activity.

В начальной школе урок, по-прежнему, остается ведущей формой организации процесса обучения. Проектирование и реализация современного урока сопровождается затруднениями в педагогической деятельности, отражающими непонимание педагогами требований к его структуре и содержанию с позиций деятельностного подхода Федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования (ФГОС НОО, 2010).

В «старой» школе при проектировании процесса обучения учитель уделял внимание только своей деятельности, руководствовался при подготовке к процессу обучения и проведении урока учебником и методическими рекомендациями, которые были едиными для всех школ России; учебная деятельность учащихся была ориентирована на методы воспроизведения знаний и формальное общение, основанное на подчинении учеников учителю. Основные принципы традиционного урока:

- жесткая регламентация времени и пространства;
- преобладание репродуктивных методов;
- доминирование фронтальных методов работы;
- отсутствие личностно-ориентированного подхода [4].

Конечно, в начальной школе были педагоги-новаторы (С.Н. Лысенкова) которые стремились внести изменения в методику организации процесса обучения, но их действия (комментированное и опережающее обучение) были направлены, прежде всего, на совершенствование познавательной деятельности обучающихся.

Никто не станет подвергать сомнению качество знаний, которые получили советские школьники благодаря такому подходу к начальному общему образованию, но среди главных их проблем – не умение применять знания в решении практических задач.

Современная система образования привнесла изменения не только в реализацию урока, но и в его проектирование с позиций технологического и сценарного подходов.

Белоусова Т.Н., Мазниченко М.А. считают, что «разработка сценариев используется как альтернатива линейному планированию». Это позволяет выстраивать варианты поведения учителя и обучающихся, прогнозировать их действия.

Технологическая карта урока (ТК) – это современная форма планирования сценария педагогического взаимодействия учителя и обучающихся [3, с. 134].

Согласно новым требованиям современный урок в начальной школе должен быть спроектирован в соответствии с требованиями, изложенными в ФГОС НОО:

- организация учебной деятельности учащихся, включая развитие учебно-познавательных мотивов;
- выбор конкретных методов и приемов обучения, обеспечивающих полную и адекватную ориентировку ученика в задании;
- организация таких форм учебного сотрудничества, где была бы востребована активность и инициатива ученика [5].

Данные требования были определены на основе идей Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, Д.Б. Эльконина, концепции А.Г. Асмолова о системно-деятельностном подходе.

Эти требования раскрывают механизм управления обучением и достижением образовательных результатов обучающихся.

По словам В.М. Монахова, один из главных объектов проектирования учебного процесса – технологическая карта урока (ТК) по изучению темы [2]. Значит, мы можем утвер-

ждать, что одним из показателей эффективной профессиональной деятельности учителя является соответствие составленного сценария ТК урока требованиям ФГОС.

Анализ конспектов уроков учителей начальной школы на педагогической практике по схеме А.В. Миронова, адаптированной Мурзиной Н.П., позволил выделить основные проблемы в проектировании и реализации урока:

- в современной школе 75 % учителей учились и начинали преподавать по принципам педагогики советских времен;
- учителя не до конца разобрались в современных методологических основах проектирования и реализации урока с позиций деятельностного подхода – от мотивации к цели, от цели к планированию, от плана к его реализации, от контроля полученных результатов к их самооценке;
- учителя не понимают отличия целей (планируемые результаты) для детей и задачи для педагога, не планируют их;
- учителя не прописывают содержание учебной деятельности школьников в сценарии на этапах урока, и, как следствие, в ходе реализации урока не включают детей в процесс деятельности – от постановки цели до оценки результатов ее достижения;
- учителя не готовы реализовывать дифференцированный подход с учетом особенностей развития детей – возрастных, психологических, половых;
- учителя склонны подводить итог урока, а не рефлексию результатов учебной деятельности на уроке, запланированных учебных задач.

Умения проектировать и реализовывать урок – это ведущие функции профессиональной деятельности современного учителя. Выделенные затруднения педагогов разрешаются не так быстро, как предполагали авторы ФГОС. Сегодня можно констатировать то факт, что, несмотря на прошедшие 8 лет после введения ФГОС НОО, вопросы, связанные с тем как построить и провести современный урок продолжают оставаться актуальными по сей день.

Изменить педагогическое мышление учителей возможно при условии объединения усилий педагогов-ученых, методистов, специалистов системы управления в образованием, самих педагогов: для своевременной диагностики возможных профессиональных затруднений в педагогической деятельности по проектированию и реализации процесса обучения; изучения и распространения эффективного педагогического опыта; проведения вебинаров и семинаров-тренингов по формированию необходимых профессиональных компетенций по созданию коллективно-распределительной учебной среды, с учетом субъектной позиции обучающихся и обучающих; а также для развития их рефлексивных действий относительно учебной и педагогической деятельности.

Библиографический список

1. Белоусова Т.Н. Сценарный подход к управлению исследовательской деятельностью школьников // Исследователь, 2012. № 3-4. С. 48–54.
2. Ермолаева Т.В. Повышение эффективности внутришкольного контроля при реализации принципа демократизации // Инфоурок. – 2014. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://infourok.ru/material.html?mid=109645>
3. Мурзина Н.П. Формирование универсальных учебных действий в начальной школе (на примере технологий образовательной системы «Школа 2100»). – Омск: ОмГПУ, 2013. 190 с.
4. Социальная сеть работников образования // Современный урок. Проблемы и перспективы современного урока. – 2014. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/dlya-kompleksov-detskii-sad-nachalnaya-shkola/2014/11/02/sovremennoy-urok-problemy>
5. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования (1-4 кл.) // Министерство образования и науки Российской Федерации. – 2009. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: minobrnauki.ru/f/documents/922

ЗА ГРАНЬЮ СОЦИАЛЬНОСТИ, НО В ПЛЕНУ ИНТЕРАКЦИИ⁶

Т.К. Рулина,

ФГБОУ ВО «СГСПУ»

Е.В. Бакшутова,

ФГБОУ ВО «СамГТУ»

В статье представлена антиномия двух эпистемологических перспектив – экзогенной и эндогенной. Описана современная российская реальность в контексте утраты индивидами системного характера ценностных ориентаций и социальной адекватности. Реальность – как следствие поэтапного влияния объективной случайности, то есть настоящей неслучайности на самоатрибуцию, влекущую за собой ожидание будущей случайности и беспомощности ей противостоять. Российская случайность – это хаотический распад социума, бессилие его предотвратить в силу могучей диссоциации, обнажившейся сразу, как только были сломаны искусственные скрепы организации советского народа. Авторы утверждают, что дефицит личного самоуважения оборачивается депрессивным атрибутивным стилем самопонимания. Понимание данной социально-психологической феноменологии возможно в контексте эндогенной эпистемологической перспективы, которая может быть обозначена как когнитивная социальная психология.

Ключевые слова: Когнитивная социальная психология, антиномия, эпистемологические модели, экзогенные и эндогенные теории, социальный конструкционизм, понимание реальности.

FOR THE FALL OF SOCIALITY, BUT IN CAPTIVITY OF INTERACTION

T.K. Rulina

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara

E.V. Bakshutova

Samara State Technical University, Samara

The article presents the antinomy of two epistemological perspectives – exogenous and endogenous. A modern Russian reality is described in the context of individuals' loss of the systemic character of value orientations and social adequacy. Reality – as a consequence of the gradual influence of objective randomness, that is, real non-randomness to self-attribution, entailing the expectation of future chance and helplessness to resist it. The Russian accident is a chaotic disintegration of the society, its impotence to be prevented due to the powerful dissociation that was revealed immediately, as soon as the artificial clamps of the organization of the Soviet people were broken. The authors argue that the lack of personal self-esteem turns into a depressive attributive style of self-understanding. An understanding of this socio-psychological phenomenology is possible in the context of an endogenous epistemological perspective, which can be referred to as cognitive social psychology.

Keywords: cognitive social psychology, antinomy, epistemological models, exogenous and endogenous theories, social constructionism, understanding of reality.

Противоречие интеллектуальных традиций в психологии основано на различиях в базовых моделях понимания реальности. Сторонники старых парадигм усматривали и усматривают источник знаний в событиях реального мира, порождающих ментальное представление или ментальное отражение, что служит гарантой его достоверности. В противовес экзогенной теории происхождения знания (логически-позитивистской) социальные конструкционисты выдвинули эндогенную трактовку происхождения знания, восходящей к философской феноменологии.

⁶ Материал подготовлен в рамках выполнения проекта РФФИ 18-013-00171 «Скриптоимплантация информационных инструментов в социальные сети для превенции деструктивных информационно-психологических воздействий».

гии. Согласно позиции К. Джердена, знание порождается процессами не внешнего мира, а присущими внутреннему миру самого субъекта [1]. Ненаблюдаемость, неэмпиризм эндогенной теории познания побудил ее сторонников найти собственную систему аналитических координат. Выработка эндогенного языка анализа (дискурса) в психологии осуществляется в контексте **человеческих отношений**. Наиболее емким источником знания в этой сфере является лингвистические образцы, так как именно они «оживляют» конструкцию индивидной и групповой социальной реальности. С этих позиций знание становится продуктом социального сотрудничества людей, а не продуктом субъектного обладания реальностью.

Новая познавательная модель эндогенного познания в психологии сводится к разработке специфических форм дискурса, способных генерировать новые поведенческие феномены, подтверждающие обоснованность, достоверность выдвигаемой теории. С этих позиций социальное поведение предстает системой дискурсов, смыслосозидающих активность индивида и группы. Поэтому тематика соционихологической реальности ориентируется на анализ идеологических функций мышления. Дешифровка значений идеологической деятельности человеческих сообществ обязывает социального психолога к исторической компетенции анализа архивов знания (М. Фуко). Подвергая критике объективность наблюдаемого знания, способов понимания наблюдалемого индивида, эмпиризм категорий наблюдения, конструкционисты требуют ответа на вопрос: почему наблюдая единственную реальность, индивиды формируют нетождественные ментальные представления о ней? Острее всего критика направлена против объективных критериев старой парадигмы познания. Еще более существенным аргументом в пользу необъективности конвенциональных критериев познания является аргумент языка анализа. Термины осмысливания реальности являются продуктами исторических взаимообменов и конвенций между наблюдателями. Их совместная деятельность в процессе взаимоотношений порождает широкую вариативность в понимании одних и тех же знаков реальности. Влияние культурных моделей мышления на характер продуктов мышления создало широкий зазор для постановки проблем эндогенной вариативности в психологии. Социальными конструкционистами активно вводится в оборот психологического анализа модели личности, определяемые в формах понимания мира, приобретаемых в ходе социальных коммуникаций. Объяснения и описания реальности связаны со многими типами человеческой деятельности и производят их. Сами находясь в постоянной трансформации, формы понимания мира переконструируют формы социального действия. Исследования соционихологических метафор, презентаций реальности открывают исследователю исторические конструкции социальной психологии: человек – машина как самодостаточная система, опустошение поля в сексе и т.д. Эти конструкции играют роль бессознательных схем в реальности индивида. Однако факт, что в разных обществах под «реальностью» люди понимают совершенно разные «реальности», обязывает исследователя **анализировать развитие, хранение и передачу знания, становящегося социально-психологической реальностью интеракций индивидов**. Социально-психологическое конструирование реальности исследуется в общепринятых языковых формах, в системе средств договоренности по поводу форм объяснения и понимания и их значений для многообразных областей социальной жизнедеятельности.

К примеру, социальное мышление советского человека поддерживало унифицированную идеально-идеологическую картину мира, в которой представления о реальности были схематизированы до газетных лозунгов. Когда в конце XX века обрушилась социалистическая картина мира, на её обломках связь между означаемым и означающим начала медленно агонизировать. В агонии смыслов зарождались символы новых впечатлений. Символическое мышление социума под воздействием новых впечатлений и образов превращало реальность в невыразимый опыт переживаний, для которых в старом общеупотребительном языке не находилось эквивалентов. Ж. Пиаже не признавал символическое мышление социальным в силу его чувственной природы, оформляющейся собранием потребностей, аффектов и образов [3]. Развивая взгляды Ж. Пиаже,

В.А. Шкуратов замечает, что «символическое мышление вводит человеческую самость в социальный порядок, но при этом оставляет часть самости за пределами логики» [4, с. 472]. Доопределение новой символической связи может протекать в соответствии с развитием новой логики вменяемых и деструктивных социальных отношений.

Новые символические порядки отношений в современной России представляют богатейший спектр алогичности. Российский капитализм, казуистически заимствуя идеи форм постиндустриальных обществ, воинственно отвергает их юридические, экономические, социальные отношения. Этическое переопределение постиндустриальной западной социальности в России воплощается в возрождение иерархически-тоталитарных лестниц отношений вместо горизонтальных ячеистых связей исторического общества. Лестницы отношений постсоветского общества (властных порядков) сколачиваются «гвоздями» купюр и счетов в отличие от гвоздей философской догматики эпохи советизма, переводя тем самым аксиологию советизма на положение маргинальной, обусловленной неслучайно усвоенной беспомощностью. Она рассматривается как следствие поэтапного влияния объективной случайности, то есть настоящей неслучайности на атрибуцию, влекущую за собой ожидание будущей неслучайности и беспомощности ей противостоять. Российская объективная случайность – это хаотический распад социума, бессиление его предотвратить в силу могучей диссоциации, обнажившейся сразу, как только были сломаны искусственные скрепы организации советского народа. Дефицит личного самоуважения обернулся депрессивным атрибутивным стилем аномичного самопонимания.

Историческое стирание представлений об обществе как об определённой системе уникальных связей, зависимостей, контактов, взаимодействий, протекает в формах метаморфоза. Такой подход к социальному позволил Г. Зиммелю, на что указывает и С. Московичи, заметить: общество – «это способ, которым каждый получает свое предназначение от другого и который смоделирован другим, и способ, которым каждым выполняет предназначение другого, моделируя его в свою очередь.» [2, с. 457]. В сверхобществе (в информационном, постиндустриальном обществе) характер межличностных и межгрупповых отношений определяется дистанцией, которая устанавливается между индивидом и внешним миром в процессах их рационализации. Изолирующие и отлучающие различия по возрастному, половому, этническому, экономическому, политическому и т.д. признакам удаляют индивидов и группы друг от друга, осложняя прагматику взаимодействия. Психологическое дистанцирование, обеспечивающее защиту от чрезмерной стрессирующей близости, ведет к размыванию традиционных социальных связей и отношений. Действие больше не происходит лицом к лицу или телом к телу, но посредством представляющего мышления: «... общество – это время. Мы отдаём себя отчёту в том, что эволюционируем и возвращаемся назад, без конца колеблемся между прошлым и будущим, пока не обратимся со временем к памяти о настоящем, хотя бы по тому, что у нас есть что рассказать».

В современных сверхобществах, на модель которых ориентируется и Россия, социализация протекает в режиме изменений социокультурных норм, традиций, культурных мотиваций социальной активности. Индивиды утрачивают системный характер ценностных ориентаций и социальной адекватности. Наиболее тонким и уязвимым является психологический аспект социальных взаимодействий, так как он регулируется принципами и нормами социальной солидарности и культурной идентичности, которые подвергаются катастрофической коррозии в периоды экстремальной модернизации общества.

Неконфронтационный тип социальной солидарности и идентичности не может сформироваться с помощью психологических механизмов эпох, ушедших в прошлое.

Антиномия двух эпистемологических перспектив сыграла решающую роль в истории познания социальной реальности. Огромное число неразрешенных вопросов, порожденных этой антиномией, заставляет обратиться к исследованию тех феноменов, которые являются со-

бой знание в контексте человеческих отношений. С этой точки зрения знание представляется уже не как предмет индивидуального обладания, сосредоточенный в пределах человеческого разума, а как продукт совместной деятельности людей. Формы понимания мира, приобретаемые в ходе социальной коммуникации, обладают большим значением для социальной жизни в целом, так как они самым тесным образом связаны с массой других типов человеческой деятельности. Описания и объяснения мира сами конструируют формы социального действия и в этом своем качестве сами непосредственно переплетаются с прочими видами деятельности людей во всей ее полноте.

Библиографический список

1. Джерджен К.Г. Социальное конструирование и педагогическая практика // Образовательные практики: амплификация маргинальности. Альманах № 4. Серия «Университет в перспективе развития» / Белорусский государственный университет. Центр проблем развития образования БГУ / Под ред. А.А. Забирко. Минск: Технопринт, 2000. – 184 с. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://charko.narod.ru/tekst/alm4/dg.html>, свободный.
2. Московичи С. Машина, творящая богов. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. – 560 с.
3. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М.: Просвещение, 1969. – 659 с.
4. Шкуратов В.А. Историческая психология. М.: Смысл, 1997. – 505 с.

УДК 159.955+159.954

СЛУЧАЙНОСТЬ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ НARRATIVAX⁷

*E.E. Sapogova
ФГБОУ ВО «МПГУ»,
ФГБОУ ВО «РГГУ»*

В рамках разрабатываемого автором экзистенциально-нарративного подхода представлено психологическое содержание онтологемы случайности, показано ее значение в построении autobiographical историй, дана психологическая трактовка типов случайности в жизни человека. Рассмотрены понятия перипетии (внезапного перелома), хамартии (трагической случайности) и кайроса (благоприятной случайности), обоснованы их экзистенциальная природа, роль и смысловая необходимость в создании личных историй.

Ключевые слова: личность, экзистенциальный опыт, автобиография, личная история, судьба, случай, свободная воля, личная онтология, онтологема.

FORTUITY IN AUTOBIOGRAPHIC NARRATIVES

*E.E. Sapogova
Moscow State Pedagogical University,
Russian State University for the Humanities*

Based on the author's existential-narrative approach, the psychological content of ontologeme of fortuity is presented, its significance in the construction of autobiographical narratives is shown, the psychological interpretation of fortuity types in human life is given. The concepts of peripeteia (sudden fracture), hamartia (fatal case) and kairos (fluke) are considered, their existential essence, role and semantic necessity in creating personal stories are substantiated.

Keywords: personality, existential experience, autobiography, personal history, fate, case, free will, personal ontology, ontologeme.

Хочет человек или не хочет, но, задумываясь о своей жизни и конструируя autobiographical историю, он обычно находится в рамках некоей базовой онтологии, заданной социализацией, культурой, традицией. При этом ему приходится мыслить онтологически, объясняя самому себе, как устроен мир, и выстраивая некую версию причин и следствий собст-

⁷ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 18-013-00058).

венного существования в нем. Созданная таким образом *субъективная онтология* отражает индивидуальное полагание наиболее общих оснований любой выбранной для рефлексии темы, в том числе для интерпретации человеком своей жизни. *Онтологема* – это теоретическая идея (идеологема), заданная индивидуальному мышлению изначально и лежащая в основе определенного комплекса социальных практик, устоявшегося в культуре и транслируемого посредством аккультурации. Онтологемы не выводятся индивидуально опытным путем и не доказываются человеком, а воспринимаются и принимаются им фактически, как *ментальные прецеденты*.

Мы предположили, что для автобиографирования исходными нарративными модальностями и одновременно «рамочными» (предельными) онтологемами являются «судьба», «случайность» и «свободная воля», задающие фрейм и общую стратегию осмыслиения событий жизненного пути. В зависимости от ориентировки на одну из них можно выделять разные типы жизненных событий [13]: *поступки* (если в его сознании доминирует онтологема свободной воли), *свершения* (если он верит в предопределенность всего и вся судьбой) и *произшествия* (если для него всем властвует случай).

Если *поступки* есть результат проявления собственной воли, спонтанности, произвола человека, а *свершения* – результат разворачивания определенной закономерности, с какой предшествующие выборы, поступки и деяния человека ведут к предопределенным ими последующим происшествиям в жизни, то *случаи* представляют собой любые комбинации исходов некоторого опыта, имеющие определенную вероятность наступления [4, с. 150; 11, с. 21]. Здесь человек является не субъектом, но вероятностно-возможностным объектом некоей непознаваемой им воли, начало и последствия действий которой непредсказуемы в пределах человеческого опыта.

Осознание своей свободы для личности сопряжено с пониманием того, что ее будущее неизвестно, и в нем принципиально может случиться все что угодно. Одновременно присущая взрослой личности самоорганизация может быть реализована только во внешнем пространстве, во взаимодействии субъекта и мира, который не может быть до конца определен самим субъектом: он непредсказуем, не детерминирован и в целом не подконтролен ему.

В этом взаимодействии возможны счастливые случайности (Каирός, кайрос – мгновения удачи), важные совпадения и значимые случаи (юнговские синхронистичности), непредвиденные, хотя и не фатальные, осложнения (*περιπέτεια*, перипетии), неожиданные повороты, открывающие новые горизонты индивидуального бытия, которые ранее никак не могли быть предусмотрены человеком при проектировании себя и самоорганизации своей жизни. Точно также в нем есть место внезапным и неисправимым «изломам» (*άμαρτία*, хамартии – в терминах аристотелевой эстетики «ошибки судьбы», ее «трагические изъяны»), закрывающим потенциально реализуемые и ранее насыщенные субъективным смыслом жизненные проекты и перспективы.

В научном осознании случайности разрабатывались понятия причины, закономерности, судьбы, спонтанности, тенденции, шанса, возможности, вероятности и др. Ее анализ является неоднозначным предметом в силу вовлечения в него большого числа разноплановых феноменов: «удача – способности», «случайность – детерминизм», «вероятность – определенность», «вера (предположение) – знание (уверенность)», «эпизод (совпадение) – причинно-следственная связь (закон)», «прогноз – предсказание», «условность – истинность», «возможность – определенность», «случайность – необходимость», и др. [6, с. 17].

Опираясь на классификацию, предложенную Ю.В. Чайковским [11, с. 172-179], мы выстроили определенный событийный континуум с условными крайними полюсами «судьба – случай», отражающий разные типы случайности в рассказах респондентов о собственной жизни: 1) случайность как непонятая или неизвестная закономерность); 2) случайность как

скрещение нескольких несогласованных процессов; 3) случайность как уникальность, как единично явленное чудо; 4) случайность как неустойчивость движения, отклонение от заданного и логически обусловленного; 5) случайность как относительность наличного знания человека; 6) «кимманентная» случайность; 7) случайность как произвольный выбор.

Однако, этот континуум можно считать лишь общей моделью, поскольку, как показывает анализ автобиографических текстов, «многие явления случайны сразу в нескольких смыслах» [там же, с. 178], а сама случайность выражена в разной степени. Поэтому можно говорить и о нескольких уровнях случайных происшествий по нарастанию в них «степени случайности» [там же, с. 182-184].

На *нулевом уровне* никакой случайности в рассказах о себе и своей жизни нет, все выглядит детерминированным, и причинно-следственные связи между разными событиями кажутся человеку очевидными, пусть даже он приписывает их высшим силам, абсолюту, богам, трансцендентным сущностям и пр. *Первую ступень* случайности демонстрируют явления, одновременно состоящее из детерминированных и стохастических компонент. Примером может служить стрельба в цель, где выбор цели и прицеливание неслучайны, но всегда возникает случайный разброс попаданий.

На *второй ступени* находятся явления, которые при повторении однотипных условий встречаются с достаточно большой частотой. Но основная масса случайных происшествий относится к *третьей ступени*: здесь мы имеем дело с явлениями, которые, как кажется, должны наступать в жизни с большой степенью вероятности, но на деле почти не возникают в опыте конкретной личности.

Четвертый уровень случайности относится к явлениям, у которых нет устойчивой частоты, но при желании их наступление человек может попытаться спровоцировать своими действиями («искущая судьбу»). Он похож на случайное блуждание, «поиск приключений на свою голову», и, соответственно, «кто ищет, тот всегда находит», хотя и не всегда найденный случай – «тот самый», желанный. *Пятая ступень* содержит «допустимые явления»: они почти никогда не происходят, но люди считают их появление в принципе возможным, поскольку знают об их существовании по свидетельствам неких «очевидцев». Это хорошо отражает литературный жанр быличек, распространенный в современном городском фольклоре.

На *шестой ступени* оказываются случайные происшествия, наступление которых предсказать уже невозможно, хотя можно абстрактно предполагать и верить, что они могут произойти в принципе (встреча с инопланетянами). *Седьмой уровень* предполагает случайные происшествия, наступление которых не выражается ни распределением вероятностей, ни частотами, но все же допускающих какую-то детерминацию в форме личных предпочтений, фантазий и ожиданий субъекта. Они похожи на действия Винни-Пуха, вырывшего яму с намерением поймать способного угодить в нее неизвестно, существующего или нет, странного зверя слонопотама. И, наконец, на *восьмом уровне* находятся события, исключающие любую детерминацию, поскольку людям неизвестен даже ряд, из которого могут «выпадать» подобные альтернативы.

Практически у каждого респондента обнаруживается своя «философия случая», основанная на вероятностях и возможностях, «оставляющих внутри себя зону свободы и непредвиденности для конкретных событий, из которых и вырастает история» [12, с. 214]. В отличие от судьбы случай (случайность) полагается средоточием *множественности возможностей*. Он «происходит», «застигает» человека, а его смысл осознается лишь *postfactum*. У человека нет возможности вступать ни с судьбой, ни с случаем в прямой смысловой диалог, предсказать их или предотвратить [8, с. 38], и он вынужден вести его в области автокоммуникации, в том числе при автобиографировании. И именно здесь жизнь являет себя субъекту как *вероятностный феномен*.

В автобиографических нарративах более всего распространены описания перипетий – внезапных перемен в жизни, крутых ее поворотов, неожиданных осложнений, трудных, но так или иначе преодоленных обстоятельств. Иногда перипетии интерпретируются как трагические случайности (хамартиями), но, хотя природа обоих феноменов связана с разрушением «нашей иллюзорной уверенности в том, что мы контролируем нашу жизнь и можем предвидеть ход событий» [2, с. 27], хамартия – намного более фатальное явление. Это неожиданно проявившийся трагический изъян характера, из-за которого человек единомоментно совершает роковую, непоправимую ошибку, коренным образом меняющую и надолго, если не на всегда, разрушающую его жизнь.

И то и другое случается на «границе» взаимодействия личностного начала и реальности, но перипетии лежат на стороне внешних обстоятельств, в которые субъект несчастливым образом попадает, а хамартии – на стороне самого субъекта и связаны с его собственной личностью. Перипетии принципиально преодолимы: они осложняют, но не сбивают коренным образом устоявшийся ход жизни. Хамартия же прерывает привычное жизнеосуществление, имеет необратимый характер, навсегда лишая субъекта радости существования, разрушая его «телеологическое намерение стать самим собой» [10, с. 25].

Сюжеты перипетий разнообразны, но все они только на время затрудняют привычное жизнеосуществление. В них обязательно присутствует переживание, резко сменяющееся на свою противоположность: человек, двигаясь к одному, неожиданно попадает в совершенно другое, чего раньше для себя и вообразить не мог. Между тем и другим лежит обретение *нового опыта*. Перипетии дают толчок к самоизменениям, развиваются и умножают привычные человеку способы жить. Часто попадание в перипетию требует не столько личностного, сколько полевого поведения. И как бы эмоционально перипетии ни затрагивали человека, какими бы масштабами ни казались, они носят *преходящий, не интегральный* характер, не заставляют его коренным образом пересматривать ни пройденный путь, ни собственные характеристики.

Хамартии – более фундаментальное, хотя и значительно более редкое биографическое явление. Извлекаемый из них опыт трагичен, непоправим; он ломает привычный порядок текущего и желаемый строй будущего жизнеосуществления. Обретается он не в результате стечения внешних обстоятельств, а как следствие внезапно вскрывшегося изъяна характера, как момент столкновения с теневой и плохо управляемой стороной собственной личности. На миг «сдав позиции», «предав себя», человек безвозвратно покидает ту точку жизни, которая лежит в желанной для него экзистенциальной логике, и «выпадает» в другую вероятностную плоскость, в другой диапазон жизневоплощения.

Здесь жизнь отчетливо демонстрирует свой случайно-стохастический и вероятностно-возможностный характер. Обычно респонденты точно отмечают тот единственный миг, когда их «жизнь обрушивается». Свершившееся они переживают как «падение» – не столько социальное, сколько личностное: разрушается их доверие к самим себе и возможность дальнейшего отношения к себе как к надежной и подлинной опоре для самого себя (собственное «Я» становится «неистинным»).

Пережившие хамартию осознают последующее существование как тень своей собственной *невоплощенной экзистенции*. Жизнь перестает восприниматься ими как объект собственного волеизъявления, управления, планирования и т.д. Иногда они склонны соотносить ее и вызванные ею трансформации с грехом и невозможностью его искупления. Но грех имплицитно предполагает *осознанное нарушение знаемой нормы* и понимание того, ради чего человек переступает черту. В хамартии же нет намерения поступить неправедно или плохо. Здесь человеку не хватает ресурса на совладание не столько с обстоятельствами, сколько с самим собой в этих обстоятельствах.

То, как в результате хамартии меняется «Я», можно понять и через феномен «ложного Я» (*false self*), введенный Д. Винникотом [1], с той лишь разницей, что пережившие хамартию при

полном осознании своей поврежденной самости, принуждают себя существовать именно в ней, не будучи способными отыскать обратный путь «в подлинность». В связи с диссоциацией подлинного «Я» после хамартии у человека могут развиваться специфические Я-фантазии как способ вынужденного сохранения и поддержания структуры этой ложной самости, мотивированные самобичеванием, самоотвержением, эмоциональным непринятием себя.

В автобиографических нарративах нередки эпизоды, связанные с *кайросом* – благоприятными случайностями, мгновениями удачи, которые возникают и исчезают неожиданно, из-за чего им трудно воспользоваться. Но кайрос также «исполнен содержания и смысла» [7, с. 216] и несет в себе потенциал преобразования жизни и/или личности человека.

Нarrативный смысл кайроса очерчивается несколькими аспектами. Первый: кайрос есть та почти иррациональная благоприятная точка, когда человеку непременно нужно *действовать*, чтобы перейти в новое качество. Для этого «здесь-и-сейчас» требуется услышать голос интуиции, почувствовать наперед то, последствия чего еще совершенно невидимы. Человеку необходимо дерзнуть, отдаваться воле обстоятельств, стать максимально открытым новому опыту, «отключившим» мышление и волю.

Кайрос не требует от личности каких-то волевых усилий, преодолений, труда или самоограничений в отличие от стремления к успеху [3]. Он являет себя в форме легко ускользающей удачи и может предполагать разве что подстерегание и «схватывание» случая или, в крайнем случае, провокацию его путем нахождения в точках или обстоятельствах, сопряженных с риском, авантюризмом, действованием «на авось».

Второй момент: усмотреть свой счастливый шанс, а тем более воспользоваться им, дано не каждому. Большинству людей дарована только надежда на это, объективирующаяся в комплексе экзистенциальных ожиданий [5]. Человек может *заслужить* кайрос, стать *достойным* его, и в этом случае судьба как бы отзывается на его усилия двигаться в определенном направлении. Если миг удачи приходит «незаслуженно», человек часто полагает, что должен его «отработать», чтобы оправдать благосклонность судьбы.

Третий момент состоит во внутренней амбивалентности отношения к кайросу. С одной стороны, человек мыслит его «не совсем случайным», полагая, что в нем кроется закономерность, имеющая отношение к его и только его личным качествам. Факт пережитого кайроса нередко меняет отношение к собственной личности, и человек начинает воспринимать себя заметно отличающимся от других («любимчиком судьбы» и т.п.), выделенным из общей массы, связанным с высшими силами. Иногда это способствует склонности к риску, авантюризму, испытаниям себя в «играх с судьбой», иногда создает благоговение перед жизнью, стремление соответствовать статусу избранника судьбы. С другой стороны, человек одновременно и страшится, и жаждет пережить кайрос, поскольку его разрушительный и созидательный потенциал выступают слитно, как равнозначные возможности. Чувствуя экзистенциальное «влечение к случаю», человек боится утратить то, что он уже имеет, поэтому нуждается в поддержке. Но с кайросом он всегда оказывается наедине, и весь ресурс для принятия решения находится в нем самом: сам «человек и есть его судьба», и «только решившись на риск, положившись на ничего не знающего и ничем не обладающего себя, практически на ничто» [8, с. 55], он должен им незамедлительно воспользоваться или отказаться от него.

Четвертый момент: столкновение с кайросом носит лиминальный характер и предполагает внутреннюю готовность принять себя и свою жизнь иными. В краткий миг «слушающе-гося случая» принятое решение оказывается результатом сущностного «саморасщепления» человека [там же, с. 56] на того, кем он был до него (человеком, у которого уже была, есть и дальше будет своя судьба), и того, кем он потенциально может стать (человеком иной, еще неизвестной судьбы). Принятием или отвержением кайроса он вбрасывает себя в потенциальное новое и неизвестное жизненное пространство или же остается в прежних обстоятель-

ствах, с «совокупностью несвершенного» [9, с. 16–18; 14, с. 147–153]. Но в обоих случаях кайрос информативен: он «сообщает» человеку нечто новое о реальности.

Пятый момент: то, что поначалу казалось единичной благоприятной случайностью, по мере рефлексии удлиняющегося жизненного пути, получает трактовку в контекстах начинаяющихся проявляться закономерностях.

Шестой момент касается организующей роли кайроса. Принятый или отвергнутый, он выступает в качестве триггера, запускающего, как минимум, два процесса: кризис, ведущий к трансформации личности, и рефлексию, упорядочивающую обретаемый экзистенциальный опыт. И в этой функции кайрос создает условия для раскрытия потенциала свободной воли человека.

Библиографический список

1. Винникотт Д.В. Искажение Эго в терминах истинного и ложного Я // Консультативная психология и психотерапия. 2006. № 1. С. 5–19.
2. Волкан В., Зинтл Э. Жизнь после утраты. Психология горевания. М.: Когито–Центр, 2007. 160 с.
3. Голубев С.В. Проблема «успеха» и «удачи» в социальной философии // Философия и общество. 2004. № 1. С. 86–100.
4. Некрасов С.И., Захаров А.М. Становление философских представлений о необходимости и случайности // Современные проблемы науки и образования. 2007. № 1. С. 150–153.
5. Сапогова Е.Е. Экзистенциальная психология взрослости. М.: Смысл, 2013. 767 с.
6. Талеб Н. Одураченные случайностью. О скрытой роли шанса в бизнесе и в жизни. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 320 с.
7. Тиллих П. Кайрос // Избранное. Теология Культуры. М.: Юрист, 1995. С. 216–235.
8. Топоров В.Н. Судьба и случай // Понятие судьбы в контексте разных культур / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1994. С. 39–74.
9. Тульчинский Г.Л. Возможное как сущее // Эпштейн М.Н. Философия возможного. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 7–21.
10. Холлис Дж. Грёзы об Эдеме: В поисках доброго волшебника. М.: Когито–Центр, 2009. 222 с.
11. Чайковский Ю.В. О природе случайности. М.: Центр системных исследований – Институт истории естествознания и техники РАН, 2004. 280 с.
12. Эпштейн М.Н. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX веков. М.: Советский писатель, 1988. 416 с.
13. Эпштейн М.Н. Поступок и происшествие. К теории судьбы // Вопросы философии. 2000. № 9. С. 65–77.
14. Эпштейн М.Н. Философия возможного. СПб.: Алетейя, 2001. 334 с.

УДК 316.48

ИНФОРМАЦИОННАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТА

Ю.С. Смирнова

Белорусский государственный университет

В статье анализируется проблема конфликтного взаимодействия. Среди факторов, детерминирующих характер конфликта, рассматривается информационная неопределенность, возникающая в результате свойственного конфликтам информационного дефицита. Показано, что снижению информационной неопределенности в условиях конфликта способствуют когнитивные схемы, стереотипы, эвристики и атрибуции. Обсуждается их эскалационный потенциал. Поднимается проблема взаимного недоверия оппонентов, которое выступает источником эскалационных ожиданий нападения со стороны оппонента и принятия решения о совершении упреждающего удара. Приводятся некоторые способы решения проблемы взаимного недоверия в условиях конфликта.

Ключевые слова: конфликт, стратегии поведения в конфликте, информационная неопределенность, взаимное недоверие, эскалационные ожидания.

INFORMATION UNCERTAINTY IN CONFLICTS

*Yu.S. Smirnova
Belarusian State University*

The problem of conflict interaction is analyzed in the article. Information uncertainty and information deficit in conflicts are considered. It is argued that cognitive schemata, stereotypes, heuristics and attributions contribute to the reduction of information uncertainty in conflict situations. Their escalation potential is discussed. The problem of mutual distrust of opponents is analyzed. Expectations of escalation and the decision to attack in the result of mutual distrust are considered. The ways of solving the problem of mutual distrust in the context of conflict are described.

Keywords: conflict, strategies of conflict behavior, information uncertainty, mutual distrust, escalation expectations.

Характер протекания конфликта и его последствия во многом определяются теми действиями, которые совершают участники. Выбор стратегии поведения в конфликте осложняется тем, что он реализуется в условиях информационной неопределенности, т.е. при отсутствии точных сведений о планах и намерениях оппонента, о том, какой стратегии конфликтного взаимодействия он придерживается, о его ожиданиях и опасениях и о прочих обстоятельствах, информация о которых является важной для точного понимания ситуации и принятия решения о том, как следует действовать. К сожалению, фактор неопределенности в условиях конфликта обладает серьезным эскалационным потенциалом. Остановимся на характеристике социально-психологических механизмов и процессов, обеспечивающих реализацию этого потенциала или, напротив, его ослабление.

Уменьшить уровень неопределенности ситуации позволяет дополнительный информационный поиск. В условиях конфликта ресурсы для организации такого поиска дополнительных сведений ограничены. Субъект конфликта оказывается в ситуации своего рода информационного вакуума в связи с тем, что число источников информации, пользующихся у него доверием, значительно сокращается. В таких условиях тотального недоверия преодолеть информационный дефицит участникам конфликта позволяют имеющиеся у них когнитивные схемы, стереотипы, эвристики и атрибуции, т.е. единицы социально-познавательной активности.

Обратимся к анализу особенностей социального познания и социального объяснения в условиях конфликта. Для начала отметим, что в конфликте проявляют себя многочисленные иллюзии и искажения восприятия. К наиболее типичным из них можно отнести восприятие себя и оппонента по принципу «я – хороший, он – плохой»: себе субъект приписывает по большей части позитивные качества, а противоположную сторону в конфликте наделяет преимущественно негативными характеристиками, ее образ выстраивается в соответствии с социальным стереотипом врага. Собственные неприемлемые, например, агрессивные действия субъект оправдывает как вынужденный ответ на провокацию со стороны противника. Точно такие же действия оппонента рассматриваются как свободно выбираемые и продиктованные исключительно злым умыслом. Таким образом, проявляет себя двойной стандарт в оценке своего поведения и поведения оппонента. В целом для восприятия в конфликте характерна «черно-белая стилистика» («я – хороший, он – плохой», «победа или поражение, третьего не дано» и т.д.). Негативные установки, типично формируемые в отношении оппонента, снимают информационную неопределенность конфликтной ситуации не самым конструктивным образом: не зная точно, каковы планы оппонента, субъект с большой вероятностью посчитает их эскалационными, приписывая противнику враждебные намерения и готовность атаковать.

Существует целый ряд психологических механизмов, которые способствуют формированию негативных установок в адрес оппонента и обеспечивают их устойчивость [6]. Среди

таких механизмов следует назвать избирательность восприятия, атрибутивные искажения, рационализацию, оправдывающую неприязнь к оппоненту и собственное эскалационное и/или неприемлемое поведение, «аутистическую враждебность», самоисполняющееся пророчество и некоторые другие. Не стоит исключать также негативный опыт взаимодействия с оппонентом, который проявил агрессию и своими действиями причинил вред субъекту. Опишем кратко действие этих механизмов. Негативные ожидания деструктивного поведения со стороны оппонента побуждают избегать контактов с ним, снижая вероятность коррекции образа оппонента на более позитивный. Будучи своего рода «фильтрами» восприятия, такие ожидания привлекают внимание к тем действиям противника, которые их подтверждают («опасения не напрасны, ожидания оправдались»); из поля внимания субъекта выпадают все проявления оппонента, которые этим ожиданиям не соответствуют. В случае возможности двойственной интерпретации поведения второй стороны в конфликте, выбирается тот вариант, который в большей степени соответствует уже сформированным отрицательным установкам: действия или даже бездействие соперника типично трактуются как угрожающие. Даже заявления оппонента о готовности сотрудничать и его мирные инициативы могут получить превратное истолкование, отражая серьезные сомнения субъекта в благости намерений противника. Негативные ожидания и установки в адрес оппонента неизбежно проявляются в поведении субъекта, вызывая соответствующую ответную реакцию второй стороны, которая по механизму самореализующегося пророчества подтверждает изначально неверные аттитюды. Так, считая оппонента агрессивным и ожидая проявлений насилия с его стороны, субъект начинает обороняться, а иногда даже вести себя по принципу «лучшая защита – это нападение», что побуждает оппонента действительно отвечать агрессивно, так что исходная неверная социальная установка «оппонент агрессивен» находит реальное подтверждение в поведении последнего.

Отдельного внимания заслуживает анализ атрибутивных процессов в условиях конфликта. Неопределенность конфликтной ситуации сопряжена с утратой чувства контроля, восстановление которого является одной из важнейших функций каузальной атрибуции. Выстраивая наивные объяснительные версии происходящего, субъект снижает уровень неопределенности ситуации, окружающий мир становится для него понятным, упорядоченным, контролируемым. В условиях конфликта такие объяснительные версии содержат атрибутивные искажения. Поскольку самообвинения могут быть болезненными, ставящими под угрозу позитивный образ Я и самооценку, причины конфликта чаще всего связываются субъектом с характеристиками и действиями оппонента, который обвиняется в развязывании конфликта и его эскалации. Такая атрибуция носит характер самозащитной. Так, показательно, что студенты причины конфликтов с преподавателями связывают с некомпетентностью и несправедливостью последних, в то время как преподаватели аналогичные конфликты объясняют качествами и особенностями поведения самих студентов. Подобного рода атрибутивная асимметрия проявляет себя в самых разных конфликтах и неоднократно демонстрировала себя по результатам эмпирических исследований, о чем мы уже писали в своих работах ранее [7].

Таким образом, когнитивные схемы, стереотипы, эвристики и атрибуции снижают информационную неопределенность конфликтной ситуации, способствуя при этом ее эскалации.

Выше мы уже указывали, что информационный дефицит в условиях конфликта связан со снижением степени доверия и/или ростом недоверия по отношению к имеющимся источникам информации. Остановимся на проблеме доверия и недоверия, приобретающей особую актуальность в случае конфликта. Сразу заметим, что доверие и недоверие не являются противоположностями. Отсутствие доверия и недоверие – это не тождественные понятия, равно как и наоборот. Вместе с тем анализ данной проблематики в психологии конфликта не всегда

сопровождается четким разведением этих категорий, что является, на наш взгляд, вполне понятным, если учесть, что в конфликте, как правило, низкий уровень доверия и высокий уровень недоверия оппоненту сопряжены друг с другом. Результаты исследований в данной области обращают внимание на то, что конфликтность и неконфликтность сами по себе являются значимыми критериями недоверия и доверия соответственно [4, с. 118]. Причем враждебность, конкурентность и конфликтность усиливают недоверие личности другим людям, а влияние этих же факторов на доверие не столь однозначно (у некоторых субъектов эти характеристики снижают доверие, некоторые к ним не чувствительны) [4, с. 128].

Отметим также, что и доверие и недоверие могут возникать в схожих условиях неопределенности, уязвимости и отсутствия контроля [4, с. 90]. Именно в таких условиях оказываются участники конфликта, сталкиваясь при этом с нарушением оптимального баланса доверия и недоверия. Уровень последнего в конфликте, как правило, растет, что связано со страхом потери и ожиданием ущерба. Высокий уровень недоверия, в свою очередь, является фактором эскалации конфликта. Причем это справедливо для всех составляющих элементов недоверия, к которым относятся: «осознание рисков; чувство опасности, страха в сочетании с негативными эмоциональными оценками партнера и возможных результатов взаимодействия; настороженность и напряженность, а также готовность прекратить контакт, ответить на агрессию или проявить опережающую враждебность» [4, с. 96]. Последнее обращает внимание на то, что для ситуации конфликта может быть характерно так называемое «превентивное» недоверие [4, с. 91], при котором субъект заранее ожидает проявлений враждебности со стороны оппонента. Это может быть связано с негативным содержанием образа последнего, в котором видится враг. Кроме того, превентивное недоверие может быть обусловлено «опережающим ожиданием отмщения» как справедливой реакции на собственные проявления зависти, вражды и соперничества [4, с. 91]. Таким образом, в условиях конфликта недоверие предназначено для выполнения защитной функции. Оно отражает стремление предотвратить возможные потери и ущерб, но при этом парадоксальным образом вызывает прямо противоположный эффект: эскалация конфликта, рост издержек и потерь, взаимный ущерб и другие деструктивные последствия.

Поиск вариантов решения и выбор наиболее надежного из них сопряжен с реализацией так называемой минимаксной стратегии, призванной минимизировать издержки и максимизировать вознаграждение. Оценивая степень приемлемости того или иного варианта поведения в условиях конфликта, субъект определяет, с какими затратами и преимуществами сопряжена реализация каждого варианта. В условиях информационной неопределенности конфликта субъект не знает, намерен ли оппонент вести себя агрессивно. Но всегда есть вероятность того, что у него появятся ожидания агрессии со стороны противника, и в этом случае субъект выберет стратегию борьбы. Убедительно демонстрируют это исследования стратегий поведения участников конфликта, проводимые на базе теории игр [8].

Так, Т. Шеллинг, анализируя проблему взаимного недоверия, обратил внимание на возможность внезапного нападения. Оппонент может напасть даже тогда, когда делать этого не должен, и когда наиболее разумным является взаимное ненападение. Причем такое атакующее поведение не является иррациональным; в его основе лежат приписываемые оппоненту ожидания того, что субъект, опасаясь нападения, попытается нанести упреждающий удар. Рефлексия как рассуждения о рассуждениях оппонента в данном случае является фактором эскалации конфликта. «Страх того, что тот (*противник*) может нанести удар, ошибочно предположив, что мы собираемся нанести удар, порождает мотивацию ударить первым и тем самым делает оправданной мотивацию противника» [8, с. 251].

Использование на практических занятиях по конфликтологии игровых процедур, моделирующих условия информационной неопределенности конфликта, при которых игроки не знают, какую стратегию выберет их соперник (откроет огонь и попытается одержать верх или пойдет на переговоры), демонстрируют, что стремление нанести упреждающий удар проявляет себя достаточно часто. Это наблюдается даже тогда, когда более разумным для всех является взаимное сотрудничество. В таких случаях играет свою роль недоверие к оппоненту и ожидание атаки с его стороны в ответ на мирные инициативы. В итоге взаимодействие приобретает характер взаимной конкуренции, в которой оба участника, пытаясь победить друг друга, проигрывают. Причем взаимный проигрыш переживается как менее болезненный, нежели одностороннее поражение. При такой оценке исходов субъекты действуют по следующему принципу: «уж если нам победить не удается, то и оппоненту такой возможности не предоставим». В результате вероятность достижения взаимного выигрыша минимальна. Причем ослабить взаимное недоверие после нанесения оппонентом (оппонентами) упреждающего удара оказывается весьма проблематично.

Моделирование конфликтов при помощи стратегических игр позволяет построить матрицу исходов и определить оптимальные стратегии для каждого участника, преобразовав таким образом ситуацию неопределенности в ситуацию определенности; при этом если соперники выбирают оптимальные стратегии, то никто из них не проигрывает, а выбор неоптимальной стратегии ведет к проигрышу [2]. Однако реализация математических моделей в реальных конфликтных ситуациях наталкивается на целый ряд препятствий. Так, взаимное недоверие порождает эскалационные ожидания нападения со стороны оппонента и принятия решения о совершении упреждающего удара, что не соответствует выбору оптимальной стратегии поведения в конфликте, обеспечивающей взаимный выигрыш.

Уровень доверия и недоверия в конфликте, а также их критерии могут быть разными в зависимости от характера отношений, сложившихся между оппонентами, степени их знакомства и близости [1; 4]. Особую роль может сыграть также прежний опыт конфликтного взаимодействия субъектов. На значимость этого фактора обратила внимание Н.В. Гришина, предложив три модели развития межличностной конфликтной ситуации в зависимости от содержания такого опыта [3, с. 270–278]. В контексте заявленной в статье темы можно утверждать, что прежний опыт взаимодействия участников снижает для них информационную неопределенность ситуации конфликта, влияя на выбор стратегии поведения. Так, позитивный опыт отсутствия разногласий или их успешного преодоления порождает уверенность в возможности достичь взаимопонимания, стремление договориться, опору на позитивные неформальные компоненты общения с партнером и ориентацию на сотрудничество. Опыт непреодоленных разногласий сопряжен с отсутствием уверенности в возможности договориться, характеризуется формализацией общения и ориентацией на кооперацию. Негативный опыт непреодоленных разногласий и негативных эмоций вызывает нежелание договариваться, стремление победить противника и ориентацию на конкуренцию. Очевидно, что наличие позитивного или негативного опыта участия в конфликтах в прошлом влияет на уровень доверия/недоверия оппоненту в новом конфликте.

Решение проблемы доверия/недоверия в конфликте является важным шагом на пути его преодоления. Стремление к взаимному доверию сторон рассматривается как важнейший психологический механизм переговорного процесса [1, с. 542–543]. Это связано с тем, что доверие выполняет целый ряд функций, важных для успешной организации переговоров. Так, его наличие делает возможной совместную деятельность, обеспечивает ее эффективность, способствует формированию и повышению социального единства (интегрирующая

функция), создает основу для взаимодействия и открытой коммуникации, закладывает основу стабильности отношений, снижает уровень напряженности и стресса и т.д. [5, с. 153–154].

Установление взаимного доверия в конфликте – сложный процесс, который начинается с осознания субъектами того, что дальнейшее противостояние не приведет к желаемому результату. Провал тактики противостояния, истощение ресурсов, оценка потерь как неприемлемых побуждает оппонентов отказаться от борьбы. Но взаимное недоверие друг другу в этот момент мешает сесть за стол переговоров. Оппоненты опасаются, что их стремление к диалогу расценият как проявление слабости, что приведет к потере лица и будет использовано оппонентом. Решить проблему доверия / недоверия в таком случае позволяет привлечение посредника к урегулированию конфликта. Стороны не доверяют друг другу прямо, но фактор доверия на переговорах присутствует в опосредованной форме: участники доверяют третьему лицу. Усиление доверия является одной из функций посредника. Среди способов усиления доверия – необратимые уступки, к совершению которых без потери лица побуждает посредник; причем важнее не размер уступок, а их необратимый характер [6, с. 321]. Еще один способ укрепления доверия, который может использовать посредник, составляют поиск и подчеркивание общности интересов, преуменьшение области рассогласований [6, с. 321]. Наличие общих интересов позволяет сформировать ожидания взаимной выгоды от переговоров (усиление доверия), отвлекая внимание от рисков и издержек (ослабление недоверия). Полезным для восстановления доверия является использование стратегии последовательных и обоюдных инициатив по разрядке напряженности (ПОИР). Один из участников выступает с односторонними мирными инициативами, приглашая оппонента к совершению аналогичных встречных действий. В основе использования ПОИР лежат норма взаимности (стремление отвечать уступкой на уступку) и атрибуция мотивов (приписывание автору мирных инициатив искренней заинтересованности в примирении). Исследователи сформулировали целый ряд правил [6, с. 255] для эффективной реализации этой миролюбивой, честной и твердой стратегии, основное предназначение которой – сформировать установку на сотрудничество и укрепить доверие оппонентов друг другу, т.е. создать благоприятную атмосферу для переговоров.

Усиление доверия, таким образом, является важным условием конструктивного разрешения конфликта, сопряженного с информационной неопределенностью ситуации.

Библиографический список

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 591 с.
2. Байчорова С.К., Лайпанова М.С. Моделирование ситуации неопределенности, как следствия конфликта // Вестник научных конференций. 2016. № 5 – 1. Т. 9. С. 7–11.
3. Гришина Н.В. Психология конфликта. СПб.: Издательство «Питер», 2000. 464 с.
4. Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
5. Почебут Л.Г., Свенцицкий А.Л., Марарица Л.В., Казанцева Т.В., Кузнецова И.В. Социальный капитал личности: монография. М.: ИНФРА-М, 2014. 250 с.
6. Рубин Дж., Pruitt Д., Ким Х.С. Социальный конфликт: эскалация, тупик, разрешение. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2001. 352 с.
7. Смирнова Ю.С. Атрибутивное сопровождение межличностных конфликтов / Ю.С. Смирнова // Философия и социальные науки. 2016. № 3. С. 105–109.
8. Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М.: ИРИСЭН, Социум, 2016. 367 с.

ЧЕЛОВЕК И ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ: СИСТЕМА НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ КНИГ КАК СРЕДСТВО СНЯТИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

И.С. Соколова

ФГБОУ ВО «Московский политех»

Выявлены возможности системы научно-популярных книг как средства трансляции естественнонаучных знаний и развития критического мышления читателя для противодействия парапауке в условиях информационной неопределенности.

Ключевые слова: информация, естественные науки, парапаука, неопределенность, популяризация науки, книга.

PERSON AND NATURAL-SCIENCE INFORMATION: SYSTEM OF THE POPULAR SCIENTIFIC BOOKS AS A MEANS OF REMOVAL OF UNCERTAINTY

I.S. Sokolova

Moscow Polytechnic University

Possibilities of system of the popular scientific books as a means of broadcast of the natural-science knowledge and development of the critical thinking of reader for counteraction to parascience in the conditions of information uncertainty are revealed.

Keywords: information, natural sciences, parascience, uncertainty, popularization of science, book.

В наши дни естественнонаучная информация становится частью не только профессиональной деятельности людей определенных специальностей, но и повседневной жизни практически любого человека независимо от его профессии. Разнообразные новости об открытиях и изобретениях, а также медицинские, сельскохозяйственные, пищевые, технические и технологические объекты и процессы, имеющие естественнонаучные основания, входят в жизнь человека. Вместе с тем в настоящее время мы становимся свидетелями небывало высокой активности распространения парапаучных представлений. Человек в повседневности окружен различными публикациями средств массовой информации, рекламными сообщениями, насыщенными идеями и «фактами» заведомо антинаучного характера. Выпускаются и книги парапаучного содержания, но если книгу еще нужно найти и прочесть, то сообщения СМИ и рекламные сообщения человеку «попадаются на глаза» подчас помимо его воли. Парапауки существуют и в гуманитарной сфере, однако их проникновение именно в естественнонаучную сферу представляется наиболее опасным, поскольку оно сопряжено с вполне реальными прагматическими рисками, заключает в себе опасности для экономики страны, здоровья людей и т.д.

М.А. Кормилицына утверждает: «Основной функцией, объединяющей средства массовой информации разных типов, считается информационная. Среди требований к качеству информации на первом месте стоят ее точность, определенность и достоверность. Как показывает анализ текстов современной прессы, в наше время проблема соблюдения этих качеств не утратила своей актуальности. Это касается и объективной, предметно-логической стороны информации (отбор информации для массового читателя, которая порой состоит из заведомо ложных или неясных фактов), и субъективной (выбор самих способов подачи информации)» [4, с. 70–71]. Сказанное в полной мере касается бытования СМИ в части распространения естественнонаучной информации. Современный человек оказывается в ситуации неопределенности: он может не знать, какое информационное сообщение истинно, а какое ложно; кроме того, часто в одном и том же сообщениистина и ложь переплетаются так, что неспециалисту в соответствующей области трудно их разделить. Демаркация науки и ненауки в средствах массовой информации становится сложной задачей.

Противодействие парапауке возможно в самых разных направлениях и уже ведется (специальные комиссии, конференции, телепередачи и т.д.). Одно из направлений – целесоованное использование научно-популярных книжных изданий, ведь именно они системно и наиболее глубоко способны транслировать научное знание для неспециалистов конкретной отрасли. Системность и глубина подачи информации – важные свойства таких изданий, помогающие развивать критическое мышление человека. «Основным средством противодействия “информационному шуму” и лженакуке является умеренно критическое отношение к информации, распространяемой по каналам массовой коммуникации», – пишет Е.К. Гурова [1, с. 65]. Нужно заметить, что практически любое качественное научно-популярное книжное издание может рассматриваться с этих позиций. Однако массив таких изданий неоднороден, поэтому далее мы выделим группы изданий в зависимости от их возможностей в плане противодействия парапаучным взглядам благодаря формированию критического мышления читателя.

Книжные издания *первой группы* заключают в себе научно-популярные монографии или сборники научно-популярных статей, представляющие основные положения и, возможно, историю становления и развития какой-либо научной области или нескольких областей. Главенствующая их цель – *просветительская*. Но если человек обладает хотя бы основами научных знаний, он во многом защищен от влияний со стороны парапаук. В качестве примера можно привести работу К. Циммера в переводе с английского «Паразит – царь природы: Тайный мир самых опасных существ на Земле» московского издательства «Альпина нон-фикшн», вышедшую в 2017 году. (В СМИ нередко обсуждается эта тема, причем не всегда в строго научном ключе).

Издания *второй группы* раскрывают читателю какую-либо науку (ее часть, несколько наук) в контексте применения ее результатов в повседневности, понимания того, как наука «работает» в обыденной жизни человека. Ключевая цель подобного рода изданий, как мы ее видим, – это цель *адаптационная*. Примером тут может стать книга «Ингредиенты: Химия и алхимия гастрономического творчества» А. Бузари в переводе с английского 2017 года выпуска московского издательства «Альпина Паблишер». (СМИ постоянно обращаются к теме питания человека, и периодически возникающих ложных сенсаций здесь очень много).

Книги, принадлежащие к *третьей группе*, целенаправленно создаются для борьбы с различными заблуждениями, касающимися сферы научных знаний. Главная цель этих книг, таким образом, *мифоборческая*. Примером в данном случае может явиться «Сумма биотехнологии: Руководство по борьбе с мифами о генетической модификации растений, животных и людей» А.Ю. Панчина московского издательства «АСТ» 2017 года выпуска. (В СМИ постоянно дискутируется тема ГМО).

Книги *четвертой группы* посвящены объяснению того, что такое парапаука, почему она существует, как функционирует в социуме и, что особенно важно, как отличить науку от ненауки. Основную цель этих книг мы обозначим как *медиаобразовательную*. Например, к изданиям такого рода можно отнести книгу А.Б.Соколова «Ученые скрывают? Мифы XXI века», выпущенную издательством «Альпина нон-фикшн» в 2017 году. Автор научно-популярной книги формирует медиакультуру читателей, а не только предлагает «готовые смыслы». «Уровень медиакультуры адресата выступает определяющим в декодировании, нормативном прочтении образа. Из этого следует, что отправитель не только обязан соотносить свой контент с уровнем культуры потребителя, но и вести активную работу по его повышению для расширения возможностей адекватного понимания создаваемых образов, т.е. выстраивать коммуникационные связи с аудиторией», – считает В.П. Коломиец [3, с. 539]. Издания четвертой группы в наиболее явной форме развивают критическое мышление читателя.

Сегодня, как видим, в России уже нет того ощущимого, острого дефицита научно-популярных книг, который наблюдался в нашей стране еще десять лет назад. Положительная тенденция – появление все новых и новых молодых авторов научно-популярных книг [5, с. 60]. Однако к любой научно-популярной книге вполне применимы наши слова, сказанные в самом начале о книге парадаучного содержания: книга не способна попасть в поле внимания человека так же легко, как сообщения СМИ и рекламные сообщения. С нашей точки зрения, необходима доступная большинству людей система продвижения научно-популярных книг, направленная на противодействие парадаучным представлениям. Уже существуют научно-популярные лекции авторов некоторых научно-популярных книг (обращаясь к приведенному ранее примеру, отметим, что подобные лекции читает А.Ю. Панчин), уже действуют интернет-порталы, на которых рекомендуются научно-популярные книги (скажем, сайты «Элементы», «ПостНаука»), и существуют специализированные библиотеки научно-популярных книг (библиотека «Научка» в Москве). Вместе с тем нельзя не увидеть, что получение информации об этих лекциях, интернет-порталах, библиотеках требует от заранее неподготовленного, не погруженного в тему человека дополнительных усилий. Вероятно, решением проблемы могла бы стать реклама (в том числе активная реклама в социальных сетях) научно-популярных книг или же реклама целостного информационного ресурса, который интегрировал бы библиографические сведения о вновь выходящих научно-популярных книгах, а также представлял архивные данные о книгах, изданных ранее. Единый информационный ресурс выглядит более предпочтительным в связи с тем, что далеко не всякий потенциальный читатель легко отличит качественную научно-популярную книгу от книги парадаучного содержания. То есть наиболее действенной нам видится не отдельно взятая научно-популярная книга сама по себе, пусть и высококачественная, но целая система подобных изданий.

Человек, как правило, не может оставаться один в условиях неопределенности по отношению к естественнонаучной информации. Ему бывает полезна и подчас даже необходима информационная помощь со стороны других людей, но людей в данном вопросе действительно компетентных. Е.Я. Дугин подчеркивает: «Медиасистема представляет собой нечто большее, чем традиционные СМИ, – это, прежде всего, развитие на основе информационно-коммуникативных технологий горизонтальных связей между людьми, которые, возможно, прочнее скрепляют общество, чем вертикальные. И в этом смысле медиасистемы являются собой особый общественный институт, который при определенных условиях выполняет функции “института прямой демократии”» [2, с. 16]. Перефразируя, стоит сказать, что имеет смысл создание «института прямого медиаобразования», то есть такого общественного института прежде всего на базе социальных сетей, который способствовал бы противодействию парадауке за счет продвижения качественных научно-популярных книжных изданий, несущих человеку научные знания и формирующих его критическое мышление.

Библиографический список

1. Гурова Е.К. Популяризация науки: задачи, стратегии, технологии: методическое пособие для журналистов. М.: Фак. журналистики МГУ им. М.В.Ломоносова, 2016. 102 с.
2. Дугин Е.Я. Теории среднего уровня в исследованиях информационно-коммуникативных медиасистем // Вестник Московского университета. Сер. 10 «Журналистика». 2017. № 1. С. 3–23.
3. Коломиец В.П. Медиапотребление – коммуникативная практика преодоления цифрового неравенства // Журналистика в 2017 году: творчество, профессия, индустрия: материалы междунар. науч.-практ. конф. М.: МедиаМир: Фак. журналистики МГУ им. М.В.Ломоносова, 2018. С. 539–540.
4. Кормилицына М.А. Неопределенность как один из распространенных в современной прессе способов подачи информации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. «Филология. Журналистика». 2009. Т. 9.№ 3. С. 70–73.
5. Сергеев А.Г. Актуальные лженаучные тренды // В защиту науки. 2016. № 18. С. 58–61.

МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА МЕНТАЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА КУЛЬТУРЫ

A.V. Сухарев
ФГБУН «Институт психологии РАН»

В статье рассматриваются представление о кризисе ментальности современного индивидуального и коллективного субъекта. Проведенный анализ исследований показал, во-первых, что определяющим в исторических кризисах является их переживание человеком вплоть до клинического уровня. Во-вторых, возникновение данных кризисов связано с нарастанием воспринимаемых человеком информационных потоков, несущих этническую информацию о природно-географических, антропо-биологических, культурно-психологических и трансцендентных (духовных) изменениях ментальности. Исследования показали, что оптимальным информационным фильтром, обеспечивающим современного человека защиту от информационных потоков и его общую адаптированность, являются этнические информационные фильтры. Данные фильтры способствуют оптимизации болезненных переживаний, связанных с нарастанием в условиях кризиса фактора мультиэтничности как на индивидуальном, так и на групповом уровне. В качестве исторически актуальной методологии исследования, прогноза и коррекции ментальности субъекта предлагается этнофункциональный подход в психологии, являющийся методологически дополнительным и малоприменимым в условиях «мультиэтничности», но широко используемому типологическому подходу.

Ключевые слова: кризис, ментальность, этничность, этнофункциональный подход, типологический подход.

THE METHODOLOGY FOR THE ANALYSIS OF THE MENTALITY IN MODERN CRISIS OF CULTURE

A.V. Sukharev
Institute of psychology RAS

The article deals with the idea of the crisis of mentality of modern individual and collective subject. The analysis of the studies showed, firstly, that the determining factor in historical crises is its experience by a person up to the clinical level. Secondly, the emergence of these crises is connected with the growth of information flows perceived by a person, carrying ethnic information about natural-geographical, anthropo-biological, cultural-psychological and transcendent (spiritual) changes in mentality. Studies have shown that ethnic information filters are the optimal for providing modern man protection from information flows and providing his adaptability. These filters contribute to the optimization of painful experiences associated with the increase in the crisis of multiethnic factor both at the individual and at the group level. As a historically actual methodology of research, prognosis and correction of subject's mentality ethnofunctional approach in psychology, which is methodologically additional to limited applicable in modern conditions "of multiethnicity", but widely used typological approach, is offered.

Keywords: crisis, mentality, ethnicity, ethnofunctional approach, typological approach.

Не так давно в публикациях часто возникали обсуждения содержания представлений о «ментальности» и «менталитете» [6]. Мы полагаем, что их содержание практически идентично, но имеются лишь этимологические различия. Ментальность может быть атрибутом не только коллективного, но и индивидуального субъекта [3], она характеризует его *максономическую* специфику. Ментальность субъекта может иметь историческую размерность и отражать субъектные представления о прошлом, будущем и, разумеется, настоящем. Ментальность как общества, так и индивида описывается такими ментальными категориями, как от-

ношения, суждения, ценности, представления и др. Описание конкретной ментальности может осуществляться в представлениях об этапах развития мифа, включающие природные, анимистические и героические представления по А.Ф. Лосеву [4]. Сюда же можно отнести представления мировых религий и, далее естественнонаучные представления, представления об общем благе и т.д. [9].

Современный системный кризис рассматривается как «кризисное сознание», который основан на представлении о «несостоятельности» западной цивилизации в целом и на переживании ее «неудачи» [1, с. 143-144]. Вне человеческого переживания представление о «кризисе» бессмысленно и его исследование должно осуществляться в рамках психологии.

Как отмечал Й. Хейзинга, хорошим сравнением для описания современной культурной жизни является метафорическое ее представление как болезненного состояния. Хейзинга констатировал, что «наше время страдает лихорадкой». Раскрывая данную метафору, нидерландский культуролог связывает данную «лихорадку» с состоянием *неопределенности*, котором человек находится в состоянии отчаяния и пессимистически переживает невозможность найти выход [15, с. 265].

В исторической ретроспективе можно найти ряд примеров, характеризующих кризисное состояние ментальности того или иного общества. В приведенных ниже примерах переживание людьми кризиса связано с феноменом кризиса этнической и культурной идентичности. Состояние неопределенности, порождаемое угрозой нарушения или потери этнической идентичности, обусловливало необходимость разрешения назревшего конфликта.

В конце 19 в. в качестве примера такого кризиса можно привести историческую ситуацию, обусловившую т.н. народное «восстание ихэцуваней», которые, опираясь на древние нравственные традиции, сражались против власти манчжурских мандаринов, продажных чиновников и военной мощи Запада [2, 1973]. Кризисом этнической идентичности характеризовалось и время императорского правления в древнем Риме в последнее столетия до нашей эры. По мнению Т. Моммзена, жизнь древнего Рима, в частности, состояние сената характеризовалась нивелированием национальных особенностей разных народов [5, с. 179-180].

Угроза нарушения этнической идентичности в современном мире может возникать в результате различных информационных воздействий и т.п. Под воздействием нарастающих потоков информации у индивидуального или коллективного субъекта может нарушаться целостность этнической идентичности – его внутренние психические условия вступают в конфликтное взаимодействие резко изменяющимися параметрами социокультурной среды или природно-климатическими условиями. Т.н. «культурная диссоциация» (Р. Мэй) может обуславливать различную психопатологическую симптоматику. В частности, установлена роль тревоги как первичной фазы адаптационного синдрома (Г. Селье), во-первых, в возникновении психических расстройств и, во-вторых, с нарушением культурной идентичности субъекта [17]. Данные выводы подтверждаются также и результатами наших исследований [9]. Таким образом «болезненность» переживания человеком современного кризиса культуры имеет не только художественно-философское (Хейзинга), но и научное основание.

Многие исследователи констатируют экспоненциальный рост значения фактора мультикультурности как важнейшую характеристику ментальности современного индивидуального и коллективного субъекта. Однако такая характеристика, как «культура», является лишь одной из сторон описания человека или общества, а также проблем, переживаемых как следствия кризиса. Более полная характеристика человека и человеческих сообществ может осуществляться с помощью таксона «этничность». Этничность характеризует человека не только по его культурно-психологическим параметрам, но и по биологического-антропологическим, природно-географическим (Л.Н. Гумилев, Ю.В. Бромлей, В.И. Козлов). В число этнических параметров развития человека мы вводим также духовные (трансцендентные) параметры [9].

В современном мире, вследствие развития коммуникационных технологий и собственно коммуникаций, нарастает смешение не только «культурных» компонентов ментальности субъекта, но и его представлений о фауне, флоре, природе в целом, различных религиозных (трансцендентных) представлений. В результате в ментальности субъекта возникает «плурализм в одной голове» или избыточный плурализм представлений, собранных практически со всего мира, но укоренившихся в ментальности индивида или общества. Переживаемые многими «экологический» и некоторые другие «кризисы» не могут быть включены в понятие «кризиса культуры». Другими словами термин «мультикультурность» является явно недостаточным для описания состояния «неопределенности» у субъекта. На наш взгляд, более адекватным является использование представления о «мультиэтничности». С учетом представления о «маргинальном человеке», обладающем «культурной» или «расовой» маргинальностью, Э. Стоунквиста и Р. Парка [18, 19] мы вводим термин «этническая маргинальность» [8].

Одной из попыток объяснения причин кризиса современной цивилизации с позиций информационного подхода явилось исследование О. Тоффлера [14]. Характерное для современного мира нарастание потоков информации, воспринимаемых индивидом и обществом по мнению автора, обуславливает *нарушение психической адаптированности субъекта, а на индивидуальном уровне – к психосоматическим и психическим заболеваниям.*

Регуляция дезадаптирующих информационных воздействий может осуществляться методами «буфера» и «фильтра» [там же, с. 218]. Первый метод предполагает различные способы подготовки субъекта к информационным изменениям. Второй метод связан с наличием т.н. *информационных фильтров*, отсеивающих малозначимую и незначимую для субъекта информацию. Из всего воспринимаемого объема. Например, такую роль могут играть субкультуры, характеризующиеся спецификой ценностей и поведенческих шаблонов.

Подобные субкультуры могут представлять собой профессиональные группы, сообщества «по интересам» различных социальных групп и др. Они характеризуются недолговечностью, текучестью состава и пр. [7]. Существенно, что такого рода субкультуры не могут полностью «захватывать» субъекта и, по сравнению с клановыми, родовыми или этническими объединениями и в психологическом плане обеспечивают лишь относительно формальную «эрзац-общность».

Если в роли информационных фильтров выступают не субкультуры, а этничность, то их «работа» существенно оптимизируется. Этнические группы характеризуется, прежде всего, устойчивостью; такого рода фильтры имеют практически неизменную популяцию, а сами этнические характеристики имеют укоренившуюся в традиции стабильность. Кроме того, ее ценности, нормы этнических общностей имеют относительно высокую степень организации и образуют живую целостность. Возрастание роли этнического фактора в современном мире, похоже, объясняется именно необходимостью защиты и оптимизации взаимодействия человеческой психики от непрерывной интенсификации информационных потоков [7].

А.А. Сусоколов отмечает такие конструктивные характеристики этнических систем как акцент именно определенных, специфических для данной этнической группы ценностей и на сужение спектра способов достижения целей. Причем данные ограничения являются весьма устойчивыми во времени [там же].

Информационное понимание этносов было сформулировано как «пространственно ограниченные сгустки специфической культурной информации» С.А. Арутюновым и Н.Н. Чебоксаровым [16, с. 19]. Наряду с культурно-психологической информацией этносы характеризуются природно-биологической, а также «трансцендентной» информацией, описывающей духовный мир того или иного народа.

В целом анализ исследований показывает, что в условиях неопределенности у субъекта обостряются переживания, связанные угрозой утраты этнической идентичности, причем

именно обретение данной идентичности субъективно переживается как разрешение конфликтной ситуации. Несмотря на то, что процесс разрешения психических конфликтов в условиях неопределенности требует от субъекта дополнительных усилий, то обретение этнической идентичности обуславливает повышение его адаптационного потенциала [9]. Наделение элементов информации, воспринимаемой субъектомэтнической функцией, интегрирующей и дифференцирующей его этноса или этнической системы, позволяет дифференцированно управлять и перераспределять интенсивные потоки информации и, тем самым, оптимизировать развитие субъекта и его психическую адаптированность по широкому спектру показателей. Предлагаемый этнофункциональный подход к психическому развитию и адаптации субъекта является исторически актуальным ввиду нарастания в современном мире роли этнического фактора. Будучи дополнительным к традиционному типологическому подходу в этнической и социальной психологии в целом, данный подход является инструментом существенно более тонкого дифференцирования и диагностики предмета исследования [там же].

Методологически в основе данного подхода, наряду с базовым принципом этнофункциональности, лежат принципы этнофункционального единства микро- и макрокосма и другие, что позволило получить широкий спектр результатов в области исторической психологии [11], клинической, юридической, детской психологии и др. областях [11; и др.], а также при исследовании детерминант формирования общих способностей и креативного интеллекта у детей и взрослых [12, 13].

Библиографический список

1. Давыдов Ю.Н. Кризисное сознание // Современная западная социология. М.: ИПЛ, 1990. С. 143-144.
2. Ефимов Г.В. Ихэцоань // БСЭ, 3-е изд., т. 11. М.: Советская энциклопедия, 1973. С. 59.
3. Журавлев А.Л. Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 72–80.
4. Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1957.
5. Моммзен Т. История Рима. Л.: Лениздат, 1993. С. 179-180.
6. Морозов Н.М. Концептуализация исторического знания о российской цивилизации на рубеже ХХ–XXI вв. в отечественной историографии: Дис. ... д-ра историч. наук. Кемерово: Институт экологии человека СО РАН, 2014.
7. Сусоколов А.А. Структурные факторы самоорганизации этноса // Расы и народы. Вып. 20 М.: ИЭА РАН, 1990. С.5-40.
8. Сухарев А.В. Этнопсихотерапевтический подход к человеку в условиях современного кризиса его экосистемы // Мир психологии и психология в мире. 1994. № 0. С. 63–74.
9. Сухарев А.В. Этнофункциональная парадигма в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
10. Сухарев А.В. Опыт преодоления методологического кризиса: принцип исторической актуальности и этнофункциональная парадигма в психологии // Мир психологии. 2009. № 3 (59). С. 123–159.
11. Сухарев А.В. Развитие русской ментальности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
12. Сухарев А.В., Кравченко О.Ф., Овчинников Е.В., Тимохин В.В., Шапорева А.А., Щербак С.Ю. Этнофункциональный подход в воспитании и психопрофилактике // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 5. С. 68–80.
13. Сухарев А.В. Тимохин В.В., Выдрина Е.А., Шапорева А.А. Роль психологическихэтнофункциональных условий в повышении уровня интеллекта // Экспериментальная психология. 2017в. Т. 10. № 4. С. 20-33.
14. Тоффлер О. Футуршок. М.: Прогресс, 1973. С.218.
15. Хейзинга Й. HomoLudens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс-Академия, 1992.
16. Чебоксаров Н.Н., Арутюнов С.А. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. М.:ИЭРАН, 1972. Вып. 2. С.19-23.
17. May R. The meaning of Anxiety. N.Y.: Pocket Books, 1979.
18. Park R.E. Human migration and the marginal man // American Journal of Sociology, v.38, 1932. P.33.
19. Stonequist E.V. The Marginal Man. N.Y.: Russel and Russel, 1961.

ДИНАМИЧЕСКИЕ СПОСОБНОСТИ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

Д.И. Тимофеев

Институт психологии РАН

В статье рассматриваются вопросы совершенствования стратегического управления в условиях высокой неопределенности путем развития динамических способностей фирмы, интегрирующих когнитивные и эмоциональные процессы менеджеров при принятии решений.

Ключевые слова: неопределенность, динамические способности, стратегия, психология, эмоции, принятие решений

DYNAMIC CAPABILITIES AND UNCERTAINTY

D.I. Timofeev

Institute of Psychology of the RAS, Moscow, Russia

The article examines the issues of improving strategic management in conditions of high uncertainty by developing dynamic capabilities of the firm that integrate the cognitive and emotional processes of managers in making decisions.

Keywords: uncertainty, dynamic abilities, strategy, psychology, emotions, decision-making.

Гиперконкуренция в современном бизнесе, порождаемая глобализацией и технологическими инновациями, приводит к тому, что классические теории стратегического управления теряют свою релевантность. Дело в том, что основные школы стратегического менеджмента (планирования, позиционирования, ресурсная), рассчитанные на относительно предсказуемую бизнес среду, эффективно работают с просчитываемыми рисками. Работая с рисками, менеджеры могут представить будущие события и их вероятность, а в условиях высокой неопределенности невозможно определить, что произойдет, вероятность тех или иных событий, а также их последствия. В ответ на сложившуюся ситуацию в 1990-ых годах была разработана теория динамических способностей фирмы, которая направлена на создание устойчивого конкурентного преимущества в условиях высокой неопределенности бизнес среды [10].

Согласно определению Дэвида Тиса, являющегося основоположником данного направления, динамические способности – это потенциал фирмы в интегрировании, создании и реконфигурации внутренних и внешних компетенций для соответствия быстро изменяющейся среде [7]. В структуре динамических способностей фирмы выделяют три ключевых элемента [9]:

- распознавание рыночных возможностей и угроз;
- использование возможностей;
- реконфигурация активов для достижения устойчивого конкурентного преимущества.

В настоящее время теория динамических способностей фирмы является наиболее передовой школой стратегического менеджмента, сочетающей экономический принцип максимизации полезности с методами принятия решений из когнитивной психологии [3].

Когнитивная психология применяет для анализа процессов переработки информации компьютерную метафору, т.е. конструирование, моделирование и структурирование конкурентной среды производится менеджерами двумя способами (восходящая и нисходящая обработка). При этом ментальные представления менеджеров обуславливают стереотипность, инерцию и несовершенство стратегического мышления [2].

Крайняя рационализация стратегического управления привела топ-менеджмент к проблемам во многом сходным с летаргическим энцефалитом. Отечественный физиолог Виктор

Сергеевич Дерябин описывал данное заболевание следующим образом: «Здесь нередко оказывается изолированное поражение эмоционально-волевой сферы. Экспериментально-психологическое исследование показывает, что с интеллектом у больного дело обстоит нередко благополучно, но у него нет ни тоски, ни радости, ни гнева, ни надежды и нет целей. Получается живой труп. Этот естественный эксперимент с особенной яркостью показал, что движущей силой являются эмоции, что интеллект сам по себе бесплоден. Ум, освобожденный от влияний эмоций, похож на механизм, из которого вынута пружина, приводящая его в действие» [1].

Западными учеными был разработан новый психологический базис динамических способностей фирмы, который органично объединял «холодные» когнитивные и «горячие» эмоциональные процессы в ходе принятия решений [8]. Ранее аффекты и эмоции рассматривались как нарушение отражательной способности менеджеров, их рекомендовалось подавлять при любой возможности. На основе передовых исследований социальной когнитивной нейронауки был изменен статус данных феноменов и доказана их важность для успешного принятия управленческого решения в условиях высокой неопределенности (см. таблицу).

Пересмотр психологических оснований динамических способностей

Способности	Существующие психологические основания	Уточненные психологические основания
Выявление и формирование возможностей и угроз	Возможности открываются и создаются посредством когнитивных способностей и креативности личности, что требует доступа к информации и способности распознавать стратегические возможности и управлять развитием фирмы. Распознавание, осмысление, настройка зависят от индивидуальных когнитивных способностей и существующих знаний.	Идентификация возможностей, поиск, синтез, отбор информации, которые происходят за счет взаимодействия между рефлекторными, неосознаваемыми (интуиция, неявные ассоциации) и рефлексивными (рациональное мышление) когнитивными и эмоциональными способностями. Распознавание, восприятие, настройка зависят от способности использовать эмоции для усовершенствования ментальных представлений (выявление диссонансов), использования интуитивных процессов для синтезирования информации и различных экспертных суждений
Использование возможностей	Капиталовложения в инновации требуют, чтобы менеджеры избегали дисфункциональных способов принятия решения. Борьба с когнитивными искажениями требует осознанного, рефлексивного подхода к принятию решений.	Использование возможностей требует поощрения адекватных эмоциональных реакций для новых направлений развития. Направленный (контролируемый) процесс мышления может усиливать когнитивные искажения, а для их смягчения необходимо использовать как эмоциональные так и рациональные способности
Изменение конфигурации активов и структур для поддержания конкурентоспособности	Способность топ-менеджмента к координации и управлению стратегическими переменами и обновлением фирмы	Реконфигурация требует управления транзитом и постоянного переопределения социальной идентичности за счет смягчения скрытых искажений и саморегулирования эмоциональных реакций для идентификации угроз вызванных переменами

К сходным с западными учеными выводам пришли российские психологи, которые в экспериментах по решению прогностических задач выявили определяющую роль динамических регулятивных систем, объединяющих когнитивные и эмоционально-личностные составляющие [4].

В исследовании, проведенном среди сотрудников российских компаний, было обнаружено влияние позитивных эмоциональных состояний в группе на уверенность членов группы в предсказуемости коллективного будущего и способности управленческой команды влиять на него [6].

В ходе изучения И.Н. Леоновым руководителей с высоким уровнем толерантности к неопределенности были определены их специфические черты: готовность к риску, склонность к доминированию, ориентация на результат и раскрытие новых возможностей в нестандартных ситуациях, умение сопереживать и склонность к использованию интуиции при принятии решений [5]. Также выявлено, что чем больше применяется стратегическое планирование, чем ярче интерес к сложным проблемам, чем меньше в организации принято избегать неопределенности, тем выше у менеджмента удовлетворенность деятельностью фирмы.

Таким образом, в условиях высокой неопределенности бизнес среды переход от традиционных методик стратегического управления к развитию динамических способностей фирмы позволяет, при условии интеграции в управленческих решениях когнитивных и эмоциональных процессов, создать устойчивое конкурентное преимущество и повысить удовлетворенность топ менеджеров результатами деятельности организации.

Библиографический список

1. Дерябин В.С. О закономерностях психических явлений (публичная вступительная лекция) // Психофармакология и биологическая наркология. – Т. 6, № 3, 2006. С. 1318.
2. Джерард П. Ходкинсон, Пол Р. Сперроу Компетентная организация: психологический анализ процесса стратегического менеджмента. Ч.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2007. 392 с.
3. Катькало В.С. Эволюция теории стратегического управления / В. С. Катькало; Высшая школа менеджмента СПбГУ. 3-е изд. СПб.: Изд-во «Высшая школа менеджмента»; Издат.дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2011. 548 с.
4. Корнилова Т.В. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностной регуляции решений и выборов. Психологический журнал, 2013, 34(3), с. 89–100.
5. Леонов И.Н. Влияние толерантности к неопределенности на профессионально важные качества руководителя: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук: 19.00.03 / Леонов Илья Николаевич; [Место защиты: Ярослав. гос. ун-т им. П.Г. Демидова]. – Ярославль, 2015. 24 с.
6. Нестик Т.А. Социальная психология времени. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 496 с.
7. Тис Д.Дж. Динамические способности фирмы и стратегическое управление / Д.Дж. Тис, Г. Пизано, Э. Шуэн // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия «Менеджмент». – 2003. – № 4. С. 133-183.
8. Gerard P. Hodgkinson, Mark P. Healey Psychological foundations of dynamic capabilities: reflexion and reflection in strategic management, Strategic Management Journal, Volume 32, Issue 13, 2011, 1500–1516.
9. Teece D.J. 2007. Explicating dynamic capabilities: the nature and microfoundations of (sustainable) enterprise performance. Strategic Management Journal 28(13), 1319–1350.
10. Teece, D., & Leih, S. (2016). Uncertainty, Innovation, and Dynamic Capabilities: An introduction. California Management Review, 58 (4), 5-12.

СВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И МЕЖЛИЧНОСТНОЙ ИНТОЛЕРАНТНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

B.B. Усова

(научный руководитель Н.Ю. Самыкина)

ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королева»

В статье рассматривается связь эмоционального интеллекта и межличностной интолерантности к неопределенности. В настоящее время остро встает проблема ситуации неопределенности и нестабильности. На основе этого растет актуальность такого явления, как межличностная интолерантность к неопределенности (МИТН). Это стремление к ясности и контролю в межличностных отношениях. Эмоциональный интеллект может стать тем инструментом, который сможет помочь человеку находиться в ситуации стабильности во взаимоотношениях между людьми. Следует отметить, что индивиды с высоким уровнем эмоционального интеллекта обладают выраженными способностями к пониманию собственных эмоций и эмоций других людей, а также к управлению эмоциональной сферой, что обуславливает более высокую адаптивность и эффективность в общении. Можно предположить, что развитие ЭИ может помочь избежать ситуаций неопределенности в межличностной коммуникации или снизить уровень напряжения при их возникновении и повысить уровень адаптации к ним.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, межличностная интолерантность к неопределенности, толерантность к неопределенности, интолерантность к неопределенности.

RELATIONSHIP BETWEEN EMOTIONAL INTELLIGENCE AND INTERPERSONAL INTOLERANCE TO UNCERTAINTY

V.V. Usova

Samara University

The article deals with the relationship between emotional intelligence and interpersonal intolerance to uncertainty. The problem of uncertainty and instability is acute at present. On this basis the relevance of such a phenomenon as interpersonal intolerance to uncertainty (IITU) is growing. It is an aspiration to clarity and control in interpersonal relationships. Emotional intelligence can become a tool that can help a person to be in a situation of stability in the relationship between people. It should be noted that individuals with a high level of emotional intelligence have expressed abilities to understand their own emotions and emotions of other people as well as to manage the emotional sphere which leads to higher adaptability and efficiency in communication. It can be assumed that the development of EQ can help to avoid situations of uncertainty in interpersonal communication or reduce the level of stress when they occur and increase the level of adaptation to them.

Keywords: emotional intelligence (EQ), interpersonal intolerance to uncertainty, tolerance to uncertainty, intolerance to uncertainty.

В настоящее время наблюдается рост интереса к изучению такого психологического феномена, как эмоциональный интеллект (ЭИ). Эмоциональный интеллект рассматривается, как подструктура социального интеллекта, которая включает в себя способность наблюдать собственные эмоции и эмоции других людей, различать, контролировать их и управлять ими.

Зарубежные ученые, такие как Д. Гоулман [2], Дж. Мейер [8; 11-15], П. Сэловей [13; 15; 16], Д. Карузо [11; 14], Р. Стернберг активно исследуют феномен эмоционального интеллекта. В российской психологической науке впервые понятие эмоционального интеллекта было использовано Г.Г. Гарской [1]. В настоящее время изучением данного феномена занимаются Д.В. Люсин [6; 7], Э.Л. Носенко, Н.В. Коврига, А.С. Петровская и другие.

Таким образом, понятие «эмоциональный интеллект» определяется как:

- способность действовать с внутренней средой своих чувств и желаний [9], [10];
- способность понимать отношения личности, репрезентируемые в эмоциях, и управлять эмоциональной сферой на основе интеллектуального анализа и синтеза [15];
- способность эффективно контролировать эмоции и использовать их для улучшения мышления [13];
- совокупность эмоциональных, личных и социальных способностей, которые оказывают влияние на общую способность эффективно справляться с требованиями и давлением окружающей среды;
- эмоционально-интеллектуальная деятельность [3], [12], [13], [14].

Обобщая данные определения, можно отметить, что индивиды с высоким уровнем ЭИ обладают выраженными способностями к пониманию собственных эмоций и эмоций других людей, а также к управлению эмоциональной сферой, самоконтролю, что обуславливает более высокую адаптивность и эффективность в общении. Можно предположить, что такая способность может помочь избежать ситуаций неопределенности или снизить уровень напряжения при их возникновении и повысить уровень адаптации к ним.

В настоящее время остро встает проблема ситуации неопределенности, нестабильности. На этом фоне повышается уровень стрессов и неврозов, люди не понимают как им реагировать в ситуации неопределенности. На основе этого растет актуальность такого явления как межличностная интолерантность к неопределенности (МИН), которая выражается в стремлении к ясности и контролю в межличностных отношениях, дискомфорт в случае неопределенности отношений с другими. В целом это соответствует критериям неустойчивости, монологичности, статичности в отношениях с другими.

Феномен МИН рассматривался Т.В. Корниловой в рамках опросника на определение толерантности к неопределенности. В данном опроснике прослеживаются три составляющие: толерантность к неопределенности (ТН), интолерантность к неопределенности (ИТН) и межличностная толерантность к неопределенности (МИН).

В работе Корниловой Т.В. выделены разные виды интолерантности к неопределенности:

1. Стремление к ясности и определенности в отношении к миру в целом (и миру идей).
2. Стремление к ясности и определенности в мире людей, т.е. в отношениях с окружающими. [4]

Было сформировано новое понятие – межличностная ИТН (МИН). Она проявляется в том, что человек может спокойнее и легче воспринимать и переносить неопределенность в различных сферах своей жизни, тогда, как именно неопределенность в отношениях с другими людьми является для него стрессогенным фактором. В межличностных отношениях такой человек стремится к максимальной ясности, стабильности, прозрачности и даже контролю.

Толерантность и интолерантность к неопределенности показывает отношение человека к условиям неопределенности. ТН – это позитивное отношение к неопределенности, умение действовать и принимать решения при неполноте ориентировки в ситуации, принимать неясное и иное. ИТН – негативное отношение, которое включает неустойчивость к неопределенности, восприятие условий неопределенности как угрозы, стремление все прояснить. Если субъективная неопределенность и толерантность к ней рассматривались как условие внутренней регуляции познавательных стратегий, то выделение конструкта интолерантности к неопределенности оказалось более тесно связанным с анализом личностных свойств. Раскрытию этого понятия посвящены специальные работы ряда зарубежных и отечественных авторов (Г. Олпорт, Т.В. Корнилова и др.).

Другим путем выступает направленность на поиск целостных интегративных образований, которые связаны с диапазоном прилагаемых человеком усилий в преодолении ситуации неопределенности. Мы в качестве такового выделили эмоциональный интеллект.

В зарубежной психологии толерантность к неопределенности понимают как: «способность человека принимать конфликт и напряжение, которые возникают в ситуации двойственности, противостоять несвязанности и противоречивости информации, принимать неизвестное, не чувствовать себя неуютно перед неопределенностью» [10, с. 189].

В отечественных исследованиях толерантность представлялась интегральной личностной характеристикой, изучаемой как психологическая устойчивость, система личностных и групповых ценностей, личностных установок и совокупностей разноуровневых индивидуальных свойств [5].

Нами была сформулирована гипотеза о том, что существует связь между эмоциональным интеллектом (ЭИ) и межличностной интолерантностью к неопределенности (МИТН).

Руководствуясь этим, мы поставили цель проверить выдвинутую гипотезу и предположение о существовании взаимосвязи эмоционального интеллекта с межличностной интолерантностью к неопределенности, а также толерантностью и интолерантностью к неопределенности.

Для проведения исследования использовался тест эмоционального интеллекта Д.Люсина (ЭмИн), опросник толерантности к неопределенности Т.В. Корниловой. В teste ЭИ мы использовали шкалы: Шкала МЭИ (межличностный ЭИ), шкала ВЭИ (внутриличностный ЭИ), шкала ПЭ (понимание эмоций), шкала УЭ (управление эмоциями) и рассмотрели общий показатель ЭИ (ОЭИ).

В исследовании приняли участие 52 человека (35 женщин, 17 мужчин) в возрасте от 17 до 57 лет. Средний возраст испытуемых – 24,5.

Результаты

В исследовании проверялась корреляция шкал эмоционального интеллекта с показателями шкал толерантности к неопределенности, особенно нас интересовала шкала межличностной интолерантности к неопределенности (МИТН). Для анализа использовался коэффициент корреляции Пирсона. Также проверялась статистическая значимость (р-уровень). Полученные результаты представлены ниже.

Корреляция шкал ЭИ со шкалами толерантности к неопределенности

Шкалы толерантности к неопределенности	Шкалы эмоционального интеллекта				
	МЭИ	ВЭИ	ПЭ	УЭ	ОЭИ
ТН	0,12595677	-0,01320068	-0,07576228	0,17341777	0,05253729
ИТН	-0,06170881	-0,21525166	-0,03042913	-0,23044279	-0,15260768
МИТН	-0,37547736	-0,51914348	-0,4040731	-0,50177525	-0,50099828

ТН – толерантность к неопределенности; ИТН – интолерантность к неопределенности; МИТН – межличностная интолерантность к неопределенности.

МЭИ – межличностный эмоциональный интеллект; ВЭИ – внутриличностный ЭИ; ПЭ – понимание эмоций; УЭ – управление эмоциями; ОЭИ – общий показатель эмоционального интеллекта.

Данные показывают, что были обнаружены значимые корреляции шкал эмоционального интеллекта со шкалой межличностной интолерантности к неопределенности. Наиболее значимыми являются шкалы ВЭИ, УЭ и ОЭИ (рис. 1-3). Также выяснилось отсутствие значимой корреляции между шкалами эмоционального интеллекта и шкалами толерантности к неопределенности (ТН) и интолерантности к неопределенности (ИТН).

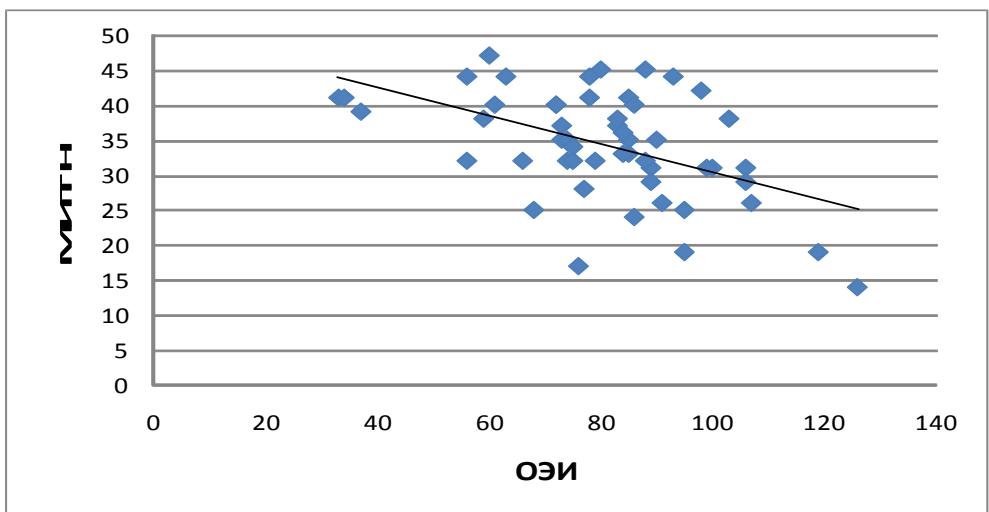

Рис. 1. Корреляция между шкалой общего ЭИ и шкалой межличностной интолерантности к неопределенности (МИТН)

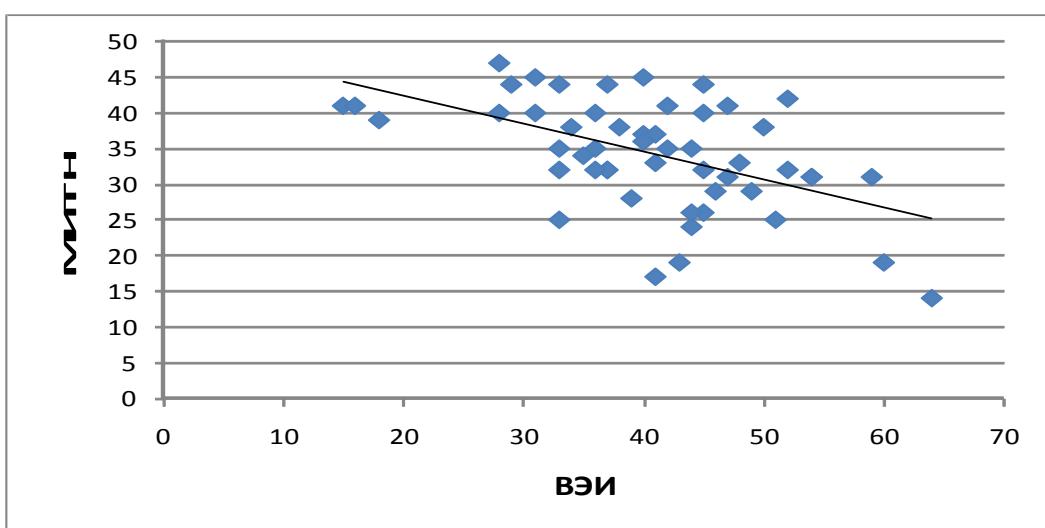

Рис. 2. Корреляция между шкалой внутриличностного ЭИ и шкалой межличностной интолерантности к неопределенности (МИТН)

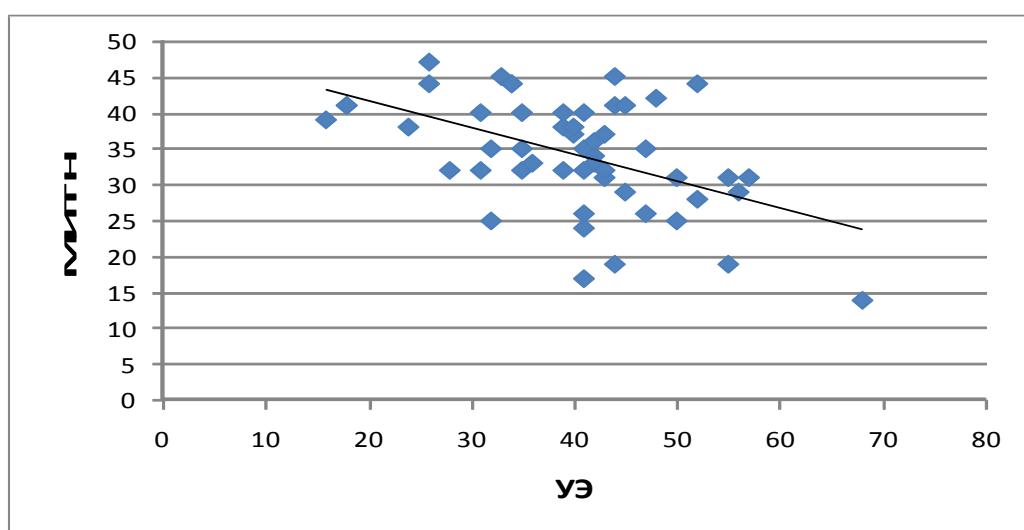

Рис. 3. Корреляция между шкалой управления эмоциями (УЭ) и шкалой межличностной интолерантности к неопределенности (МИТН)

Обсуждение результатов

Полученные результаты соответствуют выдвинутой гипотезе, о наличии взаимосвязи между особенностями эмоционального интеллекта и межличностной интолерантностью к неопределенности. Была обнаружена обратно пропорциональная зависимость между этими переменными. Эмоциональный интеллект, а именно способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими, связан с тем, как человек стремится к ясности и контролю в межличностных отношениях и избеганию неопределенности в отношениях с другими. Можно предположить, что чем выше показатель ЭИ человека, тем ниже МИТН. Чем выше понимание своих и чужих эмоций, тем ниже стремление к контролю в межличностных отношениях. Таким образом, снижение контроля способствует готовности к новому, неопределенному. Особенно это касается эмоционального взаимодействия с другими людьми в ситуации неопределенности.

Важными компонентами в ЭИ являются внутриличностный ЭИ и управление эмоциями (УЭ), поскольку от того, как человек способен к пониманию собственных эмоций и управлению ими зависит его взаимодействие с другими людьми. Чтобы быть готовым к неопределенности и избежать неясности в межличностной коммуникации важно понимать и контролировать свои эмоции. Для этого следует обратить внимание на развитие в себе этой способности, на развитие ЭИ.

Также мы обнаружили, что нет значимой корреляции между шкалами ЭИ и шкалами толеранности к неопределенности (ТН) и интолерантности к неопределенности (ИТН), что говорит об отсутствии связи между ними.

Выводы

1. Была обнаружена взаимосвязь между шкалами ЭИ и шкалой МИТН. Наиболее значимая связь прослеживается между шкалами внутриличностного ЭИ, управления эмоциями, общим показателем ЭИ и шкалой МИТН.
2. Уровень понимания своих эмоций и способности их контролировать может помочь человеку в коммуникации, способствовать некой стабильности в общении и взаимодействии с другими людьми, помочь избежать дискомфорта в ситуации неопределенности в этом плане.
3. При достаточно высоком ЭИ человеку будет легче выстраивать межличностные отношения с другими людьми, поскольку он будет готов к ситуации неопределенности. Высокая способность к определению своих эмоций и управлению ими, опознанию чужих эмоций, может стабилизировать человека, приводить в ситуацию ясности, что способствует снижению тревоги. Следовательно, развитие ЭИ может помочь избежать дискомфорта и стресса в межличностной коммуникации в ситуации неопределенности или снизить уровень напряжения при их возникновении и повысить уровень адаптации к ним.
4. Было обнаружено отсутствие значимых взаимосвязей между шкалами ЭИ и шкалами толерантности к неопределенности (ТН) и интолерантности к неопределенности (ИТН).

Библиографический список

1. Гарскова Г.Г. Введение понятия «эмоциональный интеллект» в психологическую теорию / Г.Г. Гарскова // Ананьевские чтения: тез. науч.практ. конф.; редкол.: А.А. Крылов [и др.]. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. С. 25 – 26.
2. Гоулман Д. Эмоциональное лидерство: Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта / Д. Гоулман, Р. Бояцис, Э. Макки; пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 301 с.
3. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2001. С. 242–244.
4. Корнилова Т.В. Новый опросник толерантности к неопределенности // Психол. журн. Т. 31. № 1. С. 74–86.
5. Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение. СПб.: Питер, 2001.

6. Люсин Д.В. Структура эмоционального интеллекта и связь его компонентов с индивидуальными особенностями: эмпирический анализ / Д.В. Люсин, О.О. Мариотина, А.С. Степанова // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования; под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Ин-т психологии РАН, 2004. С. 129 – 140.
7. Люсин Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИН // Психол. диагностика., 2006. 165 с.
8. Майер Г. Психология эмоционального мышления / Г. Майер // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления; под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 123–129.
9. Яковлева Е.Л. Эмоциональные механизмы личностного и творческого развития // Вопр. психол., 1997. № 4. С. 20–27.
10. Buck R. Motivation, emotion and cognition: A developmental-interactionist view // Strongman K.N. (ed.). International review of studies on emotion V.T. Chichester: Wiley, 1991.
11. Mayer J.D. Emotional intelligence meet traditional standard for an intelligence / J.D. Mayer, P. Salovey, D. Caruso // Intelligence. – 1999. – 27. – P. 267 – 298.
12. Mayer J.D. Emotional intelligence information. [Electronic resource.] 2005. Mode of access: http://www.unh.edu/emotional_intelligence/
13. Mayer J.D., Di Paolo M., Salovey P. Perceiving affective content in ambiguous visual stimuli: A component of emotional intelligence // J. Pers. Assessment. 1990. V. 54. N 3, 4. P. 772–781.
14. Mayer J.D., Salovey P. The intelligence of emotional intelligence // Intelligence. N.Y., 1993. P. 433–442.
15. Salovey P., Mayer J.D. Some final thoughts about personality and intelligence // Stenberg J., Ruzlis P. (eds). Personality and intelligence. Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1994.
16. Current directions in emotional Intelligence research / P. Salovey [et al.]. In M. Lewis & J.M. Haviland (Eds.). Handbook of emotions (2nd ed.). – N.Y.: Guilford, 2000. P. 504–520.

УДК159.9.072

ТОЛЕРАНТНОСТЬ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ У ПРОГРАММИСТОВ

*Г.А. Фофанова, А.Г. Бутко
Белорусский государственный университет*

В статье рассматриваются результаты теоретического и эмпирического исследования толерантности к неопределенности программистов в сравнении с не программистами. Приводятся результаты сравнения показателей толерантности к неопределенности (отношение к новизне, отношение к сложным задачам, отношение к неопределённым ситуациям, предпочтение неопределенности) у программистов с различным стажем работы. Даются объяснения полученных результатов исследования, приводятся перспективы их практического применения.

Ключевые слова: толерантность к неопределенности, программисты, отношение к новизне, отношение к сложным задачам, отношение к неопределённым ситуациям, предпочтение неопределенности

TOLERANCE TO UNCERTAINTY OF PROGRAMMERS

*G.A. Fofanova, A.G. Butko
Belarusian State University*

The results of the theoretical and empirical study of tolerance to the uncertainty of programmers in comparison with non-programmers are discussed in the article. The results of comparison of indicators of tolerance to uncertainty (attitude to novelty, attitude to complex problems, attitude to uncertain situations, preference for uncertainty) among programmers with different work experience are also given.

Explanations of the obtained research results are given, prospects of their practical application are considered.

Keywords: tolerance to uncertainty, programmers, attitude to novelty, attitude to complex problems, attitude to uncertain situations, preference for uncertainty.

На современном этапе развития психологии популярными становятся исследования толерантности к неопределенности, что связано с условиями существования и деятельности современного человека. В отечественной психологии выделено 3 подраздела, посвященных анализу категории неопределенности: 1) «неопределенность в психологии мышления» (согласно работам Б.Ф. Ломова, С.Л. Рубинштейна и др., важными аспектами неопределенности являются непредсказуемость хода событий и недостаточность знания о действительности; содержание неопределенности рассматривается относительно субъекта, поэтому для предотвращения неопределенности важен субъективный опыт и наличие ресурсов у субъекта для ответа на неопределенное событие); 2) «неопределенность в психологии принятия решений» (имеет различную локализацию и содержание в системе принятия решений: в психофизиологическом подходе (П.К. Анохин, Е.Н. Соколов) неопределенность трактуется как незнание, какое действие приводит к удовлетворению актуальной потребности; Е.П. Кринчик понимает под неопределенностью недостаточность информации о пространственных, смысловых и временных характеристиках события; Ю. Козелецкий выделяет неопределенность, как последствий выбора, так и альтернатив, создаваемых субъектом; 3) «неопределенность в мотивационно-потребностном подходе» (трактуется как состояние, к которому человек изначально стремится) [1]. В отечественной науке категория неопределенности также связывается с дефицитом информации относительно объективных условий, а действия индивида в ситуации неопределенности направлены на ликвидацию данной нехватки.

Переживание состояния неопределенности пробуждает работу психических механизмов личности. З. Бауман, Дж. Каган, Е.Г. Луковицкая отмечают, что неопределенность вызывает отрицательные эмоции (тревога, страх, ненависть). Согласно А.Л. Галину, в ряде ситуаций неопределенность может приносить удовольствие, и люди стремятся к ней, чтобы испытать позитивные эмоции [2]. М.Р. Плотницкая отмечает, что низкая толерантность проявляется стрессом и дискомфортом в противоречивой ситуации. Люди же с высокой толерантностью находят такие ситуации желаемыми. Она описывает следующие характеристики образа мира респондентов, высокотолерантных к неопределенности: 1) мир характеризуется как позитивный и интересный, создающий условия для борьбы и достижения целей; 2) мир характеризуется изменчивостью и динамичностью; 3) одной из доминант мира является вовлеченность в социальные контакты; 4) мир «как среда обитания» приносит удовольствие, в частности, в виде материальных благ, выступающих целями, и средствами. Характеристика образа мира у респондентов низкотолерантных к неопределенности: 1) мир жесток и полон опасностей; 2) мир красив и способен вызывать эстетическое удовольствие; 3) важными составляющими образа мира являются природа, дом и семья; 4) мир стабилен и однообразен; 5) мир вселяет надежду, существование в нем связано с верой в позитивные преобразования [6].

На современном этапе научных исследований проблема толерантности изучена недостаточно. Исследователей волновал вопрос, является ли толерантность к неопределенности базовой чертой личности или же функционирующей в контексте восприятия определенных социальных объектов. Впервые толерантность к неопределенности стала определяться как базовая черта личности в работах Т. Адорно. Его теория авторитаризма подняла вопрос о психологическом содержании этого феномена. Т. Адорно считал, что однозначное восприятие неопределенности не является желательным, а интолерантность – недостаток, мешающий справляться с меняющимся миром [3].

Таким образом, неопределенность обусловлена противоречивостью реального состояния объекта и субъективного знания о нем, а также внешнего вызова и опыта реакции на него. Неопределенность можно интерпретировать как препятствующий адаптации фактора и как множество решений, предоставляющих свободу выбора. Различают субъективную (уровень знаний о ситуации у субъекта деятельности) и объективную (ситуация, которая носит независимый характер по отношению к человеку) характеристику неопределенности. Ресурсом для преодоления неоднозначности ситуаций является толерантность к неопределенности. Таким образом, под ней мы понимаем способность человека принимать напряжение, возникающее в ситуации неизвестности и двойственности происходящего, противостоять бесструктурности и противоречивости информации, принимать неизвестное без чувства дискомфорта.

В эмпирической части исследования мы сосредоточили внимание на програмистах, проверяя гипотезу, что последние будут отличаться высокими показателями толерантности к неопределенности в силу указанных особенностей, способствующих более эффективной реализации в профессии. Для диагностики данного качества использовался опросник «Шкала толерантности к неопределенности Д. МакЛейна» (адаптация Е.Н. Осина), оценивающий параметры толерантности к неопределенности: 1) отношение к новизне; 2) отношение к сложным задачам; 3) отношение к неопределенным ситуациям; 4) предпочтение неопределенности; 5) собственно толерантность к неопределенности.

В исследовании приняли участие 200 респондентов, 100 – сотрудники различных ИТ-компаний города Минска с трудовым стажем от 4 месяцев до 17 лет. В группу сравнения вошли 47 женщин и 53 мужчины, являющиеся сотрудниками различных организаций г. Минска, чья сфера деятельности не связана с ИТ-технологиями, с трудовым стажем от 1 года до 30 лет.

Различия в характеристиках отношения к неопределенности у программистов и не программистов оценивались с помощью U-критерия Манна-Уитни. В результате анализа были выявлены статистически значимые различия по следующим характеристикам:

1. *«Отношение к новизне»*. Программисты демонстрируют более позитивное отношение к фактору новизны, нежели не программисты ($U=3728,50$; $p \leq 0,01$). Полученные результаты могут быть обусловлены тем, что работа в ИТ-сфере сопряжена с преобладанием ситуаций, где специалистам данной области необходимо решать новые задачи в необычных условиях, взаимодействуя с незнакомыми людьми [9]. Выбор данной сферы деятельности сопряжен с наличием у человека способности принимать эффективные решения и продуктивно решать задачи в новых для себя ситуациях. Эти характеристики труда программиста могут способствовать пластичному и адаптивному стилю деятельности программистов, развивая компетенции, необходимые для качественного выполнения работы в условиях противоречия информации или либо нарастающего массива данных.

2. *«Отношение к сложным задачам»*. Программисты демонстрируют более позитивное отношение к заданиям повышенной сложности, нежели не программисты ($U=3056,5$; $p \leq 0,001$). Реализация профессиональных функций в ИТ-сфере подразумевает наличие навыков, позволяющих программисту справляться со сложными задачами. По мнению R.E. Kopelman, когнитивные навыки являются одной из основных компетенций, которая подлежит оценке при подборе программистов [18]. Имея эту информацию, потенциальный кандидат на должность разработчика программного обеспечения проводит первичную самооценку своих способностей. Индивид, оценивающий имеющиеся у него способности как достаточные для решения сложных задач, с большей степенью вероятности выбирает сферу ИТ для построения карьеры. Таким образом, у программистов может быть более выражена уверенность в себе, позволяющая высоко оценивать шансы при решении сложных задач.

3. *«Отношение к неопределенным ситуациям»*. Программисты демонстрируют более позитивное отношение к ситуациям, характеризующимся высокой степенью неизвестности,

нежели не программисты ($U=3845,5$; $p \leq 0,01$). К.К. Katsarosa пишет, что программист редко уверен в том, что всё будет идти по плану. Изменение пожеланий заказчика могут привести к необходимости создания совершенно иного программного обеспечения [17]. Тогда толерантное отношение к неопределенным ситуациям выступает как результат работы по схожим сценариям, как личностная предпосылка выбора данной сферы деятельности, или как защитная поведенческая стратегия, позволяющая мобилизовать нужные ресурсы для успешного решения задачи.

4. «*Толерантность к неопределенности*». Программисты демонстрируют более толерантное отношение к неопределенности, нежели не программисты ($U=3813,00$; $p \leq 0,01$). Вероятно, сама профессиональная деятельность предъявляет к сотруднику требование ориентироваться в любой ситуации, несмотря на имеющиеся противоречия, нехватку или отсутствие информации, или подходящих для осуществления трудовой деятельности условий [5]. Более высокой карьерной успешностью обладают те программисты, которые могут самостоятельно принимать решения о создаваемом продукте, имеют высокий уровень креативности, поведенческой гибкости, самоконтроля, нейротизма и эмоциональной устойчивости [11]. Этот перечень качеств согласуется с психологическим портретом толерантного к неопределенности индивида [4].

Статистически значимых различий по параметру «*предпочтание неопределённых ситуаций*» между программистами и не программистами не выявлено, что может быть связано с тем, что, несмотря на высокий уровень приспособляемости программистов к ситуациям, связанным с действием фактора новизны, как специалисты из сферы ИТ, так и сотрудники, занимающиеся иной деятельностью, характеризуются низкой степенью предпочтения неопределённых ситуаций.

Различия толерантности к неопределенности у программистов с различным стажем работы в данной области. Различия в характеристиках отношения к неопределенности у программистов с различным стажем работы оценивались с помощью U-критерия Манна-Уитни.

Сравнительная характеристика программистов со стажем работы менее 5 лет и от 5 до 10 лет. Статистически значимые различия были выявлены по следующим характеристикам:

1. «*Отношение к сложным задачам*». Более опытные программисты демонстрируют более позитивное отношение к заданиям повышенной сложности, нежели программисты со стажем работы до 5 лет ($U=243,5$; $p \leq 0,001$). Одним из обусловливающих это факторов выступает то, что программистам с опытом вменяется более высокая нагрузка и сложные задачи, однако, по мере роста опыта у них появляется больше ресурсов (когнитивных, эмоциональных и поведенческих) совладания со сложными задачами. В связи с этим задача, превосходящая уровень мастерства опытного сотрудника, воспринимается без дестабилизации поведения и эмоций. Для молодого программиста по причине меньшей адаптации к профессии или неуверенности в себе, даже знакомая задача, соответствующая уровню его образования, может вызвать переживание дискомфорта, вызванного атрибутируемой ситуацией неопределенности.

2. «*Отношение к неопределенным ситуациям*». Более опытные программисты демонстрируют более позитивное отношение к ситуациям с высокой степенью неизвестности, нежели программисты со стажем работы менее 5 лет ($U=382,5$; $p \leq 0,05$). По мере развития профессионального мастерства специалисты часто намеренно оставляют некоторые участки своей деятельности вне оперативной зоны не из желания сузить спектр своих профессиональных обязанностей, а благодаря росту компетентности после первых лет работы [14]. В таком случае программисты могут демонстрировать высокотолерантное отношение к неопределенным ситуациям, поскольку сами и являются их инициаторами. Вероятно, уверенность, что неопределенность может быть минимизирована самим сотрудником, позволяет эффективно осуществлять работу в подобных условиях.

3. «Предпочтание неопределенности». Более опытные программисты испытывают более позитивные эмоции в отношении неопределенных заданий, и проектов в отличие от программистов со стажем работы менее 5 лет ($U=205,5$; $p \leq 0,001$). По мере профессионализации решение стандартных задач приводит к снижению их трудовой мотивации [13]. Большую удовлетворённость от проделанной работы программисты после 7-10 лет работы получают, когда нестандартной является не только задача, но и условия её реализации. К нечёткому техническому заданию программисты по мере обретения опыта относятся более лояльно, что свидетельствует о предпочтении неопределенных ситуаций более опытными программистами [19]. Часто разработчики программного обеспечения инициируют отсутствие полноты и точности функциональных требований к продукту, что может быть связано с желанием работать в условиях меньших ограничений со стороны заказчика. Тогда можно говорить о желании определенной профессиональной свободы из-за осознания собственной компетентности, так и о реактивном сопротивлении [12].

4. «Толерантность к неопределенности». Более опытные программисты демонстрируют более толерантное отношение к неопределенным ситуациям, нежели программисты с меньшим стажем работы ($U=358,0$; $p \leq 0,05$). Как отмечает А.В. Хахалин, уже за 2-4 года работы программисты обычно адаптируются к профессии, так как часто вхождению в профессию предшествует увлечение компьютерными технологиями [7]. Программист становится подготовленным к неожиданным ситуациям на работе, что способствует формированию умения эффективно решать задачи в условиях нехватки информации и новизны требований. M.R. Barrick считает, что для успешных программистов характерен определенный набор личностных характеристик, к которым относятся стрессоустойчивость, склонность к риску, эмоциональная устойчивость, креативность [10]. Можно предположить, что желание продемонстрировать данные характеристики и частично неосознаваемое желание пережить «острые» ощущения способствуют созданию «неопределенных» ситуаций.

Статистически значимых различий по параметру «отношение к новизне» между этими группами программистов не установлено. Можно предположить, что несмотря на профессионализацию программистов, они чувствуют себя комфортно, решая задачи, имеющие схожую степень новизны, независимо от опыта программирования.

Сравнительная характеристика программистов со стажем работы 5-10 лет и свыше 10 лет. Статистически значимых различий по различным параметрам отношения к неопределенности установлено не было. Вероятно, наиболее серьёзные изменения у программистов происходят в течение первых 5 лет. Это подтверждается исследованием S.K. Lower, установившей, что в течение этого периода формируется профессиональная идентичность программистов [16]. Отношение к выполняемой работе, ее содержанию и условиям труда становится стабильным. Достигнув определенного этапа профессионального развития, программисты обычно склонны доводить до совершенства узкую группу компетенций, связанных с «ядерными» профессиональными навыками [8].

Сравнительная характеристика программистов со стажем работы менее 5 лет и свыше 10 лет. Статистически значимые различия были выявлены по следующим параметрам:

1. «Отношение к сложным задачам». Опытные программисты показывают более позитивное отношение к сложным заданиям, нежели программисты-новички ($U=262,5$; $p \leq 0,001$). По мере обогащения профессиональных навыков степень расхождения между оценкой сложности задачи и уровнем своих способностей уменьшается. Даже объективно сложная задача для опытного программиста не воспринимается как угроза его позитивной профессиональной идентичности, в отличие от сотрудника с меньшим стажем работы. В последнем случае выше риск неудачи из-за недооценки собственных компетенций и переоценки степени сложности задачи. Эта особенность распространена среди начинающих программистов [15].

2. «*Отношение к неопределенным ситуациям*». Опытные программисты демонстрируют более позитивное отношение к ситуациям, характеризующимся высокой степенью неизвестности, нежели программисты-новички ($U=314,0$; $p \leq 0,001$). Высокотолерантное отношение к неопределённым ситуациям среди опытных специалистов является следствием завершённой адаптации к профессии. Также оно может развиться как защитная реакция, мобилизующая профессиональные ресурсы для успешного решения задачи.

3. «*Предпочтание неопределенности*». Опытные программисты испытывают более положительные эмоции в отношении неопределенных заданий в отличие от программистов-новичков ($U=135,00$; $p \leq 0,001$). Для опытных программистов работа в таких ситуациях является возможностью доказать профессиональную состоятельность и успешность. В то же время именно предпочтение работы в неопределенных ситуациях может стать одним из конкурентных преимуществ программистов на рынке труда.

4. «*Толерантность к неопределенности*». Опытные программисты демонстрируют более позитивное отношение к неопределенным ситуациям, нежели программисты-новички ($U=298,0$; $p \leq 0,001$). Вероятно, для опытных программистов работа в условиях повышенного риска обладает большим мотивирующим потенциалом в связи с нехваткой времени, противоречием информации, конфликтностью точек зрения, мнений проектной группы и заказчика. По словам F.J. Suares, в таких ситуациях программисты видят зону роста и развития [19].

Статистически значимых различий по параметру «*отношение к новизне*» между группами установлено не было, что может быть связано с тем, что более комфортно программисты чувствуют себя, решая задачи высокой степени новизны, независимо от стажа работы.

Таким образом, программисты демонстрируют более высокие показатели как по интегральному параметру толерантности к неопределенности, так и по отдельным её компонентам, отличаясь позитивным отношением к фактору новизны, сложным задачам и неопределенным ситуациям в целом в сравнении с другими профессиями. Также, более опытные программисты демонстрируют значимо более толерантное отношение к задачам повышенной сложности, неизвестным ситуациям, и, предпочитая неопределенность, показывают более высокие результаты по интегральному индексу отношения к неопределенности в сравнении с начинаящими.

Результаты исследования могут быть использованы в практике профессионального отбора, в рамках разработки программ по управлению персоналом и систем нематериального стимулирования программистов, для которых материальные стимулы не являются основополагающими при выполнении профессиональной деятельности и организационной лояльности.

Библиографический список

1. Бутенко Т.П. Субъективная неопределенность жизненных ситуаций: когнитивно-эмоциональные оценки и стратегии поведения: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. М., 2009. 28 с.
2. Германов И.А. Измерение организационной лояльности персонала (опыт апробации методики мейер-аллен). Вестник пермского университета. 2011. № 2. С. 41–48.
3. Колесников А.В. Корпоративная культура современных организаций. М.: Альфа-Пресс, 2011. 448 с.
4. Ларионова С.А. Социально-психологическая адаптация личности: теоретическая модель и диагностика. Белгород: Изд-во БелГПУ, 2002. 200 с.
5. Мучински П. Психология, профессия, карьера. СПб.: Питер, 2004. 315 с.
6. Плотницкая М.Р. Толерантность к неопределенности как фактор формирования образа мира личности. Вестник Камчатского государственного технического университета. 2014. № 28. С. 105–115.
7. Хахалин А.В. Мотивация персонала компьютерных проектных организаций: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08. М., 2005. 152 с.
8. Чумарин И.Г. Люди и организации: деструктивное противодействие. Люди и организации: 3-я Всерос. науч.-практич. конф., Тверь, 12-14 июня 2000 г.: Материалы конф. СПб.: ЗАО «ИМАТОН-М», 2000. С. 63–64.
9. Barrick M.R. Conscientiousness and Performance of Sales Representatives: Test of the Mediating Effects of Goal Setting. Journal of Applied Psychology. 1993. Vol. 23. № 6. P. 715–722.

10. Barrick M.R. The Big Five Personality Dimensions and Job Performance: A Meta-Analysis. *Personnel Psychology*. 1991. Vol. 32. № 1. P. 1–26.
11. Burn J.M. Managing IT professionals in a global environment // J.M. Burn, E.M. Tye // *Personal and Ubiquitous Computing*. 1995. Vol. 16. № 3.P. 11–19.
12. Deci E.L. A meta-analytic review of experiments examining the effects of extrinsic rewards on intrinsic motivation. *Psychological Bulletin*. 1999. Vol. 125. № 6. P. 627–668.
13. Diefendorff J.M. Work Motivation. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. 2nd ed. 2015. Vol. 25.P. 680–686.
14. Edvard E.L. Motivation in Work Organizations. San Francisco: Jossey Bass Publishers, 1994. 334 p.
15. Gagne M. *The Oxford Handbook of Work Engagement, Motivation, and Self-Determination Theory*. N.Y.: Oxford University Press, 2014. 464 p.
16. Hosoi M. Motivating Employees in Academic Libraries in Tough Times: ACRL Twelfth National Conference April 7-10, 2005. Minneapolis, 2005.P. 43–49.
17. Katsarosa K.K. Personal Traits, Emotions, and Attitudes in the Workplace: Their Effect on Managers' Tolerance of Ambiguity. *The Psychologist-Manager Journal*. 2012. Vol. 25. № 1. P. 37–55.
18. Kopelman R.E. Rationale and construct validity evidence for the Job Search Behavior Index: Because intentions often come to naught. *Journal of Vocational Behavior*. 1992. Vol. 40. № 3. P. 269–287.
19. McLain D.L. Ambiguity tolerance in organizations: definitional clarification and perspectives on future research. *Frontiers in Psychology*.2015. Vol. 25. № 6. P. 344–358.

УДК 177

ТЕКУЩАЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ ЧЕЛОВЕКА КАК СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

M.B. Харитонов

ФГАОУ ВО «СПбГУАП»

В статье рассматриваются вопросы существования человека в континууме определённость – неопределенность как некоего цивилизационного изменения. Человеческая цивилизация, особенно цивилизация европейская, характеризуется постоянными флюктуациями между этими полюсами. Во многом, подобные изменения связаны с религиозными взглядами, которые также изменчивы как изменчиво само Человечество. Современное постмодернистское общество внутренне противоречиво. Гуманная его составляющая провозглашает изменчивость и неопределенность. Вместе с тем, технократическая и силовая часть общества выступает за минимизацию неопределенности, провозглашая примат тотального контроля и непрерывной слежки за населением вроде бы свободных стран.

Ключевые слова: определённость – неопределенность, тотальный контроль, мягкий контроль, жёсткий контроль, целеполагание человека, способность к свободе, вклад гештальпсихологии и современного психоанализа, взгляды мистического анархиста В. Налимова.

THE CURRENT UNCERTAINTY OF THE PERSON AS A CONDITION OF HUMAN EXISTENCE

M.V. Kcharitonov

Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

The article deals with the categories of existence certainty uncertainty as a continuum of human existence. Human civilization, especially European civilization, is characterized by constants fluctuations between these poles. In many ways, such changes are associated with religious views, as changeable as Humanity itself. Modern and post-modern sociality is internal contradictory. The humane part it proclaims the variability and uncertainty. However, technocratic and power of society, in favor of minimizing the uncertainty by proclaiming the primacy of total control and the continuous surveillance of the population seems to be free countries.

Keywords: Certainty, uncertainty, total control, soft control, strict control, human goal-setting, ability to freedom, contributions of Gestalt psychology and modern psychoanalysis, the views of the mystical anarchist V. Nalimov.

Само состояние неопределённости человеческого существования как бытия может рассматриваться в рамках нескольких подходов. По большому счёту, эти подходы сводятся все-го к двум позициям. Одна из них провозглашает сам факт рождения человека исходной точкой, рассматривая потенциальный конец существования, то есть смерть человека, открытым вариантом. Наиболее полно в отечественной психологии представлена последними работами Л. Анциферовой (школа С. Рубинштейна). Жизнь – вовсе не закрытая линейная система. Конец её не может рассматриваться как финальная точка. Поэтому неопределенность человеческого существования есть всегда. Анциферова считала, что жить надо, вглядываясь в будущее и строить планы, а не оглядываться назад и перебирать воспоминания [1]. Другая позиция известна очень давно и наиболее ярко зафиксирована в трудах З. Фрейда, считавшего смерть наиболее ярким событием человеческой жизни. Подготовка к этому событию, по мысли его, и предопределяет всю человеческую жизнь [2]. Многие из психоаналитиков привязаны к данному постулату отца венской школы. В качестве отдельного подхода мы бы рассматривали труды мистического анархиста В. Налимова, вводящего в качестве переменной конца жизни религиозные взгляды на смерть и культуральную составляющую. В своих работах он показывает разные варианты отношения к смерти, начиная от идеи полного исчезновения человеческого сознания после смерти тела, заканчивая идеями послетелесного существования сознания в той или иной форме. В промежутке содержатся религиозные идеи, предполагающие медленное умирание сознания, и сроки такого умирания в этих религиях варьируются [4]. Во многом эти состояния блестяще отражены в так называемой «молитве Ф. Перлза», обращённой к Богу. Процитируем её:

«Я делаю своё дело, а ты делаешь своё

Я живу в этом мире не для того, чтобы соответствовать твоим ожиданиям

А ты живёшь в этом мире не для того, чтобы соответствовать моим

Ты – это ты

Я – это я

Если мы случайно встречаем друг друга – это прекрасно

А если нет – так тому и быть!» [6].

Итак, первое направление возможной неопределенности человеческого существования мы обозначили.

Второе направление прямо вытекает из работ Э. Фромма. Классические работы, посвящённые «механизмам бегства от свободы», давно вошли в арсенал современной психологии. Пересказывать их – занятие неблагодарное. Возникает только один вопрос: должны ли мы признать сам факт наличия такого механизма? И насколько современный человек «свободен от инстинктов», как полагал Фромм [9]. Человеческая цивилизация вовсе не развивается линейно. Не случайно, ещё в середине прошлого века Н. Бердяев [2] провозглашает начало «Нового Средневековья». И очень далёкий от Бердяева по взглядам, Ю. Эвola [11] с ним соглашается. А ранее упомянутый Налимов заявляет о необходимости построения новой цивилизации, совмещающей в себе науку, технику и культуру [5]. Можно предположить, что без активного освоение культуры преодоление неопределенности человеческого существования принципиально невозможно. Сам Фромм, напомним, считал высшей формой определённости человеческого существования эпоху Средневековья. Далеко не все историки и культурологи с ним согласны. Наиболее продуктивный подход, на наш взгляд, дан в работах А. Тойнби, сумевшего развести культуру и цивилизацию [7]. Однако если мы вводим культуру в континuum определённости – неопределенности, то тогда неумолимо встаёт вопрос измерения. А как и чем мы будем измерять определённость культуры? Какие единицы применимы к продуктам культуры? Пресловутый индекс цитирования является очень лукавым показателем, далёким от объективности. Вопрос, на наш взгляд, остаётся открытым. Достаточно посмотреть любой из учебников по социальной психологии, например. Там нет работ

учёных большого количества стран, в том числе и с давней научной традицией, например, из Индии и Китая. Учебники по социальной рекламе игнорируют достижения специалистов Таиланда, хотя их ролики великолепны. Поэтому, мы можем с полным основанием сказать, что континуум определённости – неопределенности в современной человеческой цивилизации распадается на ряд неравномерно представленных этнокультурных шкал.

Что касается третьего измерения определённости – неопределенности человеческого бытия, то оно непрерывно связано с технической модернизацией общества. Давно ли мы пользовались пейджерами? Когда мы ими пользовались, мы были в состоянии большей неопределенности, чем сейчас. Возможность ответа зависела не от нас. Современные средства связи снижают степень неопределенности человеческой цивилизации. Мы можем узнать месторасположение абонента, мы можем узнать, разговаривает он или нет. Ряд современных наработок позволяют нам идентифицировать человека по голосу. Растущее насыщение городского пространства средствами видеоконтроля с функцией идентификации лица делают прозрачными для силовых структур наши привычные маршруты перемещения по Санкт-Петербургу, Москве и так далее. В ряде стран Европы 96 % платежей осуществляются с помощью карт. И это резко снижает саму вероятность неопределенности нашего существования для властей. Наши покупки, наши потребности, наши пристрастия отныне можно легко отслеживать. Мы становимся всё более и более доступными для жёсткого и мягкого контроля со стороны представителей силовых структур. Более того, в ряде закрытыхочных клубов постоянным посетителям вживляют в предплечье небольшие чипы, что позволяет отсекать «нежелательных посетителей». Не отстаёт тут и медицина. Ряд дорогих американских лечебных центров вживляют своим постоянным клиентам небольшие датчики, ведущие постоянный мониторинг состояния организма. В случае намечающихся отклонений дежурный врач связывается с таким пациентом и выдаёт рекомендации по приёму лекарств.

В таких условиях развития средств контроля над функционированием отдельной особи говорить всерьез о неопределенности человеческого существования не приходится.

Исходя из вышесказанного, становится не совсем понятно: что есть благо для человека? Определённость бытия, направляемая кем-то извне? И кто тогда будет осуществлять эту функцию? И не станут ли утопии Е. Замятин [3] и О. Хаксли [10] суровой реальностью? Или Человечество ждёт полная неопределенность, грозящая хаосом, анархией, вседозволенностью? Удастся ли современному социальному сообществу создать тот синтез науки, техники, культуры, о котором говорил В. Налимов?

Вопросы эти пока остаются без ответа.

Библиографический список

1. Анциферова Л. Новые стадии поздней жизни: время тёплой осени или суровой зимы? Психологический журнал. – 1994. – Т. 15. – № 3.
2. Бердяев Н. Новое Средневековье (Размышление о судьбе России). Берлин. Обелиск, 1924.
3. Замятин Е. Мы. Сочинения. М. Книга, 1988.
4. Налимов В. Разбрасываю мысли. М. «Прогресс-Традиция», 2000.
5. Налимов В. В поисках иных смыслов. СПб.-М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013.
6. Перлз Ф. Внутри и вне помойного ведра. СПб., 1994.
7. Тойнби А. Постижение истории: Сборник. М.: Рольф, 2001.
8. Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. М.: АСТ, 2006.
9. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2011.
10. Хаксли О. О дивный новый мир. М.: АСТ, 2017.
11. Эвала Ю. Языческий империализм. М.: Русское слово, 1992.

РАЗДЕЛ 5. ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА В КОНСТРУИРОВАНИИ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ ПРОФЕССИОНАЛА В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

УДК 159.9.07

ПРИНЯТИЕ КОЛЛЕКТИВНЫХ РЕШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ПОСРЕДСТВОМ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ

*A.C. Баканов
ИП РАН*

В статье приводится описание экспериментального исследования по моделированию профессиональной деятельности по принятия коллективных решений в условиях неопределенности посредством информационных систем. Исследована взаимосвязь когнитивно-стилевых особенностей человека с успешностью принятия решений.

Ключевые слова: моделирование, принятие решений, когнитивные стили, информационные системы.

ACCEPTANCE OF COLLECTIVE SOLUTIONS UNDER CONDITIONS OF UNCERTAINTY BY MEANS OF INFORMATION SYSTEMS

*A.S. Bakarov
IP RAS*

The article describes the experimental research of professional activities to make collective decisions in conditions of uncertainty through information systems. The interrelation of cognitive-style features of a person with the success of decision-making was investigated.

Keywords: modelling, decision making, cognitive styles, information systems.

Междисциплинарный характер задач, стоящих перед крупными организациями, их важность и сложность, вынуждают привлекать коллективы сотрудников или группы экспертов для принятия решения.

Участие многих экспертов в работе над проектом, неизбежно приводит к возникновению противоречий в процессе решения задачи, что в свою очередь снижает эффективность работы всей группы в целом. Необходимость преодоления противоречий, необходимость учета мнения каждого эксперта, важность получения согласованного, взвешенного решения – все это обуславливает актуальность исследований посвященных данной проблеме. Разработка механизмов и методик, позволяющих преодолевать противоречия между экспертами в процессе принятия коллективных решений, позволит повысить эффективность управленческой деятельности.

Принятие решений входит в любую деятельность и может относиться и ко всей деятельности в целом, и к отдельным действиям или даже его компонентам [3]. Проблемы принятия решений изучаются в различных областях научного знания: психология, математика, информатика, экономика, и т. д. В экономике и математике, подход в проблеме принятие решений осуществляется с позиций рационального поведения человека, при этом не учитывается индивидуальные особенности конкретного человека. В то время как конкретный человек обладает индивидуальным стилем деятельности – «как психологической системой... способствующей актуализации и полноценному использованию субъектом разных условий внутренней и внешней среды как ресурсов, выбора из них тех, использование которых соответствует индивидуальности человека...» [9], а также конкретными когнитивными сти-

лями, т.е. «характерными для данной личности устойчивыми познавательными предпочтениями, проявляющимися в преимущественном использовании определенных способов переработки информации» [10]. Возможности человека по приему и переработке информации с позиций когнитивной психологии описываются с помощью различных функциональных моделей структуры памяти пользователя, механизмов процесса мышления и других познавательных процессов [5]. Математические подходы и методы анализа группового принятия решений представлены в работах А.Б. Петровского [7]. С позиции теории нечетких множеств и мульти множеств возможно рассматривать процесс принятия решений в случае несовпадающих и противоречивых исходных данных. Принятие решений в организациях и роль лидера в группе рассматривается в работах А.Н. Занковского [4]. В работах Д. Канемана и А. Тверски показан учет человеческого фактора и его влияние на процесс принятия решений. В работах В.И. Моросановой и Т.А. Индиной проведен психологический анализ принятия решений с позиции теории саморегуляции. В работах В.П. Зинченко, О.К. Тихомирова предложен принцип восприятия мира с учетом субъективной неопределенности. Многоуровневая модель психологической регуляции выбора в условиях неопределенности была описана в работах Т.В. Корниловой.

Развитие электронных технологий, предоставило возможность формировать территориально распределенные коллективы сотрудников или группы экспертов. В настоящее время совместная деятельность, опосредованная электронными технологиями, становиться самостоятельным предметом исследования [6, 1, 2].

В настоящей статье описывается экспериментальное исследование по моделированию профессиональной деятельности по принятия коллективных решений в условиях неопределенности посредством информационных систем. В процессе исследования было выполнено: разработка программного модуля, позволяющего моделировать профессиональную деятельность коллектива сотрудников (экспертов), работающих с некоторой информационной системой, выделение критериев успешности профессиональной деятельности. Экспериментальное исследование проводилось на установке, позволяющей отслеживать траекторию взора испытуемого (с целью выявления успешности принятия решений), также проводилось психологическое тестирование респондентов, направленное на выявление когнитивно-стилевых особенностей участников эксперимента.

Эксперимент состоял из двух этапов. В ходе первого этапа исследования испытуемые читали специально подготовленные тексты объемом 250-300 слов, и после прочтения отвечали на вопросы двух типов. К вопросам первого типа относились вопросы по структуре текста и выявлению количества возможных альтернатив. Вопросы второго типа предполагали количественную оценку выявленных альтернатив.

Для оценки успешности принятия решений в процессе профессиональной деятельности использовались следующие количественные критерии: 1. Коэффициент правильности ответа – количество правильных ответов к общему количеству вопросов; 2. Время ответа на вопросы в ms; 3. Время чтения предъявленного текста (документа) в ms.

На втором этапе исследования проводилось психологическое тестирование участников с целью диагностики когнитивно-стилевых особенностей, поскольку в исследованиях В.А. Бодрова, Л.Г. Дикой, М.А. Котика, О.А. Конопкина, М.А. Холодной, В.А. Толочека и др. показано, что индивидуально-стилевые характеристики, способы принятия решений, структура самосознания и уровень профессиональной мотивации оказывают регулирующее влияние на все аспекты поведения человека, в том числе играют важную роль в успешности выполнения производственных заданий [8, 9]. В ходе тестирования изучались следующие когнитивные стили:

– стиль «полезависимость/поленезависимость», отражающий способности индивида при решении перцептивных задач, с определенной долей успешности «преодолевать сложноорганизованный контекст» (согласно Г. Уиткину);

– стиль «узкий/широкий диапазон эквивалентности», отражающий преимущественную ориентацию индивида на черты сходства или различия при решении задач, требующих классификации объектов, а также ориентацию индивида на явные или скрытые признаки сходства-различия объектов;

– стиль «импульсивность/рефлексивность», характеризующий межиндивидуальные различия в скорости и правильности принимаемых решений в ситуациях неопределенности и наличия множества альтернатив.

Для диагностики когнитивно-стилевых особенностей применялись следующие методики: 1. Методика «Включенные фигуры» Г. Уиткина (оценка полезависимости – поленезависимости, индивидуальный вариант). 2. Методика «Свободная сортировка объектов» Р. Гарднера и В. Колги (оценка узости-широты диапазона эквивалентности). 3. Методика «Сравнение похожих рисунков» Дж. Кагана (оценка импульсивности – рефлексивности как когнитивного темпа принятия решения).

Экспериментальную выборку составили 30 человек – студенты и аспиранты.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием стандартного пакета программ SPSS. При оценке достоверности различий применялись Т-критерий Стьюдента, U-критерий Манна-Уитни. Для оценки взаимосвязей между переменными использовался коэффициент корреляции Спирмена.

В результате проведенных экспериментов было выявлено, что процесс чтения информации можно представить в виде некоторой последовательности опорных слов или информационных блоков, которые считывает испытуемый, таким образом был определен направленный граф, в котором узлами являлись опорные слова (информационные блоки), а дугами – траектория движения взора испытуемого от одного узла к другому. На основе экспериментальных данных были определены веса дуг, как некоторые коэффициенты – W_i , зависящие от времени фиксации взора и коэффициента использования. Процесс принятия решений был также визуализирован в виде направленного графа. На этапе обработки данных анализировались показатели успешности деятельности испытуемых, с учетом выявленных когнитивных стилей.

Визуализируя таким образом процесс коллективного принятия решения, возможно выявить и визуализировать такие этапы принятия решений как выявление альтернатив и ранжирование альтернатив, а также количественно оценить успешность принятия решения. Используя предложенный способ визуализации, возможно исследовать корреляции когнитивного стиля испытуемого с успешностью принятия решений.

Статья подготовлена по Гос. заданию № 0159-2018-0001.

Библиографический список

1. Баканов А.С. Использование когнитивно-стилевой модели для повышения квалификации профессионалов // Психологические проблемы смысла жизни и акме: сборник материалов XXII симпозиума / Под ред. Г.А. Вайзер, Н.В. Кисельниковой, Т.А. Поповой – М.: ФГБНУ «Психологический институт РАО», 2017. С. 177-179
2. Баканов А.С., Гуцыкова С.В. Разработка пользовательского интерфейса информационных систем с учетом менталитета пользователей // Информация и инновации. Международный научный журнал. ISSN 1994-2443. Москва, 2017. С. 37-40.
3. Журавлев А.Л. Психология управляемого взаимодействия. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – 476 с.
4. Занковский А.Н. Психология лидерства: от поведенческой модели к культурно-ценностной парадигме // Институт психологии РАН; Москва; 2011 ISBN 978-5-9270-0215.
5. Зинченко Т.П. Когнитивная и прикладная психология. – М.: МОДЭК, 2000. – 608 с.
6. Нестик Т.А. Исследования совместной деятельности в современной зарубежной социальной психологии // Психология совместной деятельности / Под ред. А.Л. Журавлева. М., 2005. С. 37–86.
7. Петровский А.Б. Теория принятия решений. – М.: Издательский центр «Академия», 2009. – 400 с.

8. Сиваш О.Н., Зеленова М.Е., Баканов А.С. Моделирование информационного взаимодействия в системах «человек – компьютер» // Вестник костромского государственного университета № 3 2017. Кострома. С. 90-95.
9. Толочек В.А. Стили деятельности: ресурсный подход. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. – 366 с.
10. Холодная М.А. Когнитивные стили: О природе индивидуального ума. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2004. – 384 с.

УДК 378.14

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУРАТОРА КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ МЛАДШИХ КУРСОВ

N.S. Бейлина
ФГБОУ ВО «СамГТУ»

В статье рассматривается процесс адаптации будущих бакалавров. Анализируется роль куратора в процессе адаптации студентов младших курсов. Предлагается авторская программа кураторских часов, ориентированная на студентов младших курсов. Особое внимание уделяется процессу адаптации первокурсников.

Ключевые слова: адаптация, социальная адаптация, адаптация студентов младших курсов, куратор студенческой группы.

CURATOR ACTIVITY AS A FACTOR OF EFFECTIVE ADAPTATION OF STUDENTS OF YOUNG COURSES

N.S. Beylina
Samara State Technical University

The article discusses the process of adapting future bachelors. The role of the curator in the process of adaptation of students of junior courses is analyzed. The author's program of curatorial hours is proposed, aimed at students of junior courses. Particular attention is paid to the process of adaptation of first-year students.

Keywords: adaptation, social adaptation, adaptation of students of junior courses, curator of student group.

Актуальной проблемой современного высшего образования является создание условий для успешной адаптации студентов первого курса к социальной среде вуза, что способствует сохранению контингента студентов, а также становлению их профессиональной идентичности.

Проблемой адаптации занимаются многие исследователи, данное понятие рассматривается на разных уровнях: биологическом (Ч. Дарвин, У. Кенон, Ф.З. Меерсон), психофизиологическом (Б.Ф. Березин, Е.П. Ильин, Г. Селье и др.), социально-психологическом (Г.М. Андреева, Л.П. Буева, А.В. Петровский, М.В. Ромм и др.), соответственно, и определений понятия «адаптация» существует множество.

Проанализируем понятие «адаптация» с точки зрения психологии. В психологической литературе нет единого определения данного понятия. Психологи рассматривают адаптацию, во-первых, как постепенное приспособление физиологических процессов, происходящих в органе чувств человека к физическим воздействиям на них в данный момент времени [6, с.535], во-вторых, как социально-психологическую категорию. Социально-психологической адаптацией посвящено множество работ отечественных и зарубежных исследователей: (А.А. Балл, Ф.Б. Березин, Л.И. Божович, А.А. Налчаджян, В.А. Петровский, Ж. Пиаже, З. Фрейд, Э. Эриксон, Н.И. Сарджвеладзе, В.В. Фалилеев, А.А. Цахаева, Н.А. Ощуркова, П.С. Кузнецов и И.А. Милославова, А.И. Жмыркова и многие другие).

Наиболее емкое определение «социальной адаптации» предложено В.А. Бондаренко. Он считает, что «социальная адаптация является непрерывным процессом реагирования на изменения, происходящие в жизни человека. Человек ежедневно сталкивается с изменяющимися условиями жизни, что требует не просто приспособления к ним, но и развитие личности, ее обогащение» [2].

Данной точки зрения придерживается и исследователь Э.С. Баэр. Он занимается исследованием адаптации в контексте поддержания оптимального уровня равновесия в изменившихся условиях окружающей среды [6, с. 534]. Представленные выше определения являются для нас наиболее ценными, поскольку адаптация студентов младших курсов происходит в изменившихся социально-психологических условиях. Попадая в новую для себя среду, студент находится в ситуации неопределенности.

Необходимо учитывать тот факт, что нынешние первокурсники – это дети XXI века. Им предстоит учиться и работать в стремительно меняющемся мире, осваивать новые технологии, стремиться быть конкурентоспособными на рынке труда. Для этого помимо профессиональной компетентности, необходимо развивать и социальную компетентность, под которой мы понимаем следующее: социальная компетентность – это интегративная характеристика личности, которая может быть представлена как совокупность компетенций, в содержании которых сформулирована система знаний, социальных умений, необходимых выпускнику вуза для успешной адаптации в современном обществе, продуктивного выполнения различных социальных ролей [1].

Адаптация играет огромную роль в личностном и профессиональном становлении студента, об этом говорил в своих работах А.В. Петровский. Он рассматривал адаптацию как особый момент становления личности, от которого в значительной степени зависит характер её дальнейшего развития [2].

Студенту, переступившему порог новой для него среды, необходимо помочь быстро и эффективно адаптироваться в социокультурном пространстве вуза. Первокурсник сразу же сталкивается с непривычным расписанием, с формой обучения, кардинально отличающейся от школьной, с новым социальным окружением, а также появившимся свободным временем, которое они не всегда умеют грамотно заполнять. Результатом этого является, как правило, снижение учебной мотивации, межличностные и внутриличностные конфликты, изменение взглядов на жизнь, убеждений и интересов.

Одной из основных задач, которая стоит перед коллективом вуза, является создание благоприятной социальной среды, а также психолого-педагогическое сопровождение студентов младших курсов.

Важную роль в процессе адаптации студентов младших курсов играет куратор студенческой группы. В настоящее время происходит модернизация образования. Изменения затрагивают не только содержание образования, его структуру, но и деятельность участников образовательного процесса, которые обеспечивают учебный процесс студентов (преподавателей, кураторов и др.).

Куратор академической группы является одной из значимых фигур во внеучебной системе вуза, так как он непосредственно участвует в развитии личности студента в процессе его социально-профессионального становления.

Современный куратор помимо оказания помощи студентам в организации учебного процесса, привлечения их к исследовательской работе, должен принимать активное участие в процессе адаптации студентов младших курсов.

Современные исследователи (О.А. Калимулина, О.А. Рыбка) считают одной из важных задач куратора студенческой группы психологическую поддержку студентов младших курсов в адаптации их к социальной среде вуза.

О.Ю. Рыбка выделяет три главных направления работы студенческой группы: помочь в адаптации первокурсникам, приобщение студентов к научной деятельности и коллективообразующая деятельность куратора [1].

Деятельность современного куратора определяется уставом вуза в соответствии с действующим законодательством РФ, поэтому специфика деятельности куратора академической группы зависит от специфики самого вуза.

Многие вузы (Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина, Харьковский государственный университет питания и торговли и др.) уделяют огромное значение адаптации студентов младших курсов, особенно первокурсников.

Адаптационный процесс протекает на разных уровнях: на уровнях межличностных отношений, индивидуального поведения, психофизиологической регуляции, поэтому к проблеме адаптации следует подходить комплексно.

В Самарском государственном техническом университете существуют кураторские часы, которые включены в расписание. Автором разработана программа, ориентированная на студентов младших курсов, которая осуществляется в рамках кураторских часов. Данная программа состоит из трех блоков, которые соответствуют году обучения, т.е она рассчитана на студентов с 1 по 3 курс.

1блок – авторская программа кураторских часов «Я и моя профессия». На занятиях студенты изучают основы психологии, этики делового общения, основы здорового образа жизни. Многие темы носят пропедевтический характер, так как они будут раскрываться на других учебных дисциплинах.

На занятиях поднимаются следующие проблемы: адаптация первокурсников к социальному пространству вуза, психология и этика делового общения, здоровый образ жизни и молодежь, влияние вредных привычек на профессиональную карьеру бакалавра.

Программа состоит из теоретической и практической части, включает 3 модуля:

I модуль: «Студент и микросоциум вуза».

II модуль: «Деловая карьера будущих профессионалов».

III модуль: «Мотивация здорового образа жизни в студенческой среде».

В первом модуле «Студент и микросоциум вуза» рассматриваются вопросы адаптации первокурсников к социальной среде вуза. Содержательная часть данного модуля включает в себя темы по социальной психологии, конфликтологии, валеологии: «Эмоции и стресс. Механизмы адаптации человека», «Межличностное общение», «Я и моя группа» и др. Выбор тематики кураторских часов основывается на психолого-педагогических исследованиях, которые выявили, что первокурсники имеют низкий уровень мотивации к учебе, не владеют приемами самостоятельной деятельности, не умеют быстро принимать решения в нестандартных ситуациях; не владеют необходимыми представлениями о двухуровневой системе образования.

Данный модуль состоит из лекционной и практической частей.

На данных занятиях педагогом-куратором используются, помимо лекций, следующие формы внеучебной работы: беседы, диспуты, встречи, «круглые столы» и др.

Огромное значение куратором былоделено формированию студентов навыков бесконфликтного взаимодействия в социуме, поддержания благоприятного психологического климата в коллективе. Для решения этой задачи педагог применяет кейс-стади, элементы тренинга, деловые игры.

На практических занятиях используются также рефлексивные методы, позволяющие студентом поразмышлять на тему личностного роста.

Второй модуль «Деловая карьера будущих профессионалов» студенты погружаются в мир профессии, которую они выбрали, учатся бесконфликтно взаимодействовать в коллективе. Одной из важных задач куратора является повышения уровня мотивации к учебе. А также к профессиональной деятельности.

Третий модуль программы кураторских часов ««Мотивация здорового образа жизни в студенческой среде» один главных, так как в рамках данного модуля затрагиваются актуальные вопросы и проблемы современной молодежи, например, влияние вредных привычек на их будущую карьеру.

Хотелось бы отметить, что процесс адаптации на первом курсе не является простым приспособлением к среде, а предполагает активное, осознанное «вживание» в образовательную среду высшей школы с участием куратора.

На втором и третьем курсе студенты с помощью куратора погружаются в мир проектной деятельности.

Второкурсники в рамках кураторских часов принимают участие в обучающей программе «Я и мои проекты». Цель данной программы включить студентов в проектную деятельность. На данном этапе студенты изучают специфику социальных проектов. Под руководством куратора, который в данном случае выполняет роль руководителя проекта, разрабатывают и участвуют в различных социальных проектах. Например, в СамГТУ студенты разработали и воплотили в жизнь несколько социальных проектов: проект детского клуба для детей, находящихся на длительном лечении в больнице «Подари улыбку детям», проект «Реклама научно-технической библиотеки (НТБ) в рекреационных зонах Самарского государственного технического университета» и др.

Студентам третьего курса предлагается поработать в студенческой лаборатории «Творчество и интеллект», где они смогут самостоятельно разрабатывать и воплощать в жизнь различные проекты. На данном этапе куратор играет роль тьютора (консультанта и помощника. Так, например, студенты самарского государственного технического университета разработали

Таким образом, куратор академической группы играет важную роль в процессе адаптации студентов младших курсов. Куратор для будущих бакалавров является проводником в новую социальную среду. От педагога-куратора во многом зависит насколько будет высок уровень профессиональной культуры будущих бакалавров.

Библиографический список

1. Бейлина Н.С. Формирование социальной компетентности будущих бакалавров в деятельности куратора студенческой группы: Дис. ... канд. пед. наук / Н.С. Бейлина. – Тольятти: ТГУ, 2014. – 190 с.
2. Бондаренко В.А. Социальная адаптация личности: понятие и сущность // http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=976
3. Виноградова А.А. Адаптация студентов младших курсов к обучению в вузе // Образование и наука, 2008. № 3 (15). С.37.
4. Власова Т.А. Социально-психологическая адаптация студентов младших курсов к условиям обучения в вузе // Вестник ЧГПУ, 2009. № 1. С. 13-22.
5. Долгова В.И., Кондратьева О.А., Нижегородцева Е.С. Исследование адаптации первокурсников к обучению в университете // Научно-методический электронный журнал «Концепт», 2015. Т. 31. С. 66–70. – URL: <http://e-koncept.ru/2015/95520.htm>
6. Приходько Е.В. Адаптация как объект научного исследования психолого-педагогический анализ // Научно методический электронный журнал «Концепт», 2017. Т.2. С. 534-536. URL: <http://e-koncept.ru/2015/95520.htm>

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЖИЗНESPОСОБНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО СЛУЖАЩЕГО В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

C.H. Васильева

Центр «Академия семьи», Челябинск

В статье анализируются категории неопределенности и жизнеспособности как научные понятия. Учитывается фактор неопределенности в структуре профессиональной жизнеспособности государственного служащего.

Ключевые слова: жизнеспособность, профессиональная жизнеспособность, профессиональная неопределенность, неопределенность в психологии.

PROFESSIONAL RESILIENCE OF A CIVIL SERVANT IN CONDITIONS OF UNCERTAINTY

S.N. Vasilyeva

Center «Academy of the Family», Chelyabinsk

The article discusses the categories of uncertainty and resilience as the scientific concepts. It takes into account the uncertainty in the structure of professional viability of a public servant.

Keywords: viability, professional resilience, professional uncertainty, uncertainty in psychology.

С проблемой неопределенности мы сталкиваемся постоянно: в жизни, в быту, в профессиональной деятельности, во взаимоотношениях с социальным окружением. И даже наука, как особая сфера человеческой деятельности и форма массового сознания, имеет дело с неопределенностью окружающего мира, и призвана эту неопределенность уменьшить [3]. В идеале, фундаментальные научные исследования служат тому, чтобы уменьшить неопределенность мироустройства. Кроме того, человек, обладающий сознанием, сталкивается с неопределенностью не только внешнего, так называемого объективного мира, но и своего внутреннего, субъективного [1, с. 4], т.е. психического.

В науке «феномен неопределенности» изучается философами, математиками, юристами, физиками, социологами, психологами и охватить широту различных подходов и теорий к проблеме неопределенности коротко практически невозможно. В психологии неопределенность рассматривают одним из условий принятия решений в теории принятия решений, как недостаток информации (Т.В.Корнилова). Эриксон, Хорни выражали неопределенность через потерю идентичности, или кризис, как страх перед Ничто (экзистенциализм). Неопределенность как состояние кризиса, переживание в предельных ситуациях (экзистенциальная психология, Василюк) или как условие творчества (Роджерс, Хрящева), у Эрикsona – это ролевая неопределенность. Остановимся на проблеме неопределенности в связи с нашими исследованиями жизнеспособности человека и профессиональной жизнеспособности. В первом приближении неопределенность может быть раскрыта посредством двух противоположностей. Определенность подразумевает нечто зафиксированное и постоянное. Люди в состоянии определенности свободны от сомнений, они уверены в том, что знают. И наоборот, принять неопределенность – значит, принять сомнение. Различие между определенностью и неопределенностью не может быть постулировано как некая дилемма, поскольку существуют различные степени неопределенности. Вступая в эру неопределенности, наука должна, видимо, перестроить свои отношения со сферами общественной деятельности [6], к которой относится в первую очередь государственное управление. Не случайно, вопросу управления неопределенностями в эру неопределенностей в рамках и в процессе государственного управления посвящены многочисленные труды современных исследователей.

Часто «перманентную неопределенность» призывают рассматривать не как «препятствие на пути к познанию и знанию», а как «представившуюся возможность вообразить, творить, понимать» [7, с.45] и хотя «неопределенность – действительно неизбежный спутник прогресса», на снижение неопределенности в системе государственного управления направляется много средств и ресурсов. Считается, что неопределенности оказывают серьёзное влияние на государственное управление [16, с. 60]. Однако проблемы неопределённостей в государственном управлении не всегда решаемы, что объясняется, прежде всего, отсутствием стремления решать подобные проблемы, воспринимая и рассматривая неопределенности и их последствия всего лишь как «досадные» случайные препятствия в запланированной реализации государственного управления, и что их невозможно полностью преодолеть, однако, из этого не следует, что неопределенностями невозможно или не нужно управлять [15, с. 218]. Выше перечисленные факты подводят нас к вопросу необходимости исследования неопределенности не только в психологии в целом, но и в рамках нашего исследования – профессиональной жизнеспособности государственных служащих.

Неопределенность может стать побудителем к движению и развитию, либо, наоборот, становится фактором деструктивным, когда стабильность и определённость ведет к застойным процессам и не позволяет освободить динамические процессы развития. Стремление человечества к определенности хотя и вполне понятно, но противоречиво. С одной стороны, неопределенность порождает тревогу, страх и актуализирует потребность человека в безопасности, с другой – стремясь к определенности и выбирая определенность как неизменность, человек рискует попасть в своеобразный капкан. В неопределенности скрыта большая мощность, рычаги управления которой науке еще предстоит исследовать. Всю феноменальность неопределенности остроумно высветил В.П. Зинченко словами, что даже успешное преодоление неопределенности порождает новые формы неопределенности [4, с. 3].

Человек на протяжении всей своей жизни взаимодействует с неопределенностью, где одним из важных жизненных выборов становится выбор профессии. Профессиональный выбор, как таковой, всегда направлен в будущее, в неизвестность и характеризуется неопределенностью. Выбор определенности/неопределенности в данном случае связан с принятием ответственности, но затем, выбор определенности становится причиной увеличения неопределенности. Это состояние называют *профессиональной неопределенностью личности*. Понятие «профессиональная неопределенность» (professional uncertainty) вошло в использование в середине прошлого века в исследованиях в области социологии профессий и отражает некую проблемную ситуацию, затруднение в работе разного рода специалистов [3]. Так, например, способность справляться с неопределенностью является одним из ключевых умений в деятельности медиков и связана с профессиональной социализацией и формированием профессиональной идентичностью врача. Другие исследователи показывают сходство особенностей профессиональной неопределенности врачей, преподавателей и иных социологических профессий [14]. Предстоит выяснить, с какого рода профессиональной неопределенностью сталкиваются государственные служащие. При этом, методами оценки профессиональной неопределенности управленцев могут быть использованы: беседа, опрос, наблюдение, эссе «сложности в моей профессии», нарратив. Когда речь идет о неком *чувстве профессиональной неопределенности*, связанным с тревогой, дискомфортом и неуверенностью, достаточно разделить собственно ситуацию неопределенности и то отражение, которое она имеет в психике профессионала. Рассматривать только ситуацию и специфические условия, затрудняющие профессиональную деятельность в отрыве от ощущений самого профессионала, было бы неуместным упрощением. Равно как и рассматривать внутреннюю картину переживания неопределенности профессионалом, без учета создавшихся в его работе условий. Поэтому уместно говорить как о ситуации, так и о состоянии

неопределенности, и чувствительности самого профессионала к подобной ситуации. Также проблема профессиональной неопределенности может рассматриваться в случае отсутствия четкого вектора карьеры, который не подкреплен реальными возможностями и обоснованными потребностями, что ведет к пополнению рядов неудачников, ощущение не сложившейся жизни; в лучшем случае – приобретение стойкого равнодушия к выполняемой работе, привычки к безрадостному труду [10, с. 5].

В психологии большинство исследований отношения человека к неопределенности связано с так называемой толерантностью (терпимостью) к неопределенности и выделяется как личностная черта, захватывающая когнитивную и эмоциональную сферы [13]. Переносимость неопределенности или резкое реагирование психики на любое проявление неопределенности действительно может выражаться индивидуально с различной степенью интенсивности. В разнообразных исследованиях авторами показана связь этого феномена с когнитивно-стилевыми и личностными характеристиками человека (М.Н. Юртаева, 2011), развитием идентичности личности (А.Н. Гусев, 2009), особенностями принятия решения в ситуации морального (Чигринова, 2010) и личностного выбора (Д.А. Леонтьев, Е.Ю. Мандрикова, 2005), выявлены социальная, культурная, профессиональная и возрастная специфика проявления толерантности к неопределенности, что представляется важным при нашем исследовании профессиональной жизнеспособности государственного служащего.

Другие психологические конструкты, аппелирующие к взаимодействию человека с неопределенностью: авторитаризм, открытость к опыту, потребность в когнитивной замкнутости и ориентация на неопределенность. Особый интерес нашего исследования обращен к проблеме авторитаризма в рамках концепта неопределенности, что следует рассмотреть более внимательно, изучая профессиональную жизнеспособность государственного служащего. Здесь вопрос авторитаризма проявляется своей актуальностью, так как сам процесс управления и руководства всегда отражается через тонкую балансировку власти и подчинения, руководства и исполнения. Френкель-Брунсвик определил нетерпимость к неопределенности как личностную переменную, присущую авторитарным личностям, которым свойственна «тенденция принимать черно-белые решения, приходить к преждевременному закрытию оценочных аспектов, часто пренебрегая реальностью, и стремиться к безоговорочному и однозначному полному принятию или отвержению других людей» [12, с. 115]. Авторитарная личность показывает преувеличенное уважение к власти, шаблонность мышления, социальную ригидность. В некотором смысле, авторитаризм – это конструкт, характеризующий не только нетерпимость человека к неопределенности, но и способы взаимодействия с миром, позволяющие эту неопределенность уменьшить [3, с. 39].

Неопределенность может рассматриваться как основная причина появления рисков, в том числе связанных с управленческой деятельностью, поэтому уменьшение объема неопределенностей составляет важную задачу руководителя [11, с. 123]. При подготовке кадров для государственной службы и управления, проблематика неопределенности выделяется как значимая и актуальная. При обучении государственного служащего предусматривается подготовка специалиста, не только оперирующего этими понятиями, но и подготовленного к профессиональной деятельности в условиях неопределенности, так как «наиболее характерной чертой нашего времени, отличающей его от прошлого, являются настойчивые усилия установить контроль над факторами риска и неопределенности», – писал Питер Л. Бернстайн [2, с. 14]. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки государственного и муниципального управления устанавливает, что выпускник, освоивший программу обучения, должен обладать в числе прочих профессиональными компетенциями: «умением... разрабатывать и эффективно выполнять управленческие решения, в том числе в условиях неопределенности» [9].

Подводя итог, подчеркнем, что наряду с многочисленными факторами и средствами, формирующими компетентность государственного служащего не должны игнорировать фактор неопределенности и риска в системе государственного управления. Предстоит эти факторы научиться выявлять, осмысливать, оценивать и находить пути решения, возможно с помощью более чем обычно, глубоких знаний, более продвинутых и более эффективных методов и инструментариев. Нобелевская премия (2002 г.), присужденная Даниэлю Канеману и Вернону Смиту «за применение психологической методики в экономической науке» объединяет экономические и психологические методы исследования проблем современного мира, особенно при исследовании формирования суждений и принятия решений в условиях неопределенности и подтверждает возможность оперирования неопределенностями и значение таких подходов [8, с. 218].

В свете происходящих в настоящее время глобальных изменений, нестабильности в политике, экономике, экологии, жизнеспособность человека в мире неопределенности приобретают первейшую актуальность. Жизнеспособность, успешность, благополучие и качество жизни человека во многом зависят от его возможностей справляться с неопределенностью бытия. Профессиональная жизнеспособность, выступая в качестве одной из разновидностей общей жизнеспособности человека, является интегральной способностью, и заключается в динамичной возможности сохранения человеком своей внутренней целостности, обеспечивающей объективную успешность решения профессиональных задач, профессиональное саморазвитие и удовлетворенность трудом [5, с. 78].

Поэтому, уже начиная с процесса обучения, и заканчивая зрелостью суждений психологического и философского познания категорий, в том числе категории неопределенности и категории профессиональной жизнеспособности, вся совокупность знаний и умений должны формировать и развивать личностные, когнитивные, интеллектуальные качества государственного служащего, тем самым повышать его профессиональную жизнеспособность.

Последние межотраслевые и междисциплинарные исследования профессиональной жизнеспособности показывают, что общая и профессиональная жизнеспособности человека взаимосвязаны и взаимообусловлены. Жизнеспособность любой организации зависит от профессиональной жизнеспособности человеческого капитала – важнейшего интегративного показателя современной государственности, особенно, в условиях неопределенности.

Библиографический список

1. Алишев Б.С. Психика и преодоление неопределенности // Психология: журнал Высшей школы экономики / Ред. Т.Н. Ушакова. – Москва: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2009. – № 3. Том 6. С. 3-26.
2. Берн斯坦 П.Л. Против богов. Укрощение риска / Пер. с англ. – М.: Олимп-Бизнес, 2000. 400 с.
3. Дубенцов М.И. Категория неопределенности в психологической науке и профессиональном самоопределении личности // Современные научные исследования и инновации. 2011. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/10/3078> (дата обращения: 11.01.2018).
4. Зинченко В.П. Толерантность к неопределенности: новость или психологическая традиция? // Вопросы психологии. 2007. № 6. С. 3-20.
5. Кузнецова Ю.Н., Рыльская Е.А. Профессиональная жизнеспособность как предмет научного исследования // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Эффективность личности, группы и организации: проблемы, достижения и перспективы», Ростов-на-Дону; Курск, 21-22 апреля 2017 г. – М.: КРЕДО, 2017. 318 с.
6. Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 800 с.
7. Няпинен Л. Программа Ильи Пригожина перестройки традиционной физики и вытекающие из неё заключения для понимания социальных проблем // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. 560 с.

8. Понкин И.В. Теория девиантологии государственного управления: Неопределенности, риски, дефекты, дисфункции и провалы в государственном управлении / ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ / Предисловие д.ю.н., проф. А.Б. Зеленцова. – М.: Буки-Веди, 2016. 250 с.
9. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 38.03.04 Государственное и муниципальное управление; Приказ Минобрнауки России от 10.12.2014 № 1567.
10. Сагайдак С.С. Поле профессиональной неопределенности в координатах «способности – склонности» // Психологический журнал Минского института управления, 2006, № 2 (10). С. 4-9.
11. Смирнов Э.А. Разработка управленческих решений: Уч. – М.: Юнити-Дана, 2000. 396 с.
12. Frenkel-Brunswik E. Intolerance of ambiguity as an emotional perceptual personality variable. Journal of Personality. 1949 Vol. 18 P. 108–143.
13. Furnham, A. Tolerance of ambiguity: A review of the concept, its measurement and applications. Current Psychology. 1995, Vol. 14 (3). P. 179–200.
14. Gujski J. MEASURING PROFESSIONAL UNCERTAINTY OF TEACHERS // report at The 9th European Evaluation Society International Conference, Praha, Czech Republic, 6-8 October, 2010.
15. Knight F.H. Risk, Uncertainty and Profit [Риск, неопределенность и прибыль]. –Boston – New York: Houghton Mifflin Company, 1921. 381 p.
16. Weber J.A. Understanding the dimensions of uncertainty in public administration [Понимание измерений неопределенности в публичном управлении] // Contemporary debates in public administration / Ed. by A. Dhameja. – New Delhi: PHI Learning Pvt. Ltd., 2003. 396 p.

УДК 796.011.1

ПРОБЛЕМА НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ СПОРТИВНЫХ КАЧЕСТВ У БОРЦОВ В УЧЕБНО-ТРЕНИРОВОЧНОМ ПРОЦЕССЕ (НА ПРИМЕРЕ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ)

*A.D. Воронин
ФГБОУ ВО «СамГТУ»*

В статье рассматриваются проблема неопределенности в формировании и развитии познавательной активности у спортсменов-борцов в учебно-тренировочном процессе, рассмотрены и проанализированы методы, предложенные тренерами для формирования познавательной активности у спортсменов, а также исследуется вопрос о неопределенности, касающейся результатов развития данной активности. Автором проанализирован и предложен метод рефлексии как один из наиболее эффективных методов для формирования и развития познавательной активности у спортсменов борцов.

Ключевые слова: неопределенность в теории спорта, рефлексия, познавательная активность, учебно-тренировочный процесс.

THE PROBLEM OF UNCERTAINTY IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF ATHLETIC QUALITIES IN WRESTLERS IN THE TRAINING PROCESS (ON THE EXAMPLE OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF COGNITIVE ACTIVITY)

*A.D. Voronin
Samara State Technical University*

The article deals with the problem of uncertainty in the formation and development of cognitive activity in wrestling athletes in the training process, the methods suggested by the trainers for the formation of cognitive activity in athletes have been examined and analyzed, and the uncertainty question regarding the development of this activity is being investigated. The author has analyzed and proposed the method of reflexion as one of the most effective methods for the formation and development of cognitive activity in athletes.

Keywords: uncertainty in sports theory, reflection, cognitive activity, educational process.

На сегодняшний день в сложившихся условиях развития спортивной подготовки спортсменов в учебно-тренировочном процессе одной из наиболее значительных проблем является формирование и развитие познавательной активности. Другими словами можно сказать, что мышление спортсменов, в частности борцов, характеризуется как один из основных аспектов, благодаря которым они успешно овладевают избранным видом спорта. Именно поэтому задача тренера заключается в том, чтобы сформировать у воспитанника эффективное мышление, которое будет благотворно влиять на тренировочный процесс спортсмена. Помимо этого, нужно сказать, что в области спортивной деятельности весь потенциал познавательной активности спортсменов до сих пор не изучен.

В данной ситуации резко возникает необходимость исследования такого вопроса как формирование познавательной активности спортсменов-борцов в учебно-тренировочном процессе.

Проблему формирования и развития познавательной активности изучало большое количество ученых. Так, например, Т.И. Зубкова определяет познавательную активность как естественное стремление человека к познанию, характеристика деятельности, её интенсивность и интегральное личностное образование [1, с. 11]. А, по мнению Г.И. Щукиной познавательная активность есть не что иное, как ценное личностное образование, выражающее отношение человека к деятельности [3, с. 23]. Э.А. Красновский дает следующее определение: «познавательная активность – это проявление всех сторон личности интерес к новому, стремление к успеху, радость познания, это и установка к решению задач, постепенное усложнение которых лежит в основе процесса обучения» [2, с. 55].

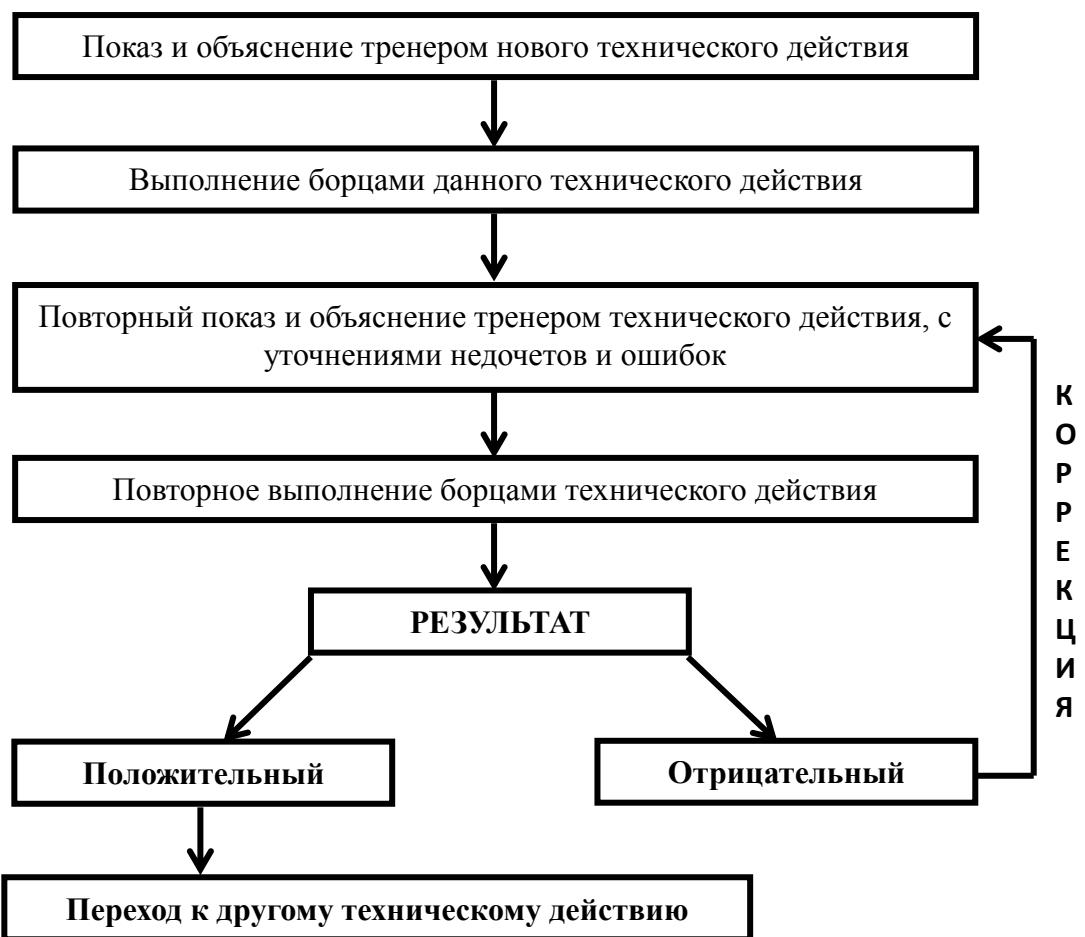
Мониторинг литературы, затрагивающей проблемы формирования и развития познавательной активности, говорит о том, что ученые по-разному понимают данный термин. Одни ученые говорят, что активность является результатом деятельности, вторые сравнивают активность с деятельностью, ну а третьи определяют активность как нечто большее, чем деятельность.

Но все эти понятия были рассмотрены во время изучения деятельности школьников во время процесса обучения, а не во время изучения тренировочной деятельности спортсменов в учебно-тренировочном процессе. Следовательно, и те методы развития познавательной активности, предложенные этими учеными, не совсем подходят для спортивной области.

Тут возникает ряд вопросов, на которые так до сих пор и нет точных и определенных ответов. Как сформировать познавательную активность в определенном виде спорта? С помощью чего можно развить познавательную активность спортсмена? Существуют ли критерии оценивания познавательной активности, и если существуют, то какие? Как влияет познавательная активность на результаты спортсмена? Нужна ли она спортсменам вообще? В этом как раз и заключается неопределенность влияния познавательной активности на спортсменов, в частности борцов.

Познавательная активность является фундаментом спортивной деятельности среди всех возрастных этапов развития спортсменов. Ввиду отсутствия этой активности или же ее недостаточного уровня эффективная организация учебно-тренировочного процесса будет попросту невозможна. Но как показывает практика, большое количество тренеров просто не знают как, и, следовательно, не могут сформировать и развить познавательную активность у своих воспитанников. Вдобавок к этому сами воспитанники не имеют большого желания достичь не только каких-либо высоких спортивных результатов, но и овладеть технико-тактическими действиями во время учебно-тренировочного процесса. Это вызвано тем, что они не имеют четкого понимания, как они смогут применить данные навыки в окружающей среде и как это им может помочь в дальнейшем в жизни. А ввиду отсутствия познавательных интересов у спортсменов, то есть, когда борцы тренируются без необходимой внутренней потребности, а только по принуждению извне, когда они не находят смысла в своей спортивной деятельности, то их технические умения и теоретические знания будут на весьма низком уровне. С другой стороны, существует процент тренеров, предпо-

лагающих, что в их учебно-тренировочном процессе происходит формирование и развитие познавательной активности, хотя, на самом деле это не так. Дело в том, что эти тренера уделяют большое внимание технической и теоретической подготовке борцов, подразумевая, что эти два типа подготовки относятся к познавательной активности. Такие тренера могут использовать различные способы в процессе обучения спортсменов: показ, объяснение, использование различных видеоматериалов с помощью мультимедийных средств. Но по большей части они используют одну и ту же схему для обучения борцов техническим действиям или физическим качествам (см. рисунок). Результатом успешного развития познавательной активности для этих тренеров будет являться правильное выполнение спортсменами технико-тактических действий или упражнений, развивающих физические качества и успешное овладение теоретической базой знаний об этих действиях. Отрицательным результатом, следовательно, будет являться неправильное выполнение технико-тактического действия и не полные теоретические знания по данному действию.

Алгоритм формирования и развития познавательной активности у борцов
(с точки зрения ряда тренеров)

Однако, такое оценивания уровня познавательной активности спортсмена не совсем верно, так как борцы могут все знать и рассказать о данном техническом действии и правильно выполнить его, но не понимают, для чего данное действие может им понадобиться в повседневной жизни или не могут объяснить, почему определенный технический элемент нужно выполнить так и никак иначе. Другими словами, у спортсменов слабо происходят мыслительные процессы, в то время как теоретические знания о технико-тактическом действии могут являться результатом «зубрежки» а правильное выполнение этого действия дости-

гается путем долгих и часто повторяющихся отработок, которые не несут сильной смысловой нагрузки, где главная задача состоит в том, чтобы сделать также, как показал тренер, потому что так будет правильно. Конечно, на начальных этапах подготовки борцов (дети 7-10 лет) данный способ допустим, но в условиях подготовки борцов более взрослых возрастных групп, необходимо давать им пищу для размышлений, развивать их мыслительные процессы и в частности познавательную активность.

Ряд тренеров для определения уровня познавательной активности используют различные анкеты или психологические тесты. Так одной из наиболее популярных методик определения уровня познавательной активности, является методика Ч.Д. Спилберга – А.Д. Андреева, шкала «познавательная активность». Однако, часть тренеров, утверждает что на такие тесты не стоит сильно полагаться, так как спортсмены отвечают на них при определенных обстоятельствах, когда у них происходят определенные психические процессы которые характерны на тот данный момент и есть вероятность того что при других условиях они бы отвечали иначе.

Одним из наиболее действенных вариантов в преодолении неопределенности в вопросе формирования и развития познавательной активности является метод рефлексии. Необходимо постоянно как во время изучения приема, так и после овладения им проводить у борцов рефлексию технических и двигательных действий. Кроме того, тренер должен вызвать и затем поддерживать познавательный интерес не только к овладению физическими или техническими действиями, но и ко всему занятию в целом. В результате этого произойдет устранение всех противоречий между тренером и воспитанниками, вызванными организацией учебно-тренировочного процесса. А правильная организация данного процесса побуждает спортсменов добросовестно выполнять задания. Помимо прочего во время использования метода рефлексии борцами больше проявляется взаимопонимание между ними и тренерами, которое основано на общности цели и задач.

Одну из наиболее важных ролей в формировании и развитии познавательной активности спортсменов-борцов играет самоконтроль. Возникающий познавательный интерес в вопросе о состоянии собственного организма, его реакции на физическую нагрузку и на выполнение технико-тактических действий уже сам по себе вызывает познавательную активность. Особое значение для спортсмена имеет ведение собственного дневника самоконтроля, с помощью которого можно анализировать и оценивать изменения, происходящие в психологическом, техническом и физическом развитии и состоянии здоровья в процессе тренировочной деятельности и вне ее.

В итоге следует сказать, что на сегодняшний день в теории спорта содержатся существенные элементы неопределенности, которые проявляются в процессе построения спортивной подготовки спортсменов. Эта неопределенность связана со следующими проблемами:

1. Не до конца распознанная сложность человеческого организма и его поведения;
2. Несоответствующий уровень между возрастающими требованиями к подготовленности спортсмена и ограниченными возможностями их организма к адаптации к этим требованиям;
3. Снижение психических и физических возможностей детей и подростков спортсменов, и игнорирование возрастных особенностей развития организма.

Все вышеперечисленные проблемы косвенно или напрямую затрагивают проблему формирования и развития познавательной активности, так как до сих пор не существует не только определенного и эффективного алгоритма ее развития, но и достоверной системы оценки результатов ее развития, так же как и ее влияния на спортивные результаты спортсменов-борцов.

Библиографический список

1. Зубкова Т.И. Формирование познавательной активности слабоуспевающих учащихся начальных классов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Екатеринбург, 1993. 24 с.
2. Красновский Э.А. Показатели в образовании // Стандарты и мониторинг в образовании. 2002. № 5. С. 53-57.
3. Щукина Г.И. Активизация познавательной деятельности в учебном процессе. М.: Просвещение, 2005.

УДК378.147: 331.101.1

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИЗМЕРИМОСТЬ НАМЕРЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА РАЗРЕШАТЬ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ ВЫБОРА

Г.П. Дорошко

ФГБОУ ВО «СамГТУ»

В статье рассматривается достижение состояния определённости специалиста приведением к нулю неопределенности учебных взаимодействий путём осознания измеримости выбора собственных действий. Предлагается использовать семантику для категоризации самооценки и для разработки модели измеримости использовать связь намерения формировать сознательное устремление с подъёмом сознания на ступенях «Лестницы Измерений» дающей образы категоризации профессионализма. Семантика используется для представления речевого поведения в виде рядов слов, как семантических знаков и бинарных отношений для определения позиции категории в анализируемой выборке активности учебных действий студента и преподавателя.

Ключевые слова: выбор, намерение, семантика, лестница, неопределенность, бесконечность, сознание, смысл, действие, содержание, форма, свойства, функция, технология, состояние.

SEMANTICS INTENTION OF SPECIALIST TO ALLOW UNCERTAINTY OF CHOICE

G.P. Doroshko

Samara State Technical University

The article considers achievement of a condition of certainty of the specialist by bringing to zero uncertainty of educational interactions by comprehension of a measurable choice of own actions. It is proposed to use the Semantics to categorize self-assessment and to develop a model of measurable use the relationship of intention to form a conscious aspiration with the rise of consciousness on the steps of the "Measurement ladder" of the Giving images Categorization of professionalism. Semantics are used to represent speech behavior as a series of words, such as semantic characters and binary relationships, to determine the category position in the analyzed sample activity of the student's and teacher's training activities.

Keywords: festive banquet, intention, semantics, ladder, uncertainty, infinity, consciousness, meaning, action, content, form, properties, functions, technology, condition.

Категория намерения в психологии определена и изучена, для приложения в ψ -педагогике требуется её алгоритмизация по поведению и учебным действиям преподавателя и студента. Будет или не будет будущий специалист искать определённость, зависит от его гуманитарного выбора, только тогда его устремление в действии является силу *намерения*. Но как возникает индивидуальное намерение в этих бесконечно рождающихся неопределённостях выбора личностного совершенствования и как его вызвать в учебном процессе, когда перед преподавателем поток и нет возможности сделать полный анализ каждой личности. Контактная работа ограничена, а дистанционная не организована методически по причине той же неопределенности индивидуального назначения. Необходимы простые и быстрые

способы определения входных и выходных характеристик, чтобы оценить собственную работу в отношении каждого ученика и постепенно отказаться от действующей простоты оценочной системы знаний.

Есть и давно используется простой способ текущего контроля речевого поведения как деятельность, включающая последовательность:

$$\{\text{Порождение} \rightarrow \text{Восприятие} \rightarrow \text{Языковый материал}\} \quad (1)$$

Теория речевого поведения определяет значение единиц знаковой системы языка через связи регулярных соответствий и позволяет формулировать правила перехода {смысл – текст} [7]. Но далее для преподавателя и для студента требуется третья система соответствия в блоках образовательной технологии:

$$\{\downarrow\text{смысл} - \text{действие} - \text{смысл}\uparrow\} \rightarrow \{\uparrow\text{действие} - \text{смысл} - \text{действие}\downarrow\} \quad (2)$$

Логика, связанная с современной лингвистической семантикой, тем не менее не распространяется на {порождение} (1). И контроль восприятия через действие (2) становится ключевой связкой для диагностики реактивности бессознательного, с ним все проблемы неопределенности, надо знать, как оно участвует.

$$\{\text{Порождение} \leftarrow \text{Восприятие} \leftarrow \text{Языковый материал}\} \quad (3)$$

Такая обратная задача решается как выбор по оценке баланса действия

$$\{\text{Собственное} / \text{Несобственное}\} \quad (4)$$

Из-за действия бессознательного есть искажение, студент не хочет учиться, но он знает, что ему необходимо учиться, и действует интуитивно по ему ведомой причине раскрытия бессознательного, как часто говорят – на бесконечности развития души. И то, что ему предлагается, не выбирается им осознано, к тому моменту, когда начался учебный процесс, выбор уже был сделан. Преподаватели рекомендуют проявить *волю* к учебе, понимая её как наведенное принятие выбора. Однако определение категории воля, самодетерминации и саморегуляции относится уже к зрелому специалисту, когда реализуются функции *выбора* мотивов и целей и уже есть регуляция побуждения к действию. Противоположно силовому определению воли *ψ*-педагогики, {воля} психологии реализуется как свободный выбор. Нарушение права выбора не способствует формированию намерения. В ряду (5) воля первична, открывая ряд выхода из бессознательного семантическим балансом (4) субъекта учебного процесса:

$$\text{Воля} \rightarrow \text{Выбор} \rightarrow \text{Стремление} \rightarrow \text{Намерение} \quad (5)$$

Стремление в зависимости от *меры* осознания потребности выражается как влечение. Намерению завершить действие есть мера и намеченная граница завершения от момента внутренней подготовки до исполнения, это и есть ступень, а вид на образ следующей ступени разрешает неопределенность. Лестница становится средством сознательного стремления (5).

Если теория дополнена мерой введённой на цепи образовательной технологии, то становится возможным перевести образование мыслеформ на самоконтроль как процесс *взвешивания* и *координации* для выработки намерения по позициям на Лестнице Измерений. Поднимающемуся на ней заранее известны все ступени достижения специализации. Аналогично будет работать развитие профессионализма с самостоятельной коррекцией в социальной системе взаимоотношений. Это раскрывает часть бессознательного вызывающего искажение виденья. Осуществлению взвешивания необходимо начало отсчета или точка опоры – нуль, начало включения функции (2, 3), если есть подъем, то бессознательное выражается потерей чувства устойчивости.

Инженерный аспект педагогики склонен использовать математические модели текстов как множеств и если сочетать с кластерным анализом то используя операции *отдалённости* и *отделённости* свойственные ему к выборке подмножеств лингвистическими методами определяют особенности языка специализации (7, 12) [3]. Такая жесткая схема подобна *зачи-ванию* накладывается на бессознательное структурируя его. Поворачивает *Вектор Внимания* к анализу мышления чистых значений не в сторону звукового выражения фраз и предложений, а к истоку образования слов, где самодвижение к устремлению зарождалось (3). Именно по данным диагностики результата, так как самоё зарождение настолько неповторимо и быстротечно что является данностью содержания субъекта (4).

$$\{\text{Содержание} - \text{Форма} - \text{Свойства}\}. \quad (6)$$

$$\{\uparrow\text{Свойства} - \text{Технология} - \downarrow\text{Свойства}\}. \quad (7)$$

Посредством формы выражена индивидуальность функционирования сознания субъекта. Свойство – измеренная реактивность формы генерального блока технологии (6) педагогически является достигнутым результатом при наличии баланса реактивности действий как продукта работы сознания $\{\uparrow=\downarrow\}$. Стрелки (7): исходная и реактивная, внутренняя \rightarrow и приобретённая активацией, внешняя \downarrow . Точно установлено – *достижение равновесия всегда награждается повышением частоты готовности к следующей ступени измерения, когда мера будет принята учеником позитивным чувством подобного инсайту.*

Сознание беспредельно во времени, но конечно в действии и поэтому диагностируется после моделирования реактивности отношений между мирами $\{\text{внешний} \rightarrow \text{сознание} \leftarrow \text{внутренний}\}$. И тогда осознание: два знания, внешнего мира и внутреннего миров, предмет самопознания своей активностью (1), в динамике всегда стремится к равновесию и педагог ему содействует собственным знаком. Самое сложное определить реактивность студента, опытному педагогу это удается по признакам восприятия (1), и пусть вначале не у всех, но по *теореме компактности* теории моделей, это активирует всех по времени волеизъявления включением каждого в группе. Функционирование студента и преподавателя соотносится измерением к координатам лестницы. Известно и апробировано шесть функций модели {специализация/профессионализм}.

Номерные функции активности студентов и преподавателей (8)

0. **Нотариальная** – начало отсчёта самооценки.

Внутреннему состоянию характерна первичность слова вторичность действия. Идёт разметка и закрепление образов и операторов лингвистики в ответ на *несобственную* активность.

Внешнее состояние – уход от социального контакта. Регистрационная деятельность, чистая исполнительность, опосредованный контакт оформлением: бумаг, одежды, стерео типичность элементов сознания. Дистанционная работа с документацией и использование посредников, как правило не признаваемое отсутствие опыта организации деятельности уходом в силовые методы управления. Строгое требование к орфографии текстов исполнении форм.

1. **Репродуктивная** – специалист/педагог умеет пересказать *что и как знает*, и как *понимает* Сам [4].

2. **Адаптивная** – ...умеет передать информацию и трансформировать *применительно* к объекту.

3. **Локально-моделирующая** –... умеет передать, трансформировать информацию и моделировать систему знаний по отдельным вопросам.

4. **Системно-моделирующая знания** – ... умеет моделировать систему деятельности формирующей систему знаний по своему предмету.

5. **Системно-моделирующая деятельность** – умеет моделировать систему деятельности, которая переводит личность на высокий уровень познавательной деятельности, формирует потребность в творчестве [5].

На каждой функции последующих пяти и далее на лестнице состояний сознания есть нулевой отсчёт – позиция нейтрала. Состояние широко практикуемое, например, как медитация, но прежде всего это ψ -генетическая *настройка* бессознательного с точкой восприятия (1). Здесь сформулирована только для перехода к первой категории. Диагностируется зрелость следующей функции по отношении времени определенного уходящим «на корзину» и остающимся «в задел», *на-мереное* для использования в будущем.

Система в знаке задаваемом преподавателем – закрепленный порядок расположения связей и действий функционирования формы на реакцию искомой образовательной технологии среды существования. Её моделирование служит мерности высказываний и функций действий преподавателя выполнением интерпретации формального языка со ступенями лестницы. Становится способом преобразования формы в счётную, измеримую, обозначает границу и замкнутость относительно реактивности действия. У студента – подсовокупность высказываний языка, у преподавателя – совокупность, и если они совместимы с 1-й ступенью по *теореме компактности* А.И. Мальцева, то дальше совместимость будет на остальных ступенях. Очевидна ответственность преподавателя по измерению первой совместимости, в противном случае учебный процесс будет не собственным для студента.

Явление свойств формы студента измеримо (6) если известно только то что там нет знания по специализации, но есть намерение её наполнить и готовность проявить умение по контракту. Тогда на технологии (7) закладка объекта требующего проявить умение вынуждает её заработать. Для гуманитарных технологий характерно отсутствие механики, в инженерных наоборот не представлен её гуманитарный объект. Помогают методы ψ -семантики связкой двух способов создания ψ -инструментов в единый инструментарий *на-мерением*.

Идея преподавательского инструментария в лаконичности и очевидной *непонятности* используемых формул, и требовании *заучивать* тогда они и есть *чистые значения*, которые затем служат пониманию и вызывают присущее им явление как свойство и имя (10). Знаки заученные уходят в бессознательное, но включаются они пониманием (3). Лестница (9) требуется, чтобы выполнить измерение законченности специализации, осознания определённым *участием* в образовательном процессе через влечение вызвать необходимость подъёма на очередную ступень по результатам сформулированной им квалификации *гуманитарной полезности* для жизни общества. Её надо обозначить и назвать. В этом отличие от ряда функционирования (8).

Лестница Измерений (9)

Категории специализации активности сознания

- 1: {объект → знающий = субъект}.→ Преподаватель.
- 2: {объект → служитель ← субъект}.→ Педагог.
- 3: {объект ← производитель → субъект}.→ Мастер.
- 4: {объект ← методист → субъект}.→ Профессор.
- 5: {объект ← организатор → субъект}.→ Прогрессор.
- 6: {мета психическое}.→Сталкер / Сновиденец.
- 7: {пара ведение}.→Странник / Постовой.

Семантическая вертикальность категорий соблюдается. Все обозначенные квалификации являются действующими и давно апробированными [6]. Каждая есть в Базе. 6 и 7 необходимо рассматривать «до» и «после» по определению химии состоявшихся взаимоотношений.

Скрытая часть работы ученика, его внутренняя речь – план психических единиц, описывается на дозвуковые образы знаков в сознании, особый план речевого мышления как дина-

мическое отношение между мыслью и словом, мышление «чистыми значениями» [1, 7]. Тексты становятся инструментарием связи (осознающего, знаковое) и смысла (означаемого, значение) плана выражения и плана содержания, спецификой действий ученика и учителя. По Платону {вещь – идея – имя} и геометрическая модель значения с интерпретацией по семантическому треугольнику Огдена – Ричардса [9, 8]:

$$\{\text{Символ} – \text{Мысль} – \text{Предмет}\} \quad (10)$$

Вещь (предмет, референт) – **идея** (мышление, понятие, значение, смысл, интерпретация) – **имя** (слово, знак, текст). (11)

По определению семантики содержание Знака сложилось ψ -генетически закреплением в речевой практике по результатом познаний ученика [7]. Отсюда необходимый инструмент загрузки – выход на *понимание* как обучение заучиванием (реабилитация зубрёжки!, но только для имени) знаков (нулей на ступенях) без этого не получается. И когда это уже есть, достигается осознание знаков и с помощью преподавателя возможна намеренность реализовать (11). Следующим инструментом должен предусматриваться приобретение *навыка* в лабораторном эксперименте, когда оператор логики формируется и это уже пары бинарных отношений. Можно начинать его наполнять образами для гуманитарного сопровождения и включения социума, расширение сознания подъёмом, например использование дивергентной вставки фрагментов текстов «между бездной и небесами» [2].

Метод последовательной дифференциации на подмножества остаётся, но значимость геометрии образов возрастает. Ученик рождает образы из чистых знаков с преподавателем, поэтому дифференциация как очищение для принятия решения о достигнутом эффекте работает на понимание, образуется система {ученик, понимание, учитель} также быстро насколько чистыми были значения сложившихся языковых форм специализации. Основной язык не затрагивается в нём, лишь активируются и сотворяются новые элементы взаимодействием с учителем и наблюдателем его организовавшим. Он устанавливает опоры для «Лестницы». Технология совокупностью методов и процессов реализуется как *наученное действие* способов обеспечения прохода по цепочке из лестниц дисциплин, чтобы разрешить неопределённость:

Знать целое (себя, мир) – **уметь** всегда (делать, проектировать) – **владеть** действием (мастерство, мышление) – **иметь** реактивность (к себе, во вне) – **быть** самостоятельным (кем, чем). (12)

В этом ряду *быть* – позиция на бесконечности говорит о том, что останавливаться нельзя, определённость в таком случае знаковое отношение того что во мне есть к тому что исходит извне и куда мне надо (4). На каждом критерий самоанализа своих намерений действий, т.е. ввести меру самооценки или её иметь, а для конструирования требуется мотивация целевой установки иметь в ней заложенные {лестницу} и {лифт} подъёма сознания в социуме.

Мысль (10)→Достижение состояния определённости выбора приведением к нулю (8) неопределенности взаимодействий путём осознания измеримости бесконечности развития профессионализма. Референт (11)→Но развитие человека всегда заканчивается скачком сознания с отрывом интереса и выходом в новую мерность отношений, это означает что у неопределенности, поставленной на бесконечность, всегда есть предел. Психология инженера отличается наличием в сознании вполне конкретного опыта активности, который обязательно был пройден и может быть измерен точно, как результат определённых конечных действий.

Специализация начало движения к разрешению неопределенности выбора, однако когда специалист в социальной среде это становится большим недостатком, «колеёй» из кото-

рой трудно выйти. У образованности есть инструмент предельности как исполнение функции прогнозируемой загрузки, во-первых, по времени, и если попытка раскрытия отношений двух неопределённостей теряет смысл, например результат и нулевой и уводит в бесконечность. Это горизонталь ступени лестницы, опора временная на осознание требуется, нуль разложить на две противоположности, а в бесконечности искать пары противоположностей. Второй инструмент вневременное виденье баланса пар противоположностей – вертикаль ступени. Так, процесс подъёма сознания становится конструирующим навыком, потому что всегда отнесен к реальному объекту. И третье – объединение бесконечностей создаёт основу интеграции, сопряжением исходного и последующего.

Формальным вычислением пределов функций образованный специалист владеет. Анализ мало отличается, даже если множества заданы языковыми формулами и действиями. С ними работают подстановкой предельных значений того что взято переменной. Собственная функция и функция среды выбираются как отдельная *окрестность* точки интереса обозначенной переменной и берется предел сходимости к ней, строится последовательность до первого неравного нулю члена ряда интересов по функции собственной и функции среды разностей всех вариантов (аналог правила Тейлора). Если окрестность не даёт не равного нулю варианта, берётся другая окрестность. Если неопределенность представляет безразличный выбор (бесконечность), то следует функцию рассмотреть как обратную для себя и для среды и также выделить окрестность, относительно которой берется разница. Все разницы умножаются, т.е. берутся столько раз, сколько в целом получилось разниц, так чтобы появилось неравное нулю первое решение (аналог правила Лопиталя). Ждать других лучших не следует. Тогда от двух функций формы, имеющихся у субъекта, берутся возможные полезности в их отношении к выбранной окрестности. Они и здесь привязываются к имеющимся наработанным функциям (8), а также ступеням лестницы (9), чтобы наработать новую функцию формы сознания.

Выводы. 1. Кластеры Знаков, удовлетворяющих требованиям отдалённости и отделённости, должны быть заучены бессознательно, без попыток понимания. 2. Самодиагностика работает как инсайт понимания выбора. 3. Включается в действие «функциональным рядом» и «лестницей» осознанно только учеником для перехода на очередную ступень категории действий.

Библиографический список

1. Выготский Л.С. Мышление и речь. Психологические исследования. М-Л., 1984. 305 с.
2. Джебран Д.Х. Странник. Между бездной и небесами: сборник / Пер. с англ. и арабск. М.: Сфера, 2003. 464 с.
3. Дорошко Г.П. Конвергенция & дивергенция элементов модели строительной теории кластеров для НБИК технологий и структуризации образования. Сборник трудов международной научно-технической конференции. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2012. С. 630– 632.
4. Кузьмина Н.В. Методы исследования педагогической деятельности. Изд. № 15. 1974.
5. Макарова Л.В. Преподаватель: модель деятельности и аттестация / Под редакцией профессора В.Л. Балакина. М.: 1992. 145 с.
6. Никон Рождественский. Житие и подвиги преподобного и Богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца. – М.: Сретенский монастырь; Новая книга; Ковчег, 1998. 432 с.
7. Новиков Л.А. Семантика русского языка: учебн. пособие. М.: Высш. Школа, 1982. 272 с.
8. Ogden C.K and Richards I.A. The meaning of meaning. New York, 1937. С.9-11.
9. Платон. Сочинение в трёх томах. М.: 1968, Т. 1. С. 413-491.

ТЕНДЕНЦИИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТРАЕКТОРИЙ АСПИРАНТАМИ ВУЗА: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

A.S. Климова

ФГБОУ ВО СамГУПС

В статье рассматривается вопрос индивидуализации подготовки научно-педагогических кадров, и приводятся результаты исследования готовности аспирантов к проектированию индивидуальных образовательных траекторий.

Ключевые слова: аспирантура, подготовка научно-педагогических кадров, индивидуальные образовательные траектории, анкетирование.

TENDENCIES OF INDIVIDUAL EDUCATIONAL PATH DESIGNING BY POST GRADUATORS: RESULTS OF THE RESEARCH

A.S. Klimova

Samara State Transport University

In this article the problem of individualization of post graduate's programs was analyzed. Also here the results of research connected with post graduates preparedness to individual educational path designing are held in.

Keywords: post-graduate training, professional development of faculty member's majors, individual educational path, survey

Совершенствование образовательного процесса в современном вузе требует усиления индивидуализации обучения. Индивидуальный подход к обучающимся особенно важен при подготовке научно-педагогических кадров в аспирантуре. Создание оригинальных научных разработок, как и в целом, написание и защита кандидатской диссертации невозможно без регулярных консультаций с научным руководителем, которому приходится учитывать индивидуально-психологические особенности и личностные качества каждого аспиранта. Учитывая, что в аспирантуре учатся люди с разным базовым профессиональным образованием, целесообразна индивидуализация не только научного, но и учебного процесса. Решение данной задачи, с целью довлетворения образовательных потребностей каждого аспиранта, возможно за счет расширения вариативности учебных планов, в том числе увеличения количества курсов по выбору и факультативов. Поэтому на современном этапе актуальным становится внедрение в процесс подготовки научно-педагогических кадров индивидуальных образовательных траекторий (ИОТ).

Под индивидуальными образовательными траекториями мы рассматриваем совместную деятельность научного руководителя и аспиранта, в которой планируется и выстраивается будущий учебный и научно-исследовательский процесс, а также определяется результат профессионально-личностного развития аспиранта при решении поставленных задач в рамках основной образовательной программы [1, 33].

Аспиранты должны уметь проектировать ИОТ, то есть самостоятельно определять содержание подготовки, что включает в себя выбор элективных дисциплин и факультативов в соответствии с образовательными потребностями, а также решение организационных задач, связанных с графиком занятий, использование электронной образовательной среды и т.д.

С целью выяснения того, насколько аспиранты готовы к проектированию ИОТ, нами было проведено исследование. В анкетировании приняли участие аспиранты Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева и Самарского государст-

венного университета путей сообщения – всего 203 человека, из них 55,6 % – мужчины, 44,4 % – женщины. Большинство аспирантов (55,5 %) имеет инженерно-техническое и технологическое профессиональное образование, 22,2 % – образование в области информатики, 14,8 % – в финансово-экономической и управлеченческой сферах, 7,5 % – естественнонаучное образование. По возрасту можно выделить следующие категории: 54,7 % – это аспиранты от 22 до 25 лет, 36,8 % – от 26 до 30 лет, 7,4 % – старше 30 лет, 1,1 % – старше 40 лет. Чуть больше половины опрошенных (51,8 %) имеют опыт работы на производстве, остальные (48,2 %) такого опыта не имеют. Педагогический стаж есть всего у 37,1 % аспирантов, 62,9 % – педагогического стажа не имеют. Количественные данные по выборке испытуемых приведены в таблице.

Количественная характеристика выборки испытуемых

Характеристика выборки	Количественное значение (%)
<i>Направления базового профессионального образования</i>	
инженерно-техническое и технологическое	55,5
информационное	22,2
финансово-экономическое, управлеченческое	14,8
естественнонаучное	7,5
<i>Педагогический стаж</i>	
Есть	37,1
Нет	62,9
<i>Опыт работы на производстве</i>	
Есть	51,8
Нет	48,2
<i>Пол</i>	
женский	44,4
мужской	55,6
<i>Возраст</i>	
22-25	54,7
26-30	36,8
>30	7,4
>40	1,1

На основе анкетирования были выявлены цели поступления в аспирантуру. Основной целью для 49 % опрошенных стало стремление заниматься наукой, для 45 % – карьерные соображения и для 14 % – желание заниматься педагогической деятельностью, работать со студентами.

На вопрос: «Что вам больше всего нравится в процессе обучения?», 20 % аспирантов выбрали ответ «возможность постоянного профессионально-личностного саморазвития», 19 % – «проведение исследований в рамках подготовки диссертации». Далее следовали такие ответы: освоение новых образовательных программ (13 %), овладение педагогическими компетенциями (7 %).

Для формирования аспирантами своих индивидуальных образовательных траекторий важным является доступность и открытость информации, касающейся образовательной и научной составляющей учебного плана и основной образовательной программы в целом. В ходе опроса выяснилось, что 62 % аспирантов знакомы с Правилами и положениями в вузе, размещенными на официальном сайте организации, 96 % знакомы с учебным планом, 40 % с каталогом дисциплин по выбору, 33 % с факультативными дисциплинами, предложенными для изучения, 44 % в общих чертах знакомы с описанием основной образовательной про-

граммами, 40 % знакомы с аннотациями рабочих программ дисциплин. Большинство аспирантов (77 %) считает, что информационные ресурсы полезны для них, столько же опрошенных (77 %) руководствовались информацией на сайте для выбора будущей специальности, остальные сайтом для этих целей не пользовались. Следует отметить, что для формирования ИОТ на сайте имеется достаточное количество информации, но не все аспиранты умеют полноценно использовать эти данные.

Немаловажным для построения ИОТ является квалифицированная помощь обучающимся со стороны сотрудников отдела аспирантуры и научных руководителей. Результаты анкетирования показали, что 39 % опрошенных в случае затруднений обращаются в отдел аспирантуры, 37 % – к своему научному руководителю, остальные – к однокурсникам. Поэтому можно предположить, что в процессе проектирования ИОТ большинство аспирантов при необходимости смогут получить грамотную консультацию и разрешить все затруднения.

Содержание учебного плана, по мнению 58 % опрошенных, вполне совпадает с их образовательными потребностями, 37 % ответили, что совпадает частично, остальные 5 % считают, что не совпадает. Несмотря на то, что наполнение учебного плана в целом удовлетворяет аспирантов, у них имеются и свои образовательные запросы. Так, 24 % аспирантов считают, что им были бы интересны факультативные дисциплины, направленные на углубление специальных знаний, 22 % – дисциплины, в которых раскрываются активные методы обучения, 15 % – педагогические проблемы, остальные хотели бы получить дополнительные знания по методологии и методам исследования, а также по психологии.

Как показал опрос, нерешенной проблемой, затрудняющей индивидуализацию процесса подготовки научно-педагогических кадров, является неосведомленность аспирантов о специфике ИОТ и технологии ее проектирования. На вопрос: «Что такое индивидуальная образовательная траектория?», 43 % опрошенных дали ответ «не знаю», 42 % – «знаю в общих чертах». Только 25 % аспирантов готовы самостоятельно спроектировать индивидуальную образовательную траекторию. В то же время выяснилось, что внедрение ИОТ требует разработки гибких вариативных учебных планов, позволяющих аспирантам выбирать нужные дисциплины и таким образом выстраивать оптимальную для себя образовательную траекторию.

Таким образом, важнейшими задачами на сегодняшний день являются: совершенствование учебных планов подготовки научно-педагогических кадров, разработка технологии проектирования индивидуальных образовательных траекторий и обучение этому аспирантов, а внедрение ИОТ позволяет максимально индивидуализировать учебный и научный процессы в аспирантуре, повысить самостоятельность и ответственность обучающихся за образовательный результат и научить их в дальнейшем планировать свое профессионально-личностное развитие.

Библиографический список

1. Климова А.С. Индивидуализация и дифференциация обучения аспирантов // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2016. – № 3(26). – С. 32-36.
2. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273 от 29 декабря 2012 г.: [Федеральный закон: принят Гос. Думой 21 дек. 2012 г. // Гарант.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70291362>.

ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

O.G. Ксенда

Белорусский государственный университет

В статье излагаются авторские позиции относительно подготовки специалистов в высшем образовании в условиях неопределенности. Рассматривается и описывается значимость деловых, ролевых и имитационных игр. Отмечается их высокий образовательный потенциал.

Ключевые слова: высшее образование; деловые, ролевые, имитационные игры.

TRAINING SPECIALISTS IN HIGHER EDUCATION IN CONDITIONS OF UNCERTAINTY

O.G. Ksionda

Belarussian State University

The article presents author's positions on training specialists in higher education in conditions of uncertainty. The importance of business, role and imitation games is considered and described. Their high educational potential is noted.

Keywords: higher education; business, role-playing, imitation games.

История человечества изобилует примерами временных периодов, когда происходила резкая смена формаций, быстрый технический прогресс, распад и образование государств, масштабные войны. Все они сопровождались переменами, которые несли в себе неопределенность. В житейском понимании это слово сопряжено с невозможностью предугадать ближайшее и перспективное будущее, соотнести причины и последствия происходящих перемен.

В 90-е годы XX века на всем постсоветском пространстве также наблюдался период неопределенности. Он был связан с распадом большой страны, с изменением экономических приоритетов и системы ценностей, социальными переменами. Адаптация людей к происходящим переменам была очень сложной, многие не смогли перестроиться и найти себя в изменившемся мире. Психологи называли наиболее вероятной причиной дезадаптации неумение меняться самому, которое в тех поколениях было утрачено по причине длительного периода стабильности, пусть и мнимой, но декларируемой, когда люди знали и могли планировать будущее, просчитывать последствия принимаемых стратегических решений в собственной приватной жизни (например, обучение в вузе, переезд в другой город, крупные приобретения). В государственном строе семьдесят лет не было никаких перемен, экономика существовала по определенным механизмам, социальные ценности были длительное время неизменны.

Сегодня разворачиванию неопределенности в широком масштабе способствует технический рывок в области информационных технологий. Конечно, сравнивать нынешнее время с периодом «лихих девяностых» не имеет смысла, однако оттуда тянутся нити, связывающие поколение родителей, переживших сложное время и поколение детей, ими выращенных.

Взрослые люди, нынешние родители 40-50 лет пережили 90-е, будучи молодыми. Они учились, как говорили тогда, «крутиться» и «пробиваться». Это означало найти свое место в жизни и работе, достигнуть определенных успехов, адаптироваться к меняющимся условиям или требованиям. Так выросло психологически достаточно закаленное поколение. Однако это поколение, пережив период неопределенности в обществе, вырастило другое поколение – своих детей – которых оно оберегало, чтобы им не досталось трудностей в жизни. И в итоге выросло новое поколение, нынешняя молодежь (от 20 до 30 лет), которое отличается своего рода вы-

ученой беспомощностью. Они не умеют, боятся и не хотят жить в неопределенности. Родители, оберегая их, лишили психологической закалки. И теперь продолжают это делать: отправляют учиться в вуз (пусть платно, но будет высшее образование, что с ним делать – подумаем потом), устраивают на работу, часто не только помогают материально, но и содержат.

Современная молодежь отличается деформацией жизненных ценностей, их подчинением массовой культуре, инфантилизацией, стремлением к легкой и беззаботной жизни, реалистичностью жизненных планов, преобладанием материальных ценностей над духовными, ориентацией на материальное благополучие, отсутствием определенных и четких жизненных стратегий (все в жизни появится само собой, вдруг, как-нибудь) [2].

Все перечисленные факторы являются основанием серьезной проблемы: подготовки молодого поколения к будущей жизни и профессиональной деятельности. И если первая часть решается обществом, его социальными институтами (семьей, системой образования, средствами массовой информации и культуры), то вторая часть – прерогатива высшего образования. Цель деятельности которого сегодня – не только дать профессиональные знания и развить профессиональные навыки, но и научить молодое поколение как выстоять в условиях неопределенности.

В связи с этим психологическая наука рассматривает существование психологического феномена «толерантность к неопределенности». Это понятие введено в XX веке (Т. Адорно, Д. Левинсон, Р. Сэнфорд) и отражает способность справляться со сложностью окружающего мира [1].

В целом, толерантность к неопределенности является устойчивой чертой личности, отражает «общий способ реагирования на ситуации неопределенности и пребывания в них», позволяет человеку в непривычной сложной ситуации видеть возможность собственного развития, проявления своих способностей, умений и навыков, чувствовать себя психологически комфортно, искать пути решения. Именно возможность меняться и позволяет человеку выжить в непредсказуемом мире [5, 6, 7].

Чаще всего готовность принимать неопределенность связывают с жизнестойкостью личности. Ученые отмечают: «Социально-политическая нестабильность, экономический кризис, падение морально-нравственных ценностей, жесткая конкуренция – таковы общепринятые характеристики современного общества. Готовность преодолевать возникающие жизненные трудности, выносливость, позволяющая в меньшей степени зависеть от ситуативных переживаний, преодолевать постоянную базовую тревогу, особенно в ситуации неопределенности и необходимости выбора может определяться уровнем жизнестойкости» [8, с. 67].

Мы полагаем, что независимо от личностных особенностей студентов и, в частности, их жизнестойкости, сегодня миссия высшего образования – развивать профессиональные умения в условиях неопределенности. При подготовке специалистов современные технологии обучения дают возможность подготовиться к ситуациям неопределенности в будущей работе.

Так при подготовке психологов мы много лет используем цифровые технологии, а также деловые, имитационные и ролевые игры [3, 4].

Первые представляют собой решение кейсов. Кейсы есть описание некоего рабочего процесса, который не завершен. Студентам предлагается представить возможные варианты решения ситуации. Эти варианты обсуждаются, анализируются преимущества и недостатки каждого решения. В этом случае студенты получают знаниевый опыт: что можно будет сделать, если это произойдет в реальной профессиональной деятельности.

При проведении имитационных и ролевых игр у учащихся есть возможность приобрести еще и эмоциональный опыт, пережить хотя бы в игре реальную ситуацию. Студенты проигрывают рабочие ситуации, встречающиеся в деятельности психолога. Эти игры могут иметь определенный сценарий, а могут быть с открытым финалом.

В первом случае между учащимися распределяются роли, они знакомятся со сценарием и проигрывают его в предложенном варианте. Затем проходит обсуждение. Участники высказываются о своих чувствах в данной роли, о том, получилось ли у них проиграть именно эту роль. Разбирается с преподавателем сама ситуация, вариант ее разрешения, предложенный в сценарии.

Игры с открытым финалом максимально приближены к реальной деятельности. Участники получают роли и начало ситуации. Затем в процессе игры они должны проиграть свои будущие профессиональные действия. После чего обсуждение происходит по предыдущей схеме.

Ролевые и имитационные игры дополняются поиском телевизионных или мульт-версий схожей ситуации, обсуждением представленных на видео феноменов. Поисковая активность в интернет-пространстве значительно активизирует аудиторию. Такие способы обучения дают возможность молодым людям оценить качество своих знаний, нашупать возможности их перевода из теоретической плоскости в практическую деятельность, тем самым в какой-то мере подготовиться к будущей неопределенности в сфере деятельности. С другой стороны, они позволяют не только «увидеть» будущую деятельность, но и «прочувствовать» ее, эмоционально пережив проигрываемые события, действия, коммуникативные акты, а также последствия действий и высказываний (так сказать, «побывать в шкуре» специалиста-психолога).

Участвуют студенты в играх достаточно активно и с удовольствием. Их отзывы о занятиях в основной массе положительные. Приведем примеры некоторых высказываний (сохранены авторские тексты):

– Боже, как тяжело и сложно! Оказывается, я и не представляла, что так буду себя чувствовать: растерянно и неуверенно (студентка М. читала мини-лекцию в рамках курса «Методика преподавания психологии»).

– Как здорово, что я согласился стать участником. Я посидел в этом кресле и почувствовал, что мне реально не хватает слов, чтобы объяснить, что я хочу!!! (студентка П. участвовала в игре «Психологическое консультирование родителей по подготовке детей к школе»).

– Круто, очень круто. Если б можно было всю учебу проиграть! Так сразу учишься, что делать, смотришь, что работает, что нет. Чувствуешь, что у тебя получается, а что не получается. Сразу лезут дырки в знаниях! (студент А. после работы на имитационной игре «Судебное заседание» в рамках дисциплины «Юридическая психология»).

– Жаль, что с нами так мало играют. Хоть попробуем, что и как делать. Вот бы еще непосредственной практики побольше (студент И., участвовал в игре «Психологическая помощь»).

Мы полагаем, что именно игровая деятельность на занятиях способствует активизации студентов по усвоению информационного материала, повышает его значимость. Также она соответствует характеристикам нового поколения учащихся и их запросам относительно образования, но требует пересмотра преподавателями собственного отношения к учебному процессу и его организации. Однако именно такое обучение подготовить молодежь к ситуациям неопределенности, позволит ей адекватно реагировать на них и адаптироваться к профессиональной деятельности.

Библиографический список

1. Гусев А.И. К проблеме измерения толерантности к неопределенности // Практична психологія та соціальна робота, 2007. № 1. С. 21–28.
2. Ксенда О.Г. Жизненные цели и ценности подростков и молодежи // Психологическое сопровождение образования: теория и практика: сборник статей по материалам VII Международной научно-практической конференции 28-30 декабря 2016 года / под общ. ред. проф. Л.М. Попова, проф. Н.М. Швецова. – Йошкар-Ола: ООО ИПФ «СТРИНГ», 2017. – 475 с. – С. 224-229.
3. Ксёнда О.Г. Цифровые технологии в современном образовательном процессе // Система менеджмента качества и качество преподавания: материалы XIV науч.-метод. конф. факультета философии и социальных наук БГУ, Минск, 28 марта 2017 г. / Редкол.: А.А. Легчилин, Е.В. Беляева. – Минск: БГУ, 2017. С. 37-38.

4. Ксёнда О.Г., Метлицкий И.Е. Использование имитационных и ролевых игр в подготовке психологов // Система менеджмента качества и качество преподавания: материалы XIV науч.-метод. конф. факультета философии и социальных наук БГУ, Минск, 28 марта 2017 г. / Редкол.: А.А. Легчинин, Е.В. Беляева. – Минск: БГУ, 2017. С. 39-49.
5. Леонтьев Д.А. Личность в непредсказуемом мире // Методология и история психологии, 2010. Т.5. Вып. 3. С.120-140.
6. Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности: Сборник научных статей III Международной научно-практической конференции / Под ред. Р.В. Кадырова. Владивосток: Морской государственный университет, 2014. – 376 с.
7. Одинцева Е.Ю. Связь толерантности к неопределенности с жизнестойкостью и креативностью (на материале подросткового возраста). – [Электронный ресурс]: conf.srukras.ru/sites/mn2013/thesis/s084/s084-026.pdf(дата обращения 12.03.2018).
8. Терехова Т.А., Трофимова Е.Л. Связь жизнестойкости с профессиональным поведением студентов русской и бурятской национальностей // Психология в экономике и управлении, 2015. Т. 7. № 1. С. 65–72.

УДК 159.9

КОНЦЕПЦИЯ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ В ПРАКТИКЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ЗАМЕЩАЮЩИХ СЕМЕЙ

T.Yu. Lotareva

ГБУ ЦССВ «Наш дом», Москва

Ребенок-сирота является субъектом различных социальных отношений, поэтому структурирование деятельности специалистов ГБУ ЦССВ «Наш дом», работающих с замещающими семьями, происходит с использованием концепции жизнеспособности семьи и ребенка в рамках экологического подхода. Приемный ребенок рассматривается в четырех контекстах: как личность, как субъект отношений и член кровной и замещающей семьи, как субъект взаимодействия с официальными структурами и организациями, и наконец, как часть общества. В статье описаны характеристики ребенка-сироты, замещающей семьи и их непосредственного социального окружения, которые выступают предикторами жизнеспособности и предметом сопровождения замещающих семей и составляют ориентированную основу в профессиональной деятельности.

Ключевые слова: жизнеспособность, жизнеспособность ребенка, жизнеспособность семьи, дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, замещающая семья, сопровождение замещающих семей, экологический подход.

RESILIENCE AS A CONCEPT OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL FOSTER FAMILIES SUPPORT

T.Yu. Lotareva

GBI CPFE «Nash dom», Moscow

The orphan is a subject of various social relations, so the activities of specialists of GBI CPFE "Nash dom" working with foster families, using the resilience as a concept of the ecological approach. The orphan is considered in four contexts: as a person, as a subject of relations and a member of the blood and foster family, as a subject of interaction with official structures and organizations, and finally as a part of society. The article describes the characteristics of an orphan child, a foster family and their immediate social environment, which are the predictors of resilience and the subject of support for foster families.

Keywords: resilience, child resilience, family resilience, orphans, foster family, support of foster families, ecological approach.

В практике психологического и социального сопровождения замещающих семей специалистам важно иметь ориентир в виде характеристик замещающей семьи, приемного ребенка и внешних социальных ресурсов, обеспечивающих развитие и благоприятную адаптацию семьи как системы и приемного ребенка к изменениям, и той социальной реальности, в которой они находятся.

Приемный ребенок в своем «анамнезе» зачастую имеет травмы привязанности, депривацию, опыт насилия и пренебрежения нуждами. Часто отмечается затруднение решения возрастных задач развития. В связи с чем большое значение приобретает ближайшая социальная среда, которая могла бы отвечать потребностям развития ребенка, была бы способна выдержать последствия травматичного опыта ребенка, обеспечила необходимую реабилитацию, а впоследствии гарантировала благоприятную интеграцию подопечного в социум. Решение этих задач ложится на плечи замещающих семей и сопровождающие организации. Сочетание большого числа рисков и стрессоров в ситуации воспитания приемного ребенка актуализирует проблему исследования ресурсов замещающих семей, помогающих в преодолении трудностей и совладания со стрессами. Опорой в решении исследовательских и практических задач в деятельности сопровождения замещающих семей может выступать концепция жизнеспособности.

Термин «жизнеспособность» начал свою историю развития в рамках технических и естественных научных дисциплин и получил широкое распространение в области гуманитарных наук как феномен «жизнеспособности человека». Б.Г. Ананьев [1] под жизнеспособностью понимал потенциал развития человека, имея в виду общую способность к эффективному функционированию, которая соотносится с высоким уровнем жизненных функций, с наиболее активными и продуктивными фазами человеческой жизни [2]. В дальнейшем в психологической науке стало происходить активное развитие этого понятия (S.R. Maddi, A. Masten, N. Garmezy и др.). Данные об исследованиях жизнеспособности широко освещены в статьях А.В. Махнача, А.И. Лактионовой (2007 – 2017), которые под жизнеспособностью человека понимают «...способность человека к управлению собственными ресурсами, обеспечивающими высокий предел личностной психической адаптации в контексте развития личности, а также социальной и профессиональной самореализации человека в условиях социальных, культурных норм и средовых условий» [6, с. 113].

Осознанная в психологической науке необходимость изучения феномена жизнеспособности человека, в контексте средовых условий привела к тому, что в последнее время делается акцент на экологическом подходе: разрабатывается четырехуровневая экологическая модель [21], применяемая к отдельным возрастным группам. В исследованиях анализируются четыре области: 1 – черты личности и индивидуальные характеристики, 2 – системы отношений индивида, 3 – влияние на него отдельных организаций, 4 – влияние общества и государства, а также фактор включенности человека в культуру, культурную традицию.

Актуальность исследования жизнеспособности человека зачастую обусловлена выраженными факторами риска в виде экологических и социальных катастроф [18] или неблагоприятных условий развития [17; 20]. Исследования второго типа зачастую связаны с изучением жизнеспособности детей различных групп риска: детей, находящихся в трудной жизненной ситуации [20; 22], подростков [7] и детей-сирот [9] как особой социальной группы.

В данной статье на основании анализа литературных источников и опыта сопровождения замещающих семей описаны исследованные ранее характеристики замещающей семьи и ребенка-сироты, выступающие предикторами их жизнеспособности. Характеристики жизнеспособности замещающей семьи и ребенка-сироты систематизированы согласно уровням:

Микросистемный уровень, который включает личность приемного ребенка и систему его социальных отношений со значимыми взрослыми, а также фигуры самих значимых взрослых с

их личностными особенностями и историей. Микросистемный уровень ребенка-сироты специфичен, поскольку включает одну и более микросистем (кровная семья, замещающая семья) и целый ряд представителей таких организаций как органы опеки и попечительства, некоммерческие организации, интернатные учреждения, службы сопровождения, пансионаты и больницы. Это положение подтверждается результатами теста «Сетевая карта», в котором более половины исследованных нами приемных детей-подростков (10 из 18) выделяют инспектора органов опеки и попечительства в качестве важной фигуры в их социальном пространстве, а 8 подростков включили в свою социальную сеть специалистов службы сопровождения, 2 подростков указали на значение в их жизни специалистов реабилитационных центров. В связи с чем, на наш взгляд, традиционно рассматриваемые в науке факторы мезосистемного и экзосистемного уровней можно отнести к микросистеме ребенка-сироты, воспитывающегося в замещающей семье, имея в виду одновременную включенность в социальное пространство ребенка нескольких семейных систем и специалистов различных организаций.

Макросистемный уровень, включает общественные структуры и организации, влияющие на замещающую семью и приемного ребенка, на этом уровне приемный ребенок рассматривается как субъект социализации и интеграции в социум в широком смысле, а замещающая семья как особая социальная группа.

Согласно описанными предикторам жизнеспособности на каждом из уровней, приведены данные из практики социально-психологической работы с замещающими семьями службы сопровождения ГБУ ЦССВ «Наш дом», иллюстрирующие применение концепции жизнеспособности в непосредственной работе с семьями.

Теоретическое значение данной работы состоит в том, что система характеристик жизнеспособности дает возможность выдвигать гипотезы о значении тех или иных экологических факторов для развития замещающей семьи и ребенка, а в дальнейшем предоставит возможность системного изучения феномена жизнеспособности замещающих семей. Практическое значение заключается в том, что обобщенная система представлений о жизнеспособности замещающей семьи может выступать ориентировочной основой деятельности (по П.Я. Гальперину) [4] для специалистов служб сопровождения, которая необходима в практике консультирования, построения обучающих и реабилитационных программ для замещающих семей, приемных детей и кандидатов в приемные родители.

Предикторы жизнеспособности замещающей семьи (микросистемный уровень)

Изначально «жизнеспособные дети» определял тех детей, которые, несмотря на выраженные средовые факторы риска, демонстрировали способность к развитию и успешной социализации [20; 22]. В 70-х годах в курсе детской психопатологии ученый Гармези применил термин «неуязвимый» (vulnerability) ребенок [16] для описания личностных и социальных изменений в жизни детей и подростков, выживающих в неблагоприятных условиях жизни. Данные этих исследований породили большой пласт работ, посвященных анализу семейных ресурсов и родительских компетенций, детерминирующих жизнеспособность ребенка.

В дальнейшем эти представления были дополнены, исследовались средовые факторы, способствующие развитию жизнеспособного ребенка. Исследователь Fran Horowitz выделила понятие «содействующая» среда для ребенка. По мнению автора, окружающую среду можно назвать содействующей, если ребенок имеет любящих и отзывчивых родителей и получает достаточно стимулов и впечатлений из внешнего мира. Вместе с тем F. Horowitz заметила, что жизнеспособный ребенок в неподдерживающем окружении может быть вполне успешным, поскольку такой ребенок способен извлечь выгоду из доступных возможностей ситуации. Сходным образом уязвимый ребенок может быть успешным при благоприятных средовых условиях. Согласно модели F. Horowitz, только сочетание двух крайностей – уязвимого ребенка и негативной окружающей среды – приводит к негативному результату [17].

М.С. Егорова и соавторы подчеркивают значение индивидуальной среды для ребенка [5]. Основной задачей среды выступает содействие и помочь ребенку в развитии саморегуляции и социально-ориентированного совладающего поведения [7] и усиление его внутриличностных ресурсов [8]. При этом ключевое значение в формировании жизнеспособного ребенка имеет привязанность [3]. Э. Мастен подчеркивает значение опыта надежной привязанности в развитии жизнеспособного человека и его способность в дальнейшем обеспечивать стабильные доброжелательные отношения с членами своей семьи и со своим социальным окружением [19], а в более ранних работах автор развивает идею о том, что важной составляющей развития жизнеспособного ребенка является родительская эффективность [18].

Таким образом, предикторами жизнеспособности замещающей семьи микросистемного уровня являются:

- личностные ресурсы ребенка такие как доверие к миру, самостоятельность, способность к саморегуляции, признаки успешной социализации и адаптации;
- опыт надежной привязанности ребенка на ранних стадиях развития;
- содействующая в развитии среда;
- эффективные родители.

Опыт работы с замещающими семьями показывает, что сопровождение на микросистемном уровне составляет большую часть мероприятий в индивидуальных программах сопровождения семей. Поскольку консультирование членов семьи по социально-правовым и психолого-педагогическим вопросам, индивидуальные коррекционно-развивающие занятия и детско-родительские психологические консультации являются наиболее востребованными формами помощи. Основными объектами помощи на этом уровне являются: приемный ребенок, родитель, детско-родительские отношения, отношения между детьми (детская подсистема).

В последнее время уделяется внимание проблеме угрозы отказов от приемных детей [9; 13]. Отказ от ребенка является весьма травматичным процессом как для всех его участников, и безусловно несет в себе угрозу жизнеспособности семьи и ребенка-сироты. В связи с чем, нами была проанализирована связь между такими характеристиками замещающих семей как: ситуация отказа от ребенка, опыт семейных отношений самих приемных родителей и опыт насилия в жизни ребенка. Результаты нашего исследования позволяют говорить о таких факторах риска отказа от детей как:

- опыт собственной травмы привязанности у приемных родителей,
- опыт перенесенного насилия в жизни ребенка [11].

Полученные данные указывают на необходимость:

- 1) совершенствования программ подготовки замещающих родителей, в ходе прохождения которых должно происходить осознание своего детского опыта и переоценка собственных личностных ресурсов как будущих приемных родителей;
- 2) создания программ подбора замещающих семей для ребенка;
- 3) создания системы помощи для замещающих семей, воспитывающих ребенка, пережившего насилие [11].

Предикторы жизнеспособности замещающей семьи (макросистемный уровень)

Несмотря на большой объем работы с замещающими семьями, направленный на решение задач микросистемного уровня, мы как специалисты всегда находимся в контексте социального заказа, связанного с задачей интеграции ребенка-сироты в общество. Решение задач макросоциального уровня приобретают все большее значение по мере взросления ребенка.

По достижении подросткового возраста перед ребенком встают задачи развития идентичности [15] и формирования своей личной профессиональной перспективы [14]. При этом «контракт» между замещающей семьей и государством подходит к концу. Наш опыт показывает, что предиктором жизнеспособности ребенка-сироты являются установки родителей,

связанные с непрерывностью отношений с подопечным после достижения им совершеннолетия. В семьях, где замещающие родители, ориентированы на потребности и сигналы ребенка в процессе сепарации, дети демонстрируют готовность к сотрудничеству со взрослым по вопросам личной профессиональной перспективы, в отличии от тех детей, где родители ориентированы на завершение отношений с ребенком по достижение им 18-летия [11].

Еще одним важным «фронтом работы» в сопровождении семей является работа с образовательными учреждениями подопечных. Наряду с замещающей семьей пространство образовательного учреждения также должно стать для приемного ребенка средой содействующей его развитию, поскольку сложно переоценить роль школы в решении вопросов социализации: развития социальных навыков, отношений со сверстниками и учителями, подготовки к дальнейшему обучению, участия в программах культурного развития и творческого самовыражения и т.д.

Согласно нашей статистике лишь 12 из 37, т.е. примерно 33 % приемных детей не нуждаются в особых условиях обучения, не зависимо от той программы, по которой они обучаются (7 вида, 8 вида или общеобразовательной). Эти дети успешно справляются как с учебной программой, так и с задачей соблюдения школьных правил, имеют хорошие отношения с учителями и сверстниками. В то время как большинство приемных детей нуждаются в реализации индивидуального подхода со стороны педагогического коллектива в виде адекватных коррекционно-развивающих педагогических воздействий, предоставления возможности получения консультаций по определенным предметам, дополнительного контроля знаний и т.д. Учебные учреждения, в которых обучаются подопечные можно проранжировать по критерию готовности реализации индивидуального подхода в отношении детей, имеющих трудности в обучении: 1 – не обеспечивающие индивидуальный подход, 2 – готовые обеспечивать, но не имеющие опыта эффективной работы с такими случаями, 3 – готовые обеспечить индивидуальный подход к ребенку и имеющие опыт успешной работы с «трудными» детьми.

В учреждениях первого типа подопечные демонстрируют наиболее выраженные признаки дезадаптации. Частым итогом сопровождения является временный перевод ребенка на надомное обучение или смена учебного заведения. С учреждениями второй группы зачастую необходимо проделать работу, направленную на актуализацию необходимых ресурсов школы: поиск педагогов, готовых к реализации индивидуального подхода, проведение внутриведомственных консилиумов, обсуждение рекомендаций по обучению ребенка, имеющего определенные трудности. Стратегия сопровождения учреждений третьего типа зачастую заключается в педагогическом взаимодействии с коллективом школы в виде межведомственных консилиумов и участия специалистов в Совете по профилактике безнадзорности и правонарушений, в целях выработки стратегии помощи ребенку и сотрудничества с законными представителями по вопросам комплексной целенаправленной коррекционно-развивающей и социальной работы с семьей и ребенком. Итогом такой комплексной работы является достаточно быстрая коррекция поведения ребенка, организация системы дополнительного обучения в виде индивидуальных занятий с учителем-дефектологом, логопедом, репетиторами. Ребенок чувствует внимание к своей персоне и своим потребностям развития, что создает условия для компенсации депривационных нарушений, ликвидации педагогической запущенности и снижает уровень стресса для всех членов семьи.

Таким образом, готовность образовательного учреждения к осуществлению индивидуального подхода к ребенку и участию в комплексной программе помощи можно считать предиктором жизнеспособности приемного ребенка, имеющего трудности в обучении.

Заключение

Ориентировочной основой в деятельности по сопровождению замещающих семей должна быть не только нормативная база (ФЗ № 12, 433-ПП и др.), которая отражает приоритеты социальной политики, но и наука о семье и ребенке [10].

В своей работе специалисты служб сопровождения строят работу, основываясь на:

- теориях возрастных периодизаций и развития ребенка (Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин, Э. Эриксон и др.),
- теории привязанности (Дж. Боулби, К. Бриш, Г. Ньюфельд и др.),
- системной семейной психотерапии (А.Я. Варга, С.И. Минухин и др.).

Концепция жизнеспособности семьи и ребенка интегрирует достижения социальных, педагогических и психологических наук о человеке, поскольку направлена на изучение способности человека или семейной системы к преодолению кризисов, совладанию с трудностями и развитию в контексте заданных условий.

В деятельности по сопровождению замещающих семей специалисты ГБУ ЦССВ «Наш дом» учитывают микросистемные и макросистемные факторы, выступающие предикторами жизнеспособности семьи и ребенка. Опора на концепцию жизнеспособности:

- дает возможность реализации комплексной помощи замещающей семье на разных экологических уровнях,
- позволяет расширять представления о факторах защиты и факторах риска для жизнеспособности замещающей семьи и приемного ребенка,
- позволяет определить направления для совершенствования профессиональной деятельности в области подготовки, отбора и сопровождения замещающих семей.

Библиографический список

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. 339 с.
2. Джидарьян И.А. Гуманистический смысл идеи Б. Г. Ананьева о системном человекознании // Методология комплексного человекознания и современная психология. М., 2008.
3. Бриш К. Теория привязанности и воспитание счастливых людей. М.: Теревинф, 2014.
4. Гальперин П.Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий // Исследования мышления в советской психологии. М., 1966. С. 236 – 277.
5. Егорова М.С., Зырянова Н.М., Паршикова О.В., Пьянкова С.Д., Черткова Ю.Д. Генотип. Среда. Развитие. М.: ОГИ, 2004.
6. Лактионова А.И. Структурно-уровневая организация жизнеспособности как метаспособности // Личность профессионала в современном мире / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2013. – С. 109-126.
7. Лактионова А.И. Жизнеспособность как ресурс социальной адаптации у подростков // Психологические исследования проблем современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 232–253.
8. Лактионова А.И. Микро- и макросоциальные факторы жизнеспособности в детском и подростковом возрасте // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология 2016. Том 1. № 2. С. 115-138.
9. Лактионова А.И., Махнач А.В. Жизнеспособность и социальная адаптация подростков-сирот // Проблема сиротства в современной России: Психологический аспект / Отв. ред. А.В. Махнач, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С.193-223.
10. Лотарева Т.Ю. Особенности психологического сопровождения замещающих семей // Приемная семья. 2014. № 2. С. 38–40.
11. Лотарева Т.Ю. Риски отказа от приемных детей: причины и «мишени» в практике подготовки и сопровождения замещающих семей // Современная социальная работа: тенденции и перспективы: коллективная монография / отв. Ред. А.Ю. Нагорнова. – Ульяновск: Зебра, 2018. С. 79-84
12. Махнач А.В. Диагностика жизнеспособности и ресурсности замещающих семей как условие профилактики отказов от приемных детей // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. М., 2016. Т. 1. № 1. С. 227-253.
13. Петрановская Л. Истощенный ресурс приемных родителей в период адаптации. Риски и советы. 13 июня 2016 г. <https://changeonelife.ua/news/lyudmila-petranovska-visnazhenij-resurs>

14. Пряжников Н.С. Профессиональное самоопределение: теория и практика. М.: «Академия», 2007. 503 с.
15. Эриксон Э. Детство и общество. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Пер. с англ. СПб.: Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996.
16. Garmezy N. Vulnerable and invulnerable children: theory, research and intervention // Catalog of Selected Documents in Psychology. 1976. V. 6. № 4. P. 1-23.
17. Horowitz F.D. Exploring developmental theories: Toward a structural/behavioral model of development. Hillsdale, NJ: Erlbaum. 1987.
18. Masten A.S. Ordinary magic: Resilience processes in development // American Psychologist. 2001. V. 56. P. 227-38.
19. Masten A.S., Obradovic J. Disaster preparation and recovery: lessons from research on resilience in human development // Ecology and Society. 2007. URL: <http://www.ecologyandsociety.org/vol13/iss1/art9/>
20. Scoville M.C. Wartime tasks of psychiatric social workers in Great Britain // American Journal of Psychiatry. 1942. V. 99. № 3. P. 358-363.
21. Ungar, M., Liebenberg, L. The international Resilience Project: A mixed methods approach to the study of resilience across cultures // Handbook and Youth: Pathways to Resilience across Cultures and Contexts / M. Ungar (Ed.)/ Thousand Oaks, Sage, 2005. P. 211-226.
22. Werner E.E., Smith R.S. Overcoming the odds: High risk children from birth to adulthood. Ithaca, NY; Cornell University Press, 1992.

УДК 378.02

ПРИМЕНЕНИЕ АКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ЗАНЯТИЙ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

***Л.А. Марченкова
ФГБОУ ВО «СамГТУ»***

Рассматривается актуальность применения активных методов обучения при проведении занятий в техническом вузе в процессе профессиональной подготовки будущих инженеров. Для совершенствования и активизации учебного процесса необходимо знать и учитывать те особенности обучения в высшей школе, которые обуславливают необходимость перестройки сложившихся стереотипов учебной работы и применение новых умений и навыков учебно-познавательной деятельности. Ориентация на активное обучение стала одним из значимых компонентов стратегии перестройки профессионального образования в высших учебных заведениях. Активные методы обучения направлены на совершенствование учебного процесса и создают условия для формирования и закрепления новых знаний, умений и навыков, создание необходимые условия для развития умений самостоятельно мыслить, ориентироваться в новой ситуации, находить свои подходы к решению проблем, что оказывает большое влияние на подготовку студентов к будущей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: активные методы обучения, вербальные компетенции, компетентностный подход, методики и технологии обучения.

APPLICATION OF ACTIVE METHODS OF TRAINING IN CONDUCTING LESSONS IN TECHNICAL UNIVERSITY

***L.A. Marchenkova
Samara State Technical University***

Relevance of application of active methods of training when training in technical college in the course of vocational training of future engineers is considered. For improvement and activization of educational process it is necessary to know and consider those features of training at the higher school which cause need of reorganization of the developed stereotypes of study and use of new skills of educational cognitive activity. Orientation to active training became one of significant components of

strategy of reorganization of professional education in higher educational institutions. Active methods of training are directed to improvement of educational process and necessary conditions for development of abilities to think, be guided independently in a new situation, to find the approaches to the solution of problems that exerts a great influence not training of students for future professional activity create conditions for formation and fixing of new knowledge, skills, creation.

Keywords: active methods of training, verbal competences, competence-based approach, techniques and technologies of training.

Особенностями современного образования в настоящее время становится его ориентация на «свободное развитие человека», развитие его творческой инициативы, самостоятельность обучаемых, конкурентоспособность и мобильность будущих специалистов. Новые принципы образования, выдвинутые самой жизнью – гуманизация и демократизация, – влекут за собой коренной пересмотр содержания, форм, методов и средств обучения. Согласно современной концепции, общеобразовательная школа должна формировать новую систему универсальных знаний, умений, навыков, опыт самостоятельной деятельности и личной ответственности обучающихся, то есть современные ключевые компетенции [1, с. 158-164]. Это касается и профессионального образования.

В современных условиях образование играет значительную роль в процессе формирования личности, ее развитии, воспитании и социализации в целом. В связи с этим изменяются характер и функции профессионального образования: оно должно не только передавать знания, формировать умения, но и развивать творческие способности, готовить будущих специалистов к самостоятельным действиям и умению принимать самостоятельные решения. При этом качественно меняется и характер взаимодействия преподавателя и студентов. Педагог становится организатором процесса обучения, а студент не столько объектом, сколько субъектом этого процесса. Вместе с тем, анализ традиционных форм, методов и средств организации и проведения занятий в процессе обучения показывает, что восприятие и усвоение информации в учебном процессе чаще всего носит повествовательный характер и в основном предполагают активность преподавателя при передачи информации. При анализе занятия, основное внимание уделяется деятельности преподавателя и часто без внимания остается тот факт, что для успешного овладения учебным материалом необходима мыследеятельность самого студента.

Таким образом современная ситуация в преподавании требует коренного изменения стратегии и тактики обучения и акценты при изучении учебных дисциплин переносятся на процесс познания, эффективность которого полностью зависит от познавательной активности самого студента. Для совершенствования и активизации учебного процесса необходимо знать и учитывать те особенности обучения в высшей школе, которые обусловливают необходимость перестройки сложившихся стереотипов учебной работы и применение новых умений и навыков учебно-познавательной деятельности. Ориентация на активное обучение стала одним из значимых компонентов стратегии перестройки профессионального образования в высших учебных заведениях. Активное обучение – это, прежде всего новые формы, методы и средства обучения, получившие название активных. Большое значение в активизации процессов обучения имеет комплексное и целенаправленное использование технических средств, однако, главное в учебном процессе – активность студента [2, с.136-144]. Рассматривая необходимость использования активных методов обучения можно отметить, что современное образование открывает перед педагогом широкий выбор решений теоретических и практических задач.

Анализируя методы активного обучения, использование наиболее эффективных методик и технологий обучения, необходимо помнить, что метод обучения – это способ взаимосвязанной деятельности преподавателя и учащихся, направленный на решение комплексных

задач учебного процесса. Методика обучения – система научно обоснованных методов, правил и приемов обучения предмету. Технология обучения – систематичное и последовательное воплощение на практике заранее спроектированного процесса обучения, система способов и средств достижения целей и управления процессом обучения [3, с. 65].

Рассматривая методы активного обучения, необходимо учитывать большое количество разнообразных суждений и классификаций, связанных с определением этого понятия в педагогической практике.

Свой вклад в развитие активных методов обучения внесли А.М. Матюшкин, Т.В. Кудрявцев, М.И. Махмутов, И.Я. Лerner, М.М. Леви и др. А.М. Матюшкин в своих работах обосновал необходимость использования активных методов во всех видах учебной работы, ввел понятие диалогического проблемного обучения как наиболее полно передающего сущность процессов совместной деятельности преподавателя и обучающегося, их взаимной активности в рамках «субъект – субъектных» отношений [6, с. 57-61].

Рассматривая различные определения, можно сделать вывод, что активные методы обучения – это способы активизации учебно-познавательной деятельности студентов, которые побуждают их к активной мыслительной и практической деятельности в процессе овладения материалом, когда активен не только преподаватель, но и студенты [6, с. 57-61].

Е.А. Литвиненко и В.И. Рыбальский считают, что при использовании активных методов обучения, обучаемый находится в условиях, когда он не может не быть активным. В активных методах обучения имеет место принудительная активизация мышления и поведения обучаемого, т.е. это вынужденная активность [4].

А.М. Смолкин дает следующее определение активным методам обучения: «Активные методы обучения – это способы активизации учебно-познавательной деятельности студентов, которые побуждают их к активной мыслительной и практической деятельности в процессе овладения материалом, когда активен не только преподаватель, но активны и студенты» [5, с. 20].

Таким образом, применение методов активного обучения стимулирует мышление при использовании конкретных проблемных ситуаций и проведении деловых игр, облегчают запоминание при выделении главного на практических занятиях, возбуждают интерес к изучаемому предмету и вырабатывают потребность к самостоятельному приобретению знаний [6, с. 57-61].

Рассмотрим некоторые наиболее признанные и эффективные активные методы обучения, применяемые при проведении занятий.

Проблемная лекция. С помощью проблемной лекции обеспечивается достижение таких дидактических целей как – усвоение студентами теоретических знаний, развитие теоретического мышления и формирование познавательного интереса к содержанию учебного предмета и профессиональной мотивации будущего специалиста.

Дискуссия, как метод обучения, представляет собой специально запрограммированное свободное обсуждение теоретических вопросов учебной программы, которые обычно начинаются с постановки вопроса. Дискуссия может использоваться на таких групповых формах занятий как семинары, практикумы, лабораторные и практические занятия.

Метод «мозговой атаки» как метод обучения не слишком широко применяется в практике обучения в высшей школе. Суть метода заключается в поиске ответа участников на любую сложную проблему с помощью активных предложений, высказываний, всевозможных идей, догадок, К достоинствам метода можно отнести активный обмен мнениями участников, что улучшает навыки общения, повышает способность аргументировано излагать собственную точку зрения в процессе дискуссии.

Метод «круглого стола», при котором в процессе обучения повышается эффективность усвоения теоретических вопросов и проблем путем рассмотрения их в разных научных аспектах. При этом участники имеют возможность высказывать собственные суждения.

«Кейс-метод» заключается в анализе конкретных ситуаций, что помогает развивать навыки четко и точно излагать собственную точку зрения в устной и письменной форме, убедительно отстаивать и защищать свою точку зрения.

Обычно активные методы обучения применяются в комплексе с традиционными методами и охватывают все виды аудиторных занятий. Таким образом, можно сделать вывод, что активные методы получают применение во многих технологиях обучения. Они направлены на совершенствование учебного процесса и создают условия для формирования и закрепления новых знаний, умений и навыков, создание необходимых условий для развития умений самостоятельно мыслить, ориентироваться в новой ситуации, находить свои подходы к решению проблем. Развиваются как творческие способности, так и устная речь студентов, умения формулировать и высказывать свою точку зрения, принимать участие в дискуссиях и общаться с другими людьми, активизируется мышление, что приводит к выработке новых, нетрадиционных подходов к решению профессиональных задач.

Библиографический список

1. Рябикова Е.Н., Марченкова Л.А. Формирование вербальных компетенций в процессе подготовки будущих инженеров. «Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология» № 2, 2015, с. 158-164.
2. Шамис В.А. Активные методы обучения в вузе. Сибирский торгово-экономический журнал, Выпуск № 14 / 2011. С. 136-144.
3. Сибирская М.П. Профессиональное обучение: педагогические технологии: учебное пособие. – СПб, 1996. – 100 с.
4. Игры, обучение, тренинг, досуг / Под ред. В.В. Петрушинского. В четырех книгах. – М.: Новая школа, 1994. – 368 с.
5. Смолкин А.М. Методы активного обучения. М., 1991. С. 176.
6. Шумова И.В. Активные методы обучения как способ повышения качества профессионального образования // Педагогика: традиции и инновации: материалы междунар. науч. конф. Т. II. 2011. С. 57-61.

УДК 378(075.8)

ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ В ПРОЦЕССЕ ЭВОЛЮЦИОННО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

H.M. Мельник
ФГБОУ ВО «СамГТУ»

В статье обосновывается необходимость формирования толерантности к неопределенности в условиях становления инновационной экономики. Доказывается, что толерантность к неопределенности формируется в процессе эволюционно-деятельностного образования за счет создания в сознании обучающегося целостного универсального системного образного представления профессиональной деятельности субъекта через семнадцать параметров порядка, системообразующей основой которых является деятельность как единственно исходно существующее. Рассматривается механизм параметрического управления производством актуального знания в нужное время, в нужном месте профессионального пространства. Делается вывод о том, что умение производить актуальное знание в нужное время, в нужном месте профессионального пространства позволяет специалисту воспринимать быстро меняющуюся, с высокой степенью неопределенности профессиональную среду как источник вдохновения и мотивации к созданию объектов с качественно новыми свойствами, как возможность профессионального самосовершенствования, карьерного роста, снимает психологические и информационные барьеры.

Ключевые слова: толерантность к неопределенности, эволюционно-деятельностное образование, интеллектуально-информационный континуум, деятельность, направление активности.

FORMATION OF TOLERANCE TO UNCERTAINTY IN THE PROCESS OF EDUCATION BASED ON EVOLUTION-ACTIVITY APPROACH

N.M. Melnik
Samara State Technical University

The article proves the necessity of forming tolerance for uncertainty in the conditions of the formation of the innovation economy. It is proved that tolerance to uncertainty is formed in the process of evolutionary activity formation due to the creation in the mind of the trainee of an integral, universal systemic image of the subject's professional activity through seventeen order parameters, the backbone of which is activity as the only source that exists. The mechanism of parametric control of the production of actual knowledge at the right time, at the right place in the professional space is considered. It is concluded that the ability to produce relevant knowledge at the right time, at the right place in the professional space, allows the specialist to perceive a rapidly changing, highly indefinite professional environment as a source of inspiration and motivation to create objects with qualitatively new properties, as an opportunity for professional self-improvement, career growth, removes psychological and information barriers.

Keywords: tolerance to uncertainty, evolutional-activity education, intellectual-information continuum, activity, activity direction.

Переход к передовым цифровым, интеллектуальным производственным технологиям, развитие систем обработки больших объемов данных, искусственного интеллекта, роботизированных систем создают принципиально новую, быстро меняющуюся среду профессиональной деятельности.

Одной из основных характеристик быстро меняющейся среды профессиональной деятельности является неопределенность.

С позиций наших исследований неопределенность означает:

- возможность возникновения абсолютно новой ситуации, ранее никогда не имевшей места. В понятии «ситуация» сочетаются объективное (внешнее, не зависящее от специалиста) и субъективное (воспринимаемое специалистом исходя из особенностей его внутреннего мира);
- высокую степень сложности ситуации, обусловленную большим количеством переменных;
- низкую степень предсказуемости, прогнозирования, предвидения развития ситуации;
- многозначность толкования контекстной информации;
- наличие факторов, при которых результаты действий не являются детерминированными, а степень возможного влияния этих факторов на результаты неизвестна;
- любой, в том числе непредсказуемый исход, при реализации традиционных конкретных способов действий.

Обобщая результаты многосторонних исследований мы пришли к выводу, что надежность и продуктивность профессиональной деятельности специалиста в условиях быстро меняющейся среды во многом определяются его толерантностью к неопределенности.

Под толерантностью к неопределенности мы понимаем позитивное отношение субъекта деятельности к вызовам профессиональной среды, воспринимаемым как новые возможности коэволюционного развития своего профессионализма и среды профессиональной деятельности.

Толерантный к неопределенности специалист способен:

- осознанно, ответственно принимать решения (в том числе и рискованные) на основе целостного системного видения профессиональной деятельности и её результатов;
- воспринимать принципиально новые многоаспектные условия профессиональной деятельности как источник инноваций;
- осмысливать изменение состояния объекта в зависимости от направления активности деятельности;

– испытывать позитивные эмоции в новых, неструктурированных, неоднозначных ситуациях, воспринимая их как возможность проявления своего профессионализма и карьерного роста.

Теоретический анализ отечественной и зарубежной литературы [1, 8, 9, 10] позволяет рассматривать толерантность к неопределенности как навык или процессуальную характеристику, регулирующую процесс переработки информации.

С этих позиций, толерантность к неопределенности проявляется в осмыщенном и ответственном принятии решения за счёт умения специалиста преодолевать информационную неопределенность в профессиональной деятельности на основе трансфера знаний в нужное время в нужное место профессионального пространства [6].

Развитие толерантности к неопределенности представляет одну из стратегически важных целей высшего образования в условиях быстро меняющейся среды профессиональной деятельности.

Однако традиционное высшее образование, в силу своей ориентации на знание, как форму информации, наполненную контекстом, основанным на прошлом опыте, жёсткую категоризацию информации, воспроизведение известных знаний, способов деятельности в рамках дисциплин учебного плана по определённому профилю подготовки, не способствует развитию у обучающихся толерантности к неопределенности.

Необходим качественно новый (эволюционно-деятельностный) подход к высшему образованию [3, 4], концептуальным исходным положением которого является восприятие профессиональной среды через единую деятельность, как основу преобразования этой среды.

Основой эволюционно-деятельностного подхода выступает структурированная особым образом целостная система знаний – интеллектуально-информационный континуум [2].

Системообразующим фактором интеллектуально-информационного континуума является деятельность, как единствено существующее [7].

Интеллектуально-информационный континуум формируется на основе двух взаимодействующих пространств представлений: пространства представлений субъекта деятельности и пространства представлений профессиональной деятельности, в совокупности образующих пространство представлений профессиональной деятельности субъекта, отражающее нелинейную реальную профессиональную деятельность с практически неограниченным множеством элементов и связей.

Учитывая гипотезу Дж. Миллера об ограниченности способности человека обрабатывать информацию (рабочая память человека способна вместить семь плюс-минус две структурные единицы) [11], в качестве параметров порядка пространства представлений субъекта деятельности принимаются девять базовых направлений субъекта: потребности, цели, самоопределение, нормы, критерии, содержание, способности, методы, способы действий, отражающих активную деятельность субъекта и потенциально присутствующие во всех инвариантах деятельности человеческого сообщества.

В качестве параметров порядка пространства представлений профессиональной деятельности принимаются восемь базовых направлений активности субъекта: производственное, экологическое, научное, художественное, педагогическое, управляемое, медицинское, физкультурное, являющиеся инвариантными для человеческого общества в пространстве и во времени (эпохи) [4].

По сути, интеллектуально-информационный континуум является конвергентным представлением информации о потенциально возможных изменениях состояния объекта в результате определённо направленной активности субъекта деятельности. Это обеспечивает специалисту возможность целостно осознавать взаимосвязь между выбранным направлением активности и изменением состояния актуального объекта деятельности, а также осуществлять

влять оценку ценности и актуальности выбранного события непосредственно в процессе преобразовательной деятельности [5].

Последовательно актуализируя субъективно значимые для него направления активности, специалист осуществляет планирование управляемого и прогнозируемого изменения параметров преобразуемого объекта до достижения востребованного состояния.

Таким образом, параметры порядка управляют производством актуального знания в нужное время в нужном месте профессионального пространства, на основе которого специалист осознанно и ответственно принимает решение, оценивает потенциальные риски и возможности.

Умение производить новое актуальное знание в нужное время, в нужном месте профессионального пространства делает специалиста независимым от изменений профессиональной среды, а его деятельность надёжной и продуктивной в любых условиях. При высокой степени неопределённости профессиональной среды, решении многофакторных нестандартных задач специалист производит актуальное знание. При низкой степени неопределённости профессиональной среды, решении стандартных типовых задач применяет известные алгоритмы и технологии.

В настоящее время разработаны и апробированы курс системообразующей дисциплины эволюционно-деятельностного образования «Теоретические основы профессиональной деятельности», комплекс учебно-методических пособий, программное обеспечение.

Выходы:

1. В условиях быстро меняющейся профессиональной среды, востребован специалист толерантный к неопределённости.
2. Формирование толерантности к неопределённости возможно при переходе к принципиально новому эволюционно-деятельностному образованию.
3. Уникальность эволюционно-деятельностного образования заключается в том, что с самого начала обучения, в сознании обучающегося формируется целостная единая системная модель представления профессиональной деятельности: интеллектуально-информационный континуум, семнадцать параметров которого управляют производством актуального знания в нужное время, в нужном месте профессионального пространства.
4. Умение производить актуальное знание в нужное время, в нужном месте профессионального пространства позволяет специалисту воспринимать быстро меняющуюся, с высокой степенью неопределённости профессиональную среду как источник вдохновения и мотивации к созданию объектов с качественно новыми свойствами, возможность профессионального самосовершенствования, карьерного роста, снимает психологические и информационные барьеры.
5. Разработан комплекс учебно-методического обеспечения, позволяющий в процессе подготовки специалиста сформировать толерантность к неопределённости.

Библиографический список

1. Леонов И.Н. Толерантность к неопределённости как психологический феномен: история становления // Вестник удмуртского университета, 2014. Вып. 4. С. 43-52.
2. Мельник Н.М. Интеллектуально-информационная поддержка генерации актуального знания в процессе решения профессиональных задач // Вектор науки ТГУ, 2012. № 2 (20). С. 220-224.
3. Мельник Н.М. Интенсивное высшее образование как главный фактор реализации потребностей потребителей образовательных услуг в условиях инновационной экономики // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Психологопедагогические науки», 2014. № 3 (23). С. 120–129.
4. Мельник Н.М., Нестеренко В.М. Концепция эволюционно-деятельностного профессионального образования. М.: ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 2007. 334 с.

5. Нестеренко В.М., Мельник Н.М. Математическая модель трансфера знаний в конвергентное решение актуальной профессиональной задачи реального сектора экономики // Современные научные технологии, 2017. № 4. С. 111 – 117.
6. Нестеренко, В.М. Параметрическое управление знанием в процессе решения профессиональных задач // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Психолого-педагогические науки», 2011. № 1 (15). С. 89-99.
7. Нестеренко В.М. Концептуальные основы эволюционно-деятельностного инженерного образования // Управление качеством инженерного образования. Возможности вузов и потребности промышленности: тезисы докл. Вторая международная научно-методическая конференция в рамках Международного научного конгресса «Наука и инженерное образование». SEE-2016 (Москва, 23-25 июня. 2016 г.) – Москва, 2016. С. 255-257.
8. DeRoma V., Martin K., Kessler M.L. The relationship between tolerance for ambiguity and need for course structure // Journal of Instructional Psychology, 2003. Vol. 30 (2). P. 104-109.
9. Lane M.S., Klenke K. The ambiguity tolerance interface: A modified social cognitive model for leading under uncertainty // Journal of Leadership & Organizational Studies, 2004. Vol. 10 (3). P. 69-81.
10. Merenluoto K., Lehtinen E. Number concept and conceptual change: Towards a systemic model of the processes of change // Learning and Instruction, 2004. Vol. 14(5). P. 519-534.
11. Miller G.A. The magical number seven, plus-or-minus two or some limits on our capacity for processing information. PsychologicalReview. 1956, 63: 81-97.

УДК 378.248

ВЫБОР ТЕМАТИКИ, СТРУКТУРЫ И СОДЕРЖАНИЯ ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

В.Н. Михелькевич

П.Г. Кравцов

ФГБОУ ВО «СамГТУ»

В статье рассматривается методика выбора тем, структуры и содержания выпускных квалификационных работ студентов технических вузов в условиях неопределенности, вызванной процессом реформирования системы высшего профессионального образования. Определены основные образовательные риски и сформулированы рекомендации для студентов-дипломников, которые позволяют им минимизировать эти риски при выполнении выпускных квалификационных работ. Исследованы особенности выбора тематики дипломных проектов для студентов заочной и дистанционной форм обучения. Обоснована целесообразность использования андрографической модели обучения в процессе их подготовки.

Ключевые слова: студенты технических вузов, выпускная квалификационная работа, выбор темы, образовательные риски, учебные и реальные дипломные проекты.

SELECTION OF SUBJECTS, STRUCTURE, AND CONTENT OF FINAL QUALIFICATION WORK IN CONDITIONS OF UNCERTAINTY

V.N. Mikhelkevich, P.G. Kravtsov

Samara State Technical University

The article deals with the methodology for choosing themes, structure and content of final qualification works for students of technical universities in conditions of uncertainty caused by the process of reforming the system of higher professional education. The main educational risks are defined and recommendations are formulated for undergraduate students who will allow them to minimize these risks when performing final qualification work. The features of the choice of subject of diploma projects for students of extramural and distance forms of study are studied. The expediency of using the andragogical model of training in the process of their preparation is substantiated.

Keywords: students of technical universities, final qualification work, choice of theme, educational risks, educational and real diploma projects.

Постоянные изменения условий функционирования вузов, являющиеся отражением процесса реформирования системы высшего профессионального образования, создают и усугубляют ситуацию неопределенности при принятии решений в процессе образовательной деятельности. Исчезают стабильность и предсказуемость последствий таких решений. В частности, при осуществлении студентами выбора, имеющего ключевое значение для профессионального становления – выбор индивидуальной образовательной траектории, выбор достаточного уровня образования, выбор вида профессиональной деятельности – возникают образовательные риски, создаваемые неопределенностью принципов реформирования самой системы высшего образования. Отсутствие четко сформулированных и последовательно реализуемых мер, направленных на совершенствование процесса получения образования, делает для студентов не вполне ясной роль вуза в их дальнейшей профессиональной деятельности. Ведь в современных условиях вузы не обеспечивают выпускников рабочими местами, а лишь формируют у них набор компетенций в соответствии с учебными планами, причем качество образования оценивается почти исключительно с позиций интересов работодателей. Поэтому изучение образовательных рисков и их учет в процессе профессиональной подготовки студентов представляют собой важную задачу, которую должны решать вузы и их выпускающие кафедры, помогая студентам принимать обоснованные решения при неопределенных последствиях.

Одним из наиболее ответственных выборов, который должны осуществить совместно все субъекты образовательного процесса на завершающем этапе подготовки студентов технических вузов – это выбор темы, структуры и содержания выпускной квалификационной работы [1]. В Федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования не содержится каких-либо указаний на этот счет, а в локальных нормативных документах многих вузов, например, в Положениях о выпускной квалификационной работе обучающихся по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета и программам магистратуры, лишь лаконично говорится о том, что выпускные квалификационные работы отражают сформированность у выпускников компетенций, установленных в качестве результата освоения соответствующих образовательных программ, а также регламентируется порядок регистрации тематики этих работ. Между тем, выполнение выпускных квалификационных работ и их защита являются не только консолидированным представлением достигнутых результатов обучения, но и представляют собой важнейший содержательный этап учебной деятельности студентов, который при ее надлежащей организации вносит весомый вклад в профессиональное становление обучающихся. В этих условиях выпускающие кафедры могут и должны обосновать и сформулировать рекомендации для студентов-дипломников, которые позволят им минимизировать риски при выборе темы, структуры и содержания выпускных квалификационных работ, и будут способствовать продуктивному использованию времени дипломного проектирования для формирования готовности и способности к решению предстоящих профессиональных задач.

Многолетний опыт планирования и реализации дипломного проектирования, накопленный на кафедре «Электропривод и промышленная автоматика», позволяет выделить несколько общих условий выбора тематики выпускных квалификационных работ:

- Тема должна отражать ту предметную область техники и технологий, с которыми студент познакомился во время учебной, производственной и преддипломной практик. Сложившееся у студента представление о промышленных объектах, изученных во время прохождения практик, позволит ему дать сравнительную оценку их достоинств и недостатков и наметить возможные пути дальнейшего усовершенствования.
- Тема выпускной квалификационной работы должна быть актуальной и отражать основные тенденции развития соответствующей отрасли производства. Особенно важно уделить должное внимание инновационным технологиям, которые востребованы в современном производстве.

– Избираемая тематика должна обеспечиваться доступными информационными ресурсами – учебно-методической и научно-технической литературой в библиотеке вуза, материалами в сети Интернет, возможностью использования электронных библиотечных систем, а также поддерживаться достаточным уровнем подготовки студентов к творческой и изобретательской деятельности [2].

– Работа над дипломными проектами становится более продуктивной, если их содержание интересно студентам. Это означает, что при выборе темы и направленности выпускной квалификационной работы должны учитываться личностные свойства, наклонности и профессионально-значимые качества студентов, их предметно-отраслевая специализация в процессе предыдущей учебной деятельности.

– Темы выпускных квалификационных работ, их структура и содержательное наполнение должны соответствовать научным направлениям, в которых выпускающие кафедры имеют определенные достижения, что позволит обеспечить студентов квалифицированным научным руководством при выполнении дипломного проектирования.

Кроме перечисленных общих рекомендаций по выбору темы выпускных квалификационных работ для всех категорий студентов-дипломников, считаем необходимым выделить и специальные рекомендации для студентов, обучающихся по заочной и дистанционной формам. Многие из этих студентов работают на промышленных предприятиях по профилю получаемого высшего образования, имеют жизненный и профессиональный опыт, а значительная часть из них хорошо знакома с производственными проблемами своих предприятий и готова принять участие в их решении. Для данной категории студентов имеются следующие дополнительные возможности при выборе тематики, структуры и содержания выпускных квалификационных работ:

– возможность принять в качестве объекта исследования и усовершенствования / модернизации в дипломном проекте промышленные установки, производственные механизмы, технологические линии, по отношению к которым студент-заочник в свое рабочее время на предприятии выполняет функции монтажа, наладки, эксплуатации, сервисного обслуживания;

– возможность использовать имеющиеся на предприятии специальные тематические планы (темники), которые призваны обратить внимание и направить творческую инициативу рационализаторов и изобретателей на устранение имеющихся на предприятии производственных проблем, для выбора темы дипломного проекта;

– возможность выбора темы выпускной квалификационной работы из плана инновационного развития предприятия.

При этом студент не только имеет доступ ко всей технической документации и информационному обеспечению, но и выполняет полезную для своего предприятия работу, и в этой связи может рассчитывать на поддержку руководства предприятия при выполнении реального дипломного проекта.

Таким образом, студентам заочной и дистанционной форм обучения рекомендуется использовать указанные возможности для расширения своего профессионального кругозора в процессе выполнения выпускной квалификационной работы. Поскольку эти студенты обладают основными характеристиками взрослого человека – жизненным опытом, физиологической, психологической, социальной и нравственной зрелостью, экономической независимостью и уровнем самосознания, достаточным для ответственного самоуправляемого поведения, то при их подготовке целесообразно использовать андрагогическую модель обучения [3].

Практический опыт дипломного проектирования подтверждает, что выполнение общих и специальных рекомендаций по выбору тематики, структуры и содержания выпускных квалификационных работ способствует продуктивному использованию времени, выделенному на данный вид учебной деятельности при подготовке к итоговой государственной аттестации. Выполнение реальных дипломных проектов позволяет выпускникам приобрести опыт рационализаторской и изобретательской деятельности, а в ряде случаев – создавать объекты интеллектуальной собственности и внедрять собственные разработки в производство.

Библиографический список

1. Галицков С.Я., Михелькевич В.Н. Компетентностный подход к выбору темы и обоснованию содержания выпускной квалификационной работы магистранта // Вестник Самарского государственного технического университета. Сер. Психолого-педагогические науки. 2014. Вып. № 4 (24). С. 67-72.
2. Михелькевич В.Н., Кравцов П.Г. Педагогическая система подготовки студентов к творческой и изобретательской деятельности // Известия высших учебных заведений. Электромеханика. 2016. № 6 (548). С. 143-147.
3. Михелькевич В.Н., Овчинникова Л.П. Проектирование и реализация андрагогической модели обучения студентов-заочников в технических вузах // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Том 12. Вып. № 5 (2). С. 372-375.

УДК 378.141

ХОЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПОИСКУ НОВЫХ ИДЕЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭВРИСТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ

B.N. Михелькевич

B.M. Радомский

ФГБОУ ВО «СамГТУ»

В статье рассматриваются сущность преимущества и ценности холистического подхода к поиску новых идей при разработке инновационных или усовершенствовании существующих технических объектов. Представлена многоканальная структура целостной системы типовых эвристических приемов преобразования формы и содержания вещества технического объекта, присущего ему ресурса – энергии и информации о его строении и функционировании.

Ключевые слова: поиск идей, типовые эвристические приемы, холистический подход, технический объект.

THE HOLISTIC APPROACH TO THE SEARCHING FOR NEW IDEAS WITH THE USE OF HEURISTIC METHODS

V.N. Mikhelkevich

V.M. Radomsky

FGBOU «Samara State Technical University»

The article is focused on the essence of the advantages and values of the holistic approach to the search for new ideas in the development of innovative or the improvement of the existing technical objects. The multiplex structure of an integral system of the typical heuristic methods for transforming the form and the content of a substance of a technical object, its inherent resource – energy and information about its structure and functioning is presented in the article.

Keywords: searching for ideas, typical heuristic methods, holistic approach, technical object.

В инженерной проектно-конструкторской и изобретательской деятельности доминирующим процессом и этапом, определяющим ее эффективность и конкурентоспособность разрабатываемых и усовершенствемых технических объектов на мировом рынке товаров, является поиск новых идей.

Для получения оптимальных проектно-конструкторских решений требуется большое число идей.

Известный ученый в области инженерного проектирования П. Хилл, опираясь и обобщая опыт фирм Боинг, Дженерал Электрик и другие, утверждает, что для получения идеи, обеспечивающей повышение конкурентоспособности технического объекта на мировом уровне должно быть спроектировано не менее 55-60 новых идей [1]. Затем в результате мно-

гокритериального анализа некоторое количество полученных идей будут отброшены в результате их проверки по критериям:

- «Возможности производства»,
- «Возможности комплектации изделия»,
- «Анализа спроса на рынке товаров»,
- «Возможности организации массового производства».

Существует множество различных способов и приемов поиска новых идей. Известно, что Архимед написал и издал два научных труда о методах поиска новых идей – «Эфодикон» и «Стомахкон». Среди широко применяемых в современной инженерной практике способов и приемов поиска новых идей следует назвать:

- метод мозгового штурма,
- синектику,
- конференцию идей,
- морфологический анализ-синтез и многие другие.

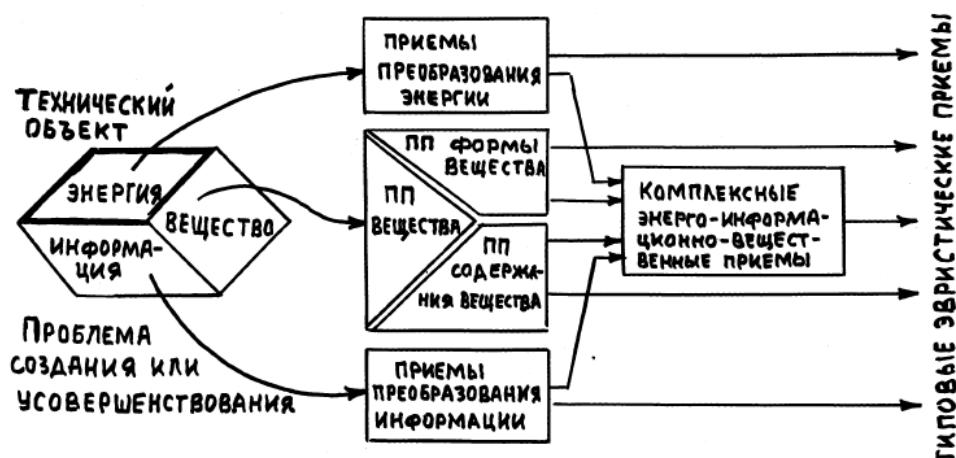
Однако наиболее распространенным являются типовые эвристические приемы, которые формируются в результате анализа массивов отечественных зарубежных патентов, а также решенных творческих задач.

Известны ученые-энтузиасты, создавшие кластеры типовые эвристических приемов. Так, например, автор Теории решения изобретательских задач Г.С. Альтшуллер выделил 40 типовых эвристических приемов [2]. Профессор Половинкин А.И. – 188 [3]. Немецкий профессор Мюллер – 420 [4].

Особенностью существующих кластеров типовых эвристических приемов является отсутствие их структурирования, что затрудняет их использование в инженерной и изобретательской практике. Холистический подход (холизм – holism – англ., hdos – греч. – целое, целостное) к рассмотрению любого разрабатываемого нового или усовершенствованного существующего технического объекта рассматривает технический объект как некую целостность единства материи, вещества, энергии и информации. Представлена многоканальная структура целостной системы типовых эвристических приемов преобразования формы и содержания вещества технического объекта, с его особенностями строения, функционирования с присущим ему ресурсом – энергией и информацией.

Структура целостной системы типовых эвристических приемов представлена на рисунке.

ТАКСОНОМЕТРИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СОВОКУПНОСТИ ТИПОВЫХ ПРИЕМОВ РАЗРЕШЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

На рисунке введено сокращение «ПП», обозначающее «Прямое Преобразование».

Системы приемов содержит четыре канала, позволяющих решать проблемы создания инновационного конкурентоспособного технического объекта за счет:

- прямого преобразования формы и содержания вещества;
- прямого преобразования энергии технического объекта;
- прямого преобразования информации о состоянии и функционировании технического объекта;
- вещественно-энергоинформационных приемов, представляющих собой комбинацию из вышеперечисленных приемов.

Проиллюстрируем использование холистического подхода в использовании на конкретных примерах из изобретательской деятельности студентов и сотрудников технического университета.

Пример 1. Использование приема преобразование формы вещества.

Прием был использован при усовершенствовании бытовой мясорубки с ручным приводом. В новой конструкции мясорубки шнек выполнен с режущими кромками для резки мяса в процессе движения продукта в системе корпус-шнек.

Пример 2. Детская игрушка «Бумеранг». Традиционно выполнялся из дерева, металла. При прямом преобразовании содержания вещества дерево и металл заменены пластиком.

Пример 3. При разработке новой теплицы электронагревательные элементы заменены солнечными батареями.

Пример 4. При использовании информации о дебите нефти, закачиваемой насосами из скважин в емкости, установленными на поверхности земли, использована информация об активной мощности приводного электродвигателя погружного насоса.

Библиографический список

1. Хилл П. Наука и искусство проектирования / Перевод с английского. М: Изд-во «Мир»: Редакция литературы по новой технике, 1973.
2. Альтшуллер Г.С. Найти идею. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1986.
3. Половинкин А.И. Основы инженерного творчества. М: Изд-во Лана, 2014.
4. Михелькович В.Н., Радомский В.М. Основы научно технического творчества. Ростов н/Д: Феникс, 2004.

УДК 378.147

ДИДАКТИКА УПРАВЛЕНИЯ СУБЪЕКТОМ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬЮ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В.М. Нестеренко
ФГБОУ ВО «СамГТУ»

В статье обосновывается возможность управляемого решения парадокса самоорганизующихся систем, представляющих человеческую психику: система хранит в себе два противоположных мотива, сталкивающихся при попытке изменения системы – гомеостаз и гетеростаз. Возникновение сопротивления, как результата одновременного действия двух противоположных сил вызывает потребность в формировании способности осознанного выбора направления решения в точке бифуркации.

Доказывается, что развивать в себе те качества, которые облегчают пребывание в неопределенных ситуациях, – психоэмоциональную устойчивость, способность к детальному анализу ситуации, гибкость поведения и мышления, решительность при принятии решений, способности к импровизации и доверие к своим интуитивным ощущениям субъект может на основе снижения сложности принятия решения. Рассмотрен механизм представления сложных многофак-

торных переменных системой простых однофакторных аксиоматических понятий, отражающих продуктивную деятельность человека на основе реализации теории параметрического преобразования информации и детерминированного хаоса. Делается вывод о том, что такой подход обеспечивает образное моделирование мира, создающего условия для диалогического общения и взаимодействия субъектов совместной деятельности, совершающих осознанные поступки.

Ключевые слова: управляемая неопределенность, осознанный выбор направления решения, снижение сложности, параметрическое преобразование информации, образное моделирование, осознанные поступки.

DIDACTIC OF SUBJECTIVE MANAGEMENT BY UNCERTAINTY AT THE ORGANIZATION OF ACTIVITIES

V.M. Nesterenko
Samara State Technical University

The article substantiates the possibility of a managed solution of paradox of self-organizing systems that represent the human psyche: the system keep in itself two opposite motives that collide when trying to change the system: homeostasis and heterostasis. The emergence of resistance, as a result of the simultaneous action of two opposing forces, calls for the formation of the ability to consciously choose the direction of the solution at the point of bifurcation. It is proved that to develop in oneself those qualities that facilitate staying in uncertain situations – psycho-emotional stability, the ability to analyze the situation in detail, the flexibility of behavior and thinking, decisiveness in decision-making, the ability to improvise and the confidence in your intuitive feelings, the subject can on the fundament of reduce of the complexity of decision making. The mechanism of representation of complex multi-factor variables by a system of simple one-factor axiomatic concepts that reflect the productive activity of a person on the basis of the theory of parametric information transformation and deterministic chaos is considered. It is concluded that such an approach provides a figurative modeling of the world that creates conditions for dialogical communication and interaction of subjects of joint activity that commit conscious actions.

Keywords: controlled uncertainty, conscious choice of direction of solution, reduced of complexity, parametric transformation of information, shaped modeling, conscious actions.

«Неопределенность» является многогранным и междисциплинарным понятием, поэтому с ним можно столкнуться в рамках как естественных наук: математика, экономика, физика, так и гуманитарных: психология, педагогика, обществознание, философия и другие.

В рамках проводимых исследований нас интересует педагогический аспект, и то влияние, которое оказывает ситуация неопределенности на качество принятия решения человеком.

Понятие «неопределенность» в общем значении трактуется как неизвестность, неясность, недостоверность. В нашем случае, недостоверность может стать причиной низкой степени предсказуемости результатов деятельности субъекта.

В итоге возникает парадокс – субъект не знает, что случится в будущем, а переживает это незнание в настоящем. Преодоление субъектом данного парадокса возможно по двум не всегда осознанным путям: пассивному с выжидательной стратегией и опорой на воспроизведение типовых решений или активному с реализацией своего потенциала. При выборе пути принятия решения человек сталкивается с непроизвольным сопротивлением. Это связано с парадоксом заключенным в самоорганизующихся системах, коей является и человеческая психика: система хранит в себе два противоположных мотива, сталкивающихся при попытке изменения системы – гомеостаз (постоянство, стабильность) и гетеростаз (развитие, изменение).

Возникновение сопротивления, как результата одновременного действия двух противоположных сил вызывает потребность в формировании способности осознанного выбора направления решения в точке бифуркации.

Для понимания реально осуществимых возможностей нужна опора, причем опора на собственные способности и возможности. То есть, для продуктивной активности в пределах сложившейся ситуации важно осознать собственные пределы, провести «инвентаризацию личности», ответив на вопросы «что я умею?», «что я могу?», «на что я способен?», «что я хочу?», «что будет важным и ценным?».

Расширение осознанных собственных пределов возможно с помощью нахождения смысла деятельности посредством диалога с миром: осмыслив пределы своей свободы и ответственности, границы возможностей окружающего мира «здесь и сейчас» и своих собственных в рамках данного временно-пространственного континуума в данном историческом, культурном и социальном контексте.

Диалог с миром организует систему образования в соответствии с принятой концепцией, реализуемой через образовательные стандарты.

Традиционное образование развивает и укрепляет толерантность к неопределенности посредством предоставления субъекту множества готовых вариантов решений профессиональных задач в выбранной сфере деятельности, которые он воспроизводит в нужный момент реальной деятельности. Такая организация принятия решения в процессе профессиональной деятельности снижает ответственность субъекта за результат и, как следствие, повышает психоэмоциональную устойчивость и решительность при принятии решений. Однако, в этом случае субъект становится заложником готовых вариантов решений и часто в условиях быстроменяющейся профессиональной среды не способен создать адекватное решение, что вызывает потребность в создание новой системы готовых вариантов решений, т.е. переучиваться, доучиваться и т.д. Далее у субъекта возникает множество проблем и барьеров, т.к. неопределенность в принятии решений растёт, толерантность к системе образования резко снижается.

Можно ли развить и укрепить толерантность к неопределенности и обеспечить успешное функционирование человека в неопределенных условиях? Один из самых простых приемов – пребывать в постоянном «добровольном» контакте с неопределенностью. Развивать в себе те качества, которые облегчают человеку пребывание в неопределенных ситуациях: психоэмоциональную устойчивость, способность к детальному анализу ситуации, гибкость поведения и мышления, решительность при принятии решений, способность к импровизации, доверие к своим интуитивным ощущениям.

В нашем исследовании представляется важным уточнить понимание неопределенности в контексте изучения смысловой сферы личности человека.

Мы предлагаем рабочее определение неопределенности: это условия жизни человека, влияющие на протекание его деятельности, выражающиеся в отсутствии или присутствии у субъекта смысловых ориентиров его внутренней жизни. Переживание неопределенности человеком состоит в принятии этих условий или их отвержении.

В процессе традиционного образования человеку передаётся множество переменных многофакторных, сложных понятий. Попытка уменьшить количество таких переменных приводит к ещё большему усложнению понятийной базы и ростом многообразия возможных схем её толкования.

Нами предложен другой вариант снижения сложности принятия решения – представление сложных многофакторных переменных системой простых однофакторных аксиоматических понятий, отражающих продуктивную деятельность человека (см. рисунок).

В новой системе обучения и воспитания методологической основой становится теория параметрического преобразования информации и детерминированного хаоса (обеспечение создания неопределенности), когда в учебный процесс вводится фактор творческой непредсказуемости.

Необходимые и достаточные условия обеспечения смысловых ориентиров, влияющих на качество его деятельности

Главные усилия педагогов направляются, во-первых, на создание мощной креативной среды, где каждый обучающийся наделяется правом выбирать и самостоятельно конструировать свою образовательную траекторию, во-вторых, на обеспечение условий продуктивной созидательной деятельности.

В университетах в первую очередь необходимо кардинально изменить технологии организации содержания обучения и внеаудиторной самостоятельной работы.

Конец прошлого века был периодом развития высоких технологий в промышленности, в сельском хозяйстве. Сейчас эта эпоха сопрягается с высокими гуманитарными технологиями, которые направлены на максимальное развитие и эффективное использование индивидуальных и коллективных возможностей людей.

Нами предложена система простых понятий, позволяющих посредством операций трансформации и консолидации создавать сложные образы решения продуктивных задач.

Выявлено такое единое аксиоматическое понятие «деятельность» – это процесс воздействия субъекта на объект, в результате чего изменяются параметры его состояния, отражаемого информацией о результатах воздействия [1, 5]. Появляется возможность точной количественной оценки результатов деятельности.

Далее деятельность как процесс представлен нами двумя пространствами, каждое из которых структурно представляет собой систему простых направлений деятельности, каждое из которых выполняет роль параметров порядка с единым основанием «деятельность» [2, 3, 4, 6].

Такой подход к представлению процесса принятия решения обеспечил возможность создания языка образов. Обычно говорят, что человек в экстремальных ситуациях действует на уровне спинного мозга, автоматически, но это касается только простых двигательных рефлексов. На самом деле мы в подобных ситуациях также мыслим, но на более древнем языке, данном нам от природы.

Вербальное общение многое даёт, прежде всего, для организации взаимодействия людей друг с другом, но манипуляции словами не основа построения разума, а лишь внешнее его проявление.

Язык образов разработан на основе образного восприятия мира, не зависящего от символов и слов, описывающих признаки, предметы и действия на том или ином естественном языке. Это среда для моделирования окружения, объектов и действий.

Язык образов основан на взаимосвязи материальных объектов и действий окружающего мира, а также нематериальных сущностей между собой, посредством разложения их на признаки-параметры.

Обучение логически вытекает из возможности оценить неизвестный объект на основе системы параметров и сравнить с известными, заложенными изначально в базу знаний нематериальными сущностями, объектами и действиями.

В результате обеспечивается образное моделирование мира. В данном случае оно не противопоставляется математическому моделированию, но заменяет сложные математические модели, соотношениями на основе определённого набора признаков.

Такой подход обеспечивает диалогическое общение и взаимодействие субъектов совместной деятельности, совершающих поступки (события по принятию решений, а не просто предметные действия), которые становятся системообразующими элементами деятельности субъекта, что и должно быть отражено в организации содержания современного профессионального образования.

В связи с этим сложную, но очень важную проблему, представляет собой классификация наук. Разветвленная система многочисленных и многообразных исследований, различаемых по объекту, предмету, методу, степени фундаментальности, сфере применения и т.п., практически исключает единую классификацию всех наук по одному основанию.

В самом общем виде науки делятся на естественные, технические, общественные (социальные) и гуманитарные. В результате такого деления науки противопоставляются и не обеспечивают целостного представления мира при принятии решения. Сейчас данная проблема преодолевается посредством введения вероятности событий, коэффициентов и экспертных оценок и т.д.

Необходимо обеспечить представление содержания наук на основе единого параметрического основания. В результате будет обеспечено их безбарьерное применение в высоких технологиях образовательной и профессиональной деятельности.

Выходы.

1. Снижение сложности принятия решения в условиях неопределенности обеспечивается представлением сложных многофакторных переменных системой простых однофакторных аксиоматических понятий, отражающих продуктивную деятельность человека.

2. Среда для моделирования окружения, объектов и действий на основе языка образов обеспечивает взаимосвязь материальных объектов и действий окружающего мира, а также нематериальных сущностей между собой, посредством разложения их на признаки-параметры.

3. Представление содержания наук на основе единого параметрического основания обеспечит безбарьерное и безотходное преодоление неопределенности в процессе принятия решения на всех этапах и видах деятельности выпускника системы образования.

Библиографический список

1. Мельник Н.М. Эволюционно-деятельностное образование – основа системной консолидации инновационной деятельности университета, предприятий, бизнеса // Научное мнение, 2017. № 12. С. 62-67.
2. Мельник Н.М., Нестеренко В.М. Концепция эволюционно-деятельностного профессионального образования. М.: ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 2007. 334 с.

3. Мельник Н.М. Формирование толерантности к неопределенности в процессе эволюционно-деятельностного образования. См. в этом сборнике трудов.
4. Нестеренко, В.М. Параметрическое управление знанием в процессе решения профессиональных задач // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Психологопедагогические науки», 2011. № 1 (15). С. 89-99.
5. Нестеренко В.М. Концептуальные основы эволюционно-деятельностного инженерного образования // Управление качеством инженерного образования. Возможности вузов и потребности промышленности: тезисы докл. Вторая международная научно-методическая конференция в рамках Международного научного конгресса «Наука и инженерное образование». SEE-2016 (Москва, 23-25 июня. 2016 г.) – Москва, 2016. С. 255-257.
6. Нестеренко В. М. Концептуальные аспекты формирования системы решений реальных профессиональных проблем. Вестник Самарского государственного технического университета, 2015. № 3 (27). С. 161-170.

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА ПО ИНФОРМАЦИОННЫМ СИСТЕМАМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

H.E. Рубцова

ФГБУ «РАО», АНО ВО «РосНОУ»

E.V. Михалёва

АНО ВО «РосНОУ»

Проведен психологический анализ содержания нового вида профессиональной деятельности «Создание и поддержка информационных систем (ИС) в экономике». Рассмотрены профессионально важные качества и конкурентоспособность специалистов по ИС, нелинейность их профессионального развития в условиях неопределенности отечественной цифровой экономики.

Ключевые слова: субъект труда, конкурентоспособность, специалист ИС, профессиональное развитие, условия неопределенности, цифровая экономика

PSYCHOLOGY OF COMPETITIVENESS OF SPECIALIST ON INFORMATION SYSTEMS IN THE CONDITIONS OF THE DIGITAL ECONOMY

N.E. Rubtsova

Russian Academy of Education, Russian New University

E.V. Mikhaleva

ANO VO «Russian New University»

A psychological analysis of the content of a professional activity «Creation and support of information systems (IS) in the economy» was conducted. Vocationally important qualities and competitiveness of IS-specialists, non-linearity of their professional development in conditions of uncertainty of the domestic digital economy are revealed.

Keywords: subject of labor, competitiveness, IS specialist, professional development, uncertainty conditions, digital economy.

Человечество все чаще ощущает быстротечность происходящего, ускользающее постоянство и стабильность в жизнедеятельности современного сетевого общества. Условия рыночных отношений, с высоким уровнем интенсивности труда, возрастающей экономической и социальной неопределенностью, усиливают конкурентное взаимодействие специалистов, их доминирующее стремление к карьерному росту и в целом сильно влияют на психологические закономерности профессионального становления и развития субъектов профессиональной деятельности.

Во всем мире и в том числе в нашей стране объективным фактором стало повсеместное использование информационных технологий (ИТ) в различных сферах социально-экономической деятельности. При этом быстрый рост ИТ в России дал начало новым видам профессиональной деятельности. К примеру, в Национальном реестре профессиональных стандартов зарегистрирован новый вид профессиональной деятельности под названием «Создание и поддержка информационных систем в экономике», включающий следующие группы занятий: руководители подразделений компьютерного обеспечения; разработчики и аналитики компьютерных систем; программисты; специалисты по компьютерам, не вошедшие в предыдущие группы [5]. Цель новой профессиональной деятельности – создание и сопровождение информационных систем (ИС), автоматизирующих задачи организационного управления и бизнес-процессы в организациях различных форм собственности для повышения эффективности деятельности организаций – пользователей ИС.

Значимым фактором роста ИТ-профессий стала программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная в июле 2017 г. Правительством России, согласно которой «...к 2024 году... количество выпускников образовательных организаций высшего образования по направлениям подготовки, связанным с информационно-телекоммуникационными технологиями, составит 120 тыс. человек в год; количество выпускников высшего и среднего профессионального образования, обладающих компетенциями в области информационных технологий на среднемировом уровне, – 800 тыс. человек в год» [6, с. 17].

Современными исследователями отмечается трансформация личностных компетенций в сетевом обществе: на первый план выдвигается способность человека адекватно использовать возможности ИТ-технологий, умение фиксировать и использовать информацию в сети, адекватно квалифицировать любое информационное воздействие [4].

Учитывая специфику психологических типов профессиональной деятельности специалистов по ИС [2, с. 30], среди профессионально важных качеств и личностных свойств выделим следующие: аналитический ум; системное мышление; творческие способности; коммуникабельность; способность работать с группами людей; умение создать конструктивное взаимодействие ИТ-специалистов и пользователей системы; внимание к деталям; ответственность; дисциплинированность; способность к изучению английского языка для чтения технической литературы; склонность к анализу архитектуры и функционирования современных ИС; склонность к анализу принципов хранения баз данных; склонность к анализу языков программирования, современных методов тестирования ИС; быстрота освоения предметной области проектируемой ИС; способность принимать неординарные решения.

В психологических исследованиях отмечается факт того, что «...биографии успешных профессионалов, становление специалистов происходит не линейно, а именно в ходе преодоления ситуаций неопределенности, и характеризуется как прерывистый процесс» [1, с. 102]. Взаимная детерминация личности и выполняемой профессиональной деятельности является общепризнанной в психологии труда и изучается в течение длительного исторического периода [2, с. 21].

Опираясь на принцип вариативности индивидуальных траекторий профессионального становления [3], представляется возможным, что разработчик ИС может начать свою карьеру с эксплуатации ИС на предприятии, затем пройти все ступени от простого специалиста до главного по внедрению ИС. Следующая ступень – руководитель проекта внедрения ИС. «Профессиональное становление является ступенчатым ... важно это осознавать как некую норму развития. Важно отдавать себе отчет даже в малых ступеньках этого развития. После каждой «ступеньки» возможно изменение направления деятельности, т.е. реализация нелинейности профессионального развития» [1, с. 108].

В психологии труда выделены и описаны стратегии профессионального становления конкурентоспособной личности на рынке труда, которым соответствуют разнородные метрики психологического пространства профессионального выбора [7]. На практике целесообразно использовать различные метрики данного пространства, ориентируясь на определение долгосрочных индивидуальных стратегий профессионального становления. В качестве перспективной предлагается использовать индивидуально-субъективную метрику профессионального развития.

Подводя итоги, отметим, что в настоящее время система профессионального образования работает в интересах подготовки компетентных специалистов по ИС для отечественной цифровой экономики и способствует укреплению их конкурентоспособности.

Библиографический список

1. Климов Е.А. О нелинейности процесса профессионально становления // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2007. № 3. С. 102-108.
2. Леньков С.Л., Рубцова Н.Е. Личностные свойства профессионала в структуре психологических типов деятельности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2016. № 1. С. 21-40.
3. Леньков С.Л., Рубцова Н.Е. Основания и принципы интегративно-типологического подхода к сопровождению профессионального самоопределения // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2015. № 1. С. 140-155.
4. Михайлова Е.Е. Трансформация личностных компетенций в условиях сетевого общества / В сб. «Саморазвивающаяся среда технического вуза: научные исследования и экспериментальные разработки»: материалы Всероссийской научно-практической конференции: в 3 частях. Тверской государственный технический университет. 2016. С. 101-107.
5. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 18 ноября 2014 г. № 896н «Об утверждении профессионального стандарта "Специалист по информационным системам" (с изменениями и дополнениями от 12 декабря 2016 г.)» [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://base.garant.ru/70836292/#ixzz57vWnbx4T>
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>
7. Рубцова Н.Е. Стратегии профессионального становления конкурентоспособного профессионала // Вестник Тверского государственного технического университета. 2016. № 2. С. 56-61.

УДК 159.92

СУБЪЕКТИВНОЕ КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЖИЗНСПОСОБНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА⁸

В.Б. Рябов
Институт психологии РАН

Традиционно качество жизни в исследованиях жизнеспособности человека рассматривается как один из её факторов. Это справедливо, если модель качества жизни основывается на использовании условий жизни человека. Нами разрабатывается модель субъективного качества жизни, в которой, наряду с условиями жизни, человек использует и оценивает процесс собственной жизни. Такая модель может выступать в качестве концепта модели психологической жизнеспособности и использоваться для исследований психологической жизнеспособности с учётом процессов его жизненного развития.

Ключевые слова: психологическая жизнеспособность, модель психологической жизнеспособности, субъективное качество жизни, модель субъективного качества жизни, стратегия жизни, процесс жизни, гигиенические условия жизни, мотивирующие условия жизни, ресурсы.

⁸ Работа выполнена по Гос. заданию ФАНО РФ № 0159-2018-0001

SUBJECTIVE QUALITY OF LIFE AND PSYCHOLOGICAL RESILIENCE

*V.B. Ryabov
Institute of Psychology RAS*

Traditionally, the quality of life in human viability studies is considered as one of its factors. This is true if the model of quality of life is based on the use of human living conditions. We develop a model of subjective quality of life, in which, along with living conditions, a person uses and evaluates the process of his own life.

Such a model can serve as a concept of a model of psychological viability and be used for research of psychological viability taking into account the processes of its life development.

Keywords: psychological viability, model of psychological viability, subjective quality of life, model of subjective quality of life, strategy of life, process of life, hygienic conditions of life, motivating living conditions, resources.

В настоящее время понятие жизнеспособности используется во многих науках таких, как кибернетика, экономика, медицина и других, в том числе в психологии. Многообразие подходов и пониманий жизнеспособности проанализировано в фундаментальной монографии А.В. Махнача «Жизнеспособность человека и семьи» [3]. Разные авторы, когда говорят о психологической жизнеспособности человека, обычно имеют в виду его психологическое здоровье человека и вопросы, связанные с адаптацией и преодолением человеком сложных жизненных кризисов. По нашему мнению, здоровье человека, в том числе психологическое, хотя и является важной компонентой, определяющей психологическую жизнеспособность, тем не менее, представляет только одну из компонент жизнеспособности, связанную, в основном, с ресурсными возможностями человека и его самочувствием. Наряду с этими компонентами существует другая, не менее важная компонента жизнеспособности, связанная с его развитием, в том числе и в нормальных условиях, не сопровождающихся кризисными состояниями. Это соответствует пониманию жизнеспособности человека как его способности к самостоятельному существованию или выживанию, а также и его развитию, вопреки влиянию внешних факторов [3, с.11]. При этом внешние факторы не обязательно должны препятствовать этим процессам, но могут и способствовать им и использоваться человеком для осуществления своей нормальной жизнедеятельности. Здесь ключевое место занимает активность человека и её направленность, которые обеспечивают процесс жизнедеятельности.

Понятие психологической жизнеспособности, по нашему мнению, должно быть связано со способностью жить, с его жизнью в самом широком смысле этого слова. Такой подход требует построения модели жизнедеятельности человека и использования её для анализа его жизнеспособности. Мы считаем, что сущность психологической жизнеспособности человека определяется его способностью поддерживать и повышать своё субъективное качество жизни. В статье предлагается подход к рассмотрению и анализу психологической жизнеспособности человека, в основе которого используется наша авторская модель субъективного качества жизни. Используемая нами для этой цели модель субъективного качества жизни принципиально отличается от моделей качества жизни, которые в большинстве своём разрабатываются и используются другими исследователями.

Основное принципиальное отличие нашей модели – её субъектность. Большинство исследователей при изучении качества жизни используют социологические методы и модели. Психологи, которые занимаются исследованием качества жизни, как правило, используют, по сути, социологический подход с тем лишь отличием, что выбирают для анкетирования психологические показатели качества жизни, характеризующие условия жизни, добавляя, в зависимости от специфики исследования, отдельные показатели (например, показатели отношения к экологической опасности). Если же мы будем рассматривать конкретного человека, то он при оценивании собственного качества жизни может учитывать эти условия, счи-

тать их значимыми для себя, а некоторые может и не учитывать. Больше того, для этого конкретного человека могут быть субъективно значимы условия жизни, которые исследователь и не использует в своём опросе качества жизни. Таким образом, для анализа жизнеспособности конкретного человека необходимо использовать качество жизни, субъективно воспринимаемое им и основанное на использовании показателей качества жизни, характерных именно для этого человека [5, 10]. Здесь следует отметить, что для определения этих показателей в психологии существуют хорошо проработанные методы, такие как метод персональных конструктов Дж. Келли [11, 12].

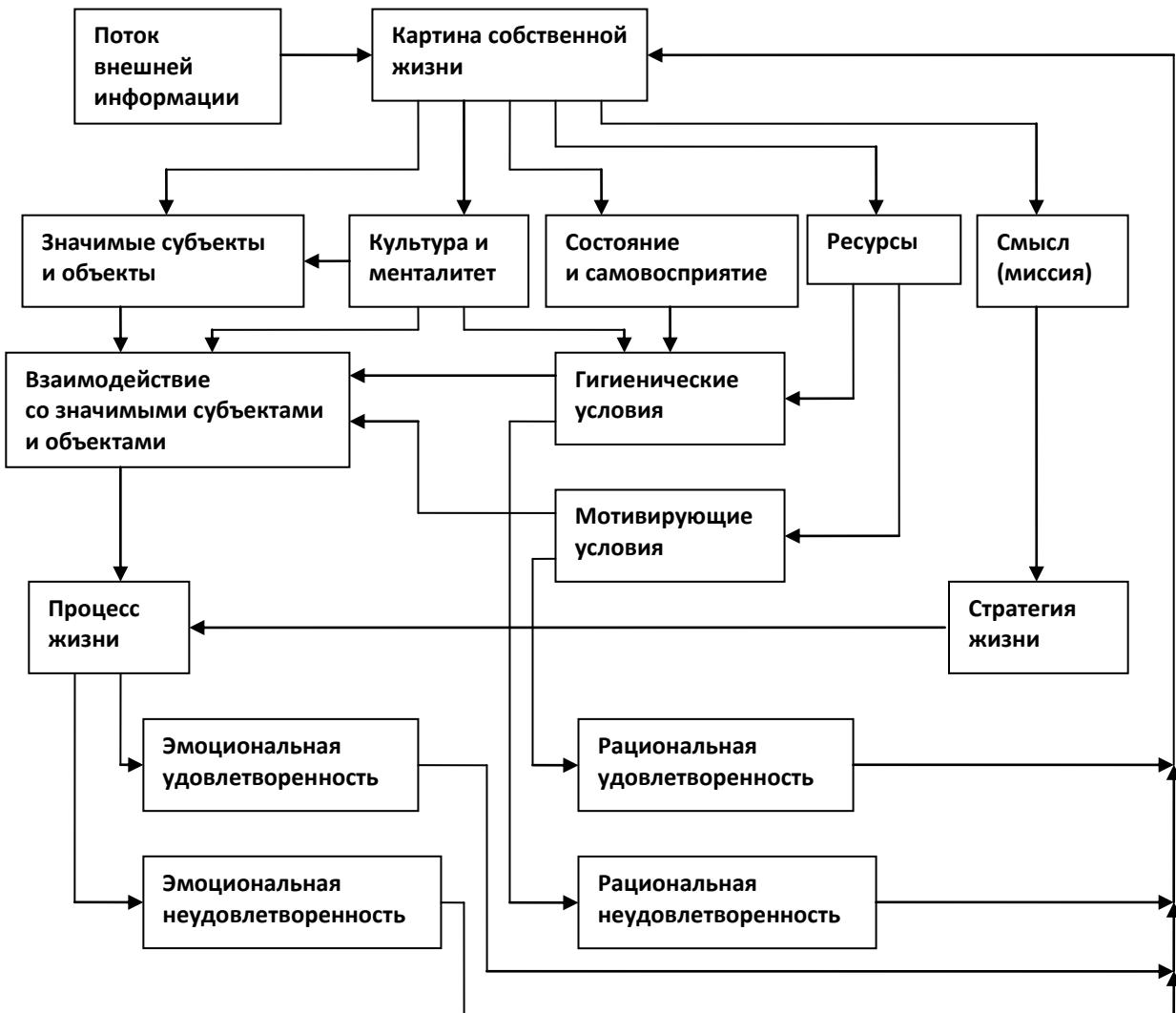
Другая принципиальная особенность модели заключается в том, что, помимо условий жизни, которые лежат в основе большинства моделей качества жизни, базовой компонентой модели выступает сам процесс жизни и его качество. Это соответствует подходу к психологическому качеству жизни, предложенному Г.В. Зараковским [2] и является его развитием. Г.В. Зараковский подчеркивал, что, как это считает М.Н. Алферова с соавторами, не следует концентрироваться на доводке понятия «качество жизни», а нужно принять в качестве руководства к действию систему следующих требований, позволяющих перейти к собственно разработке проблемы качества жизни [1, с. 5]:

- качество жизни должно содержать раздельно две категории: «качество жизни» и «качество условий жизни»;
- в качестве исходных категорий должны быть приняты «потребности» и «ценности», поскольку человеческую жизнь можно рассматривать как процесс реализации потребностей и ценностей, что, в сущности означает самореализацию человека;
- качество жизни должно учитывать деятельностную составляющую, так как качество жизни обретается самими людьми в процессе преобразования среды и самих себя;
- следует рассматривать качество жизни как некоторую меру, в пределах которой человек самореализуется;
- качество жизни должно объединять объективные и субъективные показатели жизнедеятельности людей.

Использование качества процесса жизни, наряду с качеством условий жизни, в исследованиях жизнеспособности человека непосредственно соответствует подходу к рассмотрению понятия жизнеспособности, который предлагает современный кибернетик Э. Холлинагел, и который полагает, что «жизнеспособность системы может быть описана как качество функционирования этой системы» [14, pp. 347-348].

На рисунке показана наша модель субъективного качества жизни. Вследствие ограничений на объем статьи, мы здесь не приводим подробное обоснование и описание модели, а даём только краткое описание её структуры. С более подробной информацией можно познакомиться в наших публикациях [6, 8, 9, 10].

Следующее принципиальное отличие модели субъективного качества жизни заключается в используемых в ней критериях, по которым человек оценивает собственное качество жизни. Как правило, исследователи считают, что для оценки качества жизни человек использует критерий общей удовлетворенности жизнью, а также критерий оценки им уровня своего состояния счастья. Эти оценки в исследованиях используются, как правило, независимо и самостоятельно. При этом по умолчанию считается, что критерий общей удовлетворенности жизнью включает в себя и эмоциональную удовлетворенность, т.е., по сути, критерий счастья. В нашей модели мы в критерии общей удовлетворенности дифференцируем критерии рациональной удовлетворенности жизнью и эмоциональной удовлетворенности жизнью. При этом критерии эмоциональной удовлетворенности качества жизни связаны, прежде всего, с оценкой процесса жизни, а критерии рациональной удовлетворенности – с условиями жизни.

Далее, по аналогии с двухфакторной моделью Ф. Герцберга [13, 4], мы предположили, что шкала удовлетворенности жизнью состоит из двух независимых шкал – шкалы удовлетворенности и шкалы неудовлетворенности. Ф. Герцберг со своими коллегами провели исследование, на основании которого был сделан следующий вывод: процесс обретения удовлетворённости и процесс нарастания неудовлетворённости обусловлены разными условиями. Условия, вызывающие неудовлетворённость, при их устранении не обязательно приводили к увеличению удовлетворённости. Одновременно, было замечено, что если какое-то условие способствовало росту удовлетворённости, то при ослаблении влияния этого условия не обязательно растёт неудовлетворённость.

Таким образом, по Герцбергу существует две независимые шкалы: шкала удовлетворённости и шкала неудовлетворённости. Соответственно, все условия труда распадаются на две большие группы. Первую группу составляют те условия труда, улучшение которых напрямую связано с ростом удовлетворённости. Эти условия труда называются мотивирующими. Другую группу условий труда составляют так называемые гигиенические условия труда. Они вызывают чувство неудовлетворённости в случае их плохого обеспечения. Если их улучшить до уровня, который снимает неудовлетворённость, дальнейшее их улучшение не приводит к увеличению удовлетворённости. Термин «гигиенические условия труда», или «условия здоровья» связан с тем, что эти условия оказывают такое же действие, какое оказывает на человека наличие воздуха, пищи, воды и т.п. Человек обращает внимание на них только тогда, когда возникает их дефицит.

Мотивирующие и гигиенические условия труда по-разному определяют удовлетворённость человека работой, и поэтому способы повышения качества трудовой жизни с помощью изменения этих факторов будут разные. Поэтому для управления процессом повышения качества трудовой жизни очень важно знать, какие именно условия труда являются гигиеническими, а какие мотивирующими.

Мотивирующие условия жизни связаны с реализацией его жизненных стратегий и характеризуют процесс жизненного развития человека и связаны, в основном с его эмоциональной удовлетворенностью жизнью, в то время как гигиенические условия характеризуют уровень его психологического благополучия и оцениваются, главным образом, уровнем рациональной и эмоциональной неудовлетворенности жизнью.

Важную роль в оценке качества жизни играет наличие осмысленности жизни, которое проявляется в форме, аналогичной понятию миссии, разработанного в теории менеджмента. Это понятие также может быть аналогичным осознанию человеком своего предназначения, понимания того, для чего он живет, что он должен делать, чтобы его жизнь имела смысл, была небесполезна ни ему самому, ни окружающим его значимым для него людям. Наличие этого смысла определяет направленность активности человека, содержание его самореализации, формирует жизненную стратегию человека. Мы выделяем стратегию жизни как важный элемент модели формирования оценки человеком своего качества жизни [7].

Критерии субъективного качества жизни и динамика изменения выступают индикаторами жизненного состояния, развития, наступления жизненных психологических кризисов. Компоненты модели качества жизни, их структура позволяют решать задачу правильного, гармоничного развития, а в случае неблагоприятных жизненных ситуаций и кризисов – искать пути из разрешения. Таким образом, субъективное качество жизни фактически может выступать концептом модели жизнестойкости и жизнеспособности.

Жизненные кризисы и неблагоприятные внешние воздействия разрушают компоненты субъективного качества жизни и снижают значения критериев его оценки человеком. Анализ рисков их возникновения и формирования соответствующих средств их защиты и восстановления может быть обеспечено с использованием предложенной модели субъективного качества жизни. В русле этой модели могут быть рассмотрены и модели жизнестойкости, самоуправления и психологической помощи.

В заключение ещё раз подчеркнем особенность нашей модели качества жизни, которая имеет принципиальное значение при её рассмотрение в контексте жизнеспособности человека. Если рассматривать качество жизни как совокупность условий жизни человека, как это делается большинством исследователей, то такое качество жизни может выступать только как фактор или условие жизнеспособности. Если же рассматривать качество жизни как отражение и оценку своей жизни, которая, помимо условий жизни и поддержания состояния собственного благополучия включает сам процесс жизни, её позитивное развитие, то такое качество жизни может выступать как концепт изучения жизнеспособности человека и построения модели жизнеспособности человека.

Сказанное можно продемонстрировать на примере эмпирического исследования, проведенного Э. Вернером с соавторами и описанного А.В. Махначем [3, с. 82]. Результатом этого исследования явилось то, что обследуемые люди с более низким уровнем «качества жизни» демонстрировали более высокий уровень жизнеспособности, чем люди с более высоким уровнем «качества жизни». Этот «парадоксальный» факт, по нашему мнению, может быть вполне естественным и иметь логичное объяснение, если применять не модель «ожизненных условий», применяемую в упомянутом исследовании, а нашу модель субъективного качества жизни.

По нашему убеждению, использование подхода к анализу жизнеспособности на основе концепта субъективного качества жизни позволяет разрабатывать методы самоменеджмента и оказания внешней психологической помощи как в условиях организации нормальной жизнедеятельности, так и при преодолении критических ситуаций и жизненных кризисов.

Библиографический список

1. Алфёрова М.Н. О возможном подходе к разработке региональной концепции и программы улучшения качества жизни населения // М.Н. Алфёрова, В.П. Бобинцев, А.А. Белов, А.А. Гармашев, С.В. Занчковская. Качество жизни: критерии, оценки, отечественный и зарубежный опыт: Тезисы Международного научного семинара, г. Москва, 24-25 октября 2002 г.: М.: ВНИИТЭ, 2002. С. 5-6.
2. Зараковский Г.М. Качество жизни населения современной России: Психологические составляющие. М.: Смысл, 2009. 319 с.
3. Махнach A.B. Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 459 с.
4. Рябов В.Б. Корпоративная культура как гигиеническое условие качества трудовой жизни // Культура и поведение в организации: российский опыт: сборник научных трудов / Под ред. С.П. Дырина, А.Л. Журавлева, Т.О. Соломанидовой. М.: Набережные Челны: ИП РАН: Изд-во Института управления: РЭА им. Г.В. Плеханова, 2008. С. 141-148.
5. Рябов В.Б. Объективное и субъективное качество трудовой жизни // Человек, субъект, личность в современной психологии. Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А.В. Брушлинского. Том 3 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 489-493.
6. Рябов В.Б. Модели качества трудовой жизни // Психологические исследования проблем современного российского общества / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 382-398.
7. Рябов В.Б. Стратегия трудовой жизни как характеристика самореализации человека в труде. Прикладная юридическая психология. № 4, 2013. С. 113-118.
8. Рябов В.Б. Структура нормативной модели субъективного качества жизни. Наука. Культура. Общество. 2015. № 2. С. 38-49.
9. Рябов В.Б. Подход к построению нормативной модели субъективного качества жизни. // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Выпуск 7 / Под ред. А.А. Обознова, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2015. С. 268-287.
10. Рябов В.Б. Психологический подход к исследованиям качества жизни. Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2017. С. 131-137.
11. Рябов В.Б. Психологический контракт как субъективное качество управляемого взаимодействия. // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т.2. № 3 (7). С. 165 – 191 (электронный журнал <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document376.pdf>)
12. Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности: Руководство по репертуарным личностным методикам / Общ. ред. Ю.М. Забродина и В.И. Похилько. М.: Прогресс. 1987. 236 с.
13. Herzberg F. Work and The Nature of Men. New York: Cromwell. 1966.
14. Hollnagel E., Woods D.D., Leveson N. (Eds). Resilience engineering: Concepts and Precepts. Aldershot: Ashgate, 2006.

ОСОБЕННОСТИ РЕШЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ СТУДЕНТАМИ-АРХИТЕКТОРАМИ

E.A. Соловьева
ФГБОУ ВО «СПбГАСУ»

Статья посвящена проблеме формирования приоритетных ценностей при подготовке архитекторов. Дан анализ типов конфликтов в городской среде, представлена педагогическая технология, направленная на формирование способности анализировать конфликтные ситуации. Установлено, что при решении конфликтов студенты-архитекторы ориентируются на поддержание хороших отношений, ценность сохранения среды оказывается наименее важной, а аргументы в ее пользу – самыми сложными. Проведен сравнительный анализ аргументов в пользу или против средовых решений, приводимых разными группами респондентов.

Ключевые слова: архитектурное образование, профессиональное сознание, средовые конфликты, ценности устойчивого развития, профессиональная этика, проблемно-сituационный анализ.

FEATURES OF THE SOLUTION OF PROFESSIONAL AND ETHICAL CONFLICTS BY STUDENTS-ARCHITECTS

E.A. Solov'eva
Saint-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

The article is devoted to the problem of the formation of priority values in the training of architects. The analysis of types of conflicts in urban environments is given, the pedagogical technology aimed at forming the ability to analyze conflict situations is presented. It is established that when solving conflicts, architect students are oriented toward maintaining good relations, environmental values are the least important, but most difficult. An analysis of the arguments given by different groups of respondents in favor of or against environmental decisions is given.

Keywords: architectural education, professional consciousness, environmental conflicts, values of sustainable development, ethics, situational analysis.

Усугубляющийся разрыв между технико-технологическим развитием общества и его этико-гуманитарными основами был отмечен философами и мыслителями середины XX века (В.И. Вернадский, А. Швейцер, др.). В конце XX века последствия такого разрыва стали осознаваться учеными, общественными и политическими деятелями развитых стран, что привело к созданию в 1983 году Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию (WCED) при ООН и разработке концепции «устойчивого развития». В XXI веке этот диссонанс стал всеобщим достоянием и обсуждается как с высоких трибун, так и в разговорах простых обывателей. Возможно, именно этот смутно или явно осознаваемый диссонанс и привел к росту неопределенности и напряженности в обществе.

Достижим ли баланс между экономической/технологической, социальной и экологической составляющими развития общества, как это декларируется в концепции «устойчивого развития», или всегда будет доминировать одна, экономическая? Не случайно в нашей стране под «устойчивым развитием» большинство граждан понимает равномерный и устойчивый рост экономики.

Экономические, равно как технико-обоснованные аргументы, более легко воспринимаются людьми, поскольку они наглядны, измеряемы, сопоставимы. Этические и гумани-

тарные аргументы в гораздо меньшей степени поддаются логической проверке, и потому воспринимаются как менее достоверные.

В сложной ситуации оказываются современные профессионалы: на что ориентироваться, принимая ответственные решения. Особую и специфическую актуальность вопрос выбора решений и его аргументаций приобретает в деятельности специалистов, ответственных за создание искусственной среды обитания, – строителей, архитекторов, градостроителей. Архитектурно-строительная деятельность в настоящее время является одной из самых конфликтогенных, в ней сталкиваются интересы многих сторон. Это инвесторы, девелоперы, заказчики, исполнители, пользователи и, наконец, политики и администрация. Кроме этого, существуют общественные организации, выражающие различные взгляды и позиции относительно общего развития архитектуры, например, экологические, исторические, глобалистские и антиглобалистские. Конфликты, связанные с архитектурной деятельностью, проявляются на всех уровнях. Это не только конфликты интересов, но и конфликты ценностей, межличностные конфликты, и, наконец, внутриличностные конфликты самого архитектора-творца [5, 6].

Студентов, выбирающих в качестве будущей профессии архитектуру, привлекает творческий характер деятельности, статус и ореол созидателя, высокий уровень социальной ответственности [8]. Но они часто оказываются не готовыми работать в ситуациях ограничений, конфликтов, поиска компромиссов, неопределенности и непонимания. Все неудачные проекты и решения, так называемые «градостроительные ошибки», обыватели приписывают архитекторам. К сожалению, горожане часто не замечают, что именно архитекторы вступаются за сохранение зеленых зон в городе и за объекты архитектурного наследия. С другой стороны, всегда находятся специалисты, готовые выполнить любой, даже противоречащий закону и архитектурному регламенту, заказ строительного бизнеса, оправдываясь тем, что «если не я, то всегда найдется кто-то другой, кто готов выполнить этот заказ и пойдет на сделку с совестью».

Для того чтобы сформировать у молодых архитекторов готовность действовать в ситуациях неопределенности и моральных конфликтов, вооружить их аргументами в пользу своего решения, еще в вузе необходимо научиться решать не только проектные задания, но и задания по разрешению ситуаций, затрагивающих профессиональную этику. С этой целью нами уже много лет на практических занятиях по психологии используется педагогическая технология проблемно-сituационного анализа.

На основе реальных историй и случаев, предварительно обсужденных с профессионалами, был разработан набор заданий, построенных по принципу методики «Совет другу». Предполагаемый друг попадает в неоднозначную профессиональную или жизненную ситуацию, которая кратко описывается в задании, и обращается за советом [10]. Нужно посоветовать другу, как лучше поступить в данной ситуации, и обосновывать свой совет. Также предлагается оценить сложность каждой ситуации для выработки однозначного решения. После выполнения заданий в группе обычно происходит обсуждение предложенных вариантов разрешения «неоднозначных профессиональных ситуаций».

В сконструированных заданиях попарно сталкиваются пять основных видов ценностей: материальные, ценности безопасности, ценности самовыражения, хорошие отношения и средовые ценности, или ценности устойчивого развития. Под средовыми ценностями мы понимаем широкий спектр ценностей, включая вопросы сохранения природы и поддержания биологического разнообразия, равной ценности людей, независимо от их национальности, дохода, возраста и состояния здоровья, а также сохранения исторического наследия и привычной среды жизнедеятельности человека [3, 4]. Согласно А. Швейцеру, отношения «человек и природа» являются важным компонентом этики, понимаемой им как безграничное расширение ответственности перед всем живущим [9].

В представленном в статье исследовании были поставлены следующие задачи:

- выявить основные ценности, на которые ориентируются студенты архитекторы в процессе решения профессионально-этических проблемных ситуаций;
- определить степень трудности различных заданий;
- выяснить, какие аргументы приводятся респондентами в пользу своих решений;
- установить, существуют ли различия в характере решений и их аргументации в зависимости от срока обучения и профессионального опыта.

В исследовании принимали участие студенты 1-го и 5-го курсов архитектурного факультета, а также работающие студенты-строители заочного отделения. Анализ ответов и последующих обсуждений позволил получить следующие выводы.

Наиболее важным студенты архитекторы первого и выпускного курсов считали поддержание хороших отношений с товарищами и коллегами по работе, что соответствует основным ценностям и смыслам юношеского возраста [2], а также психологическим запросам студентов [8]. Аргументы в пользу решения, позволяющего сохранить хорошие отношения в ситуациях конфликта ценностей, встречались чаще всего. Следующим по значимости у старшекурсников стояло удовлетворение материальных потребностей, а у первокурсников – значимость самовыражения. На последних местах стояли ценности безопасности и средовые ценности. Результат хотя и печальный, но ожидаемый.

Интересными оказались результаты оценки трудности ситуаций. Независимо от выбора, на какую ценность ориентируются студенты, наиболее трудными для решения оказались ситуации столкновения средовых ценностей с другими видами ценностей, а наиболее простыми – материальных ценностей. Среднее количество выборов в пользу каждой из ценностей, а также суммарные оценки сложности ситуаций, в которых изучаемые виды ценностей приходят в противоречие с остальными видами ценностей, представлены в табл. 1.

Таблица 1
Среднее количество выборов и суммарные оценки сложности ситуаций

Виды ценностей	Среднее количество выборов (max – 4)	Оценка сложности выбора (max – 30)
Материальные ценности	2.2	16
Ценности безопасности	1.7	16.5
Ценности самовыражения	2.0	16.8
Ценности хороших отношений	2.7	17.9
Средовые ценности, или ценности устойчиво горазвития	1.5	21.4

Поскольку само решение не влияло на оценку трудности – средовые ценности были поставлены на последнее место, – можно предположить, что основная причина коренится в сложности подбора аргументов как в пользу, так и против средовых ценностей. В то время как аргументы относительно материальных ценностей, безопасности и самовыражения подобрать было достаточно легко. На наш взгляд, такая ситуация объясняется преобладающим этическим дискурсом, господствующим в обществе и транслируемым современными СМИ. Лозунг «обогащайтесь, как можете», обращенный к примитивным архетипам психики, понятен всем, в то время как идеи устойчивого развития, имеющие корни в этике А. Швейцера, хотя и постулируются, но очень редко серьезно обсуждаются со студентами.

Для анализа используемых аргументов приведем в качестве иллюстрации одну из проблемных ситуаций. Она звучит следующим образом: «Я получил должность главного архитектора города N. Солидный банк предлагает построить в центре городка здание своего филиала на месте рядовой застройки, готов поддержать любой креативный и амбициозный проект. Это мой шанс. Но местные жители встали горой за эти дома, хотя они не представляют

особой архитектурной ценности. Посоветуй, как поступить?». В данной ситуации описывается конфликт между ценностями самовыражения архитектора-творца и сохранением привычной среды жизнедеятельности людей, проживших всю жизнь в этом городке, за который теперь несет ответственность наш предполагаемый друг. Сразу скажем, что правильного ответа не существует, важны приводимые аргументы.

Распределение ответов в зависимости от курса и профессионализации приведено в табл. 2.

Таблица 2
Количество выборов решений (%) в разных группах респондентов

Группы Решения	Студенты-архитекторы 1 курса	Студенты-архитекторы 5 курса	Работающие студенты строители
Строить	46.9	50	44.2
Убедить жителей переехать	21.9	26.5	22.1
Не строить	34.4	32.4	27.9
Убедить банк строить в другом месте	6.3	20.6	2.3
Другое	0	0	7

Примечание: поскольку некоторые респонденты предлагали более одного ответа, сумма ответов оказалось больше, чем 100 %

Из таблицы можно видеть, что во всех группах почти половина респондентов считает, что надо строить банк и при этом убедить жителей переехать и отказаться от протестов. Однако больше 30 % студентов советует «другу» отказаться от строительства. Отрадным является тот факт, что 20 % студентов-архитекторов старшего курса считает возможным и необходимым убедить банк строить свой филиал в другом месте. Студентам младших курсов и строителям этот вариант не приходит в голову – слишком велик авторитет банков.

Приводимые аргументы с помощью контент-анализа можно свести к нескольким типам. Частота встречаемости основных типов аргументов в пользу своих решений в разных группах респондентов представлена в табл. 3. Процентное соотношение типов аргументов рассчитывалось отдельно для ответов «строить» и «не строить».

Таблица 3
Контент-анализ приводимых аргументов

Группы Аргументы	Решения	Студенты-архитекторы 1 курса	Студенты-архитекторы 5 курса	Работающие студенты строители
Строить:				
Шанс проявить себя	40	47.1	28.9	
Новое здание украсит город	13.3	23.5	28.9	
Найдут другого архитектора	40	15.9	10.5	
Дома не имеют архитектурной ценности	6.7	5.9	15.8	
Решение принимали соответствующие органы, ты только исполнитель	-	7.6	15.9	
Не строить:				
Интересы людей важнее	31.2	-	33.3	
Не нарушать привычный образ жизни	30	63.1	41.8	
Банков много, все безвкусица	28.3	9.1	8.3	
Негативный образ нового главного архитектора	10.5	27.8	16.6	

Большинство студентов верно определили суть конфликтной ситуации: самовыражение versus сохранение привычной среды жизнедеятельности. Для студентов-архитекторов самым весомым аргументом является возможность самовыражения, при этом первокурсники считают, что получаемым шансом надо воспользоваться, иначе это сделает другой, а старшекурсники убеждены, что их творение украсит город. У студентов строителей явных приоритетов не выявлено, однако, выбирая ответ «строить», они чаще снимают с себя ответственность за это решение («ты только исполнитель»).

Интересна аргументация против строительства банка. Первокурсники и работающие заочные студенты чаще обращаются к аргументам абстрактной справедливости – «интересы людей важнее», а студенты старшего курса скорее разделяют конкретную ценность «привычного образа жизни». Младшекурсники критически настроены к чужим творениям («безвкусица»), а для части старшекурсников важным оказывается ответственность перед собой как профессионалом («если ты главный архитектор этого города, то должен заботиться о его жителях, а не о своей славе»). Что касается работающих студентов строителей, то их ответы-советы чаще продиктованы реальным опытом работы в строительной отрасли.

Можно видеть, что в процессе обучения происходит становление профессионального сознания будущих архитекторов: от восприятия себя как творца и «благодетеля человечества» происходит постепенный переход к восприятию себя как ответственного профессионала. Ведь совсем не случайно одним из разделов Кодекса профессиональной этики российского архитектора постулируются обязательства архитектора перед профессией [1]. Однако осознание себя как профессионала еще неустойчиво и во многом базируется на групповой, а не на универсальной этике. Поэтому аргументы хороших отношений с коллегами и друзьями при решении многих проблемных ситуаций встречаются чаще всего.

Полученные результаты свидетельствуют о высокой эффективности технологии ситуационного анализа средовых конфликтов для формирования установок на устойчивое развитие у студентов-архитекторов, поскольку творческое овладение профессиональными знаниями, навыками, умениями, в том числе и развитие профессионально-этических компетенций, происходит вследствие активной самостоятельной деятельности учащихся по разрешению противоречий. По нашему убеждению, именно профессионально-этические компетенции обеспечивают качество разрабатываемого проекта и принимаемого решения: его обоснованность, этичность и экологичность, что определяет будущее развитие архитектурной и городской среды [7].

Библиографический список

1. Кодекс профессиональной этики российских архитекторов, 2004. <http://www.garmonia-rosta.com/articles/article002>
2. Кон И.С. Психология ранней юности. – М.: Просвещение, 1989. 256 с.
3. Маслоу А. Мотивация и личность. – СПб.: Питер, 2008. 352 с.
4. Панов В.И. Экологическая психология: опыт построения методологии. – М.: Наука, 2004. 197 с.
5. Соловьева Е.А. Исследование отношений к городской среде начинающих архитекторов // Вестник гражданских инженеров. 2012. – № 3 (32). С. 452-458.
6. Соловьева Е.А., Веселова Е.К. Этико-психологические аспекты подготовки инженера-архитектора // Вестник гражданских инженеров. 2012. – № 6 (35). С. 353-359.
7. Соловьева Е.А. Средовые знания в деятельности архитектора / Мат-лы V съезда РПО, Москва 14–18 февраля 2012 в 3-х томах. М. 2012, Т. 2. С.170-171.
8. Соловьева Е.А. Субъективный образ профессии как условие формирования профессионально-психологической компетентности будущих архитекторов / Матер. 72-й научной конференции ППС СПбГАСУ. – СПб.: СПбГАСУ, 2016.
9. Швейцер А. Культура и этика. – М.: Прогресс, 1973. 343 с.
10. Этико-психологические аспекты подготовки профессионала в строительной отрасли: учебное пособие / Ред. Е.А. Соловьева, Е. К. Веселова, О.Б. Годлинник, Г.А. Токарева. – СПб.: СПбГАСУ, 2013. 73 с.

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ, АНТИХРУПКОСТЬ И ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ В ПРОФЕССИИ ПСИХОЛОГА-КОНСУЛЬТАНТА

E.V. Тарасова
ИП РАН

В статье рассматриваются понятия «жизнестойкость», «жизнесспособность» и «антихрупкость» в контексте профессиональной деятельности психолога консультанта. Обозначены различия между понятиями «жизнестойкость» и «жизнесспособность». Анализируются данные «Теста жизнестойкости» (Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова) и теста «Жизнесспособность взрослого человека» (А.В. Махнач). Жизнесспособность в профессии психолога-консультанта имеет компонентный состав и изменяется в зависимости от социально-демографических характеристик специалистов.

Ключевые слова: жизнестойкость, жизнесспособность, антихрупкость, психолог-консультант, профессиональная деятельность

HARDINESS, ANTIFRAGILITY, AND RESILIENCE IN THE PROFESSION OF THE PSYCHOLOGIST-CONSULTANT

E.V. Tarasova
Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences

The article deals with the concepts of "hardiness", "resilience" and "antifragility" in the context of the professional activities of a psychologist consultant. There are marked differences between the concepts of "hardiness" and "resilience". The data of the «Test of hardiness» (D.A. Leontiev, E.I. Rasskazov) and the test "Resilience of an adult" (A.V. Makhnach) are analyzed. Resilience in the profession of a psychologist-consultant has a component composition and varies depending on the socio-demographic characteristics of specialists.

Keywords: hardiness, resilience, antifragility, psychologist-consultant, professional activity

В современном мире в условиях жизни и профессиональной деятельности нередко возникают ситуации неопределенности и кризиса. В связи с этим, открывается проблема поиска ресурсов в жизнедеятельности, исследования жизнесспособности человека и профессионала.

Конструкт «жизнесспособность человека» является относительно новым в психологической науке и интегрирует в себе близкие по значению понятия. Например, такие как «жизнестойкость», «устойчивость», «стрессоустойчивость», «жизненно необходимые ресурсы».

Между понятиями нередко происходит путаница внутри терминологического поля. В связи с этим, важно учитывать различия и контекст использования тех или иных понятий, относящихся к исследованию жизнесспособности человека и профессионала.

Рассмотрим далее термины «жизнестойкость» и «жизнесспособность», которые появились в литературе относительно недавно и часто используются неточно.

Между понятиями «жизнесспособность» и «жизнестойкость» имеются следующие различия:

1. Жизнесспособность рассматривается как отношение к ресурсам личности, умение ими управлять, в то время как жизнестойкость относится к установкам личности для совладания со стрессовыми ситуациями. То есть, жизнесспособность в структуре личности относится к уровню индивидуально личностных свойств, жизнестойкость – к уровню направленности личности.

2. Жизнесспособность проявляется в социокультурных условиях, а жизнестойкость, как правило, рассматривают в контексте жизненных трудностей.

3. Жизнеспособность проявляется в удовлетворённости собственной жизнью, а жизнестойкость – в умении сопротивляться [1, 16].

По нашему мнению, жизнестойкость, как важный компонент жизнеспособности профессионала характеризует его мастерство и профессионализм.

Наряду с многочисленными исследованиями жизнестойкости и жизнеспособности недавно в литературе появился такой термин, как «антихрупкость». Автор теории антихрупкости профессор, экономист и трейдер Нассим Николас Талеб пишет о том, что «антихрупкость сопряжена со способностью к извлечению выгоды из неудач, потерь, ошибок. Это способность извлекать выгоду из стрессовых ситуаций и меняться в лучшую сторону» [2]. И здесь мы видим, как антихрупкость перекликается с одним из определений «жизнеспособности» – «способность человека преодолевать трудности и препятствия, выходя из них сильнее и опытнее, чем раньше» (The Israel Center, 2015) [9]. По Н.Талебу, антихрупкость является качеством. При этом рассматривать ошибку стоит как источник полезной информации о том, что не работает, как делать не надо [18]. То есть, антихрупкость связана с позитивным смыслом ошибки. Если рассматривать антихрупкость в аспекте исследования жизнеспособности, то можно опираться на факт рассмотрения ошибок с точки зрения получения полезной информации, урока, особой мудрости и благодарности к ситуации, в которой была допущена ошибка. Антихрупкость позволяет сохранить стремление к продолжению деятельности, несмотря на кризисы и ошибки.

По нашему мнению, «жизнестойкость», «антихрупкость» и «жизнеспособность» понятия, связанные с преодолением ситуаций стресса, трудных жизненных событий, с ресурсами человека, сохранением благополучия в ситуациях кризиса, хотя представленные термины являются разными и имеют свою концептуальную историю.

Исследования жизнеспособности, жизнестойкости и антихрупкости являются особенно перспективными в психологии труда. Темы, затрагивающие аспекты сохранения устойчивости на рабочем месте, улучшения качества профессиональной деятельности, продуктивности труда, снижение процентов потери трудоспособности по больничному листу соприкасаются с темой жизнеспособности профессионалов.

Актуальными являются исследования жизнеспособности в профессии психолога-консультанта.

Сейчас уже можно говорить о зарождающихся исследованиях жизнеспособности в психологии труда [11], в частности, об исследованиях компонентного состава жизнеспособности в профессии психолога-консультанта.

Работа психолога сопряжена со стрессогенными условиями труда (психологи работают в условиях с различным графиком работы в зависимости от формата работы («работа на себя», работа в государственных учреждениях различного профиля), работа в условиях сотрудничества с другими специалистами, где психологи могут встретить определённое давление). Деятельность психолога-консультанта связана с психоэмоциональным напряжением (работа с клиентами с высоким суициальным риском), работа в условиях с высокой продолжительностью рабочего дня.

В профессиональной деятельности психолога нередко возникает эмоциональное выгорание, когда специалист продолжительное время сталкивается с болезненными переживаниями, травмами, редко посещает супервизии, что снижает эффективность в работе. Возникает проблема сохранения качества труда и восстановления психического здоровья у специалистов помогающих профессий, а также проблема поиска путей преодоления профессиональных кризисов, формирование способностей быстро адаптироваться к изменяющимся профессиональным условиям, что связано с исследованиями жизнестойкости, жизнеспособности профессионалов и таким новым феноменом как «антихрупкость».

Антихрупкость, жизнестойкость и жизнеспособность в контексте профессиональной деятельности психолога-консультанта способствуют улучшению качества труда и сохранению психического здоровья в стрессогенных условиях жизнедеятельности.

Антихрупкость в профессии психолога-консультанта может быть необходимым качеством, например, в контексте позитивного восприятия своих ошибок, в умении адекватно оценивать риски в работе с той или иной категорией клиентов. Жизнестойкость можно рассматривать как установку, позволяющую справляться со стрессогенными событиями в трудовой деятельности, умение сопротивляться трудным условиям профессиональной среды. Основой развития жизнеспособности психолога-консультанта на определённом этапе деятельности являются различные внешние факторы, детерминирующие потребности и мотивы профессионала.

В целом, антихрупкость и жизнестойкость являются важными компонентами в профессии психолога-консультанта, обеспечивающие жизнеспособность специалистов.

Нами было проведено исследование, где мы описали компоненты жизнеспособности и жизнестойкость у психологов-консультантов.

Экспериментальная выборка и методы исследования

Статистическая обработка материала проводилась с помощью программы STATISTICA 10, использовались следующие методы статистической обработки данных: описательная статистика, метод средних, метод корреляционного анализа.

Исследование жизнестойкости проводилось с помощью «Теста жизнестойкости» Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой [6]. Компоненты жизнеспособности исследовались с помощью теста «Жизнеспособность взрослого человека» А.В. Махнана [11].

В эмпирическом исследовании жизнестойкости приняли участие 65 специалистов (56 человек – психологи и психотерапевты, имеющие медицинское образование – 2 человека; психотерапевты без медицинского образования – 7 человек) из 28 городов России, 2-х городов Белоруссии (Минск, Гомель) и Казахстана (Алма-Ата).

Средний возраст специалистов составляет 40,9 лет. Чаще всего встречаются специалисты в возрасте 30-40 лет (45 %) и 50-55 лет (15 %). В основном участники исследования – женщины (86 %). Стаж работы по специальности менее 10 лет имеют 63 % специалистов, а опыт свыше 25 лет – всего 5 % профессионалов. Разброс показателей стажа работы респондентов составил от 4 месяцев до 30 лет.

По результатам опросника «Тест жизнестойкости» Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой [6] наблюдаются следующие показатели по шкале «Вовлеченность»: в подгруппе с низкими значениями показателя средняя составляет $35,47 \pm 3,68$, с высокими – $45,24 \pm 2,97$. Выборка характеризуется активностью, стремлением в получении опыта. Вовлеченность предполагает активность личности в профессиональном процессе.

По шкале «Контроль»: в подгруппе с низкими значениями показателя средняя составляет $24,54 \pm 3,81$ с высокими значениями показателя $33,31 \pm 3,48$. Психологи и психотерапевты склонны считать, что самостоятельно могут выбирать вид своей деятельности. По нашим данным, специалисты уверены в себе и в окружающих, они ощущают доверие к миру, могут с интересом выполнять свою работу, но они не склонны предполагать, что могут активно влиять на результат своего труда, что может способствовать эмоциональному выгоранию. Таким образом, следует говорить о некоторой неуверенности психологов и психотерапевтов в том, что они могут активно изменять свою жизнь, направление профессиональной деятельности. По данным Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой, испытуемые с высокими показателями жизнестойкости чаще сами выбирают, чем заниматься (компонент контроля), чувствуют, что получают важный опыт во всем, что с ними происходит (компонент вовлеченности) [6].

С нашей точки зрения, для специалистов характерна надёжность и предсказуемость их жизнедеятельности (данные по шкале «Принятие риска» у специалистов в подгруппе с низкими значениями показателя средняя составляет $15,96+1,43$, с высокими – $21,44+1,87$).

Данные, полученные нами, подтверждаются результатами другого исследования, в котором у экзистенциальных психологов с высшим или незаконченным высшим психологическим (подавляющее большинство), педагогическим, философским образованием наблюдаются наиболее выраженные показатели по шкалам «Вовлеченность» и «Контроль»[7].

В целом, по результатам настоящего исследования показатель «Общая жизнестойкость» составляет 57,5 %. Жизнестойкость является составляющей жизнеспособности человека [13] и оказывает влияние на процессы адаптации [4] в том числе и адаптации в профессии.

Анализируя данные по тесту «Жизнеспособность взрослого человека» (А.В. Махнач), отмечаем, что у респондентов по шкале «Социальные и семейные взаимосвязи» в подгруппе с низкими значениями показателя, средняя составляет $59,43+5,34$ баллов, с высокими – $72,17+3,98$. Это свидетельствует о том, что для улучшения своей жизни, а также для совладания со стрессом, психологи и психотерапевты используют социальную поддержку (семья или коллеги). Всего у 9 % респондентов значения показателя по этой шкале находятся существенно ниже нормы – от 40 до 55 баллов (анализ распределения показателя). По-видимому, респонденты склонны обращаться за помощью в трудных ситуациях, искать поддержку у других людей. Данный факт подтверждается исследованиями, в которых отмечается активность в социальных контактах у психотерапевтов с медицинским образованием [12]. Несомненно, это является важным профессионально значимым качеством, характеризующим жизнеспособность психологов.

По нашим данным, показано, что специалистам в некоторой степени свойственно использование когнитивных, поведенческих и эмоционально-ориентированных стратегий для решения проблем (по шкале «Совладание и адаптация» в подгруппе с низкими значениями показателя средняя составляет $58,2+3,21$, с высокими – $70,13+3,82$). Следовательно, профессионалы склонны адекватно оценивать ситуацию, находить решения профессиональных задач, успешно адаптироваться к невзгодам (материальные трудности, изменения в направлениях деятельности, профессиональная перегрузка, «трудные» клиенты и т.п.).

Результаты опросника также показали, что у респондентов наблюдается вера в себя, в свои способности и ресурсы для оказания влияния на жизненные и профессиональные события (по шкале «Самоэффективность» – в подгруппе с низкими значениями показателя средняя составляет $58,83+3,76$, с высокими – $69,17+4,4$). Характерны адекватные ожидания и представления для реализации поставленных целей, профессиональных задач.

Показатель по шкале «Локус контроля» составляет в подгруппе с низкими значениями показателя: $55,89+3,31$, с высокими – $66,63+4,4$ и указывает на наличие внутреннего локуса контроля в обследуемой выборке.

Таким образом, можно говорить о склонности к ответственности, самостоятельности у специалистов в сфере оказания психологической помощи.

Наиболее низкие показатели по результатам опросника наблюдаются у респондентов по шкалам «Настойчивость» (в подгруппе с низкими значениями показателя средняя составляет $55,13+5,42$, с высокими – $66,74+3,88$) и «Духовность» (в подгруппе с низкими значениями показателя средняя составляет $40,63+9$, с высокими – $66,44+7,26$). Данные свидетельствуют о незначительной активности в разработке ими новых целей и планов, если их первоначальные варианты не оказались успешными. Показатели компонентов, отражающие этические аспекты профессиональной деятельности (духовность и нравственность) у профессионалов, оказались самыми низкими по сравнению с другими компонентами. Можно предположить, что духовность является «слабым звеном» жизнеспособности специалистов. Следовательно,

можно констатировать, что существует этическая уязвимость среди психологов и психотерапевтов (шкала «Духовность»: в подгруппе с низкими значениями показателя средняя составляет $40,63+9,0$; с высокими – $66,44+7,26$).

Рассматривая связь социально-демографических характеристик групп, разделённых на подгруппы по возрасту, стажу работы с показателями компонентов жизнеспособности, стоит отметить: в группе специалистов, имеющих средний возраст $30,87 \pm 3,2$ лет и стаж $14,75 \pm 3,61$ лет, выявлена обратная корреляционная связь между этими демографическими характеристиками и рядом шкал. В частности, показатель шкалы «Контроль» отрицательно коррелирует с показателем возраста специалиста, а показатель «Принятие риска» со стажем работы ($r = -0,73$ и $r = -0,96$; $p \leq 0,05$ соответственно). По-видимому, профессионалы склонны к изменениям в жизни, активному выбору других видов деятельности на протяжении всей жизни. Их способность идти на риск не возрастает в зависимости от стажа: показатели шкалы «Принятие риска» и стажа коррелируют отрицательно ($r = -0,96$; $p \leq 0,05$).

В группе опытных специалистов (возраст: $52,18 \pm 3,6$ лет; стаж: $24,45 \pm 4,18$ лет) выявлена достоверная обратная связь между показателями стажа работы и «Духовность» ($r = -0,68$; $p \leq 0,05$), что указывает на возможное отсутствие мудрости. С нашей точки зрения, группа специалистов указанного возраста в обследуемой выборке является группой риска, поскольку именно к специалистам этого возраста возникает наибольшее доверие в силу их возраста. В группе самых молодых специалистов (возраст: $30,75 \pm 2,32$ лет; стаж: $4,13 \pm 2,68$ лет), выбравших данную профессию, выявлено, что для них характерна ориентация на высшие человеческие ценности, в которых мы видим их мотивацию развиваться и потенциал для осмысленной своей деятельности с позиции духовности, морали и нравственных ориентиров. По нашим данным показатель «Духовность» коррелирует положительно с показателем возраста ($r = 0,52$; $p \leq 0,05$).

Таким образом, в выборке у обследуемых психологов и психотерапевтов характер компонентный состав, переменных, характеризующих жизнеспособность, изменяется в зависимости от стажа и возраста респондентов, что подтверждает тот факт, что жизнеспособность может изменяться со временем и в разных условиях [13].

По нашим данным, между показателями компонентов жизнеспособности, жизнестойкости и полом обследуемых было выявлено отсутствие достоверных связей. Можно говорить о том, что в данной выборке не существует гендерных различий в связи с компонентами жизнеспособности профессионалов.

В результате проведенного исследования было установлено, что значимых корреляционных связей показателей, оценивающих другие компоненты жизнеспособности и стаж работы у психологов и психотерапевтов не выявлено.

Заключение

В психологии труда тема преодоление стрессов тесно связана с проблемой сохранения и формирования жизнеспособности в профессии психолога-консультанта.

Исследования аспектов сохранения устойчивости, ресурсов, жизнестойкости, антихрупкости и жизнеспособности у психологов-консультантов позволяют найти важные ответы на вопросы об улучшении качества профессиональной помощи, о сохранении психического здоровья в трудных условиях профессиональной деятельности, о развитии и профессиональном росте, о способности противостоять профессиональным кризисам и получать позитивный опыт преодоления стрессов на рабочем месте.

На пути к реализации жизнеспособности у специалистов психологов подчеркивается значимость профессиональных сообществ, организация режима труда и отдыха, регулярные супервизии.

Жизнеспособность в профессии психолога-консультанта имеет компонентный состав.

К особенностям структуры жизнеспособности психологов следует отнести следующие основные её компоненты: семейные и социальные взаимосвязи, локус контроля, самоэффективность, совладание и адаптация, а также жизнестойкость.

Исследования жизнеспособности и жизнестойкости в профессиональной деятельности психолога-консультанта позволяют говорить о возможностях изучения факторов, влияющих на улучшения качества труда.

В целом, описание жизнеспособности определённой группы профессионалов открывает будущие перспективы развития психологии труда в России.

Библиографический список

1. Александрова Л.А. К концепции жизнестойкости в психологии// Сибирская психология сегодня: сб. науч. тр. Вып. 2. Кемерово. 2003. С. 82–90.
2. Антихрупкость [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Антихрупкость>, свободный. – (дата обращения: 02.02.2018).
3. Кондратенко О.А. Психологическая структура профессиональной жизнеспособности личности // Актуальные вопросы современной науки. 2010. № 16. С. 143–151.
4. Лактионова А.И. Структурно-уровневая организация жизнеспособности человека: метасистемный подход / под.ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Институт психологии РАН, 2013. 943 с.
5. Лапкина Е.В. Совладающее поведение, жизнестойкость и жизнеспособность личности: связь понятий, функций // Вестник Костромского государственного университета, 2015. Том 21. С. 130–133.
6. Леонтьев Д.А. Тест жизнестойкости: методическое руководство по новой методике психологической диагностики личности с широкой областью применения. М.: Смысл, 2006. 63 с.
7. Леонтьев Д.А. Печать экзистенциализма: эмпирические корреляты экзистенциального мировоззрения // Экзистенциальная традиция в философии, психологии, психотерапии. 2007. № 1 (10). С. 121–130.
8. Лотарева Т.Ю. Социально-психологические факторы жизнеспособности профессионалов социальной сферы / Отв. ред.: Т.Л. Крюкова, Е.В. Куфтяк, М.В. Сапоровская, С.А. Хазова // Психология стресса и совладающего поведения. Мат-лы III Международной научно-практической конф Кострома, 26 -28 сентября 2013 г. 2 т., С. 124–128.
9. Махнач А.В., Дикая Л.Г. Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты. М.: «Институт психологии РАН», 2016. 754 с.
10. Махнач А.В. Представления о профессии у будущих семейных психотерапевтов и психоаналитиков как основание для их профессионального отбора // Семейная психология и семейная психотерапия. 2009. № 3. С. 39–50.
11. Махнач А.В. Жизнеспособность человека: измерение и операционализация термина // Психологические исследования проблем современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: «Институт психологии РАН», 2013. С. 54–83.
12. Махнач А.В. Психологический анализ деятельности и личности психотерапевта / Под ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Институт психологии РАН, 2010. 488 с.
13. Махнач А.В. Жизнеспособность, как фактор адекватного профессионального самоопределения и социализации / Под ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Институт психологии РАН, 2010. 488 с.
14. Махнач А.В. Жизнеспособность как междисциплинарное понятие // Психологический журнал. 2012. № 5. Т. 33. С. 87–101.
15. Рыльская Е.А. Научные подходы к исследованию жизнеспособности человека в зарубежной психологии //Теория и практика общественного развития. 2014. № 8. С. 57–59.
16. Рыльская Е.А. Психология жизнеспособности человека: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01 – общая психология, психология личности, история психологии Ярославль, 2014.
17. Рыльская Е.А. Жизнеспособность человека: понятие и концептуальные основы исследования // Сибирский психологический журнал. 2009. № 31. С. 6–10.

18. Талеб Н.Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса // Мировоззрение [Электронный ресурс]. URL: https://hub.kyivstar.ua/wp-content/uploads/2015/04/KBD_20_5.pdf (дата обращения: 14.02.2018).
19. Третьяков П.И. Профессиональная жизнеспособность и компетенции педагогов-руководителей как показатели качества образования // Сибирский педагогический журнал. 2006. № 3. С. 221–227.
20. American Psychological Association. The Road to Resilience. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.apa.org/helpcenter/road-resilience.aspx>, свободный – (дата обращения: 16.02.2018).
21. Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/resilience>, свободный – (дата обращения: 12.02.2018).

УДК 159.9.072.432

МОТИВАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГОВ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Л.Э. Филатова, Д.А. Гализин
ФГБОУ ВО «ВГПУ»

Авторами проведен анализ мотивационных факторов трудовой деятельности педагогов, рассмотрены различные аспекты проблемы мотивации, приведены результаты исследования мотивационных факторов трудовой деятельности педагогов в условиях модернизации образования.

Ключевые слова: мотивация, мотивационные факторы трудовой деятельности педагогов, модернизация образования.

MOTIVATION FACTORS OF LABOR WORK OF TEACHERS IN CONDITIONS OF MODERNIZATION OF EDUCATION SYSTEM IN RUSSIA

L.E. Filatova, D.A. Galizin
Voronezh State Pedagogical University

The authors analyzed the motivational factors of the work of teachers, examined various aspects of the problem of motivation, and presented the results of research on the motivational factors of the work of teachers in the context of modernization of education.

Keywords: motivation, motivational factors of work activity of teachers, modernization of education.

В современных условиях развития системы образования к руководителям образовательных учреждений предъявляются высокие требования. Социальный статус учреждения образования зависит от умения руководителя быстро реагировать на изменения, происходящие в экономической и социальной сфере, умения внедрять в практику образовательного учреждения научно-педагогические достижения в области управления. Новая образовательная политика, приоритетом которой является качество образования, привела к пониманию того, что необходимы новые подходы в управлении и в мотивировании своих сотрудников.

Актуальность изучения мотивационных факторов трудовой деятельности работников педагогического коллектива вызвана тем, что в современном российском обществе долгое время не уделялось внимание бюджетным образовательным учреждениям (некомфортабельные условия работы, максимальная нагрузка на работников в условиях модернизации образования и др.). При всем многообразии трудностей, необходимость сохранения подобных учреждений очевидна, и только мотивация сотрудников дает возможность сохранения трудового коллектива, а значит, и самого учреждения. На наш взгляд, изучение проблемы мотивации педагогических работников еще актуально тем, что руководителю педколлектива тяжело мотивировать коллег, на-

строить их на работу, «заставить» или «научить» получать от работы удовольствие, самостоятельно развиваться. Ведь, по большому счету, мотивация персонала, одна из важнейших функций менеджмента в демократическом обществе, призванная способствовать свободному развитию и самореализации личности в рамках общечеловеческой морали.

Мотивационная сфера личности представляет собой иерархизованную систему, в которую входят как прямые побудители трудовой активности (цели, мотивы, установки), так и непрофессиональные побуждения (психического самосохранения и личностного развития, восстановления энергетических ресурсов организма и достижения социального статуса). Ситуативные побуждения к труду превращаются в устойчивые и длительные. Временные рамки раздвигаются и повышаются перспективы мотивации. Изменяется сама модальность мотивации к трудовой деятельности, например, стремление, уйти из профессии заменяется интересом к ее содержанию, а неудовлетворенность трудом. При этом значимое ранее может отодвинуться на второй план, идет переоценка критериев качества работы, пересматривается профессиональная самооценка. Администрации учреждения постоянно необходимо учитывать, что развитие мотивации – нелинейный процесс, не идущий только по восходящей линии в оптимальном направлении. В реальности могут наблюдаться как позитивные, так и негативные тенденции. Например, неадекватность мотивационной сферы фактическому содержанию труда может привести к возникновению и усилению «ложных смыслов», нереальных целей.

Изучению различных аспектов проблемы мотивации посвящено множество работ как отечественных (В.Г. Асеев [1], А.Н. Леонтьев [3], А.К. Маркова [6], Е.П. Ильин [2] и др.), так и зарубежных (А. Маслоу [5], Д. Мак-Клелланд [4], Х. Хекхаузен [7] и др.) авторов. Обилие литературы по проблеме мотивации и мотивов сопровождается и многообразием точек зрения на их природу. Особенностью существующих точек зрения и теорий является отсутствие системного подхода к рассмотрению процесса мотивации, вследствие чего любой фактор, влияющий на возникновение побуждения и принятие решения, объявляется мотивом. В.А. Ядов пришел к выводу о том, что объективно отношение человека к труду зависит от: характера труда (творческий, механический, умственный, физический и пр.); содержания труда (функциональные особенности конкретного вида трудовой деятельности); типологических особенностей личности трудящегося. Субъективная сторона отношения к труду определяется: актуальными естественными и социальными потребностями личности; структурой мотивов трудовой деятельности; общественной системой стимулирования труда; субъективной стороны отношения к труду.

Выстраивание эффективной системы мотивации педагогических работников предполагает выявление различные факторов, стимулирующих работу педагогов. Для изучения мотивационных факторов трудовой деятельности педагогического коллектива нами было проведено эмпирическое исследование, основой которого выступили:

- двухфакторная теория мотивации Ф. Герцберга, утверждающая, что процессы удовлетворения своим поведением (выполняемой деятельностью) и нарастания неудовлетворенности с точки зрения обусловливающих их факторов являются двумя разными процессами;
- теория К. Альдерфера, исходящая из положения о том, что потребности человека могут быть объединены в отдельные группы (потребности существования, потребности связи, потребности роста), расположенные иерархически;
- теория приобретённых потребностей Д. Мак-Клелланда, утверждающая, что мотивация к трудовой деятельности зависит от осознания её важности для человека, и прежде всего, его потребности в достижениях.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что для работников педагогического коллектива наиболее значимыми мотивационными факторами трудовой деятельности являются интересная работа, благоприятный психологический климат. Демотивирующими факторами являются низкая заработная плата, неудовлетворительные условия труда; педагогам наиболее свойственен рабочий мотивационный профиль личности.

Для проверки гипотезы нами была составлена следующая батарея диагностических методик: «Измерение мотивации достижения» (А. Мехрабиан); «Диагностика мотивационной структуры личности» (М.Э. Мильман); «Диагностика групповой мотивации» (И.Д. Ладанов); Модифицированный вариант проективной методики «Незаконченные предложения» Д. Сакса; «Диагностика уровня саморазвития и профессионально-педагогической деятельности» (Л.Н. Бережнова). Также нами было разработано интервью, выявляющую специфику факторов трудовой мотивации.

Эмпирическое исследование проблемы мотивации педагогических работников образовательных учреждений показало, что у большинства работников педагогического коллектива (52 %) выражен рабочий профиль личности в таких его аспектах, как «Творческая активность», «Общая активность», «Социальная полезность». Только у 10 % испытуемых выражен общежитейский мотивационный профиль.

Подавляющее большинство испытуемых (97 %) стремятся к избеганию неудачи, и ни один испытуемый не показал выраженности мотива достижения успеха. 29 % считают, что группа недостаточно мотивирована и всего 3 % считают, что группа слабо мотивирована на получение положительных результатов.

Для большинства педагогов характерен показатель уровня профессионального саморазвития ниже среднего. Как высокий, так и низкий уровни саморазвития показали по 6 %. Для 48 % респондентов характерна заниженная самооценка. 39 % испытуемых показали наличие адекватной самооценки и всего лишь 3 % имеют завышенную самооценку. Большинство испытуемых воспринимают педагогическую поддержку перспективной для самореализации.

Наиболее выраженной у выборки респондентов является положительная трудовая мотивация (52 %). Слабо выражена положительная материальная мотивация у 14 %. 33 % испытуемых показали отрицательную материальную мотивацию; а также 20 % и 24 % отрицательные показатели по трудовой и статусной (соответственно) мотивациям.

Таким образом, мы выделили факторы, которые влияют на успешность работы и мотивацию сотрудников педагогического коллектива: психологический климат; планирование и целеполагание; руководство, лидер; опытность коллектива; коммуникация; исполнительность; зароботная плата; участие родителей в образовательном процессе; дополнительное обучение, повышение квалификации.

А также выделили демотивирующие факторы трудовой деятельности: недостаточная заработка плата; отсутствие возможности повысить категорию, разряд; напряженные отношения с детьми и/или родителями; условия работы; плохие отношения с коллективом; размер образовательного учреждения; график работы, нагрузка; жизненные обстоятельства.

Библиографический список

1. Асеев В.Г. Мотивация поведения и формирование личности. – Москва: Мысль, 1976. – 158 с.
2. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы – СПб: Питер, 2011. – 512 с.
3. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы, эмоции: Курс лекций.– М.: МГУ, 1994. – 62 с.
4. Мак-Келланд Д. Мотивация человека: перевод / Науч. редакция Е.П. Ильина. – СПб: Питер Пресс, 2007. – 669 с.
5. Маслоу А. Мотивация и личность.– СПб: Питер, 2003. – 352 с.
6. Маркова А.К. Психология труда учителя. – М.: 1996. – 245 с.
7. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. – СПб: Питер; М.: Смысл, 2003. – 860 с.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

Е.Н. Чеканушкина, Э.И. Давликамова

ФГБОУ ВО «СамГТУ»

В статье определена актуальность выявления значимых, смысложизненных ориентаций современного российского студенчества как основного фактора их ценностного мира во многом определяющего в будущем ценности всего общества. Рассмотрены понятия «ценность», «ценностные ориентации». Определено содержание направленности личности студента, их предпочтения. Выявлена динамика ценностных ориентаций студентов технического университета.

Ключевые слова: ценность, ценностные ориентации, образование, студенты.

VALUE ORIENTATIONS OF STUDENTS OF TECHNICAL UNIVERSITY

E.N. Chekanushkina, E.I. Davlekamova

Samara State Technical University

The article defines the relevance of identifying significant, life-meaning orientations of modern Russian students as the main factor in their value world largely determines the future values of society. The concepts of "value", "value orientations" are considered. The content of the orientation of the student's personality, their preferences are determined. The dynamics of value orientations of students of technical university is revealed.

Keywords: value, value orientations, education, students.

Молодое поколение олицетворяет ближайшее и отдаленное будущее, поэтому проблема ценностных ориентаций приобретает всё большее значение. Свое становление современная молодежь проходит в условиях развития цифровой экономики, новых социальных отношений, глобализации, социокультурных перемен. Студенческий возраст благоприятен для развития ценностных ориентаций как устойчивого свойства личности. Актуальным является определение значимых, смысложизненных ориентаций современного российского студенчества как основного фактора во многом определяющего в будущем ценности всего общества.

Ценностные ориентации представляют собой общечеловеческие принципы, в соответствии с которыми строится поведение индивида в различных жизненных ситуациях. Ценностные ориентации можно обозначить как фундамент, определяющий качество жизни человека [1].

Исходя из анализа научной литературы, ценностные ориентации, с одной стороны, определяются как процесс ориентирования в ценностях, с другой стороны – результат деятельности ориентирования, закреплённый в виде ценностных установок. Они формируются на основе высших социальных потребностей в процессе взаимодействия с семьёй, социальной, образовательной средой, т.е. социокультурной обстановкой, реализуются через деятельность, являются составными элементами сознания и поведение человека.

С.Л. Рубинштейн отмечал, что ценность означает для человека значимость чего-то в мире, выполняет функцию ориентира поведения, определяют направленность его жизненной позиции, активность, отношение с окружающей средой. Учёный указывал, что со временем увеличивается влияние ценностных ориентаций на поведение личности, к концу обучения, например, в вузе ценностные ориентации окончательно оформляются в целостную, систему [6, с.328]. Существующие у индивида потребности и интересы служат основой образования мотивов деятельности, которые направлены на удовлетворение этих потребностей и интересов [5, с.16].

Исходя из определения «ценность», значимым для человека является образование, под которым понимается:

- 1) ценность развивающегося человека и общества;
- 2) процесс обучения и воспитания человека;
- 3) как результат последнего;
- 4) как система [2, с. 54-55].

В образовании объединяются обучение, воспитание и развитие, обеспечивающие готовность личности выполнять социальные и профессиональные роли. Профессиональное образование – социально и педагогически организованный процесс трудовой специализации личности, обеспечивающий ориентацию и адаптацию в мире профессий, овладение конкретной специальностью и уровнем квалификации, непрерывный рост компетентности, мастерства и развитие способностей в различных областях человеческой деятельности. Профессиональное образование создаёт условия для профессионального становления, развития и самореализации личности [7, с. 8].

Таким образом, можно сказать, что высшим образовательным учреждениям принадлежит важная роль в подготовке профессиональных специалистов, развитии и формировании духовно-нравственных ценностей, ведь выпускникам предстоит в будущем взаимодействовать с трудовым коллективом, принимать ответственные решения, прогнозировать, способствовать улучшению как социальной среды, так и профессиональной.

В рамках исследования с целью выявления у обучающихся Самарского государственного технического университета отношения к образованию как ценности проводилось анкетирование. В опросе приняли участие 120 студентов IV курса и 130 студентов I курса. Возраст анкетируемых составил от 18 до 22 лет, из которых 44,4 % – девушек, 55,6 % – юношей.

По результатам анкетирования около 70 % студентов согласны с тем, что образование как ценность – ядро культуры, предпосылка и основа взаимопонимания и взаимодействия между членами общества [3, с. 44]. Но престиж технического образования, по их мнению, находится на среднем уровне.

Большинство студентов (80 %) определили, что в их понимании «ценности» – значимость явлений и предметов реальной действительности.

Из табл. 1, видно, что большинство юношей, как первого, так и старших курсов видят ценность образования в овладении широкими и специальными знаниями, умениями. Также считают девушки старших курсов.

Таблица 1
Ценности образования

	1 курс		3-4 курс	
	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки
Формирование личности человека	26,6 %	35,41 %	30,3 %	19,2 %
Овладение человеком широкими общими и специальными знаниями, умениями, навыками, необходимыми для жизни и благополучия в обществе	60 %	37,5 %	63,63 %	79 %
Развитие способностей активно, со знанием дела выполнять профессиональные, гражданские и иные общественные обязанности	60 %	37,5 %	30,3 %	53,84 %
Овладение ценностными ориентациями	13,3 %	10,4 %	-	-

Больше половины юношей 1 курса (60 %) и девушек 3-4 курсов (53,84 %), понимают, что ценности образования состоят в развитии способностей активно, со знанием дела выполнять профессиональные, гражданские и иные общественные обязанности. Также большинство студентов полагают, что именно от уровня образования зависит престижная работа и статус в обществе.

В ближайшее время юноши 3-4 курса больше времени планируют уделить профессии, а девушки как семье, так и работе.

Из выше изложенного следует, что студенческая молодежь осознает ценность образования, ее значимость в построении собственной личностной и профессиональной траектории, удовлетворении потребностей, цивилизационного развития общества.

Таким образом, ценности образования для студентов – это не только цели и средства жизнедеятельности людей, но еще и их выбор, и оценка как своих поступков, так и действий, событий людей из их окружения.

Затем этим же студентам предложили пройти тестирование. Использовали тест Милтона Рокича «Ценностные ориентации», основанный на прямом ранжировании списка *терминальных ценностей*, т.е. убеждений в том, что определенные конечные цели индивидуального существования с личной и общественной точек зрения заслуживают того, чтобы к ним стремиться, и *инструментальных ценностей*, т.е. убеждений в том, что определенный образ действий (например, честность, рационализм) с личной и общественной точек зрения является предпочтительным в любых ситуациях [4, с. 15], а также на выявление индивидуальной системы ценностей человека, принципов, которыми он руководствуется в своей жизни с целью понимания значения его действий, поступков.

Милтон Рокич рассматривал ценности как руководящие принципы жизни, которые определяют то, как нужно себя вести и какому состоянию или образу жизни стоит соответствовать и стремиться.

Тестирование показало, что наиболее важными терминальными ценностями для студентов являются: «продуктивная работа», «счастье». А также выявлено, что вопросы здоровья у современных студентов вузов занимают далеко не последнее место в их жизни. Чуть меньшее количество опрошенных в качестве определяющей ценностной ориентации выбрали «счастливую семейную жизнь». Это означает, что современные молодые люди считают не менее важным отношение взаимоотношения в семье, благополучие членов семьи. Незначимыми для себя студенты отметили ценности «развлечения», «красоты природы и искусства» и «счастья других».

Приоритетом в системе ценностей-целей являются индивидуальные ценности (здоровье, активная деятельность, уверенность в себе), а также конкретные жизненные ценности. Менее значимыми – пассивные ценности (красота природы и искусства, познание), ценности межличностного отношения (счастье других), абстрактные ценности (творчество, познание).

Следовательно, наиболее важными в системе терминальных ценностей стали: здоровье (как часто встречающаяся ценность), счастливая семейная жизнь, а также ценности индивидуализации: активная деятельность, материально обеспеченная жизнь.

Среди методов достижения ценностных ориентиров – инструментальных ценностей – лидерами являлись – «честность», «воспитанность» и «образованность». Незначимыми инструментами достижения жизненных целей респонденты считали такие, как «непримиримость к недостаткам» и «высокие запросы».

Результаты опроса можно интерпретировать следующим образом: большая часть респондентов выбрали в качестве важной жизненной ценности «воспитанность», то есть основополагающей целью их жизни является уровень развития личности и высокая внутренняя культура. «Образованность» – данная ценностная ориентация оказалась на третьем месте из наиболее предпочтаемых.

Из этого следует, что молодёжь также уделяет внимание просвещенности и формированию компетенций. Наименьшее же количество положительных ответов набрала ценностная ориентация «высокие запросы» (8 %). Следовательно, большинство студентов, не считает, что этот фактор является основополагающим смыслом их жизненной деятельности.

Главенствующее положение в иерархии инструментальных ценностей составляют четыре блока ценностей – этические ценности (воспитанность, жизнерадостность), ценности профессионального самоопределения (ответственность), индивидуальные ценности (независимость), интеллектуальные ценности (образованность).

Кроме того, выявлены значимые различия в ценностных ориентациях между юношами и девушками. У юношей преобладают цели-ценности: «активная деятельность жизни» и «развлечения», средство-ценность: «образованность», «ответственность». В отличие от юношей у девушек более выражены цель-ценность: «счастливая семейная жизнь», «здоровье» и средства-ценности: «образованность» и «рационализм».

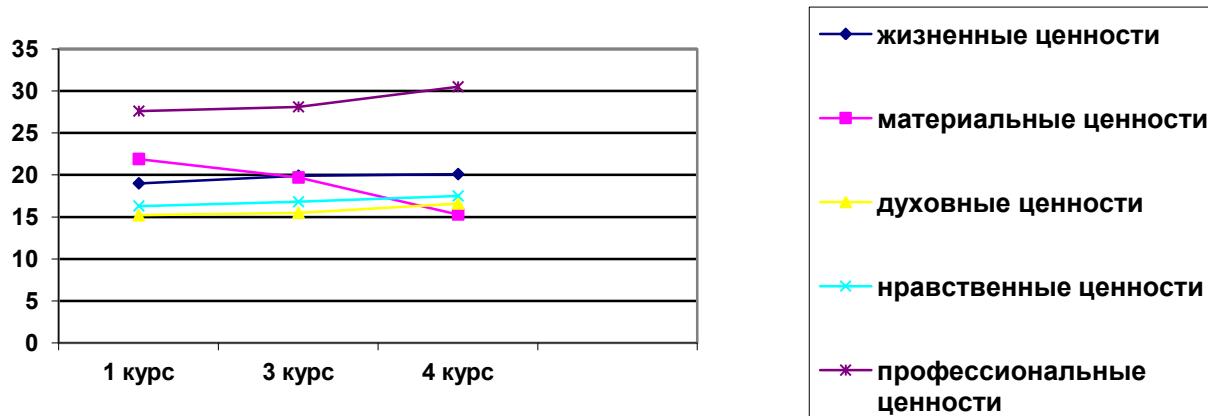
Также, при анализе тестов можно проследить не только гендерный аспект, но и возрастной. У студентов старших курсов наблюдается тенденция к приоритетности ценностей, связанных с собственным благополучием, таких как любовь, семья, друзья.

Динамику ценностных ориентаций студентов с 1 по 4 курсы можно проследить, рассмотрев табл. 2.

Таблица 2
Динамика ценностных ориентаций студентов

Ценности, на которые студент ориентируется	Приоритетность ценностей (в %)		
	1 курс	3 курс	4 курс
Жизненные ценности (мир, семья, здоровье, друзья и др.)	25,6	27,1	29,1
Материальные ценности (деньги, одежда, собственность, благосостояние и др.)	21,9	19,7	15,3
Духовные ценности (красота, творчество, искусство, истина, добро, справедливость)	15,2	15,5	16,6
Нравственные ценности (совесть, честь и др.)	16,3	16,8	17,5
Профессиональные ценности (проф. мастерство, знание своего дела, самореализация, интересная работа и др.)	19,2	19,7	20,1

Более наглядно динамика ценностных ориентаций студентов отражена на рисунке:

Динамика ценностных ориентаций студентов технического университета

Как видим, отмечается рост жизненных и профессиональных ценностей у обучающихся 1-4 курсов, что объясняется как возрастными особенностями обучающихся, так и формированием у них в учебно-воспитательном процессе профессиональных, личностных качеств, ориентацией на духовно-нравственные ценности. Материальные же ценности для большинства опрашиваемых не являются смысложизненным ориентиром.

Смысложизненные ориентации – самые значимые компоненты внутренней структуры личности, которые закрепляются жизненным опытом, всеми его состояниями. Ценность одна из самых значимых категорий, которая определяют развитие, культуру человека. Ценностные ориентации являются существенным фактором, мотивирующим характерные действия и поступки человека, существенно влияющим на интересы, цели, состояния и потребности, поэтому играют важную роль в жизни человека и общества, но не сами по себе, а лишь на фоне сложившейся системы ценностных ориентации. В ходе исследования выявлена иерархичность ценностей представителей студенчества. Подробное и поэтапное исследование позволяет проследить динамику ценностных ориентаций студентов в образовательном процессе.

Таким образом, в процессе исследования установлено, что образовательные, профессиональные и жизненные ценности являются доминирующими для студентов технического вуза, что показывает сформированность у них положительных ценностных ориентаций. Нами разработан информационный буклет для консультативно-просветительской работы со студентами.

Библиографический список

1. Балданова Е.А. Особенности ценностных ориентации студентов технического и гуманитарного вузов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2008. – № 61. – С. 339-344.
2. Бордовска Н.В., Реан А.А. Педагогика. Учебник для вузов. СПб, 2000. 223 с.
3. Грехнёв В.С. Ценностные основания процессов образования и образованности людей в современном обществе // Философия и общество. 2010. № 3. С. 40-55.
4. Карадашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004. С.15
5. Реттгес С.В. Ценностные ориентации как психологический фактор склонности к агрессивному поведению в юношеском возрасте // Автореф. дис. канд. псих. наук. Вологда, 2002. С. 24.
6. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: в 2 т. М.: Педагогика, 1989. Т. 2. С. 328.
7. Рябикова Е.Н. Проектирование образовательных и культуротворческих технологий: учеб. пособие / Сост. Е.Н. Рябикова, Н.А. Тимошук, Е.Н. Чеканушкина. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2017. 216 с.

УДК 159.9.072.432

УСЛОВИЯ НАДЕЖНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЗВЕНА В СИСТЕМАХ «ЧЕЛОВЕК – МАШИНА»

Н.Н. Ярушкин

ФГБОУ ВО «СГСПУ»

Н.Н. Сатонина

ФГБОУ ВО «СамГТУ»

В статье рассматриваются условия повышения надежности человеческого звена в системах «человек – машина» и требования к компетенциям специалиста технического профиля, которые должны формироваться у студентов технического вуза в процессе обучения и включать в себя знания, умения и навыки в области таких дисциплин, как психология труда, инженерная психология и эргономика. Эти компетенции должны обеспечить будущему специалисту не только личные успехи в проектировании новой техники и управлении трудовыми коллективами, но и способствовать повышению надежности систем «человек – машина» за счет учета человеческих возможностей при проектировании и создании новой техники, научно обоснованного психофизиологического подбора работников под требования современной техники и оптимального распределения функций между человеком и машиной с учетом не только преимуществ каждого звена, но и состояния социальной и физической среды.

Ключевые слова: системы «человек – машина», человеческий фактор, надежность, основные задачи психологии труда, инженерной психологии и эргономики, проблема формирования психологических знаний у студентов технических вузов.

RELIABILITY CONDITIONS OF HUMAN LINK IN «MAN – MACHINE» SYSTEMS

N.N. Yarushkin

Samara State University of Social Sciences and Education

N.N. Satonina

Samara State Technical University

This article discusses the conditions for improving the reliability of the human link in the "man – machine" systems and competency requirements of specialist technical profile, which must be formed among students of the technical university in the learning process and include the knowledge, abilities and skills in such disciplines as labour psychology, engineering psychology and ergonomics. These competences should ensure future specialist not only personal successes in the design of new equipment and the management of labor collectives, but also help to improve system reliability "man – machine" by taking into account human capabilities when designing and building new technique, scientifically based psycho-physiological selection of employees under the requirements of modern technique and the optimal division of labour between man and machine, taking into account not only the advantages of each link, but also social and physical state environment.

Keywords: "man – machine" systems, human factors, reliability, the main tasks of labour psychology, engineering psychology and ergonomics, the problem of formation of psychological knowledge among students of technical universities.

В современных условиях развития научно-технического прогресса профессиональная деятельность человека становится все более напряженной, так как сложность используемой им техники резко возрастает, а его возможности имеют свои пределы. В связи с этим в системах «человек – машина» все чаще именно человек становится слабым звеном.

По научным данным [4] на долю человеческого фактора приходится от 40 до 70 % всех отказов технически сложных систем. При посадке самолета, даже при благоприятных условиях, пульс пилота достигает 150 ударов в минуту, а кровяное давление – 200 мм рт. ст. Причем, речь идет о профессионалах, прошедших тщательный медицинский и психофизиологический отбор. Повышенный уровень напряженности работника при выполнении им своих профессиональных обязанностей зависит от целого комплекса факторов.

Современные виды профессиональной деятельности человека неразрывно связаны со сложной техникой, поэтому эффективность и надежность систем «человек – машина» во многом определяется тем, насколько оптимально учтены и решены еще на стадии проектирования этих систем и в процессе их эксплуатации три главные практические задачи инженерной психологии [2].

Решение первой задачи заключается в том, насколько удалось создателям новой техники добиться её максимального приспособления к человеку по различным параметрам конструкции и технологического процесса с учетом его анатомических, физиологических и психологических особенностей. Это, например, касается конструирования рабочего кресла, пульта, органов управления и т.д. Для этого в процессе обучения в вузе у будущего специалиста необходимо формировать компетенции в области инженерной психологии и эргономики.

Решение второй задачи – приспособление человека к уже существующей технике по параметрам его психологической пригодности и профессиональной подготовленности, требует знаний, умений и навыков в области психологии труда, так как для успешного решения

этой задачи специалист должен четко представлять, какими психологическими профессионально важными качествами необходимо обладать кандидату на соответствующее рабочее место и какими качествами он реально обладает. Кроме того, он должен иметь представление о неблагоприятных психофизиологических состояниях, которые могут возникать у работника в процессе взаимодействия с этой техникой, их последствиях и профилактике (утомление, стрессы, монотония, политония и т.д.) [1].

Третья задача, которая заключается в поиске оптимального распределения функций между человеком и автоматическими устройствами в системах «человек – машина», требует от специалиста глубокого понимания преимуществ и недостатков каждого звена этих систем (человеческого и машинного) для более оптимального закрепления за ними соответствующих функций [2].

Еще более широко рассматривает проблему эффективности и надежности профессиональной деятельности человека такая дисциплина, как эргономика, изучающая системы «человек – техника – среда». В ней значительное внимание уделяется третьему звену этих систем – среде. Действительно, любая профессиональная деятельность человека протекает в определенной физической и социальной средах, оказывающих на эту деятельность существенное влияние [4].

Состояние физической среды, влияющей на надежность человеческого звена, определяют температурный режим, загазованность, запыленность, влажность, уровень освещенности, уровень шума, наличие вредных веществ. Если работа выполняется вне производственного помещения, то надежность человека может определяться погодными условиями, различными внешними помехами, скоростным режимом и т.д.

Состояние социальной среды определяется социально-психологическим климатом в трудовом коллективе, корпоративной культурой, групповыми нормами и ценностями, групповой сплоченностью и т.д. Оптимизация вышеперечисленных факторов во многом зависит от руководителя, который должен не только иметь представление обо всех этих факторах, для чего он должен обладать определенными компетенциями по таким дисциплинам, как эргономика и социальная психология, но и координировать, направлять и контролировать деятельность специалистов разного профиля по практической реализации всех этих факторов.

Учет всех этих факторов создает благоприятные условия для достижения высокой эффективности работников, повышения их работоспособности и удовлетворенности своей профессиональной деятельностью, снижения текучести кадров и уровня травматизма, то есть условия, обеспечивающие высокую надежность человеческого звена в системах «человек – машина». Вместе с тем следует учитывать еще одно важное условие повышения надежности данных систем. Таким условием является психологическая подготовка будущих специалистов к решению обозначенных задач [3].

В целях выявления мнения студентов относительно значимости выше обозначенных задач и их собственной психологической подготовленности к практическому решению этих задач был проведен опрос студентов СамГТУ в количестве 28 человек. Опрос показал, что большинство из них ничего не знают о задачах, которые призваны решать такие дисциплины, как инженерная психология и эргономика (79 % и 81 %, соответственно).

Тем не менее, 79 % студентов считают, что они профессионально подготовлены к решению проблем, связанных с «человеческим фактором» в своей будущей профессиональной деятельности. В то же время 93 % студентов отметили, что в случае их будущего участия в проектировании новой техники тех знаний, которые они получают в вузе, недостаточно, чтобы в полной мере учитывать возможности (анатомические, физиологические и психологические) человека.

Более половины опрошенных (54 %) считают недостаточными полученные ими знания для работы в качестве руководителя трудового коллектива, который должен учитывать психологические особенности своих подчиненных. 43 % – признают, что не обладают достаточными психологическими знаниями, позволяющими эффективно оценивать потенциал поступающих на работу людей, а также правильно расставлять работников по рабочим местам с учетом их психологической совместимости.

Значительно большую уверенность выражают студенты относительно своих знаний о динамике работоспособности человека в течение рабочего дня в целях оптимизации режима труда (82 %), психологических причин производственного травматизма (86 %). Многие из опрошенных студентов (89 %) имеют представление о психологических особенностях различных типов темперамента человека, их проявлениях в жизни и профессиональной деятельности, знают свой тип темперамента (75 %).

В то же время, 46 % опрошенных студентов не располагают знаниями о психологической структуре личности человека, 29 % – не знают, какие факторы влияют на психологический климат в трудовом коллективе и как их учитывать руководителю, 25 % – не знают основные психологические причины текучести кадров в организациях и как их предупредить, 21 % – не обладают достаточными психологическими знаниями, позволяющими объективно оценивать индивидуальную трудовую мотивацию работников.

Следует отметить, что опрошенные студенты высказали весьма выраженное понимание значимости психологических знаний для своей будущей профессиональной деятельности и необходимости получения этих знаний в процессе обучения в вузе. Так, 100 % опрошенных студентов высказали мнение, что знание психологии человека является необходимым условием достижения успеха в их будущей профессиональной деятельности, а 93 % – полагают, что в процессе обучения в вузе необходимо давать студентам психологические знания по проблемам, затронутым в выше обозначенных вопросах.

На основе полученных результатов опроса можно сделать вывод о необходимости усиления блока психологических дисциплин в профессиональной подготовке специалистов технического профиля для их будущей успешной работы в системах «человек – человек» и «человек – машина».

Библиографический список

1. Карпов А.В. Психология труда: учебник для бакалавров. М.: Издательство «Юрист», 2013. 350 с.
2. Психология труда, инженерная психология и эргономика: учебник для академического бакалавриата / Под ред. Е.А. Климова, О.Г. Носковой, Г.Н. Солнцевой. М.: Издательство «Юрайт», 2015. 618 с.
3. Толочек В.А. Современная психология труда: Учебное пособие. СПб.: «Питер», 2005. 479 с.
4. Эргономика: учебное пособие для вузов / Под ред. В.В. Адамчука. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999. 254 с.

РАЗДЕЛ 6. СИСТЕМА «ЧЕЛОВЕК – ЧЕЛОВЕК» VS СИСТЕМА «ЧЕЛОВЕК – МАШИНА» – ПОИСКИ ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ТЕХНОКРАТИЧЕСКОМ МИРЕ

УДК 159.9.072

КОМПЬЮТЕРНАЯ ПСИХОДИАГНОСТИКА И КИБЕРТЕРАПИЯ: НОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ВОЗМОЖНОСТЕЙ?

P.M. Айсина

*ФГБОУ ВО «Московский государственный
психолого-педагогический университет»*

В статье обсуждаются возможности оптимизации процедур психодиагностического обследования и психотерапии на основе современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Показано, что в последние 20 лет в зарубежной психологии наблюдается рост числа исследований, которые посвящены изучению эффективности применения программируемых виртуальных сред в клинической и консультативной практике. Отмечается, что особое распространение средства виртуальной реальности получили в когнитивно-бихевиоральной терапии, где они активно используются для коррекции и лечения различных эмоциональных расстройств. Подчеркивается, что основное преимущество использования виртуальных технологий в психотерапии, по сравнению с классическими терапевтическими методами, состоит в том, что сюжеты, моделируемые в виртуальной реальности, легко контролируются терапевтом с точки зрения специфики и интенсивности, а также могут быть специально подобраны под потребности конкретного пациента. Анализируются этические ограничения в применении кибертехнологий для решения задач психодиагностики и психотерапии. Обозначается необходимость продолжения научного поиска ответа на вопрос, какие именно компьютеризированные интервенции наиболее эффективны для пациентов различных нозологических групп, имеющих различные терапевтические потребности.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, психодиагностика, кибертерапия, виртуальная реальность, этические проблемы.

COMPUTERISED PSYCHODIAGNOSTICS AND CYBERTHERAPY: A NEW AREA OF POSSIBILITIES?

R.M. Aysina

Moscow State University of Psychology and Education

In the paper opportunities to increase efficiency of psychodiagnostics and psychotherapy on the basis of information and communication technologies (ICT) are discussed. It is shown that in the last twenty years there has been a proliferation of studies testing the efficacy of virtual reality systems in clinical and counseling practice. Recent research suggests that virtual environments are becoming more and more common in cognitive behavioral therapy where they are used for the treatment of several mental disorders. It is highlighted that virtual scenes can be easily controlled and adjusted to each patient's needs, and this unique feature of virtual reality is very relevant for its use in psychotherapy. Ethical issues in using computerised tools for mental health care needs are analysed. It is concluded that despite the potential benefits of using cyber technologies in psychodiagnostics and psychotherapy, it is necessary to continue to search for answers to the question of what kind of computerized interventions are most effective for patients of different nosological groups with different therapeutic needs.

Keywords: information and communication technologies, psychodiagnostics, cybertherapy, virtual reality, ethical issues.

Жизнедеятельность современного человека проходит в условиях повсеместного распространения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). На сегодняшний день ис-

пользование компьютеров и многочисленных цифровых гаджетов, обеспечивающих беспроводной доступ в интернет и обладающих высочайшей скоростью передачи информации, уже не является специфическим увлечением, а стало необходимостью и повседневной практикой, данностью нашего существования. Американские исследователи Т. Дилани и Т. Мадиган отмечают по этому поводу, что если бы Герберт Спенсер, философ и социолог, предложивший тезис «выживает сильнейший» (наиболее приспособленный), жил в наше время, он, весьма вероятно, счел бы необходимым подчеркнуть, что человек, вошедший в кибермир, и есть тот самый «приспособленный»: имеющий наибольшие шансы быть успешным и процветать [4].

Внедрение компьютерных технологий в различные сферы жизни требует от людей всех сознательных возрастов – от младшего школьного до глубокой старости – постоянного повышения цифровой компетентности, которая с каждым днем становится все более необходимым условием обучения, развития, построения карьеры, организации досуга и дружеского общения, успешного решения повседневных жизненных задач. Вместе с тем, технологические инновации не только диктуют пользователям определенные условия, связанные с освоением киберпространства, но и предоставляют обширное пространство возможностей для получения помощи и поддержки в трудных жизненных ситуациях, таких как безработица, личностный кризис, переживание последствий травматических событий, ограничение трудоспособности вследствие болезни или особенностей в развитии и т.д. [1; 3; 5; 6]. В частности, кибертехнологии становятся все более востребованными в сфере психологической диагностики, консультирования и психотерапии [1; 2; 3; 6; 9]. Например, широко используются в диагностической практике программные пакеты, содержащие батареи различных психологических тестов, которые обеспечивают возможность не только тестирования пользователя в электронном формате с последующим автоматизированным расчетом баллов, соотнесением индивидуальных результатов с нормативными, построением профилей и интерпретационных схем, но также и комплексного обследования, интегрирующего результаты анализа психологических, психофизиологических и психомоторных показателей [2].

Еще более интересные перспективы для компьютерной диагностики и компьютеризированных терапевтических интервенций открываются благодаря развитию технологий виртуальной реальности (ВР), которые позволяют пользователю получить многогранный эмоционально-поведенческий опыт на основе «проигрывания» определенных образцов поведения и паттернов коммуникации в ситуациях, смоделированных в киберпространстве. Этот опыт может быть максимально приближен к реальной жизни (за счет эффектов присутствия и погружения), но при этом «дозирован» и безопасен, так как степень воздействия стимулов кибермира, их объем и интенсивность полностью контролируются. Кроме того, пользователь получает возможность отрабатывать необходимые навыки в любое время и в любом месте, а не только на очных встречах с врачом или психологом [1; 3; 6; 9].

Что касается непосредственно диагностических возможностей, виртуальная реальность позволяет придать новый импульс развитию проективных методов исследования личности. Мы можем, в частности, создавать в 3D формате определенный сюжетный контекст, погружать в него обследуемого и предлагать ему различные варианты аватар-опосредованной деятельности в киберпространстве с заданными параметрами (например, просить развивать сюжет в различных направлениях, выбирать внешний облик, качества и линию поведения аватара по своему усмотрению, делать предположения о намерениях и предпочтениях различных персонажей виртуальной ситуации и т.д.).

Новые перспективы появляются и в проблемном поле психотерапевтической помощи, адресованной различным категориям пациентов. Первой категорией расстройств, для терапии которых была научно обоснована целесообразность применения систем виртуальной реальности, стали специфические фобии. Еще в 1995 году были опубликованы результаты исследования, подтверждающие эффективность использования виртуальных технологий в контек-

сте бихевиоральной терапии для лечения акрофобии [3]. С тех пор разработано немало программируемых виртуальных сред, используемых для лечения различных эмоциональных расстройств, преимущественно тревожного спектра.

В обзорно-аналитическом исследовании немецких ученых К. Айхенберг и К. Уолтерс приводятся данные о результативном применении специализированных виртуальных сред в терапии акрофобии, авиафобии и арахнофобии [6]. Успех представленных в обзоре терапевтических интервенций авторы объясняют тем, что при работе с фобической симптоматикой технологии виртуальной реальности позволяют моделировать ситуации, связанные с фобией не только напрямую, но и косвенно, тем самым повышая резистентность клиента к различного рода стимулам, которые могут вызвать приступ страха. Например, в одном из исследований, проведенных на выборке из 49 испытуемых, страдающих авиафобией, с помощью средств виртуальной реальности моделировались не только полетные ситуации (взлет, процесс полета, посадка), но и ситуации подготовки к авиаперелету (ожидание в аэропорту, рассадка внутри самолета и т.д.). Для воссоздания реалистичности обстоятельств, вызывающих страх, применялось акустическое и визуальное моделирование с помощью НМД (наголовного компьютерного устройства), а также моделирование вибрации. В результате, в экспериментальной группе, участники которой прошли четыре виртуальных сессии и четыре сессии тренинга навыков саморегуляции, было обнаружено значительное уменьшение симптомов. Стабильность достигнутого эффекта была подтверждена данными диагностики, проведенной через год после завершения экспериментальной процедуры [6].

К. Айхенберг и К. Уолтерс также сообщают об экспериментальном исследовании, результаты которого продемонстрировали положительный эффект компьютерного моделирования в терапии одной из разновидностей социальной фобии – страха публичных выступлений. Экспериментальный сценарий состоял в погружении испытуемых в виртуальную аудиторию для презентации доклада на определенную тему. В ходе его реализации каждый из участников эксперимента получал в виртуальном пространстве разносторонний опыт реакций на его выступление со стороны зрителей: от поддерживающих и одобряющих до критиковущих и обесценивающих. Благодаря таким возможностям испытуемые последовательно обучались адаптивному реагированию на внешнюю оценку самого разного диапазона и их страх сделать ошибку и быть негативно оцененными постепенно снижался, а чувство самоэффективности, напротив, возрастало [6].

Именно способность программируемых виртуальных сред развивать и поддерживать самоэффективность человека, испытывающего те или иные психологические трудности, подчеркивается в качестве ключевого аспекта успеха психотерапии испанскими исследователями. К. Ботелла и соавторы отмечают, что согласно А. Бандуре, который ввел в научный оборот данное понятие, повышение и укрепление самоэффективности основывается на переживании индивидом повторяющихся ситуаций успеха, формирующих опыт личных достижений. Этот опыт, в свою очередь, положительно сказывается на самоотношении и обеспечивает готовность более уверенно и компетентно решать жизненные задачи. В терапевтическом контексте виртуальные среды как раз и создают возможность получения, расширения и закрепления подобного опыта, что позволяет пациенту в дальнейшем опираться на него в сложных ситуациях реальной действительности [3].

Возможности виртуального моделирования востребованы также и в терапии расстройств пищевого поведения – нарушений, которые являются весьма распространенными в молодежной популяции, особенно среди девушек. Впервые программируемые виртуальные среды в работе с данным контингентом были применены итальянской исследовательской группой. Серия экспериментов показала, что с помощью систем виртуальной реальности становится возможным формирование у пациентов данной нозологической категории более реалистичного представления о теле. В результате, их Образ-Я становится более целостным и менее противоречивым [8].

Отметим, что несмотря на значительные достижения, связанные с применением кибертехнологий в психологической диагностике и психотерапии, существуют области клинико-психологической практики, в которых возможности их использования остаются спорными и неоднозначными. Дискуссионным является вопрос об адекватности применения ВР-технологий в лечении посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) и панического расстройства. В частности, применение виртуальных сред, воспроизводящих травматический опыт ветеранов войн или жертв террористических атак, является нежелательным с точки зрения современных исследований в области терапии эмоциональных расстройств. Определенные фазы терапии с данным контингентом лиц, такие как стабилизация эмоционального состояния и развитие терапевтических отношений, обязательно должны предшествовать проработке травматического опыта. В противном случае существует риск повторной травматизации пациентов. Вместе с тем, в случае грамотного и хорошо продуманного подхода к применению средств виртуальной реальности в работе с людьми, страдающими ПТСР, может быть достигнут значительный успех [6].

Столь же спорной представляется целесообразность применения технологий виртуальной реальности в лечении людей, у которых нарушено тестирование реальности и/или наблюдаются проблемы с идентичностью. В связи с тем, что программируемые виртуальные среды воссоздают реальную действительность с высокой степенью точности и правдоподобности, их использование в терапии с людьми, предрасположенными к психотическим реакциям, может оказаться небезопасным, так как при контакте с виртуальным пространством такие пациенты могут легко потерять способность к адекватному различению воображаемого и реального мира [3].

Правда, некоторые исследователи имеют принципиально иную точку зрения. Например, Д. Фриман относит виртуальные технологии к перспективным и многообещающим средствам, способствующим определению оптимальной стратегии лечения психотических расстройств, отмечая, что с их помощью можно изучить в контролируемых лабораторных условиях одну из ключевых переменных, необходимых для понимания психоза – роль социального окружения в возникновении психотических расстройств [7]. Аргументы, подтверждающие адекватность виртуального моделирования в терапии психотических пациентов приводят также К. Айхенберг и К. Уолтерс, сообщая о разработке специализированной виртуальной среды, предназначенной для лечения людей с шизофренией. Ее программные возможности позволяют производить индивидуальную настройку виртуальных стимулов для воспроизведения галлюцинаций пациентов, таких как голоса или «наплывающие» стены, изолирующие пациента в закрытом пространстве. В результате, становится возможным обучение пациентов игнорированию галлюцинаций в реальной жизни. При этом авторы подчеркивают, что несмотря на эффективность использования данной разработки в качестве дополнительного средства в терапии людей с шизофренией, каждый раз необходимо тщательно обдумывать показания к ВР-воздействию и его алгоритм [6].

Еще одна проблема связана с дистанционной терапией и консультированием, в частности, с этическими аспектами самодиагностики с помощью компьютерных программ. С одной стороны, онлайн-сервисы – весьма эвристичное направление развития компьютерной психо-диагностики и кибертерапии. За последние годы разработано немало специализированных интернет-ресурсов, посредством которых реализуются консультативно-диагностические и терапевтические услуги. Их огромным преимуществом является доступность для людей с ОВЗ и людей, проживающих в местах, где нет возможности получить очную терапевтическую помощь. С другой стороны, распространение дистанционных сервисов ставит на повестку дня ряд сложных деонтологических вопросов: идентификация пользователя, конфиденциальность, компетентность терапевта, консультирующего онлайн, и т.д. В частности, и пси-

хологический и медицинский диагноз может быть поставлен только специалистом, поэтому открытый доступ к программам лечения онлайн по результатам самодиагностики (такие существуют, например, для лечения социофобии) является не вполне этичным. Чтобы преодолеть эти проблемы, ряд профессиональных сообществ и организаций, предоставляющих онлайн-услуги, разрабатывают и вводят специальные правила, которые касаются как предоставления, так и получения онлайн-консультаций [3; 6].

Подводя итог, отметим, что современные средства компьютеризированной диагностики и кибертерапии являются примером удачных технологических решений в области оценки нервно-психической устойчивости и адаптационного потенциала личности, а также позволяют обеспечить первичную психологическую помощь людям, переживающим последствия стресса или страдающим невротическими расстройствами различного типа. Но они могут быть неэффективны, а порой и просто неуместны в контексте диагностических и терапевтических ситуаций, предполагающих необходимость получения целостного представления о структуре личности обследуемого, системе его защит, качестве контакта с реальностью и контроля над импульсами.

Обсуждая вопрос об эффективности кибертерапии, скорее, можно предположить, что гораздо важнее не сам факт использования технологических инноваций (в частности, виртуальной реальности), а грамотное, последовательное предъявление стимулов, релевантных проблеме пациента, и адекватность алгоритма ее проработки. Специализированные виртуальные среды, вероятно, лишь оптимизируют процесс психотерапии, отчасти сокращают временные затраты на достижение положительных результатов, но, сами по себе, не приносят значимых качественных улучшений. Кибертехнологии – не панацея, а лишь средство помощи терапевту, а также дополнительный инструмент мотивации пациента, так как привлечение ресурсов виртуальной реальности и 3Д-моделирование может способствовать повышению его интереса к терапевтическому процессу и готовности постепенно преодолевать болезненные переживания в стремлении улучшить свое состояние и, впоследствии, повысить качество жизни. Таким образом, компьютерную психодиагностику и опосредованные компьютером терапевтические интервенции стоит рассматривать только как часть той или иной стратегии психологической помощи, четко понимая, что даже самая совершенная цифровая технология может лишь дополнить, но никак не заменить профессионализм квалифицированного психотерапевта.

Библиографический список

1. Айсина Р.М. Опыт применения программного комплекса «Конструктор переживаний» в психологическом консультировании клиентов, находящихся в трудной жизненной ситуации // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности: Сб. научных статей VII Международной научно-практической конференции / Под ред. Р.В. Кадырова. Владивосток, 2017. С. 113-120.
2. Комплекс объективного психологического анализа и тестирования «ЭГОСКОП» // Корпоративный сайт ООО НПКФ «Медиком МТД». URL: <http://www.egoscop.ru> (дата обращения 25.02.2018).
3. Botella C., Garcia-Palacios A., Baños R. M., Quero S. Cybertherapy: Advantages, Limitations, and Ethical Issues // PsychNology Journal. 2009. Vol. 7. № 1. P. 77–100.
4. Delaney T., Madigan T. Friendship and Happiness: And the Connection Between the Two. Jefferson, North Carolina, USA: McFarland & Company, Inc., Publishers, 2017. 296 p.
5. Efremova G.I. Aysina R.M., Maksimenko Z.A., Kolotilova I.V., Shagurova A.A. Virtual Computer Technologies in Practice of Socio-Psychological Assistance toward the Unemployed People: Current State and Prospects of Researches // Asian Social Science. 2015. Vol. 11. № 2. P. 262-269.
6. Eichenberg C., Wolters C. Virtual Realities in the Treatment of Mental Disorders: A Review of the Current State of Research // Virtual Reality in Psychological, Medical and Pedagogical Applications / C. Eichenberg (Ed.). InTech, 2012. P. 35-64.

7. Freeman D. Studying and Treating Schizophrenia Using Virtual Reality: A New Paradigm // *Schizophrenia Bulletin*. 2008. Vol. 34. No 4. P. 605-610.
8. Riva G. Bacchetta M., Cesa G., Conti S., Molinari E. Six-Month Follow-up of Inpatient Experiential Cognitive Therapy for Binge Eating Disorders // *Cyberpsychology and Behavior*. 2003. № 6. P. 124-136.
9. Villani D., Cipresso P., Gaggioli R., Riva G. Positive Technology for Helping People Cope with Stress // *Positive Technology: The Use of Technology for Improving and Sustaining Personal Change* / D. Villani, P. Cipresso, R. Gaggioli, G. Riva (Eds.). Hershey, PA: Information Science Reference (IGI Global), 2016. P. 320-347.

УДК 316.61 (159.9.072)

ИЗУЧЕНИЕ СТИЛЯ ВОЖДЕНИЯ АВТОМОБИЛЯ В СОВРЕМЕННОМ ТЕХНОКРАТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

H.S. Astreyko

Белорусский государственный университет

На современном этапе развития технологий, стиль вождения автомобиля водителем оказывает значительное влияние на безопасность дорожной движения. Под психологическими характеристиками стиля вождения автомобиля следует рассматривать такие факторы, как психотизм, невротизм, тревожность, агрессивность, общительность, экстраверсия-интроверсия, поиск ощущений, импульсивность, локус контроля. Для проведения исследования использовались следующие методики: многофакторный опросник стиля вождения, психодиагностический тест. Выборка для данного исследования состояла из респондентов в возрасте от 18 до 76 лет (средний возраст – 31,4 года), в количестве 260 человек. Вне зависимости от пола анализ выявил ряд положительных и отрицательных корреляций между психологическими характеристиками и стилем вождения автомобиля.

Ключевые слова: стиль вождения автомобиля, психологические факторы, безопасность дорожного движения.

STUDY OF THE DRIVING STYLE OF THE VEHICLE IN THE MODERN TECHNOCRATIC SOCIETY

N.S. Astreyko

Belarusian State University

At the present stage of development of technologies driving style has a significant impact on road safety. Under the psychological characteristics of the driving style of the car should be considered factors such as psychotism, neuroticism, anxiety, aggressiveness, sociability, extraversion-introversion, the search for sensations, impulsiveness, the locus of control. To conduct the study, the following methods: multidimensional driving style inventory, psychodiagnostic test. The sample for this study consisted of respondents aged 18 to 76 years (mean age – 31.4 years) in the amount of 260 people. Regardless of the gender analysis has identified a number of positive and negative correlations between psychological characteristics and driving style.

Keywords: driving style, psychological factors, road safety.

На современном этапе социально-экономического и научно-технического развития одним из актуальных направлений изучения поведения водителей на дороге является исследование стиля вождения автомобиля. Изучение и анализ психологической литературы позволили выделить основные направления исследований поведения водителей на дороге. С одной стороны, внимание фокусируется на психологических и психофизиологических условиях труда водителей (психология труда водителей, автотранспортная психология).

С другой стороны, изучаются межличностные отношения участников дорожного движения (социальная психология). В ряде психологических исследований раскрываются фак-

торы, влияющие на действия водителей и принимаемые ими решения в текущей изменяющейся дорожной ситуации; учитываются индивидуальные особенности личности и поведенческие реакции водителя при взаимодействии водителей друг с другом и остальными участниками дорожного движения.

В связи с этим при исследовании проблемы безопасности (аварийности) дорожного движения, первостепенное значение имеет анализ содержания и результатов деятельности водителей, а также детальное рассмотрение психологических детерминант, влияющих на принятие и осуществление тех или иных решений в дорожных ситуациях. Это обусловлено тем, что работа водителя относится к сложным видам человеческой деятельности, в процессе которой осуществляется управление источником повышенной опасности.

В зарубежных исследованиях более распространено представление о вождении как о дорожном поведении, проявления которого в первую очередь определяются особенностями личности участника дорожного движения, а также могут обуславливаться особым устройством дорожной среды. В отечественной психологии подход к работе с водителями основывается на представлении о вождении как об особой деятельности, надежность которой определяется выбором целей и действий водителя. Это связано с отсутствием различий в подготовке профессиональных водителей и водителей-любителей. Однако, для любителей вождение – прежде всего, поведение, тогда как для профессионалов – деятельность.

На основании анализа существующих определений и обобщения различных подходов по данной проблеме можно заключить, что *стиль вождения автомобиля – это совокупность устоявшихся способов действий водителя на дороге во время движения, обусловленных рядом личностных и ситуационных факторов, определяющих уровень безопасности (аварийности) на дороге.*

Действия водителей по управлению автомобилем меняются под влиянием разнообразных психологических факторов, которые представляют психологическую причину возникновения явления, определяющую характер и особенности его протекания. Следует заметить, что общепринятая система факторов стиля вождения автомобиля отсутствует. Изучение детерминант осуществляется разрозненно и эпизодически, в фокусе исследовательского интереса отдельных аспектов проблемы.

Ранее проведенные исследования позволили выявить, что стиль вождения автомобиля зависит от личностных качеств (*психотизм, невротизм, тревожность, агрессивность, общительность, экстраверсия-интроверсия, поиск ощущений, импульсивность, локус контроля*) водителя. С целью проверки данного предположения было проведено изучение взаимосвязи психологических характеристик водителя и стиля вождения автомобиля.

Выборка для данного исследования состояла из респондентов в возрасте от 18 до 76 лет (средний возраст – 31,4 года), в количестве 260 человек, среди которых 126 мужчин и 134 женщины.

Для проведения исследования использовались следующие методики: многофакторный опросник стиля вождения О. Taubman-Ben-Ari в адаптации И.А. Фурманова и Н.С. Астрейко, состоящий из 8 шкал: диссоциативный, терпеливый, опасный, агрессивный, высокоскоростной, безаварийный, тревожный, осторожный стили вождения автомобиля [1]; психодиагностический тест В.М. Мельникова, Л.Т. Ямпольского, состоит из 10 шкал нижнего уровня (невротизм, психотизм, депрессию, совестливость, эстетическую впечатлительность, женственность, расорможенность, общую активность, робость, общительность) и 4 шкал верхнего (психическую неуравновешенность, асоциальность, интроверсию и сензитивность) [2].

Вне зависимости от пола корреляционный анализ выявил ряд взаимосвязей между психологическими характеристика и стилями вождения автомобилей. Шкала «невротизма» положительно связана с диссоциативным ($r = 0,12$, $p \leq 0,05$), высокоскоростным ($r = 0,17$, $p \leq 0,01$) стилями вождения автомобиля и отрицательно – с терпеливым ($r = -0,13$, $p \leq 0,05$).

Положительная взаимосвязь была выявлена между «асоциальностью» и диссоциативным ($r = 0,20, p \leq 0,01$), опасным ($r = 0,29, p \leq 0,01$), агрессивным ($r = 0,19, p \leq 0,01$), высокоскоростным ($r = 0,18, p \leq 0,01$) стилями вождения, а также обнаружена отрицательная взаимосвязь с безаварийным ($r = -0,14, p \leq 0,05$) и терпеливым ($r = -0,18, p \leq 0,01$) стилями вождения.

Была установлена положительная взаимосвязь между шкалой «психотизма» и диссоциативным ($r = 0,21, p \leq 0,01$), опасным ($r = 0,25, p \leq 0,01$), агрессивным ($r = 0,25, p \leq 0,01$) и высокоскоростным ($r = 0,29, p \leq 0,01$) стилями вождения; «депрессией» и диссоциативным ($r = 0,22, p \leq 0,01$), опасным ($r = 0,17, p \leq 0,01$), агрессивным ($r = 0,13, p \leq 0,05$), высокоскоростным ($r = 0,24, p \leq 0,01$) стилями вождения.

Также положительные корреляции были обнаружены между «совестливостью» и безаварийным ($r = 0,14, p \leq 0,05$) стилем вождения автомобиля; «расторможенностью» и опасным ($r = 0,22, p \leq 0,01$), агрессивным ($r = 0,18, p \leq 0,01$) стилями вождения; шкалой «общая активность» и опасным ($r = 0,24, p \leq 0,01$), высокоскоростным ($r = 0,15, p \leq 0,05$) и осторожным ($r = 0,13, p \leq 0,05$) стилями вождения; «робостью» и диссоциативным ($r = 0,17, p \leq 0,01$), высокоскоростным ($r = 0,13, p \leq 0,05$) стилями вождения; «общительность» и осторожным ($r = 0,16, p \leq 0,05$) стилем вождения; шкалой «психологической неуравновешенности» и высокоскоростным ($r = 0,20, p \leq 0,01$) стилем вождения; «интроверсией» и диссоциативным ($r = 0,13, p \leq 0,05$) стилем вождения.

Отрицательная корреляционная связь была установлена между «эстетической впечатлятельностью» и опасным ($r = -0,16, p \leq 0,01$) стилем вождения; «женственностью» и опасным ($r = -0,23, p \leq 0,01$), агрессивным ($r = -0,13, p \leq 0,05$) стилями вождения; «сензитивностью» и опасным ($r = -0,20, p \leq 0,01$), агрессивным ($r = -0,13, p \leq 0,05$) стилями вождения автомобиля.

Таким образом, постоянно изменяющееся технократическое общество оказывает влияние, как на личность водителя, так и на межличностные отношения водителей и других участников дорожного движения. Стиль вождения автомобиля оказывает непосредственное влияние на водителя, в процессе принятия и осуществления тех или иных решений в текущей изменяющейся дорожной ситуации, его изучение позволяет повысить безопасность дорожного движения.

Библиографический список

1. Фурманов И.А. Адаптация многофакторного опросника стиля вождения // Философия и социальные науки. 2016. № 2. С. 88-93.
2. Реан А.А. Практическая психодиагностика личности: учеб. пособ. СПб: Изд-во СПб ун-та, 2001. 224 с.

УДК 372.851+377.031.4+372.862

ЗАНЯТИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

*A.A. Жихарева
ФГБОУ ВО «СамГТУ»*

В статье рассматриваются ситуации неопределенности человеческой личности в современном мире. Автор указывает на необходимость постоянно осуществлять выбор на протяжении всей жизни и во всех сферах деятельности. Образование в данной статье рассматривается как одно из важнейших направлений, которое влияет на сознание индивидуумов. Осуществление образовательного процесса с помощью информационно-коммуникационных технологий помогает обучающимся осуществлять осознанные действия в условиях неопределенности решаемой задачи. Повышение качества обучения возможно в случае применения на занятиях математики информационно-коммуникационных технологий.

Ключевые слова: математическое обучение, математика, непрерывность, неопределенность, параметр, информационно-коммуникационные технологии

CLASSES WITH THE USE OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

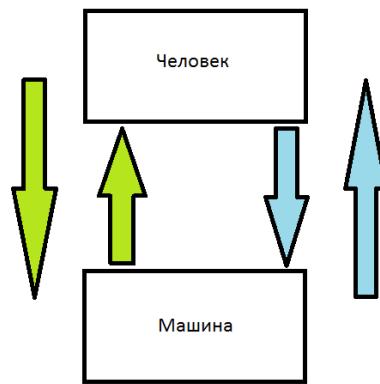
A.A. Zhikhareva

Samara State Technical University

The article deals with the situation of uncertainty of human personality in the modern world. The author points out the need to constantly make choices throughout life and in all spheres of activity. Education in this article is considered as one of the most important directions which influences consciousness of individuals. Implementation of the educational process with the help of information and communication technologies helps students to carry out conscious actions in conditions of uncertainty of the problem. Improving the quality of education is possible in the case of the use of mathematics in the classroom information and communication technologies.

Keywords: mathematics education, mathematics, continuity, uncertainty, parameter, information and communication technologies

Современный мир полон неопределенностей. На пути совершенствования личностичество претерпевает всевозможные этапы модернизации гуманистической картины социума. Человек в этом мире находится в ситуации постоянного выбора: места работы, учёбы, проживания, отдыха и пр. Различные обстоятельства и факторы помогают нам принимать окончательные решения в жизни. Огромное влияние на наше сознание оказывает современная техногенная среда, где ключевую нагрузку выполняют всевозможные электронные средства: камеры, планшеты, ноутбуки, гаджеты и пр. Взаимодействие человека и техники проходит повсеместно и постоянно: чтение утренних новостей, разогревание завтрака в микроволновой печи, оплата по электронной карте, работа с электронной почтой и т.п. Подобное сотрудничество техники и человека требует от последнего определенного психологического уровня готовности. Находясь в постоянном активном режиме, субъект рискует потерять внимание, бдительность и упустить часть нужной информации. Схема взаимодействия машины и человека представлена на рисунке.

Система «человек – машина»

Ситуация выбора, приобретения и потери информации встречается во всех сферах жизнедеятельности человека. Особое внимание уделим образованию – процессу, формирующему сознание будущего поколения.

Образовательное учреждение в актуальном понимании представляет собой организацию, чьи принципы и понятия отвечают новым федеральным государственным образовательным стандартам. На сегодняшний день всё чаще можно встретить преподавателя не с книгами и мелом, а с флеш-накопителем и лазерной указкой. Разнообразие электронных ресурсов для подготовки к проведению занятий удивляют. Возможности изложения материала и контроля обу-

чающихся безграничны. Всё зависит от педагогического мастерства и адаптации педагога к овладению современными информационно-коммуникационными технологиями.

Способность преподавателя нести знания на современном уровне влияют на качество и успеваемость обучающихся. Из собственной практики можно утверждать, что мотивация к изучению нового и желание улучшить свои результаты увеличивается среди тех, чьи занятия проводятся с помощью информационно-коммуникационных технологий. Особенно целесообразным их использование на уроках математики, т.к. данная дисциплина является обязательной для сдачи основного государственного экзамена (ОГЭ).

Задания ОГЭ по математике представляют собой два блока: простая и сложная части, каждая из которых затрагивает предмет алгебры и геометрии. В попытке повысить результаты на предстоящем экзамене обучающиеся с интересом изучают задачи повышенного уровня сложности. Понимание материала и наглядность алгоритма действий особенно в задачах с параметрами хорошо приходит при ведении занятия с применением компьютерного моделирования. Здесь обучающиеся самостоятельно работают на компьютере, совершают осознанные последовательные действия с использованием полученных ранее знаний на уроках алгебры и геометрии. Ниже приведена технологическая карта одного из занятий по отработке навыков освоения графического метода при решении задач с параметрами.

Технологическая карта занятия

Технологическая карта урока «Решение задач с параметром графическим методом», предмет математика	
Цель деятельности учителя	Создать условия для рассмотрения различных случаев взаимного расположения графиков функций
Термины и понятия	Функция, график функции, параметр, прямая, парабола, окружность

Планируемые результаты

Предметные умения	Универсальные учебные действия (УУД)
Владеют базовыми понятиями согласно пройденному материалу	<i>Познавательные</i> : обучающиеся устанавливают причинно– следственные связи, выстраивают логические рассуждения, получают результат и делают выводы. <i>Регулятивные</i> : самостоятельно ставят цели, выбирают и следуют алгоритму действий для нахождения решения. <i>Коммуникативные</i> : выслушивают различные мнения, участвуют в диалоге <i>Личностные</i> : проявляют познавательный интерес к предмету и проблеме на уроке, имеют представление о современных методах и средствах достижения результата.
Образовательные ресурсы	Персональный компьютер (ноутбук), интерактивная доска, мультимедийный проектор, программа «GeoGebra», стандартный пакет «OpenOffice» либо «Microsoft Office», тетрадь.
Деятельность учителя	Деятельность учащихся

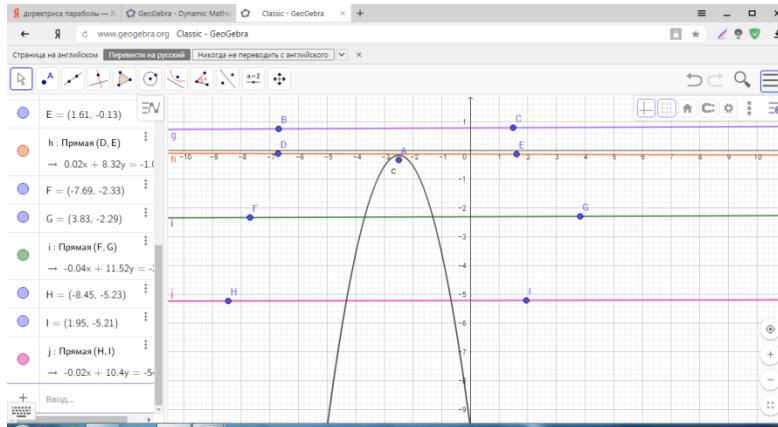
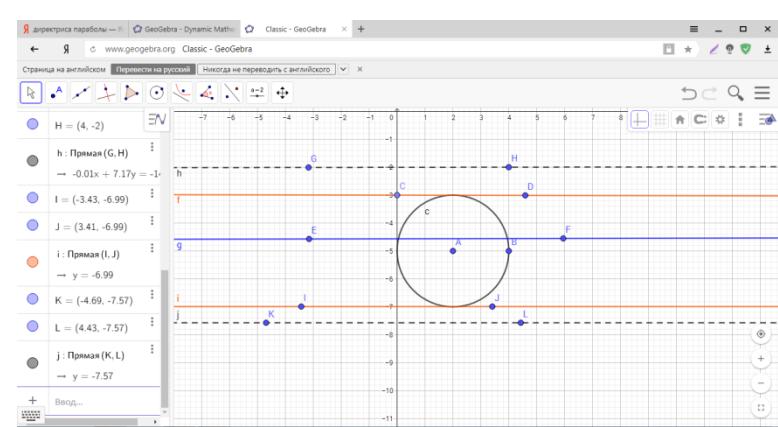
I. ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ МОМЕНТ (3 мин.)

Приветствие. Проверка отсутствующих. Обозначение групповой работы. Психологический настрой на урок.	
---	--

II. СОЗДАНИЕ ПРОБЛЕМНОЙ СИТУАЦИИ (10-12 мин.)

<p>Вводная беседа: -Что такое функция? -Сформулируйте определение для понятия графика функции? -Назовите функции, с графиками которых мы уже встречались на уроках? -Охарактеризуйте основные свойства вышеупомянутых графиков? Сформулируйте что означает выражение «решить графически»?</p> <p>Проблемно– познавательное задание: Необходимо найти все значения параметра а, при котором функция $y=3*x$ и $y=a$ имеет ровно одно решение.</p> <p>Главный вопрос урока: Как найти решение, не выполняя вычисления?</p> <p>Гипотезы:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) Получить решение и определить значение параметра возможно, если выполнить построение графиков функций. 2) Способ нахождения возможных значений параметра основывается на построении и моделировании расположения графиков в декартовой системе координат. <p>Задание: -Запишите общий вид формул, с графиками которых мы уже знакомы. Подпишите у каждой функции название.</p>	<p>Интерактивная доска, фронтальный опрос</p> <p>Включение программы GeoGebra и первое знакомство с интерфейсом</p> <p>Ответ у интерактивной доски, остальные – работа в тетрадях</p> <p>На экране $y=kx+b$ – прямая, $y=ax^2+bx+c$ – парабола $y=(x-x_0)^2+(y-y_0)^2=r$ – окружность.</p>
---	--

III. ОТКРЫТИЕ НОВЫХ ЗНАНИЙ (15 мин.)

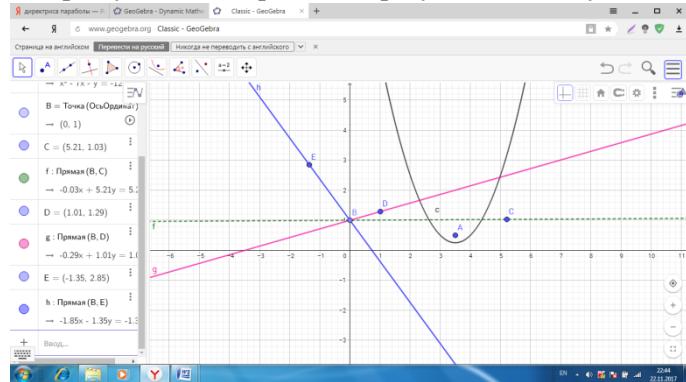
<p>1.Что мы знаем о каждом из графиков функций?</p> <p>Задание. Изобразить параболу $y=-x^2-5x-7$. Определить при каких значениях параметра а прямая $y=ab$ будет иметь ровно одно решение.</p> <p>Для нахождения корней возможно воспользоваться встроенным вычислительным блоком в программе. Что делаем в случае, когда дискриминант отрицательный? (вершина параболы, значение функции в вершине параболы)</p> <p>Задание. Найти хотя бы одно решение окружности $y=(x-2)^2+(y+5)^2=4$ и прямой $y=a$. (центр окружности, радиус окружности)</p>	<p>Работа в программе GeoGebra, обсуждение</p>
---	--

IV. ПРИМЕНЕНИЕ НОВЫХ ЗНАНИЙ (5-7 мин.)

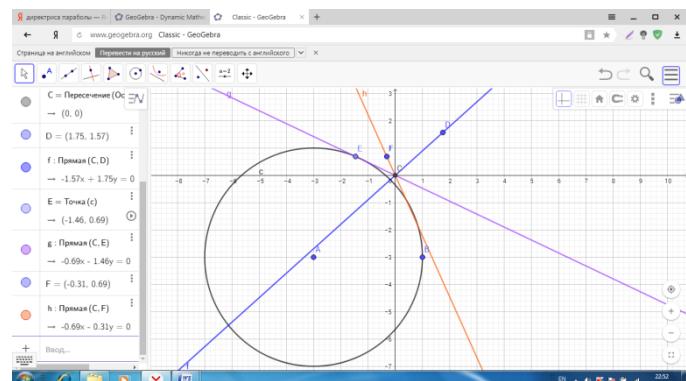
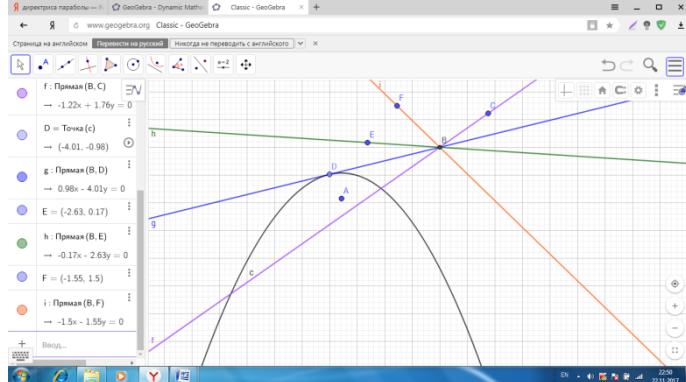
Задание. Определить значение параметра a , при котором прямая $y=ax+1$ имеет два решения с параболой $y=-x^2-7x+14$.

Задание. По готовым чертежам определить какие возможные значения принимает параметр a в графиках прямых на рисунках. На всех изображениях прямая задана уравнением $y=ax$.

Работа в программе GeoGebra, выводение решения задания на большой экран учителем, сравнение результатов, обсуждение

Устно по готовым чертежам с экрана

V. ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ УРОКА (РЕФЛЕКСИЯ) (3 мин.)

-Какие графики функций повторили на уроке, как найти решение графиков функций?

Ситуация рефлексии: а) установление соотношения целей и задач с результатами деятельности;

Ситуация самооценки: чертежи (рисунки), получившиеся значения параметра.

Дискуссия

Домашнее задание: найти все значения параметра a , при котором для окружности $y=(x+1)^2+(y-2)^2=9$ и прямой $y=ax-3$ существует два решения.

Взаимодействие по системе «человек – машина» с использованием информационно-коммуникационных технологий развивает способность обучающихся к самостоятельной деятельности. Кроме этого, применение на занятиях новых компьютерных программ прививает навык действовать рационально, с наименьшим количеством промежуточных действий.

Выполнять выбор и разрешать ситуацию неопределенности в случае с задачей с параметром в дальнейших действиях помогает ранее проделанный алгоритм. В процессе решения поставленной задачи обучающийся действует без подсказок, получает собственный результат и сравнивает его с эталонным ответом. Развитие этих умений необходимо для достижения высоких показателей на ОГЭ. Получить большое количество баллов на экзамене по математике сможет та группа обучающихся, которая практиковала на своих занятиях решение математических задач с использованием современных информационно-коммуникационных технологий и делала самостоятельно правильный выбор.

УДК 159.9.072

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИНТЕРНЕТ-АДДИКЦИИ В ПОДРОСТКОВОЙ И МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

T.G. Киселева
ФГБОУ ВО «ЯГПУ им. К.Д. Ушинского»

В статье представлены результаты исследования предрасположенности к интернет-аддикции в подростковой и юношеской аудитории. Методом экспертной оценки, в которой приняли участие ведущие специалисты в данной области, проведено ранжирование факторов, связанных с интернет-аддикцией. Наиболее подробно проведен анализ следующих психологических проявлений зависимого поведения: избегание проблем и ответственности, независимость и анонимность как особая ценность, низкая самооценка, нарушение коммуникаций, бесконтрольность времени, ложь, физические недомогания, фрустрированные потребности, раздражение. Выборку составили школьники и студенты. Это позволило автору выполнить сравнительный анализ по возрастному признаку, а также по гендерному признаку. По итогам исследования обозначены направления психо-коррекционной работы с подростками и юношеством.

Ключевые слова: интернет-аддикция, подростки, юноши, психологические факторы формирования зависимости.

PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF INTERNET ADDICTION IN ADOLESCENCE AND YOUTH

T.G. Kiseleva
Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky

The article presents the results of the study of predisposition to Internet addiction in adolescence and young audience. By peer review, which was attended by leading experts in the field, the ranking of factors associated with Internet addiction. More detail on the analysis of these psychological manifestations of addictive behavior: avoidance of problems and responsibilities, independence and anonymity as a special value, low self esteem, impaired communication, lack of time, lies, physical ailments, frustrated need, irritation. The sample consisted of pupils and students. This allowed the author to carry out a comparative analysis on the basis of age and gender. The study identified areas of psycho-correctional work with adolescents and youth.

Keywords: Internet addiction, adolescents, youth, psychological factors of addiction.

Актуальность темы исследования продиктована следующими причинами: во-первых, ростом числа пользователей интернета в среднем на 9 % в год, что увеличивает категорию потенциально предрасположенных к интернет-аддикции поскольку прирост идет за счет несовершеннолетних [1]. Во-вторых, отсутствием или несформированностью навыков безопасного поведения в сети, что приводит к потере информации у пользователей за счет заражения вирусами, несанкционированного доступа к личной информации и т.п. В-третьих, ростом числа лиц с признаками интернет-зависимого поведения [4, 5].

Интернет-среда многофункциональна и включает в себя многообразные виды деятельности, отличающиеся по своему характеру, целям, мотивам. С каждым годом увеличивается количество используемых и созданных интернет ресурсов, в сети вовлекаются новые социальные и возрастные слои населения. Особенно ярко это проявляется в молодежном возрасте, в котором наиболее часто возникает сверхзанятость сетью интернет. Все это привело к тому, что для общества стала актуальной проблема патологического использования интернета, для обозначения этого явления И. Голдберг (1996) предложил термин «интернет-аддикция» [цит. по 6].

Интернет-зависимость – феномен, проявляющийся в своеобразном уходе от реального, при котором процесс навигации по сети в виртуальном мире затягивает субъекта настолько, что он оказывается не в состоянии полноценно функционировать в реальном мире [4]. Интернет-зависимость включена в группу нехимических зависимостей как особое проявление девиантного поведения. В отечественных исследованиях изучение зависимости от интернета представлено в работах А.Е. Войскунского, М.И. Дрепа, А.В. Котлярова, В.Д. Мендлевича, В.Ю. Рыбникова и других [2, 3]. Зарубежные исследователи – М. Гриффитс, Дж. Грохол, Дж. Морэйхан-Мартин, Дж. Суллер, М. Фенишель, К. Янг – подняли этот вопрос как проблемный примерно на 10-12 лет раньше отечественных [6-8].

Целью данной работы является анализ проявлений интернет-зависимого поведения в группе респондентов от 14 до 27 лет как наиболее подверженной данному виду аддикции. На основании теоретического анализа научной литературы по проблеме интернет-зависимость были выделены факторы, влияющие на формирование интернет зависимости: бесконтрольность времени; избегание проблем и ответственности; склонность ко лжи; раздражительность; стремление к анонимности и независимости; нарушение межличностной коммуникации; фрустрированные потребности; низкая самооценка; физические недомогания. Методом экспертной оценки мы попросили оценить значимость этих факторов в формировании интернет-аддикции у ведущих специалистов в данной области. Всего в опросе принимало участие 7 экспертов – сотрудники областной наркологической больницы, психологи, социальные педагоги, сотрудники отдела полиции по делам несовершеннолетних и защите их прав. Групповая оценка может считаться достаточно надежной только при условии хорошей согласованности ответов опрашиваемых экспертов, поэтому статистическая обработка информации включала в себя оценку степени согласованности мнений экспертов, для подсчета которой использовались весовые коэффициенты конкордации. Согласованность мнений мы определили с помощью коэффициента конкордации Кендалла. Были получены следующие весовые коэффициенты согласованности мнений экспертов по каждому из признаков предрасположенности к интернет-зависимости:

- признак 1: «Бесконтрольность времени» **W= 0,74**
- признак 2: «Избегание проблем и ответственности» **W=0,80**
- признак 3: «Ложь» **W=0,74**
- признак 4: «Раздражение» **W = 0,77**
- признак 5: «Независимость и анонимность как особая ценность» **W=0,66**
- признак 6: «Нарушение коммуникаций» **W=0,70**
- признак 7: «Фрустрированные потребности» **W=0,84**
- признак 8: «Низкая самооценка» **W=0,77**
- признак 9: «Физические недомогания» **W=0,83**

Коэффициент конкордации характеризует высокую согласованность мнений экспертов, что позволило продолжить исследование. Именно эти факторы и анализировались в ходе нашего исследования, в котором приняли участие 383 человека, из которых 194 человека – обучающиеся в школе в 9-11 классах в возрасте от 14 до 18 лет, и 189 человек – студенты ву-

за в возрасте от 18 до 27 лет, обучающиеся на 1-4 курсах по направлениям подготовки «Социальная работа», «Организация работы с молодежью», «Социальная педагогика». В выборке школьников мальчиков было 98 человек и 96 девочек. Студенты, принимавшие участие в опросе, обучаются в педагогическом вузе, поэтому гендерный баланс сдвинут в сторону женской выборки, а именно: 38 мужчин и 151 женщина. Выбор студентов педагогического вуза был сделан неслучайно, т.к. будущие педагоги, начав работать с детьми, будут транслировать те же поведенческие паттерны, носителями которых являются они сами.

На первом этапе нас интересовал вопрос об уровне выраженности интернет-зависимости у респондентов. Результаты проверки достоверности отличий (с помощью t-критерия Стьюдента) позволили нам разделить выраженность признаков предрасположенности к интернет-зависимому поведению по 3 субшкалам: низкий показатель; средний показатель, высокий показатель. Распределение по уровням показало следующую картину, представленную в табл. 1.

Таблица 1

Уровни выраженности интернет-зависимости у различных категорий респондентов

Уровни Категории респондентов	Низкий уровень (интернет- зависимость не выражена)	Средний уровень (отдельные признаки интернет-зависимости)	Высокий уровень (интернет-зависимость сформировалась)
Выборка в целом	38,13 %	40,9 %	20,97 %
Мужчины	43,38 %	15,44 %	41,18 %
Женщины	23,89 %	58,3 %	17,81 %
Школьники	39,18 %	40,72 %	20,1 %
Студенты	41,8 %	48,15 %	10,05 %

Итак, в целом по выборке оказалось, что чуть более 38 % опрошенных являются обычными пользователями интернета; 40 % можно отнести к среднему уровню пользователя сети, который проводит в интернете чуть больше нужного, но определенно владеет ситуацией; почти 20 % находятся в зоне риска, поскольку ощутимо серьезное влияние интернета на их жизнь.

Сравнение респондентов по гендерному признаку позволило отметить явные различия между мужской и женской выборкой, а именно: у мужчин очень мало представлена группа со средним уровнем интернет-зависимого поведения, зато примерно одинаковый процент респондентов относятся либо к группе абсолютно не подверженных влиянию данного вида аддикции, либо к группе с признаками существенной зависимости от интернета. Это проявление интернет-аддикции у мужчин не подчиняется закону нормального распределения, что является частным случаем гендерных проявлений, описанных исследователями одаренности, которые констатировали факт, что в мужской популяции чаще встречаются представители с крайними степенями выраженности интеллекта: очень много лиц с коэффициентом интеллекта ниже 75 баллов, но примерно с такой же частотой встречаются и одаренные личности, чей интеллект значительно больше 130 баллов. Вероятно, эту же закономерность мы обнаружили и в отношении интернет-аддикции. Женская выборка, напротив, представлена в большей степени средним уровнем интернет-аддикции; лиц с высокими показателями зависимости обнаружено чуть больше 17 %. Это обстоятельство может быть связано с более высоким уровнем самоконтроля у женщин, либо умением более четко и полно структурировать свободное время.

Отличия по возрасту не столь разительны: примерно одинаковый процент школьников и студентов имеют низкий уровень интернет-зависимости. По мере взросления падает число лиц с явно выраженным признаками интернет-аддикции, которые переходят в группу со

средними показателями. Возможно, на эту динамику влияет не только приобретение жизненного опыта, но и особенности социальной ситуации развития, связанной с обучением в вузе, проживанием в общежитии, накладывает отпечаток на характер поведения в сети.

На следующем этапе мы рассмотрели группы респондентов с разными уровнями интернет-зависимого поведения с целью выявления отличий по факторам-признакам предрасположенности к интернет-аддикции. Анализ ответов 20 % респондентов, имеющих явно выраженный уровень интернет-зависимости, позволил составить рейтинг признаков данной аддикции. Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

**Рейтинг признаков зависимого поведения респондентов
с высоким уровнем интернет-зависимости**

Признак предрасположенности к интернет-зависимости	Среднее значение
Признак: избегание проблем и ответственности	7,63
Признак: независимость и анонимность как особая ценность	7,25
Признак: низкая самооценка	6,75
Признак: нарушение коммуникаций	6,13
Признак: бесконтрольность времени	6,00
Признак: ложь	5,38
Признак: физические недомогания	5,38
Признак: фрустрированные потребности	5,13
Признак: раздражение	5,00

Ведущими признаками интернет-зависимости выступают избегание проблем и ответственности; независимость и анонимность; нарушение коммуникаций; низкая самооценка, поэтому дальнейшие ответы респондентов были проанализированы в соответствии с полученным рейтингом (табл. 3).

Таблица 3

Избегание проблем и ответственности

Уровни Категории респондентов	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Выборка в целом	25,85 %	33,42 %	40,73 %
Мужчины	38,24 %	18,38 %	43,38 %
Женщины	23,89 %	47,37 %	28,74 %
Школьники	9,28 %	29,38 %	61,34 %
Студенты	32,28 %	40,74 %	26,98 %

Стремление к избеганию проблем можно рассматривать как желание человека уйти от трудностей, избавиться от дискомфортного психологического состояния, укрыться от взросления, ответственности, скуки, подавленности. Наблюдается общая инфантилизация общества, стремление не решать, а уходить от проблем, делать вид, что их не существует, а Интернет предоставляет множество возможностей для развлечений, которые вызывают приятные эмоции и ослабляют чувство вины, страха, стыда и ответственности.

У мужчин наблюдаются крайние тенденции, а именно доминируют респонденты, которые либо готовы по максимуму взять на себя ответственность, либо не брать её вовсе. Респондентов со средним уровнем ответственности выявлено чуть больше 18 %. У женщин, напротив, преобладает средняя тенденция в отношении ответственности и готовности брать на

себя решение возникающих проблем. Девушки, которые готовы взвалить на себя весь груз ответственности, демонстрируя тем самым маскулинный тип поведения, в процентном соотношении примерно столько же, сколько девушек, не желающих и стремящихся отвечать за себя и брать на себя решение возможных проблем.

Анализируя возрастную динамику, можно заметить, что уровень ответственности растет по мере взросления респондентов. Возможно, это связано с обретением полной юридической ответственности в связи с наступлением восемнадцатилетия, а может особенности обучения в вузе по сравнению со школой также способствуют более ответственному поведению.

Второе место в рейтинге факторов, предрасполагающих к интернет-аддикции занимает стремление к демонстрации независимости и сохранению анонимности при общении в сетях. Результаты ответов на данные вопросы представлены в табл. 4.

Таблица 4
Независимость и анонимность

Уровни Категории респондентов	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Выборка в целом	31,07 %	32,38 %	36,55 %
Мужчины	29,41 %	33,09 %	37,5 %
Женщины	35,22 %	34,42 %	30,36 %
Школьники	22,68 %	29,9 %	47,42 %
Студенты	32,81 %	36,5 %	30,69 %

Ценность независимости и анонимности, как правило, является значимой для людей, желающих абстрагироваться от реального мира. Интернет представляет такую возможность. В сети существует возможность создания новых образов «Я», оригинальных вариантов самопрезентаций, воплощения представлений или фантазий, невозможных в повседневной жизни. Интернет дает таким людям иллюзию возможности контролировать свое эмоциональное состояние, вызывать по желанию чувство психологического комфорта, избавляться от неприятных эмоций и мыслей. Анонимность и фактическая невозможность проверки, предоставленной о себе информации, возможность соединения в виртуальном образе реальных, желаемых и целиком вымышленных характерологических и иных особенностей, стимулируют развитие интернет-зависимости.

В качестве тревожной тенденции мы вынуждены констатировать преобладание лиц с высоким уровнем анонимности, т.е. респонденты не готовы выступать под собственным именем, сообщая о себе достоверную информацию. В общем объеме выборки процент таких людей составил более 36 %. Эта же тенденция повторяется и в мужской выборке, а именно: постепенное увеличение процента лиц, предпочитающих анонимное общение в социальных сетях, сообщение неполной, недостоверной, а иногда и полностью вымышленной информации о себе.

Хотя статистически достоверных отличий между женской и мужской выборкой обнаружено не было, тем не менее тенденции анонимности в женской выборке представлены по-другому. Женщины склонны выкладывать в интернет более правдивую информацию о себе. Возможно, этот факт отражает более наивную в социальном плане позицию, делая женскую аудиторию более уязвимой для интернет-мошенников.

В отношении анализируемого признака студенты распределились по группам примерно поровну, тогда как у школьников почти в два раза преобладает группа предпочитающих анонимное общение в соцсетях, позволяющее выдавать желаемое за действительное.

На третьем месте среди факторов, указывающих на формирующуюся интернет-аддикцию, стоит заниженная самооценка. Этот признак коррелирует со стремлением к анонимности в общении социальных сетях, что было рассмотрено выше. Результаты по данному показателю представлены в табл. 5.

Таблица 5
Низкая самооценка

Уровни Категории респондентов	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Выборка в целом	21,15 %	30,03 %	48,83 %
Мужчины	14,71 %	11,03 %	74,26 %
Женщины	31,98 %	40,08 %	27,94 %
Школьники	11,85 %	26,29 %	61,86 %
Студенты	21,16 %	37,57 %	41,27 %

В литературе, посвященной интернет-аддикции, исследователи утверждают, что люди с *заниженной самооценкой* обращаются к интернету в поисках недостающего уважения, любви и ощущения собственной значимости. Интернет-среда служит средством самозащиты от плохого настроения, чувства боли и унижения. Погружаясь в виртуальную реальность, человек как бы защищает себя от проблем, тревоги, комплексов. Виртуальный мир может использоваться как средство компенсации неудач. Он дает ту свободу действий, свободу выражения мыслей, чувств и эмоций, которые в реальной жизни зачастую не всегда возможны. Взаимодействие с интернет-средой дает возможность получения психотерапевтической помощи, поддержки, сочувствия и понимания. В отличие от подобного рода контактов в реальной жизни, общение в интернете имеет большую конфиденциальность, разнообразие проблем, открытых для обсуждения и, тем самым, сеть дает возможность освободиться от психического напряжения. Формально данное положение в нашем исследовании не нашло подтверждения. С другой стороны, анализ предыдущих факторов позволяет усомниться в честности относительно информации, которая может дискредитировать респондентов. Самооценка как раз относится к таким показателям, поэтому мы полагаем, что респонденты искусственно приукрашивали свои ответы, стараясь выглядеть лучше, чем оно есть на самом деле, поскольку явно прослеживается тенденция к завышенной самооценке у всех групп респондентов. Стоит отметить, что максимально стремятся «сохранить лицо» респонденты мужского пола, аналогичная тенденция прослеживается у школьников. Студенты по степени адекватности самооценки занимают промежуточное положение; наиболее адекватно оценивает себя женская выборка.

Последний показатель, который существенно превышает норму, – нарушение в области коммуникаций. Обобщенные ответы респондентов представлены в табл. 6.

Таблица 6
Нарушение коммуникаций

Уровни Категории респондентов	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Выборка в целом	38,38 %	39,16 %	22,46 %
Мужчины	30,88 %	31,62 %	37,5 %
Женщины	31,98 %	43,32 %	24,7 %
Школьники	53,61 %	36,6 %	9,79 %
Студенты	38,1 %	48,15 %	13,75 %

В целом по всей выборке тезис о том, что лица, склонные к интернет-аддикции, имеют низкий уровень коммуникативных навыков, подтвердился. Это свидетельствует о том, что у представленных групп молодых людей существуют проблемы в *межличностном общении*, трудности в социальной коммуникабельности и адаптации в социуме. Такие факторы присущи тем, кто не смог достичь желаемого положения в обществе реальной жизни, именно поэтому люди используют интернет как альтернативу своему реальному окружению, т.к. различия, которые существуют между людьми, в сети размываются, нет стеснительного эффекта невербальных компонентов реального общения.

Анализ отдельных категорий респондентов дал более размытую картину. Так, в мужской выборке респонденты по уровню коммуникабельности распределились примерно равномерно, а в женской выборке большинство составляют респонденты со средним уровнем общительности.

Категория «школьники» полностью соответствует результатам в целом по всей выборке, а у студентов преобладает средний уровень коммуникативных навыков.

Неумение контролировать свое время можно рассматривать как частный случай низкой самоорганизации и самодисциплины. По этому показателю женская выборка распределилась примерно одинаково: чуть больше 30 процентов женщин (32,79 %) умеют распределять и планировать свое время, в том числе и время, проводимое в социальных сетях; столько же женщин (32,39 %) испытывают некоторые трудности с планированием и контролем за временем, и 34,82 % не умеют распределять время, хронически испытывают его дефицит, в том числе из-за неправомерно длительного пребывания в интернете. У мужчин уровень самоконтроля выше, чем у женщин, так только 22,06 % мужчин испытывают временные трудности из-за злоупотребления временем нахождения в интернете, а 43,38 % респондентов ответили, что в состоянии контролировать себя, способны в любой момент остановиться, выйти из социальных сетей, прервать игру (табл. 7).

Таблица 7
Бесконтрольное использование времени

Уровни Категории респондентов	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Выборка в целом	37,34 %	27,15 %	35,51 %
Мужчины	43,38 %	34,56 %	22,06 %
Женщины	32,79 %	32,39 %	34,82 %
Школьники	29,90 %	17,53 %	52,58 %
Студенты	37,57 %	41,80 %	20,63 %

Сравнивая школьников и студентов, можно отметить наличие общей проблемы у обеих возрастных групп, но в студенческой аудитории преобладают лица со средним уровнем самоконтроля (41,80 %), чуть меньше студентов умеют планировать свое время (37,57 %), группа, испытывающих трудности с управлением времени в студенческой аудитории значительно меньше по сравнению со школьниками (20,63 %). Тогда как среди школьников объем этой группы превысил половину (52,58 %). Поскольку современное образование не обходится без использования интернет-ресурсов, то школьники, не умеющие управлять своим временем нахождения в социальных сетях, представляют серьезную проблему с точки зрения психологического благополучия, их социализированности и дальнейшей успешности в жизни. Как видно из результатов исследования, студенческая жизнь вносит некоторые корректизы, но кардинально не решает проблему.

Как было отмечено выше, использование интернета содержит в себе как положительные, так и негативные проявления. Одним из отрицательных последствий использования интернета в повседневной жизни, в частности анонимность пребывания в социальных сетях, становится формирование склонности ко лжи и обману, что серьезно затрудняет межличностное общение, разрушает семью, подрывает доверие коллег. Самый высокий уровень лжи продемонстрировали женщины, возможно, такое поведение является следствием неуверенности в себе, страха потерять уважение окружающих, невозможности в реальной жизни добиться тех успехов или произвести то желаемое впечатление, которое представляется как вымышленной в условиях виртуального общения. Аналогичная тенденция в отношении лжи, только в более выраженным виде наблюдается у школьников. Сопоставляя результаты этих двух групп, можно предположить у женской выборки признаки инфантилизации и детских форм самозащиты. В студенческой выборке преобладает средний уровень лжи, его продемонстрировали 51,85 % опрошенных (табл. 8).

Склонность ко лжи

Таблица 8

Уровни Категории респондентов	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Выборка в целом	23,76 %	44,13 %	32,11 %
Мужчины	31,62 %	35,29 %	33,09 %
Женщины	10,93 %	27,53 %	61,54 %
Школьники	22,16 %	25,26 %	52,58 %
Студенты	8,99 %	51,85 %	39,15 %

Вероятно, не только увлечение интернетом, но и студенческая жизнь подталкивает к проявлениям лжи, но в умеренной форме, что говорит о способности студентов прогнозировать последствия своих слов и действий, в том числе обмана. Равномерно распределились лжецы и говорящие правду в мужской выборке. Мы связываем такой результат с тем, что у мужчин больше возможностей проявить, продемонстрировать себя, что исключает необходимость лгать о себе. С другой стороны, требования и ожидания общества в адрес мужчин завышены, соответствовать им крайне нелегко, поэтому у мужчины, которые не дотягивают до социальных эталонов маскулинности и успешности, прибегают к обману, легче все это сделать через виртуальное общение. Этот факт заставляет задуматься о том, что начиная со школьной скамьи, необходимо создавать условия для самореализации и самоутверждения человека, тогда это будет действенным способом профилактики не только интернет-зависимости, но и ряда иных социальных аддикций.

Неоправданно длительное пребывание в интернете приводит к возникновению целого ряда заболеваний, поэтому об этой проблеме говорят не только психологи, социологи, педагоги, но и медики. В связи с этим очень важно, чтобы сам человек осознавал возникающие недомогания, чтобы своевременно обратиться к врачу. Среди полученных данных обращает на себя внимание факт, что среди мужской выборки отмечается самый высокий процент (53,68 %) чувствующих физическую слабость, недомогание после длительного пребывания в интернете (табл. 9).

Таблица 9

Физическая слабость и недомогания

Уровни Категории респондентов	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Выборка в целом	25,85 %	40,99 %	33,16 %
Мужчины	19,12 %	27,21 %	53,68 %
Женщины	39,27 %	43,72 %	17,00 %
Школьники	22,16 %	43,30 %	34,54 %
Студенты	15,34 %	42,86 %	41,80 %

Этому мы находим два объяснения. Во-первых, именно в мужской выборке отмечается высокий уровень интернет-зависимого поведения, поэтому недомогание – это естественные последствия таких действий. Во-вторых, в исследованиях психиатров часто указывается на то, что ипохондрия чаще встречается в мужской популяции, поэтому переживания общей слабости и недомогания в связи с злоупотреблением интернетом может быть частным случаем проявления мужской ипохондрии. Школьники и студенты продемонстрировали примерно одинаковые ответы в отношении обеспокоенности своим здоровьем.

Неудовлетворенные потребности побуждают человека к действиям, направленным на их удовлетворение или замещение. Проведенный нам опрос показал, что самый высокий уровень неудовлетворенных потребностей наблюдается у школьников, это объяснимо, т.к. в силу возраста им ещё многое недоступно, но очень соблазнительно. Проблема состоит в том, что школьники направляют свои усилия не на конструктивные способы достижения желаемых целей, а уходят от проблем в виртуальный мир, следовательно, решить проблему интернет-зависимости у подростков невозможно, если родители будут игнорировать интересы и потребности собственных детей. Студенты более самостоятельны в своем выборе, у них больше возможностей для удовлетворения своих потребностей, поэтому распределение по уровням произошло примерно одинаково: одна треть опрошенных считает, что большинство их потребностей удовлетворяются, и им нет необходимости искать пути сублимации в интернете, ещё треть считает, что их потребности удовлетворены лишь частично и не исключает для себя замещение с помощью интернета, например, виртуальные друзья, признание, демонстрация материального благополучия. 31,75 % опрошенных студентов указали на высокий уровень неудовлетворенности, особенно в отношениях с противоположным полом, поэтому знакомство в социальных сетях считают не только допустимым, а даже необходимым элементов молодежного общения (табл. 10).

Таблица 10

Фрустрация потребностей

Уровни Категории респондентов	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Выборка в целом	19,06 %	50,13 %	30,81 %
Мужчины	20,59 %	41,91 %	37,50 %
Женщины	11,74 %	81,38 %	6,88 %
Школьники	6,70 %	44,85 %	48,45 %
Студенты	35,45 %	32,80 %	31,75 %

Качественных отличий по уровням фрустрации потребностей между мужчинами и женщинами не обнаружено, отличия носят скорее количественный характер, отличаются степенью выраженности данного признака. У обеих групп респондентов можно констатировать средний уровень удовлетворенности/неудовлетворенности потребностей, только у женщин эта группа составляет подавляющее большинство (81,38 %), а у мужчин – в два раза меньше (41,91 %), тогда как количество лиц существенно фruстрированных среди мужчин почти в пять раз превышает аналогичную группу среди женщин. Данная тенденция может скрывать или провоцировать целый ряд негативных социальных последствий именно в мужской выборке, таких как алкоголизм как способ уйти от неудовлетворенных потребностей, суицидальное поведение, лудомания и другое.

Очевидно, что от эмоционально-волевой саморегуляции человека многое зависит, в том числе умение противостоять различным соблазнам, таким как интернет, поэтому последний фактор, который анализировался в нашем исследовании в связи с интернет-аддикцией, касался эмоциональной уравновешенности/неуравновешенности. Сравнение по гендерному признаку дало вполне прогнозируемые результаты: мужчины значительно спокойнее реагируют на происходящие события, либо стараются не показывать во вне свое эмоциональное состояние. Женщины, напротив, реагируют достаточно эмоционально на трудности и проблемы, а главное, не особо стараются скрыть свои эмоции и открыто об этом говорят. Такая модель не противоречит сложившимся в нашем обществе стереотипам социального поведения. Результаты сравнения по возрастному признаку нас приятно удивили. Обнаружено, что школьники обладают средним уровнем саморегуляции и контроля над своим эмоциональным состоянием, а студенты превосходят школьников в своем умении сдерживать эмоции. 42,86 % опрошенных студентов обладают низким уровнем эмоциональной неуравновешенности и раздражительности (табл. 11).

Таблица 11
Эмоциональная неуравновешенность и раздражительность

Уровни Категории респондентов	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Выборка в целом	33,16 %	25,85 %	40,99 %
Мужчины	62,50 %	21,32 %	16,18 %
Женщины	3,64 %	13,77 %	82,59 %
Школьники	27,84 %	44,85 %	27,32 %
Студенты	42,86 %	25,93 %	25,93 %

Полученные в исследовании данные свидетельствуют о необходимости проведения с подростками и молодежью специальной психокоррекционной работы по следующим направлениям:

1) формирование коммуникативных и организационных навыков, развитие компетентности в общении, социальную адаптацию, преодоление коммуникативных барьеров, застенчивости, увеличение стабильности межличностных отношений, адекватное восприятие критики, умение слушать и понимать собеседников, развитие способности устанавливать доверительные контакты, строить долговременные дружеские отношения с людьми;

2) развитие навыков самоконтроля и саморегуляции: усиление контроля над импульсами, осознанное целеполагание, ответственность, умение решать свои проблемы самостоятельно, не перекладывая их решение на других; предоставлять подростку осознанную возможность право выбора, проявлять себя в самостоятельной деятельности, создавать ситуацию успеха

3) повышение самооценки и самосознания личности подростка, формирование уверенности в себе, развития умений адекватного самоценивания – знание своих слабых и сильных сторон и умение компенсировать и использовать их соответственно, способность к критическому восприятию действительности.

Проведенное исследование открывает перспективы дальнейшей разработки и изучения проблемы выявления предрасположенности к интернет-зависимости у различных категорий респондентов.

Библиографический список

1. Варламова С.Н. Интернет-зависимость молодёжи мегаполисов: критерии и типология / С.Н. Варламова, Е.Р. Гончарова, И.В. Соколова // Мониторинг, 2015. № 2. С. 165-182.
2. Войскунский А.Е. Психологические исследования феномена интернет-аддикции // 2-я Российской конференция по Экспоцентр РОСС, 2000. С. 251–253.
3. Дрепа М.И. Интернет-зависимость как объект научной рефлексии в современной психологии // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 2. С. 189-193.
4. Саглам Ф.А. Интернет-аддикция подростков как форма проявления отклоняющегося поведения// Педагогическое образование и наука. 2009. № 5. С. 88-91.
5. Холл А. Интернет-аддикция: студенческое тематическое исследование с помощью лучших методов познавательной терапии / А. Холл, Д. Парсонс// Журнал консультации психического здоровья. 2001. Том 23. № 4 С. 312-327.
6. Юрьева Л.Н. Компьютерная зависимость: формирование, диагностика, коррекция и профилактика/ Л.Н. Юрьева, Т.Ю. Больбот// Днепропетровск: Пороги. 2006. С. 80-82.
7. Янг К.С. Диагноз – интернет-зависимость // Мир Интернет. 2000. № 2. С. 24-29
8. Griffiths M. Internet addiction: Fact or fiction? // Psychologist. 1999. V. 12(5). P. 246-250.

УДК 316.628.2

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЁТНОГО ЭКИПАЖА КАК СИСТЕМЫ «ЧЕЛОВЕК – ЧЕЛОВЕК»

***О.П. Кислякова, И.Ф. Афанасьева**
Филиал ВУНЦ ВВС «ВВА»
имени проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина в г. Сызрани*

В статье рассматривается лётная деятельность, связанная с функционированием системы «человек – человек». Подчёркивается, что успешное выполнение полета на современном воздушном судне подвластно только экипажу, а не лётчику-одиночке. Это, несомненно, повышает безопасность полетов. Отмечается, что у каждого члена экипажа свои функции, но между ними существует глубокое взаимопонимание в действиях, четкая согласованность выполняемых операций во времени, умение и готовность помочь товарищам по работе. За результат психологического состояния членов экипажа, высокую степень рабочего взаимодействия, четкую координацию действий экипажа отвечает их психологическая совместимость. В статье раскрывается высшая ступень психологической совместимости экипажа – это его состояние, когда весь состав согласованно, строго соблюдает ритм полёта, быстро и чётко реагирует на любые изменения воздушной обстановки. Кроме того, авторы уделяют важное внимание раскрытию временных параметров, оказывающих сильное влияние на действия командира экипажа в полете: лимита времени, расхода времени, резерва времени. Показателем «слётанности» экипажа авторы считают глубокое доверие членов экипажа друг к другу и профессиональную честность и подробно останавливаются на том, что для успеха в сложной лётной работе требуется сочетание разных и в тоже время взаимосвязанных способностей каждого члена экипажа их взаимодействия друг с другом. В заключении обращается внимание на важнейшие факторы, обеспечивающие надежность лётного экипажа как системы «человек – человек» при его работе.

Ключевые слова: система «человек – человек», военный лётчик, экипаж, профессионально-важные качества, психологическая совместимость, полёт, временные параметры, командир.

MULTI-CREW COOPERATION IN A “MAN – MAN” MODEL

*O.P. Kislyakova, I.F. Afanaseva
Syzran Air Force School*

The article deals with the multi-crew cooperation course aimed to train pilots working as a part of a multi-member crew. It teaches about communication and coordination. It gives cadets realistic training in operating a multi-pilot, multi-engine aircraft under both Visual Flight Rules and Instrument Flight Rules conditions. The objectives of the course are optimum decision making, communication, diversion of tasks and use of checklists, mutual supervision, teamwork and support, throughout all phases of flight under normal, abnormal and emergency conditions. The training emphasizes the development of non-technical skills applicable to working in a multi-crew environment. It is integrated into Type Rating Training.

Keywords: “man – man” model, military pilot, multi-crew cooperation, professionally important qualities, psychological compatibility, respect, support, flight, helicopter specifications, time characteristics, commander.

Летная деятельность, как одна из самых сложных и своеобразных, связана с функционированием системы «человек – машина – среда», в которой летчик является самостоятельным звеном, но звеном особого рода, организующим всю систему и направляющим ее на достижение определенного, заранее заданного результата. В такой системе должна быть создана возможность сознательного контроля ситуации и собственных действий. Обеспечение такой возможности – важнейшее условие повышения надежности системы, поэтому летная профессия предъявляет к человеку более высокие требования, чем большинство других и поэтому, формирование и развитие профессионально важных качеств – одно из основных условий повышения качества подготовки нашего выпускника. Следовательно, управлению процессом формирования и развития у курсантов профессионально важных качеств нужно уделять особое внимание [1, с. 156].

Совокупность профессионально-важных качеств, необходимых выпускнику нашего училища – будущему военному летчику заложена в разработанную нами профессиограмму подготовки военного летчика [3, с. 134].

Для военного лётчика это более чем необходимо, так как его роль в общей структуре военных профессий всегда была и остается на самом высоком уровне. Это обусловлено тем, что авиационная техника представляет собой сложнейший технический комплекс, обладающий высокими боевыми возможностями, а работа лётчика отличается чрезвычайной ответственностью за результаты не только личных действий, но и действий всего экипажа в целом. А это уже функционирование системы «человек – человек».

В зависимости от типа вертолета различается и численный состав экипажей. Успешное выполнение полета на современном воздушном судне не может быть достигнуто усилиями одиночки. Переход от пилота универсала к экипажу, несомненно, повысил безопасность полетов. Однако разъединение функций между членами экипажа потребовало глубокого взаимопонимания действий и намерений друг друга, четкого согласования во времени выполняемых операций, умения и готовности помочь товарищам по работе. Успех даже обычного полёта зависит от четкой координации действий. Высокую степень рабочего взаимодействия экипажа часто обозначают словами «сработанность» и «слётанность». Она представляет собой результат того психологического состояния членов экипажа, который называется психологической совместимостью. Высшей степенью психологической совместимости экипажа будет то его состояние, когда весь состав экипажа согласованно, строго соблюдая ритм полёта, быстро и чётко реагирует на любые изменения воздушной обстановки.

На действия командира экипажа в полёте влияют следующие временные параметры:

– лимит времени – это время, объективно имеющееся у летчика для выполнения действий или комплекса действий, определяемое режимом и условиями полета, а также летные качества данного типа вертолета;

– расход времени – фактически требуемое и субъективно необходимое время, используемое конкретным лётчиком на выполнение определённого действия или группы действий в обычных условиях. Он индивидуален, так как находится в прямой зависимости от личных качеств и степени обученности и тренированности лётчика и не всегда постоянен из-за влияния на лётчика таких воздействий, как осознание опасности, страх перед непонятным, различные переживания и отношение к задачам полета и так далее;

– резерв времени – это время, которым может располагать лётчик при выполнении действий для осмысливания обстановки и принятия решений.

Приём и переработка информации человеком представляет сложный психологический процесс и охватывает различные психические функции, такие как ощущение, восприятие, память, мышление и так далее. Этот процесс состоит как бы из двух слагаемых: с одной стороны, он является функцией сигнала, то есть носит отражательный характер, с другой, представляет внутреннее содержание психического преобразования сигнала в образ ситуации. В полёте по приборам деятельность лётчика строго регламентирована той информационной моделью, с которой он работает. Отсюда следует и обязательный порядок действий, принудительный темп, и, наконец, вероятность дефицита времени [2, с. 79].

В режиме скоротечности полёта необходимо чёткое распределение обязанностей и беспрекословное подчинение командиру экипажа.

Показателем слётанности экипажа будет являться глубокое доверие членов экипажа друг к другу и убеждённость в том, что каждый правильно и своевременно выполняет весь объем предусмотренных задач, а в случае допущенной ошибки с профессиональной честностью немедленно сообщит об этом командиру.

Доверие – это ожидание от человека только определённых поступков, соответствующих мотивам и моральным нормам, принятых экипажем, основывающихся на знании характера человека, опыте общения с ним.

Профессиональная честность не позволяет никому из членов экипажа скрывать промахи, так как каждый глубоко осознаёт, что от мелких погрешностей во многом зависит не только исход полёта, но и сама жизнь всех членов экипажа.

Для того чтобы представить характеристику экипажа, в составе которого выполняются обязанности, необходимо помнить, что ни одна деятельность не опирается только на одну единственную способность одного члена экипажа. Для успеха в любой, и тем более сложной лётной работе требуется сочетание разных и в тоже время взаимосвязанных способностей каждого члена экипажа.

Каждый лётный специалист отличается известным своеобразием в связи с выполняемой деятельностью и степенью загруженности.

Результативность полёта во многом зависит от соответствующей подготовленности разных членов экипажа. Главным здесь является опыт командира. Поэтому в подборе и расстановке лётных специалистов в первую очередь исходят и ориентируются на мастерство лётчика, которому будет доверено возглавлять экипаж.

Среди личных качеств лётчика или членов экипажа наряду с индивидуальными особенностями их психических процессов в прямой связи с обеспечением безопасности полётов следует учитывать индивидуальные возможности ускорения темпа деятельности, уровень профессионального опыта и подготовленности, уровень наступления утомления. Все члены экипажа должны выдерживать вынужденное увеличение темпа работы. Даже значительная ее интенсификация не должна вызывать особых затруднений. Однако если в экипаже наход-

дится человек, для которого ускорение темпа становится выше предела сохранения им достаточной работоспособности, он начинает допускать ошибки и пропуски. Возникающее запаздывание в действиях одного приводит к рассогласованию работы всех.

Итак, к важнейшим факторам, обеспечивающим надежность лётного экипажа как системы «человек – человек» при его работе, можно отнести:

– качество оборудования и соответствие техники;

– обученность и натренированность;

– индивидуальные особенности человека – состояние его здоровья, типологические особенности нервной системы и собственно психологические особенности, в первую очередь

– качества воли и характера: выдержка, самообладание, решительность, настойчивость.

Наши выпускники с честью выполняют поставленные перед ними задачи. А это задачи, как командира экипажа, так и его членов. В воздухе нужно обнаружить и поразить наземные (воздушные) цели, осуществить точное пилотирование в любых метеоусловиях. На земле – знать и уметь выполнять инженерно-штурманские расчеты, готовиться и хорошо знать полетное задание, изучать и знать области применения всех видов авиационных средств поражения.

Первое и единственное в стране высшее военное учебное заведение, готовящее кадры для вертолетной авиации Вооруженных Сил Российской Федерации, других министерств и ведомств – это Сызранское высшее военное авиационное училище. Оно проходит путь от военной авиационной школы пилотов (1940 г.) и по настоящее время как Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных Сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» в г. Сызрани. Специальности, которые получают выпускники нашего военного вуза, играют огромную роль в поддержании боеготовности подразделений и воинских частей, в которых они служат после выпуска.

Библиографический список

1. Кислякова О.П. Формирование профессионально важных качеств лётчика на основе сбалансированной системы показателей // Научный журнал Вестник Димитровградского инженерно-технологического института Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», 2017. № 1 (12). С. 156-160.
2. Пономаренко В.А. Страна Авиация – чёрное и белое. М.:Наука, 1995. 288 с.
3. Чернова Ю.К., Кислякова О.П., Малыхин В.И. Профессиограмма как целезадатчик подготовки специалиста. Монография. – Тольятти-Сызрань: Издательство Сызранского ВАИ, 2002. 234 с.

УДК 159.922.27

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ – ЧАСТЬ ИНТЕРНЕТА, ОКАЗЫВАЮЩАЯ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА

Д.А. Мельникова, А.А. Муллин
ФГБОУ ВО «СамГТУ»

В статье рассматривается влияние интернета, а в частности социальных сетей на развитие человека. Выявлены положительные и отрицательные стороны влияния социальных сетей. Исследована зависимость человека от интернет-платформ. Описаны признаки зависимости от интернета. Описаны типы людей наиболее подверженные пагубному влиянию социальных сетей. Приведена статистика по России об интернет-зависимых на данный момент. Представлены примеры, ярко иллюстрирующие зависимость людей. Определены методы и способы борьбы с зависимостью от социальных сетей.

Ключевые слова: социальные сети, интернет – зависимость, технологии, влияние, Wi-Fi.

SOCIAL NETWORKS – PART OF THE INTERNET, INFLUENCING INFLUENCE ON HUMAN DEVELOPMENT

D.A. Melnicova, A.A. Mullin
Samara State Technical University

The article examines the impact of the Internet, in particular social networks on human development. Positive and negative aspects of the influence of social networks are revealed. The dependence of a person on Internet platforms has been studied. Signs of dependence on the Internet are described. Describes the types of people most susceptible to the harmful effects of social networks. The statistics on Russia about Internet-dependent at the moment are given. Examples are presented that clearly illustrate the dependence of people. Methods and methods of combating dependence on social networks are defined.

Keywords: social networks, Internet addiction, technology, influence, Wi-Fi.

Интернет плотно укоренился в нашей жизни. Если раньше люди проверяли свой почтовый ящик несколько раз в неделю, то теперь сложно представить человека, не обновившего страничку несколько раз в течение нескольких минут. С одной стороны, социальные сети подарили нам возможность общения с дальными родственниками, живущими за тысячи километров от нас, или людьми с которыми мы не можем найти времени для встречи в реальном режиме – и все это не выходя из дома.

Но помимо достоинств, существуют серьезные отрицательные стороны влияния социальных сетей на человека. На сегодняшний день, ученых всего мира заботит данная проблема. Попробуем и мы отчасти разобраться в ней.

Как говорилось ранее, появление социальных сетей во многом улучшило жизнь человека, сделав наши возможности практически безграничными. Действительно, сейчас возможно посмотреть любой фильм, прочитать интересующую книгу, послушать музыку, путешествовать по другим странам, и делать все это возможно одновременно. Даже сейчас, помимо написания статьи, я общаюсь с тремя разными людьми, слушаю Linkin Park, а на загрузке стоит фильм 99 франков. Также благодаря социальным сетям представляется возможным обучиться различным вещам, которые тебя интересуют: от умения плести макраме и вышивать крестиком до исполнения арабского танца с саблями.

Также социальные сети являются несомненным «помощником» в учебе. Они являются своего рода глобальным коммуникационным каналом – мы можем обмениваться лекциями, рефератами, презентациями, помочь товарищу на экзамене, отправив ему решение в контакте. Благодаря социальным сетям мы узнаем расписание занятий, собраний, встреч, а также благодаря им мы знаем, как провести время на всем вышеперечисленном.

В наше время различные социальные сети являются актуальными площадками для развития собственного бизнеса, так как с их помощью можно привлечь клиентов, повысить лояльность постоянных покупателей, устраивая различные конкурсы и розыгрыши, а также предоставляя скидки за «репосты», «лайки» и так далее.

И, хотя, мне кажется следующее если не сомнительным, то как минимум рискованным, но еще одним положительным влиянием социальных сетей является образование полноценных и, возможно, счастливых семей. Так, по оценкам крупнейших британских брачных агентств Fisher и Catwalk до 30 % браков в Великобритании в последние годы заключается после знакомства через Интернет [4, с. 32].

Но не все так радужно, как хотелось бы это видеть. Помимо неотъемлемых плюсов существует еще большее количество серьезных и даже опасных недостатков.

К сегодняшнему моменту огромное количество людей привыкло проводить время в виртуальной реальности, общаясь или просто листая новости, и привыкло настолько сильно, что теперь буквально не возможно заснуть, хотя бы на минутку не зайдя в интернет, а в случае бессонницы интернет поглощает нас полностью, хотя во многом он сам и является одной из главных причин бессонных ночей. А каждое утро начинается не с горячего кофе, а с горячей порции новостей и уведомлений в социальных сетях. Некоторые, а точнее сказать мно-

гие, «сидят» в социальных сетях везде: в транспорте, на учебе, на работе. По прибытии в любое новое место они ищут точку подключения к Wi-Fi. Причем нередко сами пользователи этого не замечают или не считают проблемой, хотя зависимость от социальных сетей – это уже признанная психологическая зависимость [2, с. 144].

Ниже приведен список характерных признаков, присущих интернет-зависимым [4, с. 28]:

1. Вы проводите в интернете или социальных сетях 7-8 часов в сутки, при этом используете их не для поиска важной информации и необходимой на данный момент.
2. Вы постоянно проверяете свою почту или свои аккаунты в социальных сетях.
3. Вы привыкли завтракать, обедать и ужинать, не отходя от монитора компьютера.
4. Прогулке с друзьями вы предпочитаете онлайн-игры/общение с виртуальным собеседником.
5. Вы не реагируете на замечания близких о том, что вы слишком много времени проводите за компьютером. Все приводимые ими доводы кажутся вам необоснованными и смешными.
6. Вы замечаете, что теряете ощущение времени, когда включаете компьютер/планшет/телефон и погружаетесь в виртуальную реальность.
7. Вы опаздываете на работу, пропускаете учебу и важные встречи из-за того, что не сумели вовремя выключить компьютер.
8. Вы стараетесь сбежать во всемирную сеть от окружающих вас насущных проблем.
9. Вы часто ссоритесь с близкими из-за своего длительного пребывания у компьютера.
10. Если вам долгое время не удается воспользоваться Интернетом, вы становитесь раздражительным и нервным, вы чувствуете непреодолимое желание вернуться в виртуальную реальность.
11. Вы отрицаете, что компьютер/планшет/телефон стал для вас чем-то большим, чем просто вещью, которая в любой момент может сломаться и прийти в негодность.

При этом число зависимых велико и сейчас оно продолжает расти. Так по данным опроса, проведенного ВЦИОМ в 2013 году, 22 % россиян признались, что проводят в интернете слишком много времени. Основное количество интернет – зависимых среди молодежи: 53 % россиян в возрасте от 18 до 24 лет признались, что подолгу сидят в интернете, а 44 % из них поглотили социальные сети. Начиная с 2011 года Россия является лидером по количеству времени, проводимого среднестатистическим пользователем интернета в социальных сетях [1, с. 77].

Одна из причин формирования зависимости состоит в том, что нахождение в социальных сетях раздражает центры удовольствия в мозгу. Действительно, люди возвращаются снова и снова туда где получили приятные эмоции, за исключением того, что по статистике время провождения в социальных сетях увеличивается с каждым разом. Также причинами являются доступность, простота и быстрота использование платформ данного типа.

Слишком долгое или постоянное общение посредством социальных сетей приводит к отчуждению от внешнего мира. В большинстве случаев это происходит с замкнутыми и замкновенными людьми. Ведь в интернете они могут быть кем угодно, не являясь такими в действительности и не борясь, а лишь усугубляя ситуацию.

В социальных сетях можно найти огромное количество информации и это несомненный плюс, но не все сведения являются полезными. Их необходимо отфильтровывать, приложив к этому немалые усилия. Также наличие большого количества информации создает проблемы для концентрации человека на чем-то одном, он становится раздражителем и быстро теряет терпение, а это развивает синдром дефицита внимания, последствия которого весьма опасны.

Как упоминалось ранее большинству людей недостаточно 15 минут на проверку уведомлений социальных сетей. У многих на это уходит по несколько часов в день, ведь помимо сообщений необходимо просмотреть новостную ленту, посмотреть фотографии друзей. Вследствие этого человек не уходит вовремя спать, отсюда появляются недосыпы, бессонницы, а также утомление человека. Кроме того, если долго находиться за компьютером, ноутбуком или перед телефоном, то можно испортить зрение, ухудшить собственный позвоночник и суставы.

Не стоит забывать, что развитие интернета не заставило себя ждать развития мошенников. Так существует немалое количество интернет – мошенников, которые благодаря социальным сетям буквально вышли на новый уровень. Ведь многие пользователи указывают настоящую информацию о себе, упрощая работу киберпреступнику о сборе информации о жертве.

Самым шокирующим влиянием социальных сетей на человека стало появление различных групп смерти в контакте. Примерами являются «Синий кит», «Разбуди меня в 4.20», где подростки выполняют различные задания, чтобы в конце выполнить финальное – самоубийство. Согласно статистике, под влиянием данных игр совершили суицид как минимум 30 человек. С полной уверенностью можно сказать, что это самое пагубное последствие взаимодействия с социальными сетями. Нужно обходить стороной подобные группы и не допускать контакта детей с ними.

В свете всего вышеизложенного можно сделать однозначный вывод, социальные сети оказываются необходимыми и приносят определенного рода пользу, при использовании их в умеренном количестве. Не стоит обновлять список, пришедших сообщений ежеминутно, следить за каждой новой добавленной в сеть фотографией или видео. На сегодняшний день и так не возможно абсолютно не зависеть от новых технологий, а в частности от интернета и функций социальных сетей, и не стоит доводить это до еще большей мании.

Порой страшно представить, что случится с подавляющим числом людей, если социальные сети заблокируют на пару часов. Огромная толпа выйдет на улицу, демонстрируя свои фотографии и спрашивая: «Нравится?».

Еще немного и, я думаю, появятся центры кодирования от интернет-зависимости, куда матери будут приводить своих неблагополучных детей. Появятся клубы анонимных интернет зависимых пользователей: «Здравствуйте, я Тор4оK63 и я плотно подсел на Instagram, я, как и многие, начинал с вопросов mail.ru, но со временем мне перестало это приносить удовольствие, мне стало этого мало и я создал аккаунт в контакте. Однажды мы с товарищем Dr0zd001 как обычно вечером пошли в Skype, где встретили некую Sweet_angel666. Отправив нам ссылку на свой профиль Instagram, она практически не оставила нам выбора, мы планировали попробовать лишь раз, но все оказалось немного сложнее, ведь профиль в Instagram...невозможно удалить, и так мы стали «инстаблогерами» Помогите».

Но пока не существует ни центров помощи ни анонимных клубов, предложу свои способы борьбы с данной проблемой.

Необходимо, как я считаю, настроить роутер. Любой современный беспроводной роутер можно настроить так, чтобы он включался в отключался в строго определенное время. Следует установить некие рамки, роутер должен включаться в 9 утра и выключаться в 18:00. Это не скажется на работе кабельного ТВ или жесткого диска, но вы не будете «сидеть» в социальных сетях слишком долгое время.

Следующим необходимым способом является выполнение различных физических упражнений. Минимум 1-2 часа в день необходимо выделить для тренировки, прогулки, работы по дому, благодаря чему ваши мышцы, сердце, легкие и кровеносная система будут получать умеренную, но необходимую нагрузку, глаза – отдых, а мозг – эмоциональную и умственную разгрузку.

Также необходимы поездки, путешествия, помимо того, что вы увидите что-то новое, вы на время отвлечетесь от виртуальной жизни и поживете настоящей.

Многие считают, что бумажные книги ушли и давно потеряли свою ценность, но это не так. Выделите хотя бы час на чтение книг. Чтение обогащает вас, делает вас интереснее для окружающих и целостнее – для самого себя.

Одним из лучших и важных способов борьбы с интернет зависимостью является так называемый день «оффлайн» [5, с. 40]. Устраивать такое день стоит не реже чем один раз в неделю. В этот день вы можете почитать, поспать, выйти на улицу, заняться делами по дому, вы сможете заниматься чем угодно, но не включать в интернет. Не заходить на почту, не

проверять уведомления из социальных сетей. Необходимо полностью отвлечься от экранов, смартфонов, посмотреть по сторонам и просто побывать в потоке жизни, а не в потоке сообщений, фотографий и видео.

В заключении хотелось бы отметить, что выбрасывать социальные платформы из своей жизни не стоит, следует использовать их с умом и только там, где они необходимы, а от плохого влияния лучше отказаться и тогда новые технологии в виде интернета и развития социальных сетей, действительно принесут пользу, а не вред.

Библиографический список

1. Губанов Д.А., Новиков Д.А. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства // Физматлит, 2010. 228 с.
2. Джон Брокман. Меняет ли интернет то, как мы думаем? // Альпина нон-фикшн, 2017. 231 с.
3. Клэй Ширки. Когнитивный избыток: Креативность и благородство в век информации // Карьера Пресс, 2010. 256 с.
4. Николас К. Пустышка: Что интернет делает с нашими мозгами // Best Business Books, 2011. 61 с.
5. Эли Паризер. Пузырь фильтров // Альпина Бизнес Букс, 2012. 304 с.

УДК 159.922.27

НЕДОСТАТОК ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ВНИМАНИЯ В УСЛОВИЯХ ТЕХНОКРАТИЧЕСКОГО МИРА

Д.А. Мельникова, А.Д. Меркушев
ФГБОУ ВО «СамГТУ»

В статье рассматриваются проблемы современного поколения, такие как излишнее влияние техники на психику молодежи и недостаток внимания со стороны преподавателей по отношению к студентам.

Ключевые слова: человек, машина, внимание, техника, университет, учёба, преподаватель, студент.

THE LACK OF HUMAN ATTENTION IN CONDITIONS OF THE TECHNOCRATIC WORLD

D.A. Mel'nikova, A.D.Merkushev
Samara State Technical University

The article considers the problems of the modern generation, such as the excessive influence of technology on the youth's psychic and the lack of attention of teachers to the student.

Keywords: human, machine, attention, technology, University, study, teacher, student.

Для начала хотелось бы охарактеризовать системы «человек – человек» и «человек – машина» более простым языком.

Система «человек – человек» – это система, основанная на взаимодействии человека с другими людьми. Человек рождается, живет и умирает в обществе людей. Формирование личности человека и познание им окружающего мира возможны только в условиях общения и взаимодействия с другими людьми – родителями, учителями, ближайшим социальным окружением.

Система «человек – машина» – это комплекс взаимосвязанных элементов, включающий человека – оператора и машину, с помощью которой осуществляется трудовая деятельность. В связи с развитием автоматизированных систем управления и повышением требований к операторам проблема «человек – машина» стала одной из важнейших проблем научно-технической революции в 20 веке. Этую систему можно разделить на три группы:

- 1) Автоматическая – система, работающая практически без участия человека.
- 2) Автоматизированная – система, в которой человек работает непосредственно вместе с машиной.

3) Неавтоматизированная – система, в которой человек в основном работает без применения сложных машин [1].

Научно-технический прогресс идёт семимильными шагами. И то, что человеку средневековому могло показаться проделками неизведанных сил, для нас рутинная ежедневная реальность. В условиях современного технократического мира сложно представить себе человека, который обходился в обыденной жизни без техники, будь то мобильный телефон или автомобиль. Также любое современное производство является автоматизированным, следовательно, вмешательство человека в процесс производства чего-либо становится минимальным.

За техникой будущее, но без человека этого будущего не будет. Чтобы человек сформировался как развитая личность, приобрел положительные качества, стал грамотным специалистом в той или иной отрасли необходимо влияние других людей. Непосредственно человека воспитывает человек. Никакие суперсовременные технологии не дадут такого эффекта воспитания как социум. Человек с самого рождения находится в обществе других людей. Родители закладывают основы личности, затем детский сад и школа воспитывают и закаляют ее.

Опыт современности показывает, что, несмотря на то, что условия жизни сегодняшних подростков являются более безопасными, им более комфортно проводить время у себя в комнате, нежели на вечеринках. Шанс попасть в автомобильную аварию у них гораздо ниже. Они менее пристрастны к алкоголю, чем их предшественники, и, соответственно, менее подвержены болезням, связанным с чрезмерным употреблением спиртного. Однако, с психологической точки зрения они более уязвимы, чем предыдущее поколение. Показатели депрессии и суицидов среди подростков колоссально возросли. Изменяются методы воспитания, школьные программы, культура. Все это имеет большое значение. Но тот уровень потрясения, которое испытало общество от появления смартфонов и социальных сетей, возможно, не имеет аналогов в истории [2].

В условиях обучения в техническом университете человек также вынужден большую часть времени проводить с техникой в виде компьютеров, стендов, различных симуляторов. Все больше и больше материала дается студентам на самообучение, а это значит, что времени, которое преподаватель уделяет студентам, становится меньше. А ведь в жизни многих людей период студенчества является одним из самых сложных и важных периодов. Студенты стоят на пороге самостоятельной жизни, перед ними возникает трудный вопрос выбора дальнейшего пути, и они как никогда нуждаются в человеческом внимании, а именно внимании со стороны преподавателей. Особенno это затрагивает студентов, которые вынуждены жить и учиться вдалеке от родного дома, близких и друзей. Недостаток этого внимания, стрессы и трудности во время учебного периода, свобода, которую подростки получают, окончив школу, проблемы внутри семьи и в личной жизни сказываются на их психическом состоянии. Снижается успеваемость, теряется интерес к умственному развитию и изучению нового материала, увеличивается число пропусков, вследствие этого появляются долги, и возникает вопрос об отчислении из образовательного учреждения. Лишь своевременное вмешательство родителей и преподавателей может исправить ситуацию и вернуть человека на прежний путь. Здесь важно своевременно понять эмоциональный фон студента, провести беседы в дружественной обстановке, уловить суть и причины проблемы и оказать всевозможную моральную поддержку. Это под силу лишь человеку.

Библиографический список

1. Национальная психологическая энциклопедия [Электронный ресурс] // URL: <https://vocabulary.ru/termin/sistema-chelovek-mashina.html> (дата обращения: 12.03.2018 г.).
2. Шаповаленко И.В. Возрастная психология (Психология развития и возрастная психология). М.: Гардарики, 2005. 349 с.

СИСТЕМА «ЧЕЛОВЕК – МАШИНА». ПРОБЛЕМА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ФУНКЦИЙ

A.A. Одинцова, Н.А. Сизова, В.А. Кленовцев
ФГБОУ ВО «СамГТУ»

В статье рассматривается влияние развития технологий на человека. Рассмотрены положительные и отрицательные стороны влияния техники на человека. Исследована зависимость человека от машины. Описано распределение функций между человеком и техникой. Выявлено различие между естественным и искусственным интеллектом.

Ключевые слова: техника, искусственный интеллект, научно-технический прогресс, машина, функции.

SYSTEM «MAN – MACHINE». THE PROBLEM OF DISTRIBUTION OF FUNCTIONS

A.A. Odintsova, N.A. Sizova, V.A. Klenovtsev
Samara State Technical University

The influence of technology development on a person is considered in the article. Positive and negative aspects of the influence of technology on man are considered. The dependence of the person on the machine was investigated. The distribution of functions between man and technology is described. The difference between natural and artificial intelligence is revealed.

Keywords: technology, artificial intelligence, scientific and technological progress, machine, function.

Чаще всего выделяют два вида систем – системы, обладающие и не обладающие саморегуляцией. Первыми являются человек, животные, растения, то есть живые организмы. Техника и прочие общественные явления не имеют свойство саморегуляции. Автоматическая техника, конечно, может функционировать без участия человека, но цели и задачи определяет человек.

Сейчас, в век технологических инноваций, человеку все больше необходимы технические устройства. Но чем больше технологий создается человеком, тем более сильной становится связь между человеком и машиной.

Существуют мнения не только о перспективах, открываемых технологиями, но и об опасностях. О том, что человек может быть захвачен машинами. Техника всего лишь средство, инструмент необходимый для деятельности человека. Хоть она и позволяет сделать человеку то, чего он не может, она нужна только потому, что служит для удовлетворения человеческих потребностей. Но со временем люди становятся все больше зависимыми от техники. В современном мире человек уже не мыслит свою жизнь без технологий.

Можно сказать, что вопрос о технике стал вопросом о судьбе человека. Техника противоречиво воздействует на человека: она обеспечивает комфорт и облегчает жизнь человека, но в то же время она уничтожает индивидуализацию. Таким образом, человек становится рабом техники. Человек уже не может освободиться от ее воздействия, он стал от нее полностью зависим, даже и не заметив, как это произошло.

Проблема «человек – техника» является одной из главнейших проблемой современной науки. Подробнее всего она рассматривается в относительно недавно возникшей науке – эргономике. В ней исследуется трудовая деятельность человека в системе «человек – техника – внешняя среда». Деятельность человека в системе «человек – машина» изучает инженерная психология. К основным проблемам этой науки относятся: определение роли человека в системах управление, взаимосвязь человека с другими компонентами системы обеспечение эффективности действий человека-оператора и другие.

Благодаря современному уровню техники на производстве стало возможным не только усовершенствование техники, но и облегчение ее работы. Поэтому предприятия переходят к автоматизации процессов и производств. При автоматизации производства некоторые функ-

ции, которые ранее выполнялись человеком, передаются машине. Но управляет и принимает решения все же человек. Одной из важнейших задач человека является проблема распределения функций между человеком и машиной. У человека существуют некоторые способности, которые и определяют его преимущество: творчество, интуиция и так далее. Например, в отличие от ЭВМ, мы можем воспринимать стихи, картины. Машина же считает эти вещи аномальными. Плюс ко всему техника не способна на самопрограммирование.

В перспективе человек может передать большую часть своих производственных функций. Но человек все равно останется субъектом производства. С ростом уровня автоматизации роль человека возрастает, поэтому необходимо нацелиться не на замену человека машиной, а на замену техникой лишь тех функций, которые человеку выполнять затруднительно. Можно сделать вывод, что в системе «человек – машина» обе стороны не равноправны. Главным в этой системе является человек.

Человек может мотивированно изменять свои действия при определенных условиях, даже если новые действия не логичны, и не вытекают из старых. ЭВМ способно только решить определенную задачу, но поставить ее самостоятельно не способна.

В настоящее время человек и машина рассматривается как одно целое. Существует «принцип преимущественных возможностей человека и техники». Его суть заключается в компенсировании недостатков друг друга в системе «человек – техника». А сама система должна максимально раскрыть все способности человека. Тем самым машина и человек будут дополнять друг друга.

Важно помнить, что с развитием техники, развивается и сам человек. Таким образом, когда человек передает машине свои функции, техника выступает средством его развития. Когда человек дает машине совершать некоторые определенные операции, он освобождает себя от решения алгоритмических задач. Но с этим появляется возможность решать более сложные задачи, решение которых было невозможно ранее. Благодаря этому у человека появляются новые функции, которые не может решить техника на данном этапе технического развития. Это мотивирует к большему развитию технологий.

Говоря о различиях естественного и искусственного интеллекта, необходимо добавить, что мозг человека работает с понятиями, имеющими диалектический характер, а машина использует вычисления, подчиняющиеся законам строгой логики. Мышление человека, в отличие от машин, связано с абстрактными понятиями, не имеющими наглядности. Огромную роль в деятельности человека играют бессознательная деятельность, творчество.

Огромные успехи были достигнуты в создании искусственного интеллекта: созданы, программы, способные обучаться самостоятельно, программы для игр (шахмат, морского боя и другие).

Но у функций искусственного интеллекта тоже есть свой предел. Он обусловлен сложностью и тонкостью устройства человеческого мозга, а также социальной природой мышления человека. Именно поэтому, насколько бы не была совершенна машина, она будет лишь средством деятельности человека. А ее цель и функции определяет сам человек.

Таким образом, мы видим, что технологии полностью проникли в нашу жизнь. Мы и не представляем, как бы выполняли многие функции без них. Можно сказать, что развитие технологий является благом, но существует множество опасностей, связанных с ним. Оно оказывает большое влияние на все сферы жизни. Но важно помнить, что человек управляет машиной, а не машина человеком. Техника – только орудие, инструмент, созданный для деятельности человека. С развитием технологий роль человека ничуть не уменьшается, лишь происходит замена его трудовых функций техническими устройствами. В этом то и заключается смысл научно-технического прогресса.

Библиографический список

1. Негодаев И.А. Философия техники // «Центр ДГТУ», 1997. 562 с.
2. Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники // Контакт – Альфа, 1995. 400 с.

РЕАЛИЗАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕДАГОГОВ

E.N. Рябинова, М.И. Дири
ФГБОУ ВО «СамГТУ»

Показано, что система «Человек – человек», сводящаяся к взаимодействию между людьми, к умениям устанавливать и поддерживать контакты в межличностном общении, пониманию личностных особенностей субъектов недостаточна в современном мире и требует интеграции с информационной средой, в которой для решения широкого круга задач происходит взаимодействие человека с компьютером и различными техническими устройствами. Взаимодействие систем «Человек – человек» и «Человек – машина» становится вполне органичным, взаимно обогащающим и развивающим, так как даёт возможность человеку успешно применять безграничные возможности машины и увеличивать свои интеллектуальные возможности. Реализована модель организационно-методического сопровождения формирования информационной культуры педагогов. Определено содержание организационно-методического сопровождения как управлеченческой технологии: диагностико-аналитический, ценностно-смысловой, методический и прогностический блоки. Конкретизированы понятия систем «Человек – человек» и «Человек – машина».

В процессе опытно-экспериментальной работы выяснилось, что педагог, обладающий достаточным уровнем информационной культуры, приобретает качественно новый уровень профессионального мастерства и конкурентоспособности на рынке труда. Поэтому важным условием организационно-методического сопровождения формирования информационной культуры педагога является готовность к профессиональной деятельности с учётом применения инновационных технологий. Сравнение результатов констатирующего и контрольного этапов эксперимента показало положительную динамику в изменениях образовательных потребностей педагогов.

Ключевые слова: системы «Человек – человек» и «Человек – машина», информационная культура, организационно-методическое сопровождение, информационно-коммуникативные технологии.

IMPLEMENTATION OF ORGANIZATIONAL-METHODICAL SUPPORT OF THE PROCESS OF FORMING THE INFORMATION CULTURE OF TEACHERS

E.N. Ryabinova, M.I. Diri
FSBEI HE «SamSTU»

It is shown that the "Man – Man" system, which reduces to the interaction between people, to the skills of establishing and maintaining contacts in interpersonal communication, understanding of the personal characteristics of the subjects is insufficient in the modern world and requires integration with the information environment in which a broad range of tasks are interacting a person with a computer and various technical devices. The interaction of the "Human – Human" and "Human – Machine" systems becomes quite organic, mutually enriching and developing, as it allows a person to successfully apply the boundless possibilities of the machine and increase his intellectual capabilities. A model of organizational and methodological support for the formation of the information culture of teachers is implemented. The content of organizational and methodological support as management technology is determined: diagnostic-analytical, value-semantic, methodical and prognostic blocks. Concepts of the systems "Human – Human" and "Human – Machine" are concretized.

In the process of experimental work, it became clear that the teacher, who possesses a sufficient level of information culture, acquires a qualitatively new level of professional skill and competitiveness in the labor market. Therefore, an important condition for organizational and methodological support of the formation of the information culture of the teacher is readiness for professional activity, taking into account the use of innovative technologies. Comparison of the results of the stabilizing and control stages of the experiment showed a positive dynamics in the changes in the educational needs of teachers.

Keywords: "Human – Human" and "Human – Machine" systems, information culture, organizational and methodological support, information and communication technologies.

Достижения научно-технического прогресса прочно вошли в нашу жизнь, и этот процесс уже необратим. Новая информационная эра связана с высоким уровнем информационной грамотности современных обучающихся. Система «Человек – человек», сводящаяся к взаимодействию между людьми, к умениям устанавливать и поддерживать контакты в межличностном общении, пониманию личностных особенностей субъектов недостаточна в современном мире и требует интеграции с информационной средой, в которой для решения широкого круга задач происходит взаимодействие человека с компьютером и различными техническими устройствами. Взаимодействие с системой «Человек – машина» становится вполне органичным, взаимно обогащающим и развивающим, так как даёт возможность человеку успешно применять безграничные возможности машины: увеличивать эффективность и качество многих форм деятельности человека, облегчать его работу, вводить в круг новых событий и концептуальных представлений, что способствует увеличению интеллектуальных возможностей личности [3].

Тем, кто привык вести свою профессиональную деятельность в системе «Человек – человек», приходится адаптироваться к условиям современных преобразований. В этой связи подготовка и переподготовка педагогов, способных использовать в образовательном процессе новейшие информационные технологии, становится актуальной задачей на всех уровнях системы профессионального образования. Повышение информационной компетентности педагогов, их готовности к инновационной деятельности с учётом применения информационно-коммуникативных технологий в рамках взаимодействия систем «Человек – человек» и «Человек – машина» становится необходимостью.

Для того чтобы знать особенности информационных потоков о своей образовательной деятельности, уметь организовать поиск информации из множества источников, структурировать её, систематизировать и обобщать, педагог должен владеть навыками и умениями использования информационно-коммуникативными технологиями (ИКТ), а также обладать особым типом культуры – информационной, как составной части общей профессиональной культуры современного педагога. Между тем, в системе формирования информационной культуры педагогов существует ряд нерешенных проблем, начиная с недостаточного уровня владения ИКТ-компетенциями.

В настоящее время не сформировалось однозначного определения понятия «информационная культура», равно как и общепризнанных подходов к ее формированию в учебной и профессиональной деятельности, хотя к данной тематике уже давно обращаются многие учёные. На основании проведённого теоретического анализа, вслед за С.Г. Антоновой, чье определение является более обобщённым, информационной культурой педагога будем считать совокупность информационного мировоззрения и информационной компетентности, обеспечивающую готовность педагога к эффективной профессиональной деятельности в условиях информационного общества, а также один из важнейших факторов успешной профессиональной деятельности и социальной защищённости педагога в современном образовательном пространстве [1; 2].

Теоретический анализ показал, что под организационно-методическим сопровождением в педагогике понимается особый вид взаимодействия с целью создания благоприятных условий развития субъектов, обеспечивающей создание условий для профессионального роста педагога, развития его профессионально-педагогической и информационной компетентности. Вслед за В.Г. Решетниковым под организационно-методическим сопровождением деятельности педагога будем понимать управлеченскую технологию и целостную системно организованную деятельность, в процессе которой создаются условия для профессионального роста педагога, развития его профессионально-педагогической компетентности [6, с. 176].

Анализ теории и психологии управления позволил выделить содержание организационно-методического сопровождения [5]. Необходимость разработки и апробации модели организаци-

онно-методического сопровождения формирования информационной культуры педагогов была обусловлена потребностью в повышении профессиональной компетентности педагогов, обеспечение высокого уровня их готовности к инновационной деятельности с использованием инновационных образовательных технологий, а в результате достижение высокого уровня удовлетворенности потребителей качеством оказываемых образовательных услуг.

Под моделью организационно-методического сопровождения понимается теоретически выстроенная совокупность представлений о том, как выглядит система этого сопровождения, как она воздействует на объект сопровождения, как адаптируется к изменениям во внешней среде, как обеспечивает достижение поставленных целей, способность к устойчивому развитию и обеспечению жизнеспособности сопровождаемого объекта. Была разработана и апробирована модель организационно-методического сопровождения процесса формирования информационной культуры педагогов, включающая в себя следующие блоки:

- **диагностико-аналитический** (определение уровня сформированности информационной культуры педагогов);
- **ценностно-смысловой** (мотивация педагогов к повышению уровня информационной культуры);
- **организационный** (организация информационно и организационно-методической и практической деятельности по сопровождению формирования информационной культуры педагогов);
- **прогностический** (оценка эффективности разработанной модели) (см. рисунок).

Модель организационно-методического сопровождения формирования информационной культуры педагогов

В опытно-экспериментальной работе по разработке и апробации модели управления профессиональными коммуникациями приняли участие 20 педагогов образовательной организации.

Диагностико-аналитический блок направлен на изучение и анализ уровня сформированности информационной культуры педагогов. Для организации этой работы за основу была взята методика оценки уровня использования ИКТ, включающая в себя вопросы по компетентности, условиям, достижениям, проблемам использования. Результат констатирующего этапа показал, что невысокий процент педагогов, участвующих в анкетировании, умеют использовать сеть Internet как способ поиска информации и ИКТ, как педагогические технические средства; недостаточно хорошо владеют навыками работы с программными средствами для учебных целей.

Система «Человек – человек» прослеживается в ценностно-смысловом блоке, направленном на повышение мотивации педагогов в профессиональном развитии, гуманизации и демократизации межличностных отношений, где основой является индивидуальная и групповая рефлексия. В рамках данного блока были проведены следующие мероприятия:

- рефлексия полученных результатов изучения уровня сформированности информационной культуры, анализ профессиональных затруднений в использовании ИКТ в образовательной деятельности;

- методический семинар по проблеме «Внедрение профессионального стандарта в практику», на котором в числе прочих обсуждались требования к владению ИКТ-компетенциями: общепользовательскими, общепедагогическими и предметно-педагогическими;

- тренинг на тему «Я – современный педагог», главными задачами которого явились: обоснование и осознание необходимости самосовершенствования, конкретизация личностных ценностей и взглядов для определения направлений и приоритетов дальнейшего личностного и профессионального развития, осознание места информационной культуры в профессиограмме современного педагога.

Организационный блок реализуется посредством трех модулей в рамках систем «Человек – человек» и «Человек – машина».

1. Информационно-методический модуль предполагает организацию следующих видов деятельности:

- постоянное информирование педагогов о новинках научно-методической, педагогической, психологической, справочной литературы по актуальным вопросам, касающихся их профессиональной деятельности. Данная работа была организована в рамках методических семинаров, методических бюллетеней, которые размещались на информационных стенах, а также на сайте образовательной организации;

- информирование о конкурсах, смотрах и других подобных мероприятиях осуществлялось через сайт образовательной организации и рассылкой с информацией для всех педагогов;

- изучение передового педагогического опыта осуществлялось на педагогических чтениях на основе изучения периодических изданий;

- обобщение опыта работы педагогов по приоритетным направлениям воспитательной деятельности, в том числе по использованию ИКТ в образовательной деятельности и участию в конкурсах профессионального мастерства.

2. В рамках системы «Человек – человек» организационно-методический модуль был направлен на организацию и проведение системы различных методических мероприятий по повышению квалификации педагогов и формированию их информационной культуры. Наиболее эффективными средствами работы в данном направлении являются практико-ориентированные семинары (проблемно-целевые, научно-методические, проектировочные и др.), «круглые столы», тематическое индивидуальное и коллективное консультирование, тематические беседы по вопросам информатизации, мастер-классы, в которых удачно сочетаются как теоретические, так и практические формы работы.

Программа организационно-методического сопровождения в педагогике рассматривается через последовательную реализацию следующих шагов:

- диагностики сути проблемы;
- информационного поиска методов для ее решения;
- обсуждения вариантов решения проблемы и выбора наиболее целесообразного пути ее решения;
- оказания первичной помощи на этапе реализации плана решения.

В качестве способов и средств организации такой деятельности могут использоваться современные технологии обучения, в том числе информационно-коммуникационные, игра, диалог, фокус-группы, тьюторство, командообразование и другие [4, с. 175–178].

Кроме того, к формам организационно-методического сопровождения педагогов в системе «Человек – человек» можно отнести:

– организацию методической поддержки (индивидуальное и групповое консультирование, тьюторство, помочь в работе творческих групп, общешкольные семинары, педагогические советы «Использование ИКТ в рамках введения ФГОС»). Это направление носит в основном характер передачи информации, но формы здесь могут быть самыми разнообразными. Их можно разделить на активные (дискуссии, деловые игры, тренинги и т.д.) и пассивные (выступление на педсовете, конференции; анкетирование (другие формы опроса); ознакомление с печатной информацией (книги, учебные пособия) и т.д.);

– создание организационных (работа ресурсных кабинетов или информационных центров) и методических (консультирование) условий для участия педагогов в различных мероприятиях: курсы, конференции, методические объединения, «круглые столы» (проблемно-проектировочный «круглый стол» на тему «Повышение квалификации педагогов

– инновационный вектор развития», позволило включить педагогов в активное обсуждение условий для обеспечения постоянного роста уровня квалификации педагогов), семинары, совещания и т.д.;

– оказание методической поддержки (тьюторство) для педагогов, ведущих свою научно-исследовательскую деятельность, педагогический эксперимент;

– информационная поддержка участия педагогов в различных педагогических мероприятиях (конференции, мастер-классы, конкурсы профессионального мастерства) по представлению и обобщению своего опыта. Для нас важно, что все вышеперечисленные способы содержат в себе основу взаимодействия в системе «Человек – человек».

В рамках системы «Человек – машина» организационно-методический модуль был направлен на организацию и проведение системы следующих мероприятий:

– практикумы, приглашение на мастер-классы специалистов в области ИКТ, преподавателей вузов и системы повышения квалификации, которые ведут обучение педагогов по созданию сайтов, по работе в программах Microsoft. А также в помощь педагогам была создана творческая группа, которая разрабатывала занятия с использованием цифровых образовательных ресурсов, методические рекомендации по использованию информационно-компьютерных технологий на занятиях;

– тематические индивидуальные и коллективные консультации по вопросам практического применения ИКТ. Например, использование интерактивной доски, стола, пола и пе- сочницы на занятиях.

В последнее время получила распространение такая форма организационно-методического сопровождения в системе «Человек – машина», как скайп-сопровождение. Это форма удаленного пошагового индивидуального обучения через скайп, одна из форм организации дистанционного обучения. Благодаря скайпу есть возможность общаться в режиме реального времени, независимо от места нахождения при помощи ИКТ. В отличие от скайп-консультирования скайп-сопровождение не ограничено количеством скайп-сеансов. Каждый новый сеанс происходит после проверки выполнения домашнего задания.

Организованные мероприятия в обеих системах как «Человек – человек», так и «Человек – машина», имели разнообразную тематику, но общую цель: углубленное погружение в тему, совершенствование умений и навыков и соответствие запросам педагогов. Немаловажным являлось взаимодействие педагогов с коллегами в профессиональных сетевых сообществах, научно-практических конференциях, вебинарах и др.

3. Деятельность в практическом или опытно-внедренческом модуле, предполагающая реализацию индивидуального методического маршрута каждого педагога, так как уровень владения ИКТ-компетенциями на начальном этапе реализации модели был весьма различным, была организована в рамках систем «Человек – человек»:

– работа педагогического коллектива в рамках обсуждения единой методической темы «ИКТ как средство реализации современных целей образования»;

– созданы временные творческие группы с целью подготовки педагогов к участию в профессиональных конкурсах, открытых методических семинарах и конференциях;

– обсуждение результатов работы в рамках единой методической темы осуществлялось на научно-практической конференции педагогов «ИКТ как средство реализации современных целей образования»,

и «Человек – машина»:

– созданы проектные команды по разработке мультимедийных презентаций для организации занятий по различным направлениям деятельности, по разработке материалов для работы с родителями (презентаций, блогов);

– обсуждение результатов работы на конференции, где педагоги представляли опыт работы по использованию ИКТ в образовательном процессе;

– реализация планов и разработка базы методических материалов, социально-педагогических проектов, учебно-методических пособий: конспекты занятий, мультимедийные презентации, видеоуроки, проекты.

Прогностический блок предполагает проведение диагностики сформированности информационной культуры педагогов по той же методике, что и на этапе организации диагностико-аналитического блока. Повторно проведенное исследование показало, что увеличилось число педагогов, которые активно используют информационные технологии в образовательном процессе; применяют электронные дидактические и педагогические программные средства; владеют способами и методами применения компьютерных технологий в работе. А также данный блок характеризуется системностью реализации мониторинговых исследований эффективности образовательной деятельности как отдельных педагогов, так и в целом эффективности реализации концепции образовательной системы учреждения.

Показателями эффективности представленной модели научно-методического сопровождения служит динамика педагогического знания и использование новых технологий в решении педагогических задач, обобщенные результаты готовности педагогов к инновационной деятельности с учётом применения информационно-коммуникативных технологий и развитие их профессиональной позиции. Сравнение результатов констатирующего и контрольного этапов эксперимента показало качественные изменения в образовательных потребностях педагогов, что позволяет говорить о том, что мероприятия, организованные в рамках интеграции систем «Человек – человек» и «Человек – машина» дали положительные результаты.

Библиографический список

1. Антонова С.Г. Информационная культура личности. Вопросы формирования // Высшее образование в России, № 1, 1994. С. 82-87.
2. Антонова С.Г. Информационное мировоззрение. К вопросу об определении сущности понятия. Проблемы информационной культуры // Сб. Ст. – М., 1996. – Выпуск № 3. С. 25–32.
3. Венда В.Ф. О законе взаимной адаптации человека и машины // Вестник АН СССР. 1985. № 1.

4. Милованова Н.Г. Продуктивность образования: поиски и решения // Проблемы педагогической инноватики в профессиональной школе: материалы 14-й Междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. Н.Н. Суртаева, и др. – СПб.: Экспресс, 2013. 365 с.
5. Поташник М.М. Качество образования: проблемы и технологии управления // М.: Педагогическое общество России, 2002.
6. Решетников В.Г. Организационно-методическое сопровождение и методическая поддержка деятельности педагогов в условиях модернизации образования // Томский научный вестник № 5 (122), Психологические и педагогические науки, 2013. С. 174-177.

УДК 159.922.27

СТРЕМИТЕЛЬНАЯ РОБОТИЗАЦИЯ И АВТОМАТИЗАЦИЯ: ДОРОГА К ПОЛНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ ИЛИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ РАБСТВУ?

*C.V. Сусарев, Ю.В. Сарбитова, А.А. Герасименко
ФГБОУ ВО «СамГТУ»*

В статье рассматривается влияние роботизации и автоматизации на современное общество. Рассмотрены положительные и отрицательные стороны внедрения высокотехнологичных машин во многие сферы жизни общества. Описаны наиболее успешные способы использования роботов.

Ключевые слова: автоматизация, роботизация, технологии, научно-технологический прогресс.

RAPID ROBOTIZATION AND AUTOMATION: IS IT THE ROAD TO COMPLETE INDEPENDENCE OR TECHNOLOGICAL SLAVERY?

*S.V. Susarev, U.V. Sarbitova, A.A. Gerasimenko
Samara State Technical University*

The impact of robotization and automation on modern society is considered in the article. Positive and negative aspects of the introduction of high-tech machines into many spheres of society are considered. The most successful ways of using robots are described.

Keywords: automation, robotics, technology, scientific and technological progress.

На данный момент именно мы, люди, занимаем главенствующее положение на нашей планете. Почему? Ведь многие существа на Земле имеют преимущества над нашими физическими способностями: люди не могут летать, подобно птицам, некоторые виды животных гораздо быстрей и сильнее нас и т.п.

Какое же качество, какая способность помогла человеку одержать вверх над остальными животными и стать ему «царем зверей»? Интеллект – вот ответ на этот вопрос. Благодаря своему уровню умственных способностей человек смог создать механические устройства, которые помогли ему компенсировать свои физические недостатки. Именно эти машины помогли человеку обрести могущество.

В настоящее время остро поднимается следующая проблема: сколько еще времени продолжится господство человека на нашей планете и не грозит ли нам опасность? Как было сказано ранее, мы смогли победить других животных только лишь потому, что уровень нашего интеллекта гораздо выше их.

Но как быть с роботами и машинами, которые с каждым днём «развиваются» и становятся более «интеллектуальными»? Какие опасности кроются в стремительной роботизации и автоматизации? Возможно ли такое, что когда-нибудь роботы станут умнее людей?

Что же мы понимаем под «машинами»? С развитием электроники, машиной принято считать технический объект, который состоит из взаимосвязанных функциональных механизмов, использующих энергию для реализации требуемых от него задач [1].

Теперь обсудим, для каких целей используются машины на сегодняшний день.

Применение роботов в промышленности началось, по историческим меркам, не так давно – около 50 лет назад, но сейчас достаточно трудно представить себе производство без применения в нем робототехники. С каждым днем завоевывают популярность решения по автоматизации производства на базе промышленных роботов, которые предотвращают производственные ошибки, связанные с человеческим фактором, а также совершать полный цикл требуемой работы с высокой точностью. Конечно, несмотря на ряд ограничений, таких необходимость предварительного программирования, грузоподъемность и другие особенности, «механические работники» способны повысить эффективность и качество рабочего процесса [1].

С каждым днем уменьшается степень участия человека в процессе производства. Существуют фабрики, на которых все помещения заняты роботами, а человеку остаются лишь управлять машинами и поддерживать их в порядке – обслуживать и ремонтировать. Но даже и на этом все не заканчивается. Уже есть роботы, которые следят за выполнением работы других машин, и при необходимости могут также устранить ту или иную причину сбоя [2]. Многие компании инвестируют в развитие автоматизации и роботизации производства, это же выгодно для бизнеса. В связи с этим сильно увеличивается процент технологической безработицы! Заработка плата, премии для особо отличившихся сотрудников – все эти расходы могут быть сведены к минимуму благодаря роботизации производства.

Машины применяются далеко не только в промышленности. Несколько лет назад роботов снабдили так называемыми органами чувств – в них встроили высокотехнологичные камеры, которые используются для получения зрительной информации. Эти «глазастые помощники» постепенно заменяют людей на работах с повышенной опасностью, например, при разминировании или работах, связанных с радиоактивным излучением [3].

На что еще способны роботы? Они применяются в медицине. Здравоохранение – одна из самых прогрессирующих областей, в которой используется результат деятельности роботов. Не так давно, а именно весной прошлого года в нашей столице была произведена операция на желудке, большую часть которой произвел именно робот! Вспомним того же самого робокопа – персонажа известного многим американского фильма. Тот самый робокоп, в конце 20 века казавшийся невероятным футуристическим изобретением, уже является реальностью [2]. Именно благодаря технологиям люди могут вернуть утраченную часть тела! Это ли не чудо!

Роботы все больше используются в обеспечении работ по освоению космоса, применяются для обеспечения безопасности, в быту и во многих других сферах. Но и это еще не все.

До недавнего времени способность к созданию прекрасного являлась уникальной чертой, которая является так называемой границей между человеческим и искусственным интеллектами, однако, с появлением нейросетей можно утверждать, что теперь машины способны к творчеству. Со многими задачами, требующими выдающихся способностей и даже таланта человека, легко справляются роботы. Wabot 2, созданный в токийском университете, играет на органе и других музыкальных инструментах и даже выступал со своим концертом перед публикой. Роботы-спортсмены, роботы-шахматисты – эти, казалось бы на первый взгляд просто железки, обыгрывали самых выдающихся спортсменов. Официанты, полицейские, пилоты и даже парикмахеры – все эти человеческими профессиями смогли овладеть роботы!

И это лишь малая часть примеров устройств, используемых сегодня в самых различных сферах человеческой деятельности. Чтобы рассказать обо всех машинах, понадобится не одна книга.

Сегодня ясно одно – будущее человечества напрямую зависит от машин. Стремительное увеличение возможностей роботов приводит к стремительному сокращению разрыва между человеческим и машинным мозгом. Как только машинный интеллект сравняется с нашим, могут возникнуть огромные проблемы, решить которые будет очень тяжело.

На вопрос о том, через какое количество времени искусственный интеллект превзойдет человеческий, ученые отвечают по-разному. Некоторые из них считают, что сейчас еще далеко не то время и это произойдет через сто лет или даже позже [3]. Но стремление к инновациям является доминирующей идеологией нашей эпохи, да и скорость развития технологий заставляет нас думать совершенно иначе: сотня лет – это слишком консервативная оценка, и на мой взгляд, не больше, чем иллюзия – попытка себя «успокоить». Я поддерживаю мнение тех ученых, которые уверяют, что эти события ждут нас через какие-то 15-20 лет.

Если вкратце рассмотреть так называемую эволюцию человека, то можно получить следующую картину: находясь в одном ряду с животными, человек смог одержать верх над всеми остальными представителями живой природы именно благодаря своему интеллекту. А что если в один прекрасный момент тоже самое сделают с нами роботы, способности которых быстро растут?

Комитет ЕС проголосовал за проект закона о предоставлении роботам прав «электронной личности», приравняв их к «правам человека». Статус включает в себя детальный перечень прав, обязанностей, правил «электронной личности», а также так называемый «выключатель» – дистанционное принудительное выключение робота [1].

Всему человечеству всерьез стоит задуматься о нарастающей зависимости в роботизации и автоматизации, что может привести к следующей проблеме: роботы вместо людей – создание новой цивилизации.

Библиографический список

1. <http://itlandia.ru/blog/ispolzovanie-robotov-v-sovremennom-mire-noveyshie-razrabotki/> – «Использование роботов в современном мире – новейшие разработки»
2. <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2017/05/22/690779-robot-ekonomike> – «Один робот сокращает в экономике три рабочих места»
3. <https://boeing-is-back.livejournal.com/496658.html> – «Роботы вместо людей – новая цивилизация»

УДК 378

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ СОТРУДНИКОВ-ОПЕРАТОРОВ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ С ТЕХНИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА

Н.И. Улендеева
ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России»

В статье рассмотрены возможности использования технических средств для контроля и надзора при исполнении наказаний в пенитенциарных учреждениях, обоснована деятельность сотрудника исправительного учреждения как деятельность человека – оператора, от которого зависит оперативная обстановка в учреждении, так как все данные мониторинга являются условиями исполнения наказаний как связанных с лишением свободы, так и с исполнением наказаний, не связанных с лишением свободы, выделены функции сотрудников – операторов при использовании технических средств, представлены критерии классификации системы «Человек – машина» при работе с системой электронного мониторинга подконтрольных лиц.

Ключевые слова: пенитенциарные учреждения, технические средства, человек-оператор, сотрудник пенитенциарной системы, технические средства, контроль, надзор.

FEATURES THE WORK OF THE EMPLOYEES – THE OPERATORS OF THE PENITENTIARY SYSTEM WITH TECHNICAL MEANS OF CONTROL AND SUPERVISION

N.I. Ulendeeva

Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

The article considers possibilities of the use of technical equipment for control and supervision in the enforcement of sentences in penal institutions justifies the activities of the correctional officer as an activity of the human operator, which depends on the operational situation in the institution, as all monitoring data are conditions for the execution of sentences as related to the imprisonment and execution of punishments not connected with deprivation of liberty, dedicated function staff – operators using technical means, the classification criteria of the system "Man – machine" when working with the system of electronic monitoring of controlled entities.

Keywords: penal institution, means, a human operator, an employee of the penitentiary system, hardware, control, supervision.

Интенсивное развитие и использование компьютерных технологий, вносит изменения в работу всех государственных структур. Пенитенциарные учреждения как государственные учреждения также постоянно совершенствуют работу по обеспечению исполнения наказаний посредством использования информационно-технических средств мониторинга, контроля, надзора за исполнением наказаний, своевременного предоставления статистической отчетности, развития территориальных и ведомственных сетей, являющих собой сочетание локальных и глобальных сетей для эффективного управления всеми структурами исправительных учреждений.

Государственное развитие в нормативно-правовом аспекте по осуществлению охраны и надзора в местах лишения свободы по применению технических средств приводят к увеличению доли сотрудников, чьи рабочие места оснащены современными автоматизированными техническими средствами. Такие рабочие места получили название автоматизированные рабочие места (АРМ).

Большая часть затрат исправительных учреждений на информационно-технологическую инфраструктуру приходится на обслуживание и обучение сотрудников, а не на покупку программного и аппаратного обеспечения.

Таким образом, основная деятельность сотрудников исправительных учреждений связана с деятельностью по работе с различными информационно-техническими средствами. В рамках нашего исследования такую деятельность называем деятельность человека-оператора.

Основной особенностью этой деятельности является то, что ее выполнение постоянно сопряжено с изучением оперативной обстановки в пенитенциарных учреждениях, которая в свою очередь влияет на все процессы исполнения наказания.

В Концепции развития УИС РФ до 2020 года⁹ указано, что в целях обеспечения эффективного контроля за исполнением осужденными обязанностей и ограничений предполагается использование аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, автоматизированного компьютерного учета осужденных, перечень которых определен постановлением Правительства Российской Федерации от 31.03.2010 № 198¹⁰.

⁹ Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р. // Материалы официального сайта ФСИН России. – URL: <http://www.fsin.su/document/> (дата обращения: 11.10.16)

¹⁰ Постановление Правительства Российской Федерации от 31 марта 2010 г. № 198 «Об утверждении перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используе-

Действительно, информационно-технические средства контроля и надзора осуществляют круглосуточно мониторинг контроля за поведением спецконтингента на всех объектах исправительного учреждения, позволяют организовать контрольно-пропускной режим, обеспечивают безопасность сотрудников, гражданского персонала и осужденных, поддерживают постоянную связь как с осужденными, так и с персоналом, осуществляют дистанционное управление осужденными, которые находятся под домашним арестом или при исполнении наказания в виде ограничения свободы.

Отдельная функция выполняется сотрудниками, которые осуществляют систему контроля и управления доступом. Наиболее эффективным средством обеспечения контроля в данной области является биометрическая идентификация осужденного, которая представляет собой автоматизированный способ распознавания личности путем проверки ее уникальных параметров. Основными методами, использующими биометрические характеристики человека, являются идентификация по отпечаткам пальцев, радужной оболочке, геометрии лица, сетчатке глаза, рисунку вен руки, геометрии рук [1; 5].

Необходимо отметить, что в психологии труда и в инженерной психологии существует понятие «деятельность в особых условиях». В рамках нашего исследования деятельность сотрудника – оператора относится к данной категории, так как постоянно сопряжена с угрозой для здоровья и жизни. Причем угроза при данном виде деятельности – осуществлении надзора и контроля с помощью технических средств – имеет «чрезвычайный» характер, так как от принятия решений сотрудником зависит оперативная обстановка в исправительном учреждении, источником которой является коллектив осужденных.

Профессиональная деятельность сотрудника исправительного учреждения может быть рассмотрена как деятельность по принятию решений в особых условиях исходя из показателей технических средств. Поэтому необходимо изучение как личностных качеств сотрудников, так и особенностей, и критериев классификации системы «человек – машина» (СЧМ) при работе с техническими средствами мониторинга, контроля и надзора.

Рассмотрим пенитенциарное учреждение – уголовно-исполнительную инспекцию как систему, которая обеспечивает дистанционный надзор за осужденными к ограничению свободы и за лицами, в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, а также для осуществления контроля за выполнением подконтрольными лицами (ПЛ) предписанных ограничений. Для функционирования учреждения используются электронные средства надзора и контроля (СЭМПЛ). Таким образом, уголовно-исполнительные инспекции выступает как «комплекс взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, предназначенных для решения единой задачи – обеспечение исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы» [4].

Сотрудник уголовно-исполнительной системы, в должностной инструкции которого закреплена как обязанность организация исполнения наказания в виде ограничения свободы с использованием электронных средств надзора и контроля, называется оператором СЭМПЛ.

СЭМПЛ может применяться для контроля: осужденных к ограничению свободы; осужденных, содержащихся в колониях-поселениях; осужденных, которым разрешено покидать место заключения без сопровождения конвоя; лиц, отбывающих наказание в виде ограничения свободы и других видов альтернативных наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с лишением свободы; лиц, освобожденных условно-досрочно; подследственных, подозреваемых и обвиняемых лиц, ограниченных домашним арестом или имеющих ограничения в перемещении; других категорий лиц [2].

мых уголовно-исполнительными инспекциями для обеспечения надзора за осужденными к наказанию в виде ограничения свободы» // Российская газета. – 7.04.2010 г. – № 5151.

Выделим различные критерии классификации СЧМ:

– *По степени участия в работе системы человека:*

1. Автоматические, работающие без участия сотрудника:

1) электронные браслеты (ЭБ) (электронное устройство, надеваемое на осужденного к наказанию в виде ограничения свободы (или подозреваемого/обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений);

2) стационарные контрольные устройства (СКУ) – электронные устройства, обеспечивающие непрерывный круглосуточный прием и идентификацию сигналов ЭБ для контроля режима присутствия в помещении или на установленной территории, а также оповещение о попытках снятия и повреждениях ЭБ и иных нарушениях;

3) мобильные контрольные устройства (МКУ) – электронные устройства, предназначенные для ношения совместно с ЭБ при нахождении осужденного к наказанию в виде ограничения свободы вне мест, оборудованных СКУ, для отслеживания его местоположения по сигналам глобальной навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС/GPS.

2. Автоматизированные, когда человек работает вместе с техническими средствами:

1) серверный компонент, который устанавливается на постоянно включенном сервере мониторинга (СМ) территориального органа ФСИН России (СПО СМ-Т) для обеспечения работы СЭМПЛ;

2) сервер мониторинга, который размещается в региональном информационном центре каждого территориального органа ФСИН России;

3) клиентский компонент, который устанавливается на компьютере оператора.

3. Неавтоматизированные, когда сотрудники не имеют технической возможности использования СЭМПЛ:

1) деятельность по надзору за осужденными при личном посещении помещения осужденного;

2) вызов осужденного для беседы в уголовно-исполнительную инспекцию;

3) внесение данных о нарушениях в программу учета осужденных.

– *По целевому назначению:*

1. Управляющие, которые управляют техническим средством:

1) контроль целостности ЭБ, который осуществляется датчиком целостности ремней и замка, датчиком целостности корпуса;

2) контроль отсутствия сигнала от ЭБ, оно соединяется с сервером СЭМПЛ и передает на него информацию о данном событии;

3) контроль режима присутствия в помещении или на установленной территории.

2. Обслуживающие, когда человек контролирует состояние технического средства, ищет неисправности, осуществляет настройку:

1) оповещение о попытках снятия и повреждениях ЭБ и иных нарушениях;

2) передача данных при отсутствии сигнала от ЭБ для анализа на сервере СЭМПЛ, определения уровня тревоги, и формирования дальнейших действий согласно служебному регламенту.

– *По характеристике «человеческого звена» (человеческого присутствия):*

Оператор СЭМПЛ является элементом паритетной полисистемы, так как все операторы работают на своих автоматизированных рабочих местах и выполняют одинаковые функции.

– *По типу взаимодействия человека и машины*

1. Непрерывное, когда человек постоянно взаимодействует с техническим устройством:

1) прием и обработка данных от КУ;

2) хранение данных мониторинга в базе данных;

- 3) анализ данных мониторинга;
 - 4) формирование сообщений на основании результатов анализа данных мониторинга и диагностики оборудования;
 - 5) вывод сформированных сообщений для оператора в специальном окне клиентской программы и в виде отчетов;
 - 6) протоколирование работы сервера для последующего анализа работы системы.
2. Частичное, когда оператор по требованию обращается к техническому средству:
- 1) работа системы дистанционной идентификации, получение, обработку, хранение, передачу и предоставление информации о выполнении ПЛ предписанных ограничений;
 - 2) управление режимами работы контрольного устройства;
 - 3) реализация функцией администрирования системы и информационно-технического сопровождения.

– *По типу и структуре машинного компонента в СЧМ:*

1. Простейшие человеко-машины системы (включают стационарные и нестационарные технические устройства):
 - 1) стационарный пульт мониторинга(СПМ) – компьютер, предназначенный для обработки и отображения информации о выполнении осужденным предписанных ограничений;
 - 2) устройство активации (УА) – электронное устройство, предназначенное для передачи набора параметров от сервера СЭМПЛ к выбранному устройству, а также управления устройством с клавиатуры УА.
2. Сложные человеко-машины системы (включают целую систему взаимосвязанных аппаратов, различных по своему функциональному назначению):
 - 1) система электронного мониторинга подконтрольных лиц, включающая электронные браслеты, многофункциональные устройства, стационарные комплекты для зарядки и функционирования ЭБ;
 - 2) системотехнические комплексы (часто система расширяется до «человек – человек – машина» – это как некая иерархия более простых систем) – при работе по пресечению нарушений со стороны осужденных, когда на пульте оператора СЭМПЛ сработал сигнал о сбое работы электронного браслета или подконтрольное лицо вышел из зоны предусматриваемого нахождения. После получения сигнала сотрудник УИИ принимает меры согласно п. п. 37–39 Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы¹¹.

Для повышения эффективности труда операторов СЭМПЛ целесообразно использовать разработанный алгоритм действий сотрудников УИИ при выходе из строя электронных средств контроля и надзора, который позволяет скординировать дальнейший процесс осуществления надзора за осужденным [3].

Изучив особенности работы сотрудников пенитенциарной системы в качестве операторов (операторов – СЭМПЛ), можно сделать вывод о том, что для эффективной работы системы «Человек – машина» необходимо постоянное совершенствование работы операторов путем обучения использованию более новых технических средств и изучение новых видов правонарушений со стороны осужденных.

Дальнейшие исследования по проблеме классификации СЧМ при работе сотрудников – операторов позволяют определить измерения, которые можно анализировать в инженерной психологии через применение математико-статистических средств.

¹¹ Приказ Минюста РФ от 11 октября 2010 г. № 258 (ред. 22.08.2014 (приказ Минюста № 177)) «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы» (зарегистрировано в Министерстве юстиции Российской Федерации 21 октября 2010 г. № 18780) [Текст] // Российская газета: Федер. вып. № 5322. – 2010. – 27 октября.

В качестве выводов можно отметить, что сложность и многообразие видов деятельности операторов во ФСИН России являются причиной отсутствия единого подхода в понимании сущности и содержания правовых и организационных основ использования технических средств при исполнении наказаний, что обуславливает необходимость рассмотрения базовых принципов интеграции систем управления «Человек – машина» в деятельности подразделений ФСИН.

Библиографический список

1. Бочкарев В.В. Совершенствование использования в исправительных учреждениях инженерно-технических средств // Отрасли права – [Электронный ресурс] // <http://xn----7sbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/19870> (Дата обращения 5.03.2018 г.).
2. Информатика и информационные технологии в профессиональной деятельности: учебник / А.В. Душкин [и др.]; под ред. В.П. Корячко, М.И. Купцова. – Рязань: АкадемияФСИН России, 2016. – 354 с.
3. Организационно-правовые и технические основы деятельности операторов СЭМПЛ: учебное пособие / И.Л. Бедняков, С.А. Грязнов, А.В. Мусалева, К.А. Насреддинова, Д.А. Приходько. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2013. – 156 с.
4. Пряжникова Е.Ю., Пряжников Н.С. Методические рекомендации для проведения курса «Психология труда и инженерная психология» // [Электронный ресурс] – http://web-local.rudn.ru/web-local/uem/ido/psix_trud/6.html#6.3 (Дата обращения 5.03.2018 г.).
5. Устинкина А.В. Использование современных информационных технологий для организации режима и надзора в УИС // Уголовно-исполнительная система Российской Федерации в условиях модернизации: современное состояние и перспективы развития: Сб. тезисов докладов участников Междунар. науч.-практ. конф. (Рязань, 22 – 23 ноября 2012 г.): В 3 т. Рязань, 2012. Т. 2. С. 100–101.

УДК 378

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫХ СФЕР «ЧЕЛОВЕК – ЧЕЛОВЕК» И «ЧЕЛОВЕК – МАШИНА»

O.I. Цурикова
ИФНС России по Октябрьскому району г. Самары

Показано, что современные достижения научно-технического прогресса внесли в профессиональную деятельность организаций высокий уровень информационной грамотности: в результате профессионально-деятельностная сфера «человек – человек» интенсивно меняет свои функции за счет вторжения машин (компьютеров). Под системой «человек – машина» понимается информационная среда, в которой для решения широкого круга задач происходит взаимодействие человека с компьютером и другими техническими устройствами. В результате нарастающего взаимодействия двух систем «человек – человек» и «человек – машина» требуется постоянный поиск интегративных оснований для создания технологий, отвечающих новым вызовам времени. Очевидно, что дальнейшее возрастание информационной культуры в обществе будет способствовать дальнейшему изучению объективных закономерностей процессов взаимодействия человека и техники для создания и использования новых информационно-коммуникативных технологических процессов и концепций их интеграции и сопряжения.

Ключевые слова: технологические процессы организаций, системы «человек – человек» и «человек – машина», информационная культура, информационно-коммуникативные технологии, компетенции.

INTERACTION OF PROFESSIONAL-ACTIVITY SPHERES «MAN – MAN» AND «MAN – MACHINE»

O.I. Tsurikova
IFTS of Russia for Oktyabrsky district of the city of Samara

It is shown that the modern achievements of scientific and technical progress have made a high level of information literacy in the professional activity of the structural subdivisions of the organizations.

As a result, the profession-activity sphere «man – man» intensively changes its functions due to the intrusion of machines (computers). Under the «person-machine» system is meant an information environment in which a person's interaction with a computer and other technical devices is performed to solve a wide range of problems. As a result of the increasing interaction between the two “human – human” and “human – machine” systems, a constant search for integrative foundations is needed to create technologies that meet the new challenges of the time. It is obvious that further increase of the information culture in the society will promote further study of the objective laws of the processes of interaction between man and technology for the creation and use of new information and communication technological processes and the concepts of their integration and interface.

Keywords: technological processes of structural subdivisions of the organizations, “man – man” and “human – machine” systems, information culture, information and communication technologies, competences.

Многие годы сотрудники организаций относились к группе людей, успешное выполнение профессиональных обязанностей которых оказывалось невозможным без понимания другого человека, без учета его особенностей и пожеланий, без установления личного контакта. Реализация многочисленных видов профессиональной деятельности, в которых предметом труда является другой человек, образуют профессионально-деятельностную сферу «человек – человек». Специалисты системы «человек – человек», помимо сугубо профессиональных компетенций, должны обладать умениями работы с людьми, связанную с высоким нервно-психическим напряжением и требующую хорошо развитых не только коммуникативных возможностей, но и выдержки, самоконтроля, эмоционально-волевых качеств.

Достижения научно-технического прогресса, связанные с информационными глобальными изменениями во всех сферах профессиональной деятельности, внесли в организации и структурные подразделения высокий уровень информационной грамотности: расширили перечень документов, обмен которыми осуществляют через систему электронного взаимодействия, ввели новые порядки выдачи разрешений и информирования граждан, разработали и утвердили новые инструкции на рабочие места по выполнению технологических процессов, изменили обязанности сотрудников. В частности, большое внимание стали уделять мониторингу соответствия структур и функций структурных подразделений технологическим процессам, контролю соответствия должностных обязанностей сотрудников выполняемым технологическим процессам; координации взаимодействия руководства и сотрудников по вопросам выполнения технологических процессов; инструктированию и консультированию сотрудников на рабочих местах, при появлении вопросов в ходе выполнения процессов; анализу информации о возникающих проблемах и предложения по их устранению.

В результате образуется профессионально-деятельностная сфера «человек – машина», которая постепенно отвоевывает все большие «площади» в рабочем пространстве организаций. Под системой «человек – машина» понимается информационная среда, в которой для решения широкого круга задач происходит взаимодействие человека с компьютером и другими техническими устройствами противоположными по своей сущности, способу и целям существования. Взаимодействие двух систем «человек – человек» и «человек – машина» требует постоянного поиска интегративных оснований для создания новых технологий, отвечающих новым вызовам времени.

Опыт показывает, что это взаимодействие вполне органично, взаимно обогащающее и развивающее: оно дает возможность человеку успешно применять безграничные возможности машины, увеличивая эффективность и качество многих форм деятельности человека, облегчая его работу, способствуя прогрессу личности и увеличении ее интеллектуальных воз-

можностей [1]. Тем, кто привык вести свою профессиональную деятельность в системе «человек – человек», приходится адаптироваться к условиям современных преобразований. В этой связи подготовка и переподготовка сотрудников организаций, способных использовать в профессионально-деятельностном процессе новейшие информационные технологии, становится актуальной задачей. Чтобы знать особенности информационных потоков своей профессиональной деятельности, уметь организовать поиск информации из множества источников, структурировать ее, систематизировать и обобщать, сотрудник должен владеть компетенциями использования информационно-коммуникативных технологий (ИКТ), а также обладать особым типом культуры – информационной, как составной частью общей профессиональной культуры современного специалиста.

В настоящее время не сформировалось однозначного определения понятия «информационная культура», равно как и общепризнанных подходов к ее формированию в профессиональной деятельности, несмотря на стабильный, длительный интерес к данной тематике многих ученых. На основании проведенного теоретического анализа, вслед за С.Г. Антоновой, чье определение является более обобщенным, информационной культурой специалиста будем считать совокупность информационного мировоззрения и информационной компетентности, обеспечивающую готовность работника к эффективной профессиональной деятельности в условиях информационного общества, а также один из важнейших факторов успешной профессиональной деятельности и социальной защищенности специалиста в современном профессионально-деятельностном пространстве [2; 3].

Попробуем оценить роли человека и технических систем в производственном процессе. Правильное определение понятия системы «человек – машина» дал Э. Маккорник: «систему «человек – машина» можно определить как сочетание одного или нескольких людей с одним или несколькими компонентами оборудования, взаимодействующими друг с другом таким образом, чтобы система, получая сигналы на входе, вырабатывала требуемые в конкретных условиях окружающей среды выходные сигналы». Такое определение понятия «человек – машина» позволяет легко увидеть то общее, что есть в сочетаниях автомобиль – водитель, самолет – экипаж, компьютер – диспетчер и т.д. Машина, получив входные данные, поставляет человеку информацию, которую он воспринимает и интерпретирует, используя для этого в качестве устройства для обработки данных свой мозг. Далее человек производит необходимую установку органов управления машиной, чтобы изменить ее выходные данные. Таким образом, человек и машина образуют единую систему, в которой используются возможности каждого из них.

Отметим, что только человек обладает множеством таких качеств, которые легкостраиваются и приспосабливаются к изменяющимся условиям. По разнообразию возможностей переработки информации, способности разносторонне анализировать и синтезировать ее, по гибкости и тонкости выполнения этих операций человек во много раз превосходит машину. Следовательно, именно он должен производить наблюдения, анализировать их, описывать, систематизировать и принимать решения.

Выделим преимущественные способности человека:

- способность воспринимать не запрограммированные заранее данные и сообщать о неожиданных явлениях и событиях, оперируя как субъективными, так и объективными данными;
- выделение полезных сигналов на фоне помех (например, шумов), в то время как машина это делает плохо;

- глаза человека могут ясно воспринимать объемное многоцветное изображение недоступное оптической системе на фотоэлементах;
- возможность производить точную регулировку и настройку аппаратуры для научных исследований, вносить изменения в программу действий, производить ремонт и техническое обслуживание оборудования, предназначенного для выполнения работ, лежащих за пределами физических и умственных способностей человека;
- решение задач при отсутствии алгоритма, на основе неполной информации, в случае непредвиденных ситуаций, требующих индуктивного мышления.

Машина не может обнаруживать и воспринимать явления, не входящие в число тех, на которые она рассчитана при конструировании, но по скорости восприятия и переработке информации машина превосходит человека. Ее можно полностью вывести из строя или ухудшить работу с помощью электромагнитных помех. Но она обладает следующими преимуществами по сравнению с человеком:

- имеет большой объем памяти и длительное время хранения информации с различной скоростью ее воспроизведения;
- быстро и с большой точностью производит математические расчеты;
- мгновенно реагирует на сигналы, может выполнять однообразные, повторяющиеся операции согласно заданному алгоритму;
- выполняет функции, требующие дедуктивного мышления: производит частные решения, пользуясь общими правилами;
- не отвлекается, не утомляется, не забывает программу и т.п.

Возрастание информационной культуры в обществе будет способствовать дальнейшему изучению объективных закономерностей процессов взаимодействия человека и техники для создания и использования новых информационно-коммуникативных технологических процессов и концепций их интеграции и сопряжения.

Библиографический список

1. Венда В.Ф. О законе взаимной адаптации человека и машины // Вестник АН СССР, 1985. № 1.
2. Антонова С.Г. Информационная культура личности. Вопросы формирования // Высшее образование в России, № 1, 1994. С. 82-87.
3. Антонова С.Г. Информационное мировоззрение. К вопросу об определении сущности понятия. Проблемы информационной культуры // Сб. Ст. М., 1996. Выпуск № 3. С. 25-32.

НАШИ АВТОРЫ

Аванесян Марина Олеговна – кандидат психологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: m.avanesyan@spbu.ru

Агафонов Андрей Юрьевич – доктор психологических наук, профессор ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (Самарский университет) (Самара, Россия), e-mail: aa181067@yandex.ru

Айсина Римма Михайловна – кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной психологии им. проф. Л.Ф. Обуховой ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (Москва, Россия), e-mail: reiner@bk.ru

Алдашева Айгуль Абдулхаевна – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии ФГБУН «Институт психологии РАН» (Москва, Россия), e-mail: aigulmama@mail.ru

Алексанова Ольга Егоровна – ассистент-преподаватель ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет», аспирант ФГБУН «Институт психологии РАН» (Липецк, Россия), e-mail: olga.aleksanidu@yandex.ru

Альмухаметова Татьяна Николаевна – научный сотрудник лаборатории консультативной психологии и психотерапии ФГБУН «Психологический институт Российской академии образования» (Москва, Россия), e-mail: kardoula@yandex.ru

Астрейко Наталья Сергеевна – аспирант кафедры психологии факультета философии и социальных наук, «Белорусский государственный университет» (Минск, Республика Беларусь), e-mail: Astra_tasha@mail.ru

Афанасьева Ирина Фёдоровна – преподаватель кафедры иностранных языков, филиал ВУНЦ ВВС «ВВА имени Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (Сызрань, Самарская обл., Россия)

Баканов Арсений Сергеевич – кандидат технических наук, научный сотрудник ФГБУН «Институт психологии РАН» (Москва, Россия), e-mail: arsb3151@gmail.com

Бакищутова Екатерина Валерьевна – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой «Психология и педагогика» ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» (Самара, Россия), e-mail: bakshutka@gmail.com

Бартенева Елизавета Владиславовна – магистрант кафедры общей психологии ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (Самарский университет) (Самара, Россия), e-mail: elizoveta_1994@mail.ru

Бейлина Наталья Семеновна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры «Психология и педагогика» ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» (Самара, Россия), e-mail: nabelina@yandex.ru

Блинникова Ирина Владимировна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, доцент, Факультет психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: blinnikovamslu@hotmail.com

Брюхова Екатерина Васильевна – магистрант кафедры социальной психологии ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (Самарский университет) (Самара, Россия), e-mail: cati.bonyfac@yandex.ru

Бутько Анастасия Глебовна – психолог ООО Ритейл Груп Баста-Эстра (Минск, Республика Беларусь), e-mail: anast.butsko@gmail.com

Бызова Валентина Михайловна – доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: vbysova@mail.ru

Васильева Светлана Николаевна – психолог, аспирант, Центр «Академия семьи» (Челябинск, Россия), e-mail: vsn97@mail.ru

Вересов Николай Николаевич – к.п.н., Ph.D., Associate Professor, Faculty of Education, Monash University (Australia), e-mail: nveresov@hotmail.com

Волкова Наталья Никитична – «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (Москва, Россия)

Воронин Александр Дмитриевич – тренер МОУ г.о. Самара «Спортивная школа олимпийского резерва № 11 им. В.В. Ольховского», аспирант кафедры психологии и педагогики ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет»

Галиакберова Ирина Леонидовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры «Теоретическая и прикладная психология» ФГБОУВО «Забайкальский государственный университет» (Чита, Россия), e-mail: ira.bryansk@yandex.ru

Гализин Дмитрий Александрович – магистрант кафедры практической психологии ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет» (Воронеж, Россия), e-mail: dimahomestudio@rambler.ru

Гарифуллин Рамиль Рамзиевич – кандидат психологических наук, доцент кафедры дошкольного и начального образования Казанский федеральный университет (Казань, Россия), e-mail: garifulli@mail.ru

Герасименко Алексей Александрович – студент ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» (Самара, Россия), e-mail: alexei-gerasimenko2016@yandex.ru

Гефеле Ольга Фридриховна – кандидат философских наук, доцент кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет» (Тверь, Россия), e-mail: helga2003@mail.ru

Гильмутдинова Алия Гакильевна – студент, ФГАОУ ВО «Димитровградский инженерно-технологический институт – филиал Национального исследовательского ядерного университета «Московский инженерно-физический институт» (Димитровград, Ульяновская обл., Россия), e-mail: gilmutdinova_aliya97@mail.ru

Горбунова Людмила Андреевна – студент кафедры «Общая психология» ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Россия), e-mail: nikulinati@mail.ru

Городничева Елена Владиславовна – преподаватель, филиал ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» (Новокуйбышевск, Самарская обл., Россия), e-mail: sibiu2007@mail.ru

Горьковая Ирина Алексеевна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии человека Института психологии ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: iragork@mail.ru

Гусев Алексей Николаевич – доктор психологических наук, профессор, Факультет психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова» (Москва, Россия), e-mail: angusev@mail.ru

Давликамова Эльмира Ильдаровна – студент ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» (Самара, Россия)

Данина Мария Михайловна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории консультативной психологии и психотерапии ФГБНУ «Психологический институт РАО» (Москва, Россия), e-mail: mdanina@yandex.ru

Двойникова Елена Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» (Самара, Россия), e-mail: dey10@rambler.ru

Деева Татьяна Михайловна – магистрант психологического факультета ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (Самарский университет) (*Самара, Россия*), e-mail: tatianadeeva@yandex.ru

Дёмин Илья Вячеславович – доктор философских наук, профессор кафедры философии ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (Самарский университет) (*Самара, Россия*), e-mail: ilyadem83@yandex.ru

Дири Марта Игоревна – аспирант кафедры «Психология и педагогика» ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» (*Самара, Россия*), e-mail: martha_2002@mail.ru

Дорошко Геннадий Павлович – кандидат технических наук, доцент кафедры «ПСМИ» ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» (*Самара, Россия*), e-mail: gen_dor@mail.ru

Дробышева Мария Михайловна – аспирант ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» (*Москва, Россия*), e-mail: mmdrom@mail.ru

Дробышева Татьяна Валерьевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии ФГБУН «Институт психологии РАН» (*Москва, Россия*), e-mail: tdrobysheva@mail.ru

Дудина Маргарита Николаевна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии образования Уральского федерального университета имени первого президента России Б.Н. Ельцина (*Екатеринбург, Россия*), e-mail: mndudina@yandex.ru

Емельянова Светлана Анатольевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Факультет психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (*Москва, Россия*), e-mail: oly_e@mail.ru

Ермакова Елена Сергеевна – доктор психологических наук, профессор кафедры «Прикладная психология» ФГБОУ ВО ПГУПС (*Санкт-Петербург, Россия*), e-mail: e_s_ermakova@mail.ru

Жегалло Александр Владимирович – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории познавательных процессов и математической психологии ФГБУН «Институт психологии РАН» (*Москва, Россия*), e-mail: zhegs@mail.ru

Жихарева Анастасия Александровна – аспирант кафедры «Психология и педагогика» ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» (*Самара, Россия*), e-mail: nemilostevaaa@mail.ru

Зеленова Марина Евгеньевна – кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психологии труда, эргономики, организационной и инженерной психологии ФГБУН «Институт психологии РАН» (*Москва, Россия*), e-mail: mzelenova@mail.ru

Зинченко Татьяна Олеговна – старший преподаватель кафедры практической психологии ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет» (*Воронеж, Россия*), e-mail: zinchenko.t@mail.ru

Иваницкий Александр Викторович – аспирант ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт» (*Ставрополь, Россия*)

Иванкова Дарья Леонидовна – начальник психологической лаборатории ФКУ ИК-2 УФСИН России по Тульской области, капитан внутренней службы, аспирант кафедры психологии ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет» (*Тула, Россия*), e-mail: lazs@inbox.ru

Иванова Светлана Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры управления и информационно-технического обеспечения деятельности УИС ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России» (*Самара, Россия*).

Измалкова Анна Игоревна – научный сотрудник факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова (*Москва, Россия*), e-mail: mayoran@mail.ru

Капица Мария Сергеевна – кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова (*Москва, Россия*), e-mail: maria-kapitsa@mail.ru

Киселева Татьяна Геннадьевна – кандидат психологических наук, доцент ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского» (*Ярославль, Россия*), e-mail: kisseleva2108@mail.ru

Кисельникова Наталья Владимировна – кандидат психологических наук, заведующая лабораторией консультативной психологии и психотерапии ФГБНУ «Психологический институт РАО» (*Москва, Россия*), e-mail: nv_psy@mail.ru

Кислякова Ольга Петровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры математики и естественнонаучных дисциплин, Филиал ВУНЦ ВВС «ВВА имени Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (*Сызрань, Самарская обл., Россия*), e-mail: olga.kislaykova@mail.ru

Клементьева Марина Владимировна – кандидат психологических наук, доцент ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет» (*Тула, Россия*), e-mail: marinaklementyva@yandex.ru

Кленовцев Владимир Аркадьевич – студент ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» (*Самара, Россия*), e-mail:klenovcev@mail.ru

Климова Александра Сергеевна – начальник отдела ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет путей сообщений» (*Самара, Россия*), e-mail: kli-90@mail.ru

Кондрашихина Оксана Александровна – кандидат психологических наук, доцент ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», кафедра «Психология» (*Севастополь, Россия*), e-mail: okskon66@mail.ru

Костенко Елена Валерьевна – клинический психолог психофизиологической лабораторией Филиала № 1 ФГКУ «ГВКГ им. Н.Н. Бурденко МО РФ» (*Москва, Россия*), e-mail: costenko.lena@yandex.ru

Кочеулова Ольга Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии ФГБОУ ВО «Омский Государственный педагогический университет» (*Омск, Россия*), e-mail:boa27@yandex.ru

Кравцов Павел Григорьевич – кандидат технических наук, доцент кафедры «Электропривод и промышленная автоматика» ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет путей сообщения» (*Самара, Россия*), e-mail: erab@yandex.ru

Красавина Татьяна Юрьевна – аспирант ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» (*Санкт-Петербург, Россия*), e-mail: t-krasavina@yandex.ru

Красинская Людмила Федоровна – доктор педагогических наук, профессор кафедры «Философия и история науки» ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет путей сообщения» (*Самара, Россия*), e-mail: lfkras@yandex.ru

Крюкова Алена Павловна – аспирант кафедры общей психологии ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (*Самарский университет*) (*Самара, Россия*), e-mail: kryukova.1991@bk.ru

Ксенда Ольга Григорьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психология» «Белорусский государственный университет» (*Минск, Республика Беларусь*), e-mail: olgaksionda@gmail.com

Курбанов Курбан Абдулгадырович – студент «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» (*Москва, Россия*), e-mail: kurban.kot@mail.ru

Куминская Евгения Андреевна – научный сотрудник лаборатории консультативной психологии и психотерапии ФГБНУ «Психологический институт РАО» (Москва, Россия), e-mail: j-aquarius@bk.ru

Курина Вера Алексеевна – доктор педагогических наук, профессор, декан факультета культурологии, социально-культурных и информационных технологий, заведующий кафедрой социально-культурных технологий ФГБОУ ВО «Самарский государственный институт культуры» (Самара, Россия), e-mail: kurina06@mail.ru

Лаврова Елена Васильевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории консультативной психологии и психотерапии ФГБНУ «Психологический институт РАО» (Москва, Россия), e-mail: may_day@list.ru

Лагунова Елена Николаевна – преподаватель кафедры психологии «Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники» (Минск, Республика Беларусь), e-mail: lagunova.e.n@mail.ru

Ладыженец Наталья Сергеевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой социологии Института истории и социологии ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» (Ижевск, Россия), e-mail: lns07@mail.ru

Лактионова Анна Игоревна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник ФГБУН «Институт психологии РАН» (Москва, Россия), e-mail: apan@inbox.ru

Лапкина Елена Валерьевна – кандидат психологических наук, доцент «Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны» (Ярославль, Россия), e-mail: elena-lapkina@inbox.ru

Лекалов Александр Анатольевич – заведующий психофизиологической лабораторией Филиала № 1 ФГКУ «ГВКГ им. Н.Н. Бурденко МО РФ» (Москва, Россия), e-mail: lekalov.aleksandr2011@yandex.ru

Лим Владимир Станиславович – кандидат медицинских наук, начальник Филиала № 1 ФГКУ «ГВКГ им. Н.Н. Бурденко МО РФ» (Москва, Россия), e-mail: 7cvkag@mail.ru

Лисова Екатерина Николаевна – кандидат психологических наук, преподаватель ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет» (Воронеж, Россия), e-mail: lisova.yekaterina@yandex.ru

Лотарева Таисия Юрьевна – педагог-психолог, аспирант ФГБУН «Институт психологии РАН» (Москва, Россия), e-mail: lotaya@mail.ru

Лысикова Наталья Павловна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии культуры и культурологии ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (Саратов, Россия), e-mail: 450885@mail.ru

Максименко Жанна Александровна – кандидат психологических наук, доцент ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет» (Москва, Россия), e-mail: xlissa@ya.ru

Малахова Светлана Игоревна – кандидат психологических наук, преподаватель кафедры общей психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: smalakchova@mail.ru

Марченко Федор Олегович – кандидат психологических наук, научный сотрудник «Институт образования ВШЭ» (Москва, Россия), e-mail: creol26@bk.ru

Марченкова Лариса Александровна – старший преподаватель ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» (Самара, Россия), e-mail: Larisa.mw@mail.ru

Махнач Александр Валентинович – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник ФГБУН «Институт психологии РАН» (Москва, Россия), e-mail: amak@inbox.ru

Маховская Ольга Ивановна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник ФГБУН «Институт психологии РАН» (Москва, Россия), e-mail: olyam@inbox.ru

Мельник Надежда Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Психология и педагогика» ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» (Самара, Россия), e-mail: prfgo@rambler.ru

Мельникова Дарья Александровна – кандидат технических наук, доцент ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» (Самара, Россия), e-mail: melnikovada1988@mail.ru

Меркушев Алексей Дмитриевич – студент ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» (Самара, Россия), e-mail: alexmerky@mail.ru

Микляева Анастасия Владимировна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии человека Института психологии ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: a.miklyaeva@gmail.com

Михалёва Елизавета Вячеславовна – заместитель декана факультета информационных систем и компьютерных технологий, соискатель кафедры общей психологии и психологии труда АНО ВО «Российский новый университет» (Москва, Россия), e-mail: mihaleva_utm@bk.ru

Михелькевич Валентин Николаевич – доктор технических наук, профессор-консультант кафедры «Психология и педагогика» ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» (Самара, Россия), e-mail: j918@yandex.ru

Муллин Алексей Александрович – студент ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» (Самара, Россия), e-mail: A.Mullin13@yandex.ru

Мурзина Наталья Павловна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой педагогики и психологии детства ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет» (Омск, Россия)

Наличаева София Александровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии факультета психологии «Филиал МГУ в Севастополе» (Севастополь, Россия), e-mail: espritsn@yandex.ru

Небытова Лилия Анатольевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры физической культуры для технических специальностей ФГАОУ ВО «СКФУ» (Ставрополь, Россия), e-mail: nebitova.lilia@ya.ru

Нестеренко Владимир Михайлович – доктор педагогических наук, профессор кафедры «Психология и педагогика» ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» (Самара, Россия), e-mail: nesterenko.fgo@gmail.com

Нестик Тимофей Александрович – доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией социальной и экономической психологии ФГБУН «Институт психологии РАН» (Москва, Россия), e-mail: nestik@gmail.com

Никулина Татьяна Ивановна – кандидат психологических наук, доцент кафедры «Общая психология» ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Россия), e-mail: nikulinati@mail.ru

Одинцова Анна Александровна – магистрант ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» (Самара, Россия), e-mail: odinanya@yandex.ru

Ощенков Алексей Александрович – кандидат психологических наук, доцент кафедры «Философия, право и социально-гуманитарные науки» ФГАОУ ВО «Димитровградский инженерно-технологический институт – филиал Национального исследовательского ядерного университета «Московский инженерно-физический институт» (Димитровград, Ульяновская обл., Россия), e-mail: sladkod@yandex.ru

Перикова Екатерина Игоревна – кандидат психологических наук, ведущий специалист отдела организации научных исследований по направлениям история, психология, философия и юриспруденция ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: chikurovaEI@gmail.com

Пецева Ольга Сергеевна – студент ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (Самарский университет) (Самара, Россия), e-mail: olg-pecev@yandex.ru

Пианицына Ольга Анатольевна – студент факультета начального, дошкольного, и специального образования ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет» (Омск, Россия), e-mail: pianicyna@bk.ru

Плугина Мария Ивановна – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Педагогика, психология и специальные дисциплины» ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный медицинский университет» (Ставрополь, Россия), e-mail: mplugina@yandex.ru

Плющева Ольга Александровна – ведущий психолог-супervизор АНО «СО-действие», Служба «Ясное утро», аспирант ФГБУН «Институт психологии РАН» (Москва, Россия), e-mail: plolal@yandex.ru

Полякова Ксения Андреевна – магистрант ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия), e-mail: ksenyapolyakova1@mail.ru

Попов Илья Андреевич – магистрант кафедры общей и социальной психологии ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально педагогический университет», Творческое объединение «Фабрика Радости» (Самара, Россия), e-mail: popov.ilyusha@mail.ru

Прокопенко Татьяна Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой физической культуры для технических специальностей ФГАОУВО «Северо-Кавказский федеральный университет» (Ставрополь, Россия), e-mail: tatprokop@mail.ru

Пыхалова Ксения Витальевна – магистрант кафедры «Теоретическая и прикладная психология» ФГБОУВО «Забайкальский государственный университет» (Чита, Россия), e-mail: kazachka1102@mail.ru

Радомский Владимир Маркович – к.т.н., доцент, кафедра ИРОСТ, ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» (Самара, Россия)

Раковская Дарья Николаевна – студент ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (Москва, Россия), e-mail: hermionegranger79@yandex.ru

Раменская Екатерина Константиновна – магистрант ФГБОУ ВО МО «Самарский государственный социально-педагогический университет» (Самара, Россия), e-mail: katerina.ramenskaya@yandex.ru

Ран Наталья Алексеевна – кандидат педагогических наук, филиал ФГБОУ ВО «СамГТУ» (Новокуйбышевск, Самарская обл., Россия), e-mail: natalirahn@mail.ru

Родштейн Мария Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры «Педагогика и психология» ФГБОУ ВО МО «Самарский государственный социально-педагогический университет» (Самара, Россия), e-mail: rodshtein@inbox.ru

Романовская Мария Александровна – соискатель лаборатории социальной и экономической психологии ФГБУН «Институт психологии РАН» (Москва, Россия), e-mail: m.a.romanovskaya@yandex.ru

Рубцова Надежда Евгеньевна – доктор психологических наук, главный специалист Управления координации научных исследований РАО, профессор кафедры общей психологии и психологии труда АНО ВО «Российский новый университет», ФГБУ «Российская академия образования» (Москва, Россия), e-mail: hope432810@yandex.ru

Рудыхина Ольга Валерьевна – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры «Психология человека» Института психологии ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: olga.rudykhina@yandex.ru

Рулина Татьяна Константиновна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет» (Самара, Россия), e-mail: tatrul@yandex.com

Рунец Оксана Владимировна – старший лаборант лаборатории психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии ФГБУН «Институт психологии РАН» (Москва, Россия), e-mail: orunez@gmail.com

Рябикова Елена Николаевна – ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» (Самара, Россия), e-mail: eryabinova@mail.ru

Рябов Владимир Борисович – кандидат технических наук, старший научный сотрудник ФГБУН «Институт психологии РАН» (Москва, Россия), e-mail: v.ryabov@aog.ru

Сазонова Светлана Дмитриевна – кандидат психологических наук, доцент, кафедра общей и практической психологии ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (Москва, Россия), e-mail: Saz-svetlana@yandex.ru

Самыкина Наталья Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева» (Самара, Россия), e-mail: samykina@inbox.ru

Санникова Ольга Владимировна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Института истории и социологии ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» (Ижевск, Россия), e-mail: alexbor@udm.ru

Сапогова Елена Евгеньевна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии развития личности факультета педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (Москва, Россия), e-mail: kpr@inbox.ru

Сарбитова Юлия Валерьевна – магистрант ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» (Самара, Россия), e-mail: juliasarbitova@gmail.com

Сатонина Неля Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры «Экономика и управление организацией» ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» (Самара, Россия)

Сизова Нина Александровна – кандидат технических наук, доцент кафедры «Автоматизация технологических процессов и производств» ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» (Самара, Россия), e-mail: nina.sizova@list.ru

Скотникова Ирина Григорьевна – доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт психологии РАН» (Москва, Россия), e-mail: iris236@yandex.ru

Смирнова Юлия Сергеевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии факультета философии и социальных наук «Белорусский государственный университет» (Минск, Республика Беларусь), e-mail: yulia-sm@mail.ru

Соколова Ирина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры издательского дела и книговедения ФГБОУ ВО «Московский политехнический университет» (Москва, Россия), e-mail: irso@yandex.ru

Соколова Ирина Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Педагогика, psychology и специальные дисциплины» ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный медицинский университет» (Ставрополь, Россия)

Соловьева Елена Анатольевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры «Управление организацией» ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет» (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: elena_solovyeva@mail.ru

Сусарев Сергей Васильевич – кандидат технических наук, доцент кафедры «Автоматизация технологических процессов и производств» ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» (Самара, Россия), e-mail: susarev_sergey@mail.ru

Сухарев Александр Владимирович – доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии ФГБУН «Институт психологии РАН» (Москва, Россия), e-mail: zavor753@mail.ru

Тарасова Екатерина Владимировна – соискатель лаборатории психологии ГБУЗ Нижегородской области «Городская клиническая больница № 39 Канавинского района г. Нижнего Новгорода» (Нижний Новгород, Россия), e-mail: psycholog.tarasova@yandex.ru

Татарко Кристина Игоревна – магистр психологических наук, аспирант кафедры «Психология» факультета философии и социальных наук «Белорусский государственный университет» (Минск, Республика Беларусь), e-mail: tatarko78@mail.ru

Тимофеев Дмитрий Иннокентьевич – аспирант лаборатории социальной и экономической психологии «Институт психологии РАН», заместитель начальника Управления анализа и специальных проектов АО «СУЭК» (Москва, Россия), e-mail: timdim75@gmail.com

Тихонова Элеонора Викторовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии педагогического образования Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Арзамас, Нижний Новгород, Россия), e-mail: mit1972@mail.ru

Токарская Людмила Валерьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии образования ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия), e-mail: liydmil@mail.ru

Улендеева Наталия Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Управление и информационно-техническое обеспечение деятельности УИС» ФКОУ «Самарский юридический институт» (Самара, Россия), e-mail: nulendeeva@mail.ru

Уманская Елена Геннадьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психология развития личности» ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (Москва, Россия), e-mail: elena.umanskaya@mail.ru

Усова Виктория Валерьевна – студент ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева» (Самарский университет) (Самара, Россия), e-mail: vika.the.photographer@gmail.com

Филатова Лилия Эльдаровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры практической психологии ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет» (Воронеж, Россия), e-mail: filatova_liliya@list.ru

Фофанова Галина Александровна – старший преподаватель кафедры психологии факультета философии и социальных наук «Белорусский государственный университет» (Минск, Республика Беларусь), e-mail: gfofanova@gmail.com

Харитонов Михаил Васильевич – кандидат психологических наук, доцент кафедры 62 гуманитарного факультета «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения» (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: mvkhv@mail.ru

Харькова Наталия Олеговна – студент ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» (Москва, Россия), e-mail: 4udo96@mail.ru

Цурикова Оксана Игоревна – заместитель начальника отдела ИФНС России по Октябрьскому р-ну г. Самара (Самара, Россия), e-mail: OXY163@gmail.com

Чеканушкина Елена Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Психология и педагогика» ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» (Самара, Россия), e-mail: elenacheka@mail.ru

Чердынцева Евгения Валерьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии детства ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет» (*Омск, Россия*), e-mail: CherdyncevaEV@rambler.ru

Шендишин Валентин Михайлович – ассоциированный член ФГБУН «Институт психологии РАН» (*Москва, Россия*), e-mail: valshend@yandex.ru

Шостак Людмила Александровна – аспирант кафедры «Психология» факультета философии и социальных наук «Белорусский государственный университет» (*Минск, Республика Беларусь*), e-mail: mila_shostak@mail.ru

Юркова Елизавета Владимировна – студент психолого-педагогического факультета ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет» (*Воронеж, Россия*), e-mail: elizavetayurkova@mail.ru

Якиманская Ирина Сергеевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической психологии и психотерапии ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный медицинский университет» (*Оренбург, Россия*), e-mail: yakimanskay@yandex.ru

Якубенко Оксана Витальевна – кандидат медицинских наук, доцент кафедры педагогики и психологии детства ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет» (*Омск, Россия*), e-mail: jakubenko_ov@mail.ru

Ярушкин Николай Николаевич – доктор психологических наук, профессор кафедры «Общая и социальная психология» ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет» (*Самара, Россия*), Николай Ярушкин e-mail: nyarushkin@mail.ru

Научное издание

Человек в условиях неопределенности

В авторской редакции

Подписано в печать 15.05.18

Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная

Усл. п. л. 14,41. Уч.-изд. л. 14,38

Тираж 500 экз. Рег. № 74/18

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Самарский государственный технический университет»
443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244. Главный корпус

Отпечатано в типографии
Самарского государственного технического университета
443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244. Корпус № 8